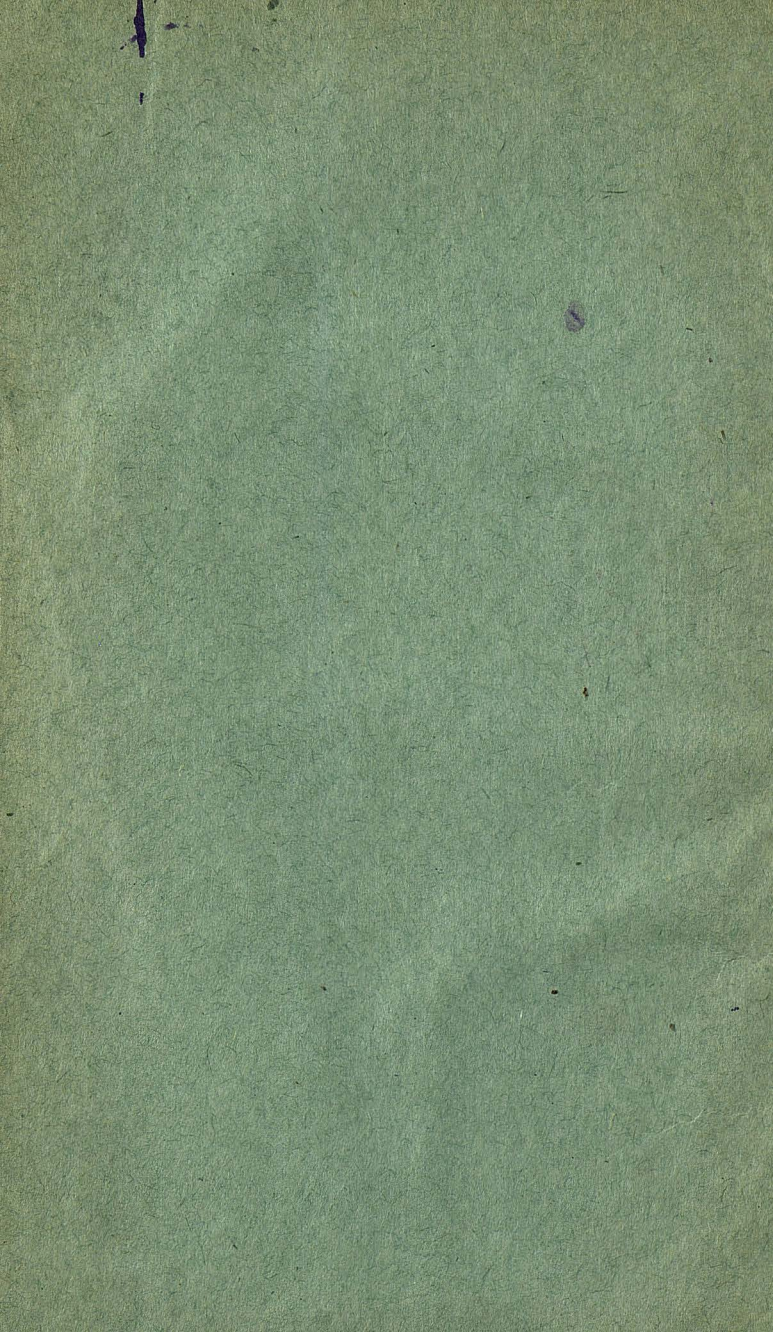

U $\frac{100}{700}$

ЗАДУНАЙСКІЕ И АДРИАТИЧЕСКІЕ СЛАВЯНЕ.

ОЧЕРКИ СТАТИСТИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
И ИСТОРИЧЕСКІЕ.

ВИВЕНТІЯ МАКУШЕВА.

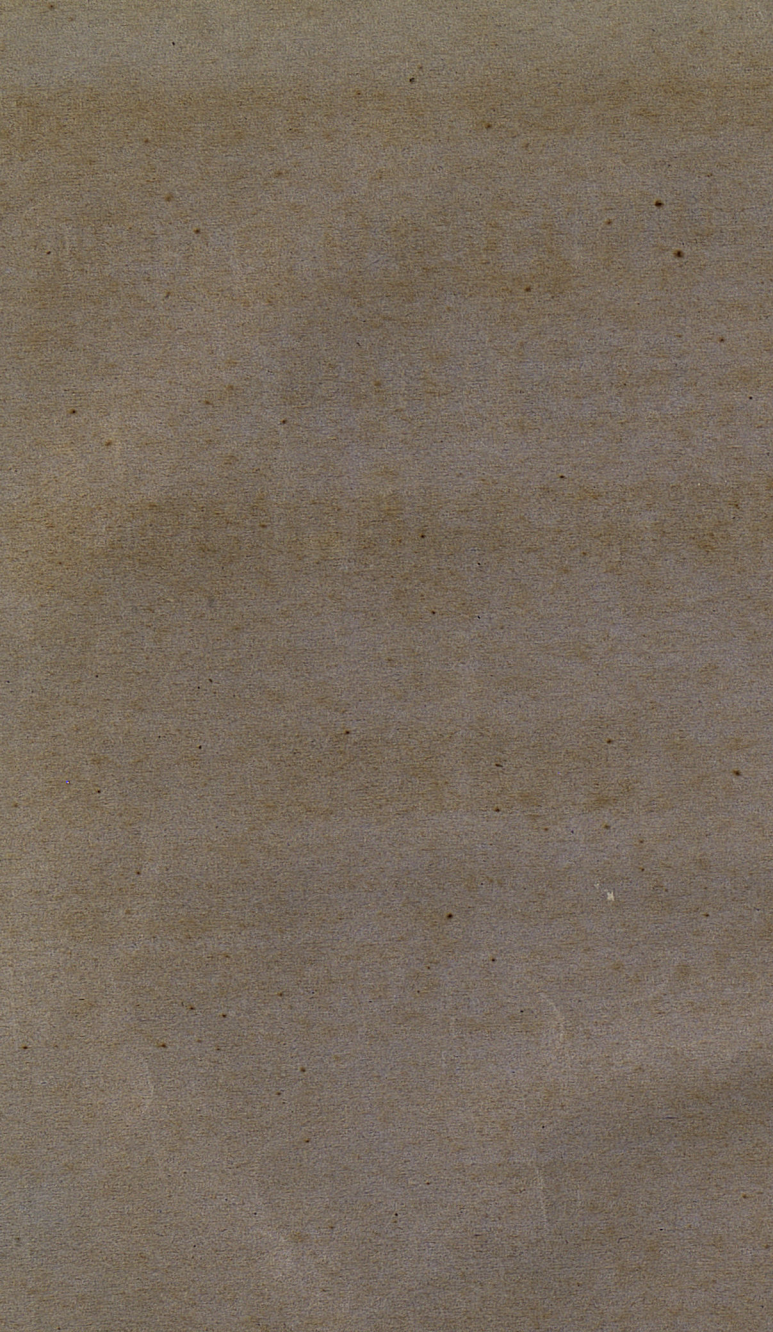
I. ЗАДУНАЙСКІЕ СЛАВЯНЕ.	V. ПРОБУЖДЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЧЕРНО-
ГОРИИ.
II. ВОСПОМИНАНІЕ О ЛУКѢ ВУ-
КАЛОВИЧѢ И ГЕРЦЕГОВИН-
СКОМЪ ВОЗСТАНИИ.	VI. ДАЛМАТИНЦЫ.
III. ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ.	VII. ОЧЕРКИ ДУБРОВНИКА.
IV. ВОЗВРѢНІЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ
НА РОССІЮ.	VIII. О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЗРОЖ-
ДЕНІИ ДУБРОВНИКА.

Изданіе редакціи «Литературной Библіотеки.»

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. А. Бокрама, по Большой Московской, № 4.

1867.

ЗАДУНАЙСКІЕ И АДРИАТИЧЕСКІЕ
СЛАВЯНЕ.

175

ЗВУЧАЮЩЕЕ И ВДЫХАЮЩЕЕ

СЛАВЯНЕ

175/176

175

ЗАДУНАЙСКІЕ И АДРИАТИЧЕСКІЕ

100 700 СЛАВЯНЕ.

ОЧЕРКИ СТАТИСТИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
И ИСТОРИЧЕСКІЕ.

ВИКЕНТІЯ МАКУШЕВА.

I. ЗАДУНАЙСКІЕ СЛАВЯНЕ.	V. ПРОБУЖДЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЧЕРНОГОРИИ.
II. ВОСПОМИНАНІЕ О ЛУКЪ ВУКАЛОВИЧЪ И ГЕРЦЕГОВИНСКОМЪ ВОЗСТАНІИ.	VI. ДАЛМАТИНЦЫ.
III. ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ.	VII. ОЧЕРКИ ДУБРОВНИКА.
IV. ВОЗВРѢНІЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ НА РОССІЮ.	VIII. О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЗРОЖДЕНІИ ДУБРОВНИКА.

Изданіе редакціи «Литературной Библиотеки.»

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. А. Бокрама, по большой Московской, № 4.

1867.

ЗАДАЧАМЪ И АРХИТЕКТУРНЫМЪ

СЛАВЯНЕ

ОПЕКИ СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ

ВНЕШНЯЯ МАШИНА

I. ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ	I. ЗАДАЧАМЪ СЛАВЯНЕ
II. ЭТНОГРАФИИ ВЪ ПЕРИОДЪ	II. ВОСПОМИНАНИЕ О СЛАВЯНАХЪ
III. ДАМАТИИ	III. КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕРМИНЫ
IV. ОПЕКИ ДАРОВИНА	IV. ГРОМЪ РАССКАЗЪ
V. ЭТНОГРАФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	V. ПОСЛѢДСТВЕННЫЕ ПОСЛѢДСТВИЯ
VI. ЭТНОГРАФИИ	VI. ПОСЛѢДСТВЕННЫЕ ПОСЛѢДСТВИЯ

19180-44

2011109803

Томскъ Ю. А. Борзова, по общей исторической, № 1.

Никто не станет отрицать важности для насъ русскихъ изученія славянскаго міра, родственнаго намъ по языку, правамъ и обычаямъ. Объ этомъ предметѣ разсуждали у насъ довольно много, и еще недавно доказывали, что *изученіе славянства* находится въ тѣсной связи съ *русскимъ народнымъ самосознаніемъ* или, что тоже, съ *успѣхами русской образованности, гражданственности и внѣшней политики*. Тѣмъ не менѣе знакомство, болѣе или менѣе основательное, съ славянскимъ міромъ составляетъ доселѣ привиллегію незначительнаго числа специалистовъ, общество же наше имѣетъ понынѣ весьма неопредѣленное понятіе о братьяхъ нашихъ славянахъ, и въ этомъ нельзя его винить. У насъ нѣтъ ни одного цѣльнаго труда ни по статистикѣ, ни по этнографіи, ни по исторіи славянъ, и только года два тому назадъ изданъ г. Пыпинымъ обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. Тотъ, кто не знакомъ съ иностранными языками и славянскими нарѣчіями, принужденъ ограничиваться разбросанными по журналамъ отрывочными замѣтками о славянскихъ краяхъ нашихъ немногочисленныхъ путешественниковъ и ученыхъ, изъ коихъ оказалъ наиболѣе услугъ нашему обществу А. Θ. Гильфердингъ своими разнообразными трудами по статистикѣ, этнографіи и исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Ученыя изслѣдованія гг. Срезневскаго, Бодянскаго, А. Майкова и нѣк. др., по понятной причинѣ, имѣютъ весьма ограниченный кругъ читателей.

При недостаткѣ оригинальныхъ сочиненій о славянахъ становится еще ощутительнѣе почти полное отсутствіе переводныхъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ О. М. Бодянский перевелъ *Славянскія древности* и *Славянское народописание* (послѣднее уже устарѣло) знаменитаго Шафарика; въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ былъ переведенъ трудъ Мацѣевскаго по исторіи славянскихъ законодательствъ; переводъ бро-

шюры *Коллара о литературной взаимности* былъ напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ; *Исторія сербскаго возстанія*, *Ранке*, переведена г. Бартевымъ въ Москвѣ въ 185 г.; наконецъ переводъ краткой *этнографіи Туриціи*, *Лежана*, былъ изданъ въ Этнографическомъ сборникѣ, а сочиненія *Дентона о Сербіи* въ Русскомъ Вѣстникѣ: вотъ всѣ, сколько мнѣ извѣстно, сочиненія о славянахъ, переведенныя на русскій языкъ. При постоянно возрастающей потребности изученія славянскаго міра, нельзя не удивляться, что у насъ почти не переводится не только съ славянскихъ нарѣчій, но даже съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ — сочиненій по статистикѣ, этнографіи и исторіи славянъ.

При такомъ состояніи нашей литературы славяновѣдѣнія, полагаю, будетъ не бесполезенъ издаваемый нынѣ сборникъ статей моихъ о задунайскихъ и адриатическихъ славянахъ. Предназначаясь преимущественно для читателей, мало знакомыхъ съ родственными намъ племенами сербовъ и болгаръ, онъ, надѣюсь, будетъ не излишенъ и для специалистовъ, которые найдутъ въ немъ свѣдѣнія, почерпнутыя или изъ личныхъ моихъ наблюдений, или изъ рукописей и рѣдкихъ изданій.

О событіяхъ въ Далмаціи, Черногоріи и Герцеговинѣ съ начала 1862 года я говорю или по личнымъ наблюдениямъ, или на основаніи имѣющихся у меня документовъ, или же наконецъ по рассказамъ такихъ лицъ, которыя не могутъ быть заподозрѣны въ незнаніи или преднамѣренномъ искаженіи истины. Свѣдѣнія о предшествовавшихъ событіяхъ заимствованы мною изъ источника, которому я долженъ былъ довѣрять. Во избѣжаніе упрековъ въ недоброжелательствѣ, я считаю долгомъ своимъ заявить, что о сношеніяхъ *Никифора Дудича* съ Омеръ-Пашею, *предшествовавшихъ* его назначенію командантомъ Герцеговины, я говорю на основаніи этого послѣдняго источника, а потому и слагаю съ себя всякую отвѣтственность за взведенное на него обвиненіе. За достовѣрность сообщенныхъ мною свѣдѣній о проис-

шествіяхъ съ начала 1862 по ноябрь 1865 года включительно могу смѣло поручиться.

Нашлись люди, которые назвали напечатанную мною первоначально въ Русскомъ Вѣстникѣ за мартъ 1866 г. статью о Черногоріи *доносомъ*. Доносъ кому и на кого?! Извѣстно, что всякій мѣрять на свой аршинъ: высказать правду на языкѣ этихъ господъ значитъ написать доносъ. Я рѣшился сказать правду о Черногоріи потому, что у насъ вѣрятъ еще въ сильное наше вліяніе въ этомъ микроскопическомъ княжествѣ... Но кого мы обманываемъ, если не самихъ себя?—Мой отзывъ о черногорскомъ правительствѣ могутъ подтвердить тѣ немногіе русскіе путешественники, которые были въ Черногоріи съ 1862 по 1865 годъ, — періодъ времени, мною описанный. Тѣ самые люди, которые называютъ мою статью *доносомъ*, внутренне должны сознавать, что я ничего не преувеличилъ, но о многомъ умолчалъ.

Дошли до меня также слухи, что эта самая статья моя произвела *тяжелое впечатлѣніе въ Черногоріи* и что будто бы князь Николай ожидалъ отъ меня опроверженія собственныхъ моихъ словъ. Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ обращаться съ словомъ: для меня слово однозначительно съ дѣломъ, а потому я могъ только болѣе развить въ послѣдующихъ статьяхъ высказанное мною кратко въ первой. Высказаться вполнѣ я не могъ: для этого еще не настало время.

Большая часть статей Сборника была напечатана въ «Литературной Библіотекѣ». Статья о Далмаціи была помѣщена въ «Голосѣ» за 1864 годъ № 341, но я значительно дополнилъ и измѣнилъ ее. Статьи о литературной дѣятельности въ Черногоріи и Дубровникѣ нигдѣ еще не были напечатаны.

Статья о «задунайскихъ славянахъ» предназначается для читателей, мало знакомыхъ съ настоящимъ и прошлымъ сербовъ и болгаръ. Въ возможно краткомъ очеркѣ я старался собрать разсѣянные въ разныхъ сочиненіяхъ

свѣдѣнія статистическія, этнографическія и историческія о задунайскихъ славянахъ. Я указываю только на тѣ сочиненія, которыми я пользовался, не упоминая о тѣхъ, которыя были недоступны для меня. Въ этой статьѣ специалисты найдутъ новаго для себя только свѣдѣнія о католической пропагандѣ на Востокъ, заимствованныя мною изъ одной рукописи францисканской бібліотеки въ Дубровникѣ и о княженіи Николая I.

Статьи, бывшія уже прежде напечатанными, я вновь просмотрѣлъ, дополнилъ и измѣнилъ, насколько мнѣ казалось нужнымъ.

Я старался болѣе всего быть безпристрастнымъ: если гдѣ невольно я погрѣшилъ противъ этого правила, то пусть читатель вспомнить слова *Вильмена*: «L'entière impartialité, c'est l'oeuvre de l'historien racontant à loisir le passé, mais non la vertu du spectateur qui, fortement agité par ses impressions de joie, d'indignation, de crainte, raconte ce qu'il a vu, ce qu'il a souffert en le voyant».

В. М.

ЗАДУНАЙСКІЕ СЛАВЯНЕ *)

I.

Границы племенъ болгарскаго и сербскаго. *Данныя статистическія:* общая цифра для болгаръ и сербовъ; отношеніе народонаселенія къ территории; дѣленіе задунайскихъ славянъ по религіи и религіозная вражда; отношеніе болгаръ и сербовъ къ другимъ народамъ, населяющимъ Турцію; отношеніе задунайскихъ славянъ къ австрійскимъ и русскимъ. *Характеристика страны,* занимаемой сербами и болгарами. *Сельскія этнографическія:* жилища; села и города; пути сообщенія; *занятія:* земледѣліе, скотоводство; *бытъ семейный:* свадебные обряды, положеніе женщины, супружеская вѣрность, обычаи при рожденіи дѣтей, воспитаніе, родственныя отношенія, обычай побратимства; *бытъ общественный:* община и родовая вражда, отсутствіе сословій, служилые люди въ Сербскомъ княжествѣ и Черногоріи, тяжесть податей и налоговъ, рабское состояніе христіанъ въ Турціи; состояніе народнаго просвѣщенія въ Турціи, Сербіи и Черногоріи; суевѣрія; народныя праздники; музыка и пляска, народныя пѣсни; языкъ; характеръ болгарина и серба; одежда.

Въ настоящее время, когда восточный вопросъ такъ озабочиваетъ всю Европу, когда одни съ безпокойствомъ, другіе съ блестящими надеждами, а всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ весны, — намъ, русскимъ, слѣдуетъ поближе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Турціи и состояніемъ различныхъ народностей, ее населяющихъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ единоплеменнымъ намъ славянамъ.

*) *Пособія:* А) *Общія:* П. Шафарикъ, Slávansky narodopis (съ этнограф. картою), 3 изд. Прага, 1842; — *Лезанъ*, Этнографія Европейской Турціи (съ этнографическою картою Е. Т.), рус. пер. въ VI. вып. Этногр. Сборн. (1864 г.); — А. Буэ, La Turquie d'Europe, 4 vol. Paris. 1848; — его-же Recueil d'itinéraires de la Turquie d'Europe. 2 vol. Vienne, 1854; — Сурпrien Robert, Les Slaves de la Turquie. Paris,

Два большихъ юго-славянскихъ племени, *болгаре* и *сербы*, превышающіе числомъ 10 милліоновъ, занимаютъ большую часть Балканскаго полуострова, составляя почти $\frac{2}{3}$ населенія европейской Турціи и болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ. Границею обоихъ племень, весьма сходныхъ между собою по языку, нравамъ и обычаямъ, быту семейному и общественному и историческимъ преданіямъ, служатъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, горы, идущія по лѣвому берегу болгарской Моравы, и рѣка Тимокъ, впадающая⁺ повыше Виддина: на востокъ отъ этой границы живутъ болгаре, на западъ—сербы.

Область, занятая болгарамъ, заключается между Дунаемъ, Тимокомъ, горами, лежащими на З. отъ болгарской Моравы, Призреномъ, Охридою, Касторією, Ніавстою, Солунемъ (Салоники), Адрианоподемъ, Сизеболи, Чернымъ моремъ, Бургасомъ, Сливною и Расградомъ. Границы болгарскаго племени прежде были го-

1843.; — Ubcini, Lettres sur la Turquie. Paris, 1851—53, 2 vol.; — X. Neuschling, L'Empire de Turquie. Paris. 1860; — V. Reden, Türkei und Griechenland in ihrer Entwicklungsfähigkeit. Francf. a. M. 1854.; — Viquesnel, Voyage dans la Turquie d'Europe. Paris, 1856; — Hippolite Desprez, Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. 2 v. Paris, 1850; — В. С. Караджича Србски рјечник. У Бечу, 1818,—и Ригера, Научный Словникъ: Игослованѣ и Булгари. — Б) Частниѣ: Гильбердина, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859; — Фра Юкича, Zemljopis i roviestnica Bosne. Zagreb, 1851; — Гагриловича, Рѣчникъ географійско-статистичный Србіе. Бѣлградъ, 1846; — В. Јамацкаго, Сербія и южно-славянскія провинці Австріи. Спб. 1864; — Гана, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1861 (съ картами); — Медаковича, Живот и обычаи Црногораца. У Новом Саду (Neusatz), 1851; — Montenegro und Montenegriner. Stutg. 1837; — Е. Ковалевскаго, Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб. 1841. — А. Попова, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847; — Kohl, Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. 2 Bd. Dresd. 1851; — Wilkinson, Dalmatia and Montenegro. Lond. 1848 (съ портретомъ владыки Петра II. Нѣм. обработка В. А. Линдау: Dalmatien und Montenegro, 2 Bd. Leipzig, 1849); — В. Макушева, Поѣздка въ Черногорію осенью 1865 г. Русскій Вѣстн. 1866 г. за мартъ мѣсяць; — С. Палаузова, О болгарскомъ церковномъ движеніи, въ Сѣв. Пчелѣ 1860г. №№ 120, 122, 132, 142, 1861 № 22 и 32, — и нѣк. др.

раздо шире: оно занимало на З. страну между Мора-вою и Тимокомъ и между Ибромъ и болгарскою Мора-вою, въ послѣдствіи (съ конца XII или начала XIII вѣка) осербившуюся, и доходило до южной Албаніи (Вагенеты); на Ю. оно имѣло поселенія въ Фессаліи (Велигостиче) и Мореѣ (Езерце, Маняки и Мильчаны) и на С. въ Валахіи (Сѣверяне, Мильчаны): мало-по-малу слились болгаре въ этихъ мѣстахъ съ господствующею народностью; впрочемъ кое-гдѣ сохранили они и понынѣ свою народность внѣ предѣловъ, нами обозначенныхъ: въ Валахіи ихъ немного и они быстро обрумываются; во Фракіи они живутъ въ колоніи Булгарь-кой или Русь-кой (2.000 душъ) и особенно въ Инджиджисѣ; въ окрестностяхъ Каварны и въ Добруджѣ, вблизи Чернаго моря и озера Разина, находимъ болгарскихъ рыболововъ; по парижскому договору 1856 г. городъ Болградъ (8.000 ж.) и большая часть болгарскихъ колоній въ Буджакѣ или южной Бессарабіи (съ 1829 г.) отошли къ Молдавіи; нѣсколько тысячъ болгаръ поселены издавна въ Малой Азіи въ окрестностяхъ Мраморнаго моря.

Границы сербскаго племени, заселяющаго сплошною массою Сербію, Боснію, турецкую Кроацію, Герцеговину и Черногорію, доходятъ на югѣ до рѣки Бояны въ Албаніи, откуда идутъ по Зетской долинѣ къ Гусинью, Дьякову и Призрену, гдѣ начинается черта, отдѣляющая сербовъ отъ болгаръ. Въ IX стол. сербскія поселенія простирались на югѣ до Дураццо: остатки этихъ поселеній удержались на западной сторонѣ острова Охриды и въ котловинѣ Пресбы, между скипетарами (албанцами), пододвигавшимися постоянно на С. по мѣрѣ удаленія сербовъ въ Австрію (съ начала XV вѣка, но особенно въ 1690 и 1740 годахъ, когда десятки тысячъ выселились въ Австрію подъ предводительствомъ патриарховъ печскихъ Арсеніевъ III и IV). „Сербскій элементъ“, по словамъ Лежана (стр. 30), „простирается со стороны Албаніи до рода или общины Зуби близъ Дрина; далѣе же встрѣчаются лишь селенія, отдѣльные

или группами, между албанцами или болгарами. Монастыри, основанные сербскими царями на Аѳонской горѣ, представляютъ крайнюю точку поселенія этого племени на юговостокѣ, потому что въ Македоніи сербы исчезли. Въ Валахіи есть нѣсколько сербскихъ селеній, изъ коихъ нѣкоторыя основаны Милошемъ Обреновичемъ, купившимъ тамъ земли и поселившимъ семейства изъ своего княжества“. Поселеніе турокъ между сербами и принятіе ислама боснійскимъ и герцеговинскимъ дворянствомъ не нанесло никакого ущерба сербской народности; только малочисленные поселенія югославянскія въ Апуліи (въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка) поитальянились.

Уже давно было замѣчено, что статистика Турціи находится еще въ младенческомъ состояніи. Сама Порта несмотря на то, что народная перепись была введена еще при Сулейманѣ I въ половинѣ XVI столѣтія, не знаетъ доселѣ съ точностію числа подданныхъ султана: какъ чиновники, такъ и духовенство изъ своекорыстныхъ видовъ показываютъ число христіанъ гораздо ниже дѣйствительнаго. Но и такими недостаточными официальными показаніями не могутъ по большей части пользоваться путешественники для опредѣленія числа жителей въ турецкой имперіи: они прибѣгаютъ къ различнымъ соображеніямъ, напр. по количеству подати или домовъ; но и подобныя вычисленія далеко не вѣрны, потому что съ одной стороны отъ платежа податей изъяты женщины, дѣти, старики, больные, бѣдные и духовенство, — съ другой часто одинъ заборъ огораживаетъ нѣсколько домовъ, занятыхъ нѣсколькими семействами.

При такомъ состояніи статистики Турціи, немислимо точное опредѣленіе цифры задунайскихъ славянъ. Цифра эта различными статистиками опредѣляется различно: такъ Убичини считаетъ *болмаръ* только 3 милліона, Шафарикъ 3.500.000, К. Роберъ, Ами Буэ и Реденъ 4.500.000, а сами болгаре въ прошеніи, поданномъ ими султану въ 1856 году, насчитываютъ до семи съ поло-

виною милліоновъ; столь же разнообразны показанія и о *сербскомъ племени*: по Лежану сербовъ въ Турціи 1.660.000, по Убичини 1.900.000, по Роберу 2.500.000, по Шафарыку 2.600.000, по Чернигу 2.633.000 и по Редену 2.950.000. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, число болгаръ въ Турціи болѣе извѣстно, чѣмъ число сербовъ: Боснія, Герцеговина, Старая Сербія и Албанія, и даже Черногорія, доселѣ мало изслѣдованы, а потому слѣдуетъ предполагать, что цифра для сербовъ гораздо ниже дѣйствительной. Кромѣ болгаръ и сербовъ, Редень насчитываетъ до 250.000 другихъ славянъ; изъ этого числа 70 семействъ *поляковъ*, поселенныхъ послѣ крымской кампаніи Решидъ-Пашею въ его помѣстьяхъ при устьи Саламвріи, а остальные—*русскіе* (малоруссы)—въ Молдавіи, Добруджѣ и въ Малой Азіи: въ Молдавіи въ селеніяхъ и городахъ (особ. въ Яссахъ) живутъ раскольники изъ секты скопцевъ, занимающіеся торговлею; въ Добруджѣ и въ разныхъ мѣстахъ М. Азіи (близь Самсуна, въ Казакли на озерѣ Маньясь, въ Болатскомъ округѣ) поселены казаки-старовѣры, бѣжавшіе въ Турцію отъ преслѣдованій въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. Такимъ образомъ число всѣхъ славянъ въ Турціи возрастетъ до 11 слишкомъ мил., изъ коихъ почти $\frac{2}{3}$ принадлежитъ къ болгарскому племени.

Эти 11 милліоновъ славянъ занимаютъ пространство приблизительно въ 4.800 кв. геогр. миль (около 2.500 кв. г. м.—болгаре и 2.300 кв. г. м.—сербы), что составляетъ половину всей европейской Турціи; по этому приблизительному расчету приходится на одну кв. геогр. милю 208 человекъ болгаръ и 174 чел. сербовъ. Изъ семи слишкомъ милліоновъ болгаръ, половина живетъ въ собственной Болгаріи, а остальные разбросаны по всему пространству, заключающемуся въ вышеобозначенныхъ границахъ, и внѣ ихъ,—то сплошною массою, то смѣшанно съ турками, румынами, греками и албанцами. Три милліона сербовъ распредѣляется такимъ образомъ: въ Серб-

скомъ княжествѣ около милліона, въ Черногоріи 125.000, въ Босніи приблизительно 1 милліонъ, въ Герцеговинѣ до 300.000, а остальные въ Старой Сербіи и Албаніи.

Изъ одинадцати милліоновъ задунайскихъ славянъ, насчитывается болѣе 800.000 магометанъ и 233.000 католиковъ; всѣ остальные принадлежатъ къ православной церкви.

При завоеваніи турками Балканскаго полуострова, часть болгаръ и сербовъ приняла исламъ изъ корыстныхъ видовъ: равнодушные къ исповѣдуемой ими религіи, помаки сохранили свою народность, тогда какъ ихъ земляки въ восточной Болгаріи вмѣстѣ съ религіею приняли и языкъ побѣдителей и совершенно потурчились, такъ что невозможно отличить омусульманившихся болгаръ отъ турокъ; боснійское дворянство, принявшее исламъ (300.000) для сохраненія своихъ помѣстьевъ, нисколько не поддавалось турецкому вліянію и удержало до настоящаго времени языкъ и обычаи своихъ предковъ; оно раздражено, и уже не разъ возставало съ оружіемъ въ рукахъ противъ турецкаго правительства, положившаго себѣ за правило мало-по-малу обуздывать эту буйную мусульманскую аристократію постепеннымъ лишеніемъ ея прежнихъ привилегій; вслѣдствіе такихъ отношеній боснійскихъ мусульманъ къ Портѣ, христіане въ случаѣ возстанія могутъ рассчитывать на поддержку съ ихъ стороны. Кажется и остальные омусульманившіеся сербы (въ Герцеговинѣ 60.000 и въ Старой Сербіи и Албаніи до 150.000) не отстанутъ отъ своихъ боснійскихъ единовѣрцевъ въ ненависти къ турецкому правительству.

Въ иныхъ отношеніяхъ стоятъ католики къ православнымъ. „Религія безъ пропаганды немыслима“, говаривалъ мнѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ и образованнѣйшихъ дубровничанъ, графъ Николай Пуцичъ (Rozza): этого правила придерживались искони католики. Если они такъ ревностно, въ продолженіе столькихъ вѣковъ, проповѣдывали католицизмъ у насъ на Руси, то неуди-

вительно, что они издавна подкапывались и доселѣ подкапываются подь православіе у славянъ южныхъ.

Современникъ славянскихъ апостоловъ, болгарскій царь Борисъ, недовольный греческимъ духовенствомъ, просилъ папу Николая назначить въ Болгарію особаго патріарха. Съ тѣхъ поръ папы не переставали думать о совращеніи въ католицизмъ православныхъ болгаръ. При царѣ Иоаннѣ I Асѣнѣ, въ первыхъ годахъ XIII вѣка, состоялась временная унія болгарской церкви съ римскою; съ перерывами она продолжалась и послѣ него: остатки болгарскихъ уніатовъ (павликіяне 50.000) живутъ въ окрестностяхъ Филиппополя и Свиштова. Подъ покровительствомъ католическихъ державъ, преимущественно Франціи, католическая пропаганда дѣйствуетъ съ успѣхомъ и въ наше время. Орденъ лазаристовъ и сестры милосердія, пользуясь нерадѣніемъ константинопольскаго патріархата о народномъ просвѣщеніи, открыли свои школы въ главныхъ городахъ имперіи (Константинополь, Солунъ, Смирнѣ, Дамаскъ, Бейрутѣ): въ 1849 году, по словамъ Убичини *) въ школахъ лазаристовъ въ Перѣ и Галатѣ обучалось безвозмездно 600 мальчиковъ; въ ихъ коллегіи въ Бебекѣ, близъ Константинополя, находилось 80 интерновъ, обучавшихся, кромѣ наукъ, языкамъ французскому, латинскому, греческому, итальянскому и турецкому; въ домахъ сестеръ милосердія въ Перѣ, Галатѣ и Бебекѣ училось въ томъ же году 700 дѣвушекъ, а въ ихъ институтѣ было 160 воспитанницъ. Выборъ хорошихъ учителей доставилъ извѣстность въ краѣ этимъ католическимъ школамъ **). Для болѣе успѣшнаго дѣйствія, лазаристы завели типографію въ Галатѣ, въ которой печатаются сочиненія, направленные противъ православія.

*) Lettres sur la Turquie, t. II, pg. 207 — 209.

**) „Depuis plusieurs années, говоритъ Гешлингъ, les maisons d'éducation fondées dans les principales villes de la Turquie par les missionnaires lazarisistes avec l'assistance des Filles de Saint-Vincent de Paul et

Особыя обстоятельства благопріятствовали въ послѣднее время уніи въ Болгаріи: болгаре, признанные послѣднимъ хатти-гумаюномъ за особый народъ, требовали въ маѣ 1860 года у константинопольскаго патріарха назначенія народнаго духовенства; онъ соглашался только подъ условіемъ, если болгаре уплатятъ семь милліоновъ піастровъ народнаго будто бы долга; они не пристали на подобную сдѣлку и прервали сношенія съ патріархомъ. Раздраженное такимъ отпаденіемъ болгаръ, греческое духовенство стало преслѣдовать ихъ священниковъ. 12 декабря 1860 года одинъ болгарскій священникъ искалъ спасенія отъ преслѣдованій фанаріотовъ въ монастырѣ лазаристовъ, которые не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ для совращенія его въ католицизмъ. Такъ началась новая болгарская унія, о которой въ свое время было писано много въ газетахъ и журналахъ. Драгомиръ Цанковъ сталъ проповѣдывать унію въ своей газетѣ „Болгарія“. Православный органъ „Цареградскій Вѣстникъ“ просуществовалъ недолго по недостатку матеріальныхъ средствъ. Обольщенные успѣхомъ католиковъ, стали появляться въ Болгаріи и протестантскіе проповѣдники.

Начало католической пропаганды въ сербскихъ областяхъ относится къ столь же отдаленнымъ временамъ, какъ и въ Болгаріи. Дубровничане, съ IX вѣка вступившіе въ торговыя сношенія съ сербами, были ревностнѣйшими приверженцами папы и его послушнымъ орудіемъ. По ихъ совѣту сербскій царь Михаилъ отпра-

+ великій журналъ

des Frères de la doctrine chrétienne contribuent puissamment à l'abandon des écoles grecques. On trouve ces maisons établies à Constantinople, dans les faubourgs de Pera et de Galata, à Salonique, à Smyrne, à Damas, à Beyrout, à Alep etc; elles augmentent d'année en année, et des milliers d'enfants de toutes les religions reçoivent gratuitement l'instruction élémentaire. Les Pères lazaristes ont également fondé un collège dans le village de Bebek, sur la rive européenne du Bosphore, à deux lieues de Constantinople. . . . Trois établissements analogues existent en Turquie: le collège de la Propagande à Smyrne, l'école d'Angora et le collège d'Antoura, en Syrie“ (L'Empire de Turquie, p. 289).

вилъ въ 1076 году посольство къ папѣ съ просьбою пожаловать ему королевскій титулъ, обѣщая платить ему ежегодно такую же сумму денегъ, какую онъ платилъ константинопольскому патриарху. Въ 1141 г. дубровничане поставили въ Босніи епископа, подчинивъ его своему архіепископу. Съ конца XII вѣка католическая пропаганда въ Босніи усиливается вслѣдствіе появленія ереси богумиловъ. Въ 1223 и 1244 г. папы проповѣдуютъ крестовый походъ противъ боснійскихъ еретиковъ, избравшихъ своего папу. Въ 1291 г. папа Николай IV учреждаетъ въ Босніи инквизицію, а въ 1371 г. Григорій XI увеличиваетъ въ ней число францисканскихъ монастырей. По приказанію папы въ 1446 году, Венгрія, Венеція и Дубровникъ оказываютъ матеріальную поддержку боснійскимъ фратрамъ. Въ 1452 году герцогъ Стефанъ вторгается во владѣнія дубровничанъ за то, что они выслали въ его герцогство (Герцеговину) доминиканцевъ съ католическою проповѣдью *).

Католическая пропаганда на Балканскомъ полуостровѣ своимъ успѣхомъ весьма много обязана дубровничанамъ, не щадившимъ издержекъ на воспитаніе въ своихъ школахъ сербовъ и болгаръ и на сооруженіе при своихъ торговыхъ факторіяхъ католическихъ церквей и монастырей **). Но особенно большія услуги оказали дубровничане католичеству со времени господства на Балканскомъ полуостровѣ турокъ. Выговоривъ себѣ отъ султана Орхана еще въ XIV вѣкѣ, когда турки не переходили еще въ Европу, обширныя привиллегіи, они сумѣли не только сохранить, но и увеличить ихъ по завоеваніи мусульманами греческихъ и славянскихъ областей: они распространяли эти привиллегіи и на туземцевъ-католиковъ, которыхъ приняли подъ свое покров-

*) Bomman, Storia civile ed ecclesiastica della Dalmazia, Croazia e Bosnia. 2 vol. Venezia 1775. II, 112—113, 152, 176—181, 200, 209, 232, 260, 284, 350, 354.

**) Мат. для ист. снош. Россіи съ Дубровникомъ, стр. 12—14, 72—74.

вительство, а потому неудивительно, что они находили много отщепенцевъ между православными славянами, искавшими у нихъ защиты отъ притѣсненій турокъ или бѣжавшими отъ корыстолюбія греческаго духовенства. Любопытныя свѣдѣнія о состояніи католицизма въ Венгріи и смежныхъ съ нею турецкихъ областяхъ, въ XVI вѣкѣ, найдены мною въ донесеніи далматскаго іезуита Вареоломея Касича папѣ (рукопись францисканской библиотеки въ Дубровникѣ № 219, стр. 69 и слѣд.). Касичъ, посланный вмѣстѣ съ тремя другими іезуитами въ Венгрію и Турцію, „для утѣшенія и посѣщенія тамошнихъ католиковъ (*per consolare et visitare li christiani catolici di Buda, Cinque Chiese, Belgradi et altri soggetti al gran Turco in Europa*)“, доноситъ папѣ:

1) Въ королевствѣ Славонскомъ, между Савою и Дравою, на тридцать тысячъ католическихъ домовъ имѣется только 8—10 священниковъ, а потому большая часть католиковъ не ходитъ въ церковь и для совершенія бракосочетаній и другихъ таинствъ обращается къ православнымъ священникамъ.

2) Въ округахъ Буды и Пяти Церквей (*nel Regno di Buda e intorno a Cinque Chiese*), между Дунаемъ и Дравою, нѣтъ ни одного католическаго священника, несмотря на то, что здѣсь насчитывается до пятидесяти тысячъ католическихъ домовъ: многіе изъ католиковъ по 40—50 лѣтъ не были на миссѣ и не исповѣдывались.

3) Въ Темешварскомъ округѣ (*di là de li fiumi Danubio, Tibisco et Temisso*) живетъ безчисленное множество католиковъ, у которыхъ нѣтъ ни одного священника.

Вслѣдствіе такого бѣдственнаго состоянія католиковъ въ этихъ странахъ, Касичъ предлагаетъ учредить архіепископскую кафедру въ Бѣлградѣ для всей Турціи и епископскія въ Пожегѣ, Темешварѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, послать до 12 священниковъ, учредить школы въ Бѣлградѣ, Нишѣ и Пяти Церквахъ и семинарію въ Дубровникѣ и обратить вниманіе на корыстолюбіе боснійскихъ фратровъ, вслѣдствіе котораго много

католиковъ совратилось въ кальвинизмъ, православіе и аріанизмъ, а нѣкоторые даже потурчились.

Въ новѣйшее время Австрія, по примѣру Дубровника, занимается католическою пропагандою въ Герцеговинѣ и Босніи, куда ежегодно отправляетъ цѣлые легіоны фратровъ съ церковными книгами и вещами. Эти фратры, обыкновенно хорошо владѣющіе мѣстнымъ языкомъ, распространяютъ вмѣстѣ съ католическими идеями идеи политическія, внушаютъ любовь къ австрійскому императору и ненависть къ единоплеменнымъ схизматикамъ. При монастыряхъ и церквахъ заведены школы, изъ которыхъ лучшіе ученики отправляются въ Австрію и Римъ для довершенія своего ученія: такимъ образомъ они готовятъ будущихъ дѣятелей. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ А. Э. Гильфердингомъ, въ Босніи въ 1855 году было 122.865 душъ об. п. католиковъ: у нихъ 8 монастырей, 4 церкви, 13 училищъ, 54 прихода, 92 священника и 283 духовныхъ лица вообще *). О состояніи католицизма въ другихъ турецкихъ областяхъ мы не имѣемъ столь обстоятельныхъ свѣдѣній, и цифры (50.000 для Герцеговины и 60.000 для Болгаріи), которыми обыкновенно обозначаютъ отношеніе католиковъ къ православнымъ, мнѣ кажутся слишкомъ малы.

Масса задунайскихъ славянъ, какъ мы уже сказали, принадлежитъ къ православной церкви и подчинена константинопольскому патріархату. Фанаріотское духовенство, думающее только о томъ, какъ бы нажить побольше денегъ, вовсе не печется о народномъ образованіи и объ укрѣпленіи народа въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, а напротивъ съ умысломъ поддерживаетъ невѣжество и суевѣрія. Злоупотребленія греческаго духовенства побудили болгарскаго царя Бориса, какъ мы

*) Боснія въ началѣ 1858 года, въ сборникѣ: Герцеговина, Боснія и Старая Сербія. Спб. 1859, стр. 408.

уже видѣли, обратиться къ покровительству папы. Противъ этихъ злоупотребленій возставалъ знаменитый премникъ Бориса, Симеонъ. При Петрѣ Симеоновичѣ (907—930) Болгарія отпала отъ Царьграда: при немъ, съ согласія императора Романа Лакапина, архіепископъ силлистрійскій Даміанъ былъ возведенъ въ достоинство болгарскаго патріарха. Іоаннъ Цимискій, покоривъ сѣверовосточную Болгарію, низложилъ патріарха Даміана и снова подчинилъ болгарское духовенство константинопольскому патріарху; но на юговостокѣ, въ Охридѣ и Преспѣ, куда удалился царь Самуиль, продолжало существовать независимое (автокефальное) болгарское духовенство. Въ XIII вѣкѣ при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II учреждено, съ разрѣшенія императора Іоанна Дуки Ватаци, патріаршество въ Терновѣ. Рядъ терновскихъ патріарховъ не прерывается до самаго турецкаго завоеванія: отъ послѣдняго патріарха Евѣимія, наставника кievскаго митрополита Кипріана, сохранилось много рукописныхъ сочиненій. Со времени турецкаго завоеванія, болгаре лишились права быть избираемыми на высшія духовныя должности, которыя были предоставлены исключительно грекамъ. Съ 1840 по 1860 годъ болгаре неоднократно обращались къ султану съ жалобами на злоупотребленія греческаго духовенства, но безуспѣшно. Объ отпаденіи болгаріи отъ константинопольскаго патріархата было говорено выше.

Тѣ же самыя злоупотребленія греческаго духовенства въ Сербіи вызвали то же самое, какъ мы видѣли, противодѣйствіе въ сербскомъ народѣ. Но уроки исторіи остаются бесполезными для фанаріотовъ, и они понынѣ продолжаютъ обирать народъ и поощрять невѣжество и суевѣріе. Симонія вошла въ плоть и кровь фанаріотовъ. Невѣжество православнаго духовенства въ славянскихъ областяхъ Турціи невѣроятно: все знаніе священника ограничивается иногда молитвою Господнею и символомъ вѣры, затверженными кое-какъ наизусть безъ пособія книги; грамотныхъ священниковъ сравнительно мало...

Какое же влияние можетъ имѣть подобный пастырь на свою паству? Какъ бороться ему съ католическими патерами и фратрами, вербующими на его же глазахъ сторонниковъ папѣ? Монастыри и церкви въ запускѣ: старые разрушаются или разоряются турками, новыхъ не воздвигаютъ по недостатку средствъ; церкви, гдѣ онѣ еще уцѣлѣли, лишены всякаго благолѣпія: это просто деревянные сараи съ лубочными образами. О школахъ и говорить нечего: только въ послѣднее время стали заводить ихъ кое-гдѣ. При такомъ бѣдственномъ состояніи одна надежда нашихъ единовѣрцевъ—на Россію; но мы такъ мало и такъ неохотно помогали имъ, что нѣкоторые теряютъ уже и эту послѣднюю надежду.... Пора бы намъ, кажется, взяться за умъ!

Славяне, составляя $\frac{2}{3}$ всего народонаселенія Европейской Турціи, сильнѣе числомъ въ $2\frac{1}{2}$ раза румыновъ (4.300.000), въ 7 разъ скипетаровъ (албанцевъ, 1.500.000), и въ 10 разъ турокъ и грековъ. Казалось бы, что при такомъ численномъ превосходствѣ, славяне должны бы были подчинить своему влиянію меньшія народности; но въ дѣйствительности оказывается противное: славянизации другихъ народовъ нѣтъ примѣра, между тѣмъ какъ славяне на С. обрумьнились, на В. потурчились, а на Ю. эллинизовались. Изъ исторіи извѣстно, что съ начала VI вѣка славяне переходятъ Дунай и захватываютъ одну область Византійской имперіи за другою: они проникаютъ даже въ Пелопоннесъ и на острова, и византійскій историкъ VIII вѣка, Теофанъ, съ ужасомъ восклицаетъ: „Вся Греція ославянилась и сдѣлалась варварскою!“ Нѣкоторые ученые хотѣли видѣть въ словахъ византійскаго историка указаніе на дѣйствительную славянизацию Греціи, а Фильмерайеръ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Geschichte der Halbinsel Morea. Stuttg. 1830“ старался доказать, что древніе эллины исчезли, а нынѣшніе греки представляютъ смѣсь иллировъ съ славянами.

Обращаясь отъ гаданій къ положительнымъ фактамъ,

мы видимъ, что даже въ такихъ мѣстностяхъ, которыя сохранили донинѣ славянскія наименованія, какъ напр. Загора, Озеро, Быстрица, славяне совершенно эллинизовались, принявъ языкъ и образъ жизни грековъ. Выше было упомянуто, какъ потурчились болгаре-мусульмане, и какъ обрумьнились и обрумьниваются болгарскіе колонисты въ Дунайскихъ княжествахъ. А между тѣмъ румыне, поселившіеся въ Сербскомъ княжествѣ (104.000) и въ Добруджѣ (33.000), греки, живущіе смѣшанно съ болгарами часто въ незначительномъ числѣ, турки, разсѣянные между болгарами и сербами, и даже албанцы, перемѣшанные съ болгарами, сохранили и сохраняютъ свою народность. Фактъ знаменательный! Объясненія его нужно искать въ самомъ характерѣ славянъ, отличающихся, какъ извѣстно, податливостью и перемчивостью, а также въ слабомъ сознаніи идеи національности: вотъ почему такъ легко славяне турчатся, обрумьниваются и эллинизируются въ Турціи, германизируются и мадьяризируются въ Пруссіи и Австріи.

Особыя историческія обстоятельства и различіе вѣроисповѣданій поставили славянъ въ особыя отношенія къ каждому изъ народовъ, населяющихъ Турцію. Соперничество болгарскихъ и сербскихъ царей съ византійскими императорами и постоянное стремленіе грековъ къ игемоніи запечатлѣлись неизгладимо въ памяти турецкихъ славянъ, а потому едва ли возможно соглашеніе между этими двумя народами *). Единство вѣроисповѣданія и отсутствіе историческихъ преданій о непріязненныхъ столкновеніяхъ сла-

*) „Une antipathie profonde et ancienne,“ говоритъ *Убийини*, „sépare les deux races et rend toute fusion entre elles impossible. Les Grecs méprisent les Slaves qu'ils traitent de barbares et de kondro-kephalai (tête de bois) comme ils faisaient déjà, en 1261, du temps de Michel Paléologue. D'un autre côté, l'esprit rusé et fourbe des Grecs inspire une violente repulsion aux Slaves, qui les jalouent en se méfiant d'eux (Lettres sur la Turquie, II, 175)“. По послѣднимъ извѣстіямъ, болгаре не только не сочувствуютъ кандійскому возстанію, но даже явно принимаютъ сторону турокъ противъ грековъ.

вянь съ румынами ручается за успѣхъ ихъ союза. Ненависть политическая и релігіозная къ туркѣмъ и исключительно-релігіозная къ албанцамъ (частью католики, частью мусульмане) свидѣтельствуесть о невозможности дружественныхъ отношеній между ними и славянами.

Одинадцать милліоновъ задунайскихъ славянъ опирается естественно на четыре милліона (приблизительно) своихъ братьевъ въ Австріи — болгарь, сербовъ, словинцевъ и хорватовъ, отъ которыхъ они отдѣлены только Дунаемъ и кряжемъ далматскихъ горъ; но насколько сильна эта опора, можно судить по слѣдующимъ соображеніямъ:

Южные славяне въ Австріи раздроблены на нѣсколько племенъ, заселяющихъ нѣсколько провинцій, а именно: 1.400.000 *сербовъ* въ Венгріи, Славоніи, Военной границѣ и Далмаціи; 1,300.000 *хорватовъ* въ Хорваціи (Кроаціи), Военной границѣ, Крайнѣ, Истріи и Приморьи и въ Венгріи; 1,200.000 *словинцевъ* въ Штиріи, Крайнѣ, Истріи и пр. и 20.000 *болгарь* въ Банатѣ и Седмиградіи. Каждое изъ этихъ племенъ имѣеть свое нарѣчіе, свою литературу и свои историческія преданія: между ними болѣе вражды, чѣмъ дружбы и согласія. Ихъ раздѣляетъ еще и релігія: изъ четырехъ милліоновъ, только одинъ съ небольшимъ (сербы) принадлежитъ къ православной церкви, остальные католики. Наконецъ нужно припомнить, что австрійское правительство, пуще всего опасующееся соглашенія между славянами, возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними племенную вражду и вооружаетъ противъ нихъ мадьярь въ Венгріи, итальянцевъ въ Истріи и румынъ въ Банатѣ и Седмиградіи.

Изъ четырехъ милліоновъ югославлянъ, турецкіе сербы и болгаре могутъ рассчитывать на безкорыстную поддержку только одного милліона *православныхъ* сербовъ, наиболѣе сохранившихъ свою самостоятельность и наименѣе подвергшихся „разлагающему славянскій бытъ вліянію Австріи“. Что же касается до остальныхъ трехъ милліоновъ католиковъ, то православнымъ сербамъ и болгарамъ Турціи слѣдуетъ болѣе остерегаться ихъ,

чѣмъ надѣяться на нихъ, такъ какъ они дѣйствуютъ въ видахъ австрійскаго правительства, издавна считающаго Боснію и Герцеговину своею добычею.

Еще менѣе могутъ надѣяться задунайскіе славяне на остальныхъ своихъ единоплеменниковъ (11,000,000) въ Австріи, которымъ желательно было бы усилить свой элементъ въ имперіи Габсбурговъ насчетъ Турціи; это не къ добру бы послужило турецкимъ славянамъ.

Остается имъ одна надежда на единовѣрную и единоплеменную Россію, которая слишкомъ сильна и обширна, чтобы дѣйствовать изъ своекорыстныхъ видовъ, и достаточно могущественна, чтобы заставить другихъ принять во вниманіе ея голосъ или замолкнуть.

Страна, занятая болгарами и сербами, изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами. Главный кряжъ горъ тянется съ В. на З., достигая до 8.000' высоты (въ Румелии и Боснѣ). Къ берегамъ Дуная и къ морямъ Черному, Архипелагу и Адриатическому горы постоянно склоняются. Склоны *Чардага* (до 7.366'), идущаго съ В. на З., покрыты лѣсомъ сосновымъ, еловымъ, дубовымъ и орѣховымъ и представляютъ на В. хорошія пастбища. На С. отъ Чардага тянутся горы южной *Сербіи* (до 5.000'), покрытыя дубовымъ лѣсомъ; въ сѣверной же Сербіи, богатой прекрасными пастбищами, растутъ на высотахъ сосна и букъ, а въ долинахъ дубъ, тополь, орѣшникъ и вишня. Западная Сербія перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами, представляющими на югѣ голыя скалы а на сѣверѣ покрытыя дубовыми лѣсами. Въ восточной Сербіи дубъ перемѣшанъ съ топодемъ, орѣшникомъ, каштанами и т. п.; то же и во всей *Болгаріи*: Здѣсь *Балканы*, не достигающіе 3.500', образуютъ горные проходы у Софіи и Шумлы, въ окрестностяхъ которой растутъ дубъ, букъ, орѣшникъ и вишня. Самая роскошная растительность встрѣчается въ македонской долинѣ *Водена* на ЗСВ. отъ Солунскаго залива: здѣсь корабельный лѣсъ перемѣшанъ съ южными фруктовыми деревьями. Ближе всего по обширности и растительности под-

ходятъ къ македонскимъ долинамъ сербскія, между Дунаемъ и Савою (до 180 верстъ длины). Дунайскія долины безлѣсны; лѣса рѣдки уже въ Болгаріи, а долина Добруджи (до 170 верстъ длины и 50—80 ширины) лишена всякой растительности и бесплодна.

Въ *быть* задунайскихъ славянъ не произошло почти никакой переменны, съ тѣхъ поръ какъ они поселились на Балканскомъ полуостровѣ болѣе двѣнадцати вѣковъ тому назадъ. И теперь, какъ во времена Прокопія и Маврікія (VI в.), они любятъ селиться въ лѣсахъ, на горахъ, у рѣкъ и озеръ, въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою. Къ нимъ и нынѣ вполне примѣнимы слова византійскаго историка VI вѣка *): „живуть въ *дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ* на большомъ одна отъ другой разстояніи“. И теперь, какъ во времена западнаго лѣтописца *Гельмольда* (XII вѣка), „они не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себя *избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды*. Едва раздастся кликъ военной тревоги, они поспѣшно заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ яму, уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища... и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однихъ избъ, о которыхъ они нисколько не жалѣютъ **).“

Въ точно такихъ же, если еще не худшихъ, избахъ живутъ въ Босніи многочисленныя сельскія пролетаріи, извѣстныя подъ именемъ *колыбарей*. Ихъ *колыбы* — жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою, — разбросаны въ лѣсу или близъ дороги на пустопорожней землѣ. Въ зимнюю непогоду такія колыбы представляютъ ужасную картину страданій отъ голода и холода: „вы можете видѣть тогда въ колыбахъ семьи“, говоритъ почтенный нашъ путешественникъ А. *О. Гильфердингъ* (стр. 448), „гдѣ дѣти буквально голы

*) Procopii Bell. Goth. lib. III, cap. XIV, p. 335 (ed. Bonn).

**) Chron. Slav. lib. II, cap. 13.

и дѣвушки едва покрываютъ себя рубахою въ дохмотяхъ; гдѣ въ продолженіе пѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ корней; гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые *буквально* умираютъ съ голоду“.

Въ странахъ, богатыхъ лѣсомъ, деревянныя, а въ безлѣсныхъ каменные избы болгаръ и сербовъ кроются чаще всего соломой, рѣдко черепицею. Печей нѣтъ, а огонь разводится на землѣ внутри избы, состоящей обыкновенно изъ одной горницы, куда собирается вокругъ очага вся семья, а на ночь и въ непогоду нерѣдко загоняется и скоть. Дымъ выходитъ въ двери и въ одно или въ два отверстія въ стѣнѣ, замѣняющія окна: стекло не употребляютъ, а мѣсто ихъ занимаетъ масляная бумага, тряпка или доска въ непогоду. Еще и теперь, какъ въ VI вѣкѣ, дѣлаютъ въ избахъ, хотя не вездѣ, два выхода. Дома обносятъ заборомъ, а въ Сербіи, южной Босніи и Болгаріи окружаютъ садомъ. При домѣ не всегда есть помѣщеніе для скота; болгаре прячутъ скоть отъ корыстолюбія турецкихъ чиновниковъ въ лѣсахъ.

Каждая семья живетъ въ особомъ домѣ, и, при раздѣльности семей, дома разбросаны на большомъ пространствѣ; впрочемъ случается, что нѣсколько семей соединяются вмѣстѣ и обносятъ свои дома однимъ заборомъ. Воспоминаніе объ общемъ родоначальникѣ нѣсколькихъ семей сохраняется въ названіи селъ на *ичи* и *овичи*. Древнее семейное устройство уцѣлѣло донынѣ у задунайскихъ славянъ. Отецъ—глава семейства; дѣти его владѣютъ имуществомъ нераздѣльно послѣ его смерти; общими семейными дѣлами завѣдуетъ избранный ими изъ ихъ же среды *староста*. Изъ этихъ семейныхъ старостъ избираются старосты племень (*воеводы*) и всей земли (*князь*): такъ у сербовъ, по словамъ Вука Караджича *), еще во время Георгія Чернаго, каждый воево-

*) Српски рјечник. У Бечу, 1818, стр. 792.

да былъ старостою своего края, а Георгій былъ старостою всей Сербіи.

Градъ (городъ) удержалъ у южныхъ славянъ древнее свое значеніе мѣста огороженнаго, укрѣжденнаго. Онъ строится на вершинѣ скалы, и въ немъ, по древне-славянскому обычаю, имѣютъ пребываніе мѣстные власти: здѣсь нѣтъ другихъ построекъ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ и мечети. У подошвы скалы расположенъ городъ въ нашемъ смыслѣ—*варошъ*: въ немъ живутъ торговые люди; онъ обнесенъ ровомъ и стѣною; ворота тщательно запираются на ночь. Наконецъ въ *паланкѣ* или пригородѣ живетъ бѣдная райя: и паланка также окружена стѣною или заборомъ. Таково было первоначальное городское устройство у всѣхъ славянъ *).

Сообщеніе между селами и городами въ земляхъ задунайскихъ славянъ производится, какъ и въ древности, водою и *лѣсомъ*, на что указываютъ между прочимъ употребительныя у нихъ выраженія—*драга* (дорога)—путь по источнику, и *цѣста* (просѣка)—путь лѣсомъ. Правильныхъ путей сообщенія, какъ извѣстно, въ Турціи почти не существуетъ.

Ванятія народа обусловливаются характеромъ страны, ими занимаемой: оттого *боларинъ* по преимуществу *земледѣлецъ*, а *сербъ*—*пастухъ*.

Въ Турціи земледѣльцы не имѣютъ никакой недвижимой собственности: земля принадлежитъ или правительству, или духовенству, или же наконецъ мусульманамъ-помѣщикамъ (въ Босніи). Это обстоятельство много вредитъ успѣхамъ земледѣлія: поселянинъ, завися отъ произвола чиновника или помѣщика, дѣлается нерадивымъ и мало заботится объ увеличеніи доходовъ съ земли удобреніемъ и усовершенствованіемъ земледѣльческихъ орудій, зная, что съ этимъ связано увеличеніе податей и грабежа чиновниковъ. Само правительство не прини-

0

**) См. мое разсужденіе: *Сказанія иностранцевъ (VI—X в.) о бытѣ и правахъ славянъ* (Спб. 1861), стр. 112—116.

маеть никакихъ мѣръ къ улучшенію земледѣлія, а помѣщики-мусульмане довольствуются старинною системою обработки земли, думая только о томъ, какъ бы побольше денегъ собрать съ бѣдной райи. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, земледѣліе питаетъ милліоны жителей, благодаря плодородію почвы, не нуждающейся ни въ удобреніи, ни въ хорошихъ орудіяхъ. Лучшія поля встрѣчаются въ Болгаріи, Македоніи и частью въ Сербіи. Въ княжествѣ земля равномерно раздѣлена между всѣмъ народомъ; но, при отсутствіи общественнаго землевладѣнія и большихъ собственниковъ, земледѣліе находится на весьма низкой степени развитія *). Въ Черногоріи всякій владѣеть поземельною собственностью, но каменистая почва далеко не вознаграждаетъ трудолюбиваго земледѣльца: полей чрезвычайно мало, и черногорець принужденъ съ большимъ трудомъ обрабатывать маленькіе клочки земли въ ущельяхъ горъ.

Наиболѣе распространенное въ Турціи хлѣбное растеніе—*кукуруза*: ею почти исключительно питаются жители деревень. За нею слѣдуетъ *рисъ* (преимущественно въ Дунайскихъ княжествахъ, Болгаріи, Оракіи и Македоніи). Въ Болгаріи родится также въ изобиліи *пшеница*: значительное количество ея вывозится оттуда за границу черезъ Свиштово. Разведеніемъ *табаку* и *виноградниковъ* занимаются повсюду, хотя не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ: македонскій и тревинскій (южно-герцеговинскій) табакъ пользуется извѣстностью; лучшіе виноградники находятся въ Охридѣ и Загорьи въ Македоніи и въ окрестностяхъ Видина, Никополя, Свиштова и Варны въ южной Болгаріи. *Садоводствомъ* и *огородничествомъ* турецкіе славяне занимаются мало: это любимое занятіе грековъ.

Сербы, подобно румынамъ, лучшіе пастухи въ Турціи: они занимаются разведеніемъ лошадей и домашняго ско-

*) В. П. Ламанскаго, Сербія стр. 7.

та. Восточная Болгарія славится *лошадьми*. *Крупный рогатый скотъ* лучший въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ, откуда онъ вывозится въ значительномъ количествѣ въ Австрію. Сербія и посавская Боснія славятся *свиньями*: извѣстно, что отпускъ свиней въ Австрію доставляетъ Сербскому княжеству половину всѣхъ доходовъ. Лучшія *овцы*, если не ошибаемся, въ Болгаріи: овечья шерсть закупается здѣсь правительственными агентами для фабрикъ въ Селимно, а остальное количество продается въ Шумлѣ и Терновѣ. Огромное большинство овецъ — бѣлаго цвѣта, черныя довольно рѣдки. Важную статью доходовъ составляютъ *буйволы*, которыхъ цѣлыми тысячами гонятъ ежедневно изъ Болгаріи въ Венгрію. *Пчеловодствомъ* занимаются преимущественно въ Сербіи и Босніи.

На *рыболовство* турецкіе славяне обращаютъ мало вниманія, несмотря на обиліе водъ и свободу ловли. Ловля *паявокъ* въ Болгаріи находится въ рукахъ монополистовъ. Въ Болгаріи и Черногоріи водится множество *черепахъ*; но изъ нихъ не извлекаютъ никакой пользы.

Мануфактурная промышленность не существуетъ у задунайскихъ славянъ: каждый самъ приготовляетъ себѣ все нужное для домашняго обихода. *Торговлею* занимаются мало: почти вся она въ рукахъ грековъ, армянъ и жидовъ.

Основаніе семейной жизни, *бракъ*, большею частью *несвободенъ* у задунайскихъ славянъ: обыкновенно родители съ малолѣтства *вѣрятъ* своихъ дѣтей (отсюда женихъ называется *вѣреникъ*, а невѣста *вѣреница*); когда они подростутъ, ихъ, съ особенными обрядами, обозначающими ихъ пожизненное соединеніе, обручаютъ, а потомъ женятъ или выдаютъ замужъ. Изъ множества свадебныхъ обрядовъ особенно замѣчательнъ одинъ, указывающій на древнеславянскій обычай — *купли* невѣсты: когда женихъ съ дружиною придетъ за невѣстою въ ея домъ, долго ея не выдаютъ ему, подставляя вмѣсто нея по нѣскольку разъ *старухъ*, и это продолжается до тѣхъ

поръ, пока онъ не дастъ выкупа, состоящаго изъ разныхъ подарковъ. Замѣчательнъ также существующій въ Черногоріи, а можетъ быть и въ иныхъ мѣстахъ, обычай *дѣверства*: избранный изъ ближайшаго родства, *дѣверъ* находится безотлучно три дня и три ночи послѣ вѣнчанія при невѣстѣ, и даже спитъ съ ней. Такой странный обычай могъ, по моему мнѣнію, укорениться только тамъ, гдѣ браки совершаются слишкомъ рано: такъ у задунайскихъ славянъ бывають случаи, что выдаютъ замужъ дѣвушку лѣтъ 10—12 и женять мальчика 14—16 лѣтъ. Свадьба совершается съ особенно-торжественною обстановкою: часто цѣлое село или племя составляетъ дружину жениха; съ пѣснями, пляскою и ружейными выстрѣлами идутъ они къ дому невѣсты; по недѣлѣ длится пиршество, и каждый гость не только ѣсть и пьетъ вдоволь, но и несетъ еще съ собою домой, что можетъ захватить. За столъ садятся въ особомъ порядкѣ, установленномъ *кумомъ* или *старостою*, который составляетъ душу общества; *чаушъ* веселитъ общество шутками и играми... При входѣ невѣсты въ домъ жениха, подаютъ ей чарку вина и веретено и нѣкоторыя кухонныя снадобья въ знакъ ея будущихъ занятій. Цѣлый годъ молодая жена должна носить воду, топить печь, мыть ноги отцу, дядьямъ и братьямъ своего мужа и вообще служить всѣмъ и поспѣвать всюду, „подобно птичкѣ-ласточкѣ“. Бывають случаи, хотя и рѣдкіе, *умычки* невѣсты (*отмица*). Напрасно нѣкоторые считаютъ этотъ обычай заимствованнымъ у турокъ: онъ существовалъ у славянъ еще во времена язычества.

Дѣвушка, по выходѣ замужъ, покрываетъ голову платкомъ: этотъ обычай, удержавшійся не у однихъ задунайскихъ славянъ, обозначаетъ зависимость жены отъ мужа. Онъ существовалъ у славянъ издревлѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ арабскаго географа *Казвини* († 1283): „Дѣвушки у славянъ ходять съ непокрытою головою, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть; кто чувствуетъ наклонность къ какой-либо изъ нихъ,

тотъ набрасываетъ ей покрывало на голову, и она безпрекословно становится его женою *)“. Удивительно, какъ удержался этотъ обычай у турецкихъ славянъ; несмотря на то, что женщины — дѣвушки и замужнія безразлично — на всемъ Востокѣ покрываютъ не только голову, но и лицо, оставляя отверстія для однихъ глазъ.

Не привилось къ славянамъ и затворничество женщинъ, хотя по турецкому вліянію онѣ не пользуются свободнымъ общеніемъ съ мужчинами: такъ въ церквахъ онѣ помѣщаются на хорахъ или въ преддверіи. Турецкимъ же вліяніемъ я объясняю то служебное, чтобъ не сказать рабское, положеніе, которое занимаетъ женщина въ семьѣ у задунайскихъ славянъ: она не болѣе, какъ работница; на ней лежатъ всѣ хозяйственныя заботы, о которыхъ мужъ и вѣдать не хочетъ: у черногорцевъ — этихъ славянскихъ спартанцевъ, считающихъ унижительнымъ для себя заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ войны, — женщины исполняютъ всѣ полевыя работы и переносятъ за самое ничтожное вознагражденіе разныя тяжести изъ Котора въ Цетинье. Положеніе женщины у задунайскихъ славянъ такъ низко, что мужъ считаетъ долгомъ извиниться предъ гостемъ въ присутствіи жены. Служебныя отношенія женщины къ мужчине выражаются также въ обычаяхъ цѣлованія руки: при встрѣчѣ съ мужчиною, кто бы онъ ни былъ, свой или чужой, женщина цѣлуетъ ему руку. Рожденіе дѣвушки считается чуть ли не несчастіемъ для семьи, рожденіе мальчика — благословеніемъ Божиимъ: оттого новорожденнаго привѣтствуютъ ружейною стрѣльбою и иными изъявленіями радости. Не таково было положеніе женщины у древнихъ славянъ, а потому я считаю вышеупомянутые обычаи заимствованными у турокъ.

*) Charmoy. Relations de Massoudy et d'autres Arabes въ Mémoires de l'Acad. de Spb. VI Série, t. II, p. 343.

Несмотря на то, что брак заключается у задунайских славянъ большею частію по волѣ родителей, а не по личному выбору, *супружеская вѣрность* составляетъ, по единодушному отзыву всѣхъ путешественниковъ, отличительную черту въ характерѣ сербовъ и болгаръ: разводъ, столь обычный у румыновъ, считается у нихъ дѣломъ богомерзкимъ, и только въ Черногоріи, сохранявшей доселѣ быть и нравы славянъ въ наибольшей чистотѣ, онъ начинаетъ входить, по вліянію офранцуженнаго князя, въ обычай у высшаго сословія, отъ котораго можетъ современемъ перейти и къ народу.

Рожденіе дѣтей сопровождается особыми обычаями и празднествами. Если родится мальчикъ, то бабушка прикасается къ нему какимъ-либо земледѣльческимъ орудіемъ, чтобъ былъ онъ хорошій земледѣлецъ, — если же дѣвушка, то клокомъ льна, чтобъ была она искусною хозяйкою. Обычай дарить *на зубокъ* существуетъ и у южныхъ славянъ. *Кумовство* въ большомъ почетѣ и часто переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну: отчего случается, что двѣ семьи съ давнихъ временъ находятся въ отношеніяхъ взаимнаго кумовства. Кумовья покрайней-мѣрѣ разъ въ годъ обдариваютъ другъ друга.

Ребенокъ до извѣстнаго возраста находится на попеченіи матери. Лишь только подростеть, посылаютъ его въ горы пасти козъ и овецъ: вмѣстѣ съ ними онъ взбирается на вершины крутыхъ скалъ, гдѣ, казалось бы, не бывала и нога человѣческая. Мало-по-малу онъ пріучается и къ другимъ хозяйственнымъ занятіямъ: этимъ обыкновенно и ограничивается его воспитаніе; только весьма немногіе, готовящіеся къ духовному званію, учатся грамотѣ, и то только зимою, забывая часто лѣтомъ за домашними работами то, чему выучились. Послѣ такого воспитанія подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, мальчикъ лѣтъ 14-ти или 15-ти получаетъ оружіе, дѣлающее его *человѣкомъ*: тогда наступаетъ пора женитьбы. Таково же, только кратковременнѣе, воспитаніе и дѣвушекъ.

Ни у одного изъ славянскихъ народовъ, вообще родстволюбивыхъ, не развиты до такой степени родственныя отношенія, какъ у южныхъ, что доказывается между прочимъ ихъ языкомъ, въ которомъ существуютъ слова для обозначенія тончайшихъ отѣнковъ самаго отдаленнаго родства. Изъ всѣхъ родственниковъ самыми тѣсными узами соединены братъ и сестра. Для сестры братъ дороже мужа: „тако ми брата!“ самая сильная клятва для женщины. Братъ гордится сестрою, защищаетъ ее и мститъ за нее. Отношенія брата и сестры могутъ быть перенесены и на людей, не состоящихъ вовсе въ родствѣ: какъ мужчины, такъ и женщины даютъ иногда, при особыхъ обрядахъ, освящаемыхъ даже церковью, клятву жить другъ для друга до могилы. Такой союзъ, называемый *побратимствомъ* и *посестримствомъ*, крѣпче родственнаго. Побратимство заключается не только между единовѣрцами и единоплеменниками, но и между людьми, принадлежащими къ различнымъ народностямъ и исповѣдующимъ различную вѣру. Въ Черногоріи былъ особый обрядъ для побратимства христіанина съ туркомъ: тотъ и другой разрѣзывали слегка палець и кровь сливали въ одинъ сосудъ, потомъ въ смѣшанную такимъ образомъ кровь оба обмакивали палець и клали его въ ротъ *). Есть примѣры въ народныхъ пѣсняхъ, что люди заключаютъ побратимство съ *вилами* (русалками): такъ у Марка Краевича было *девятъдесять посестримъ вилъ*.

Родственный союзъ легъ въ основаніе *общественнаго быта* задунайскихъ славянъ: *семья*, жившая и владѣвшая имуществомъ нераздѣльно, при постоянномъ размноженіи ея членовъ образуетъ *родъ*; дальнѣйшее развитіе рода представляетъ *племя*. Такимъ образомъ родственныя отношенія охватываютъ весь народъ. Дѣла семейныя вершатся свободно избранными *старпйшинами*,

*.) Русская Бельда. 1859 г. кн. I. Смѣсь, стр. 36.

старшими въ семьѣ не всегда по возрасту, иногда по способностямъ; изъ семейныхъ старѣйшинъ избираются родовые, изъ родовыхъ племенные. Изъ семейной собственности развилась собственность *общинная*. Какъ въ семьѣ, такъ и въ общинѣ личность совершенно затеряна: при господствѣ интересовъ общинныхъ полнѣйшее отсутствіе личныхъ. Для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ собираются народные *поглавари* на сходку (*скупщина* отъ *купити* — собирать, то же что *соборъ*): дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, такъ какъ единогласіе недостижимо при постоянныхъ раздорахъ поглаварей. Эта *родовая вражда*, погубившая болгарское и сербское царства, накликавшая монголовъ на Россію, предавшая западныхъ славянъ въ руки нѣмцевъ, составляетъ коренное зло нашего племени, на которое указывалъ еще въ XI вѣкѣ арабъ Аль-Бекри: „Славяне народъ столь могущественный и страшный, что, еслибы они не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, никто бы въ мірѣ не могъ имъ противостоятъ!“ (*D'Ohsson, Peuples du Caucase, 237*). Противъ этого страшнаго зла (*неслога* — несогласіе) проповѣдуютъ современные сербскіе поэты.

Необходимое условіе общины — равноправность всѣхъ ея членовъ; у славянъ задунайскихъ *сословія не существуютъ*, и даже духовенство совершенно слито съ народомъ, вполне раздѣляя всѣ его заботы: священники не отличаются отъ мірянъ ни одеждою, ни занятіями — пахутъ поля, пасутъ стада и ходятъ на войну (часто они бывають *капитанами* и *воеводами*). Только въ сербскомъ княжествѣ и отчасти въ Черногоріи выдѣлилось изъ народа особое сословіе *служилое*, „которое и по своимъ понятіямъ и по своимъ нравамъ такъ довольно отдѣляется отъ земства.“ Это сословіе — язва для народа: оно руководится своими личными интересами, а не земскими. Чиновники въ Сербіи заняты постоянными интригами то противъ князя, то противъ министровъ. Объ этой общественной болѣзни Сербіи такъ отзываются са-

ми сербы: „У насъ та бѣда, что каждый сербъ хочетъ быть министромъ, а каждый министръ княземъ.“ В. И. Ламанскій замѣчаетъ, что „государственный сербскій организмъ, всѣ почти учрежденія законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія сложились въ Сербіи несоотвѣтственно народному быту, скорѣе положены и навязаны ему извнѣ“ *).

Служилое сословіе въ Черногоріи не успѣло еще внести подобную заразу въ народный бытъ; но оно и здѣсь не менѣе губительно, какъ и въ Сербіи: на него опирается деспотизмъ князя и отца его Мирка Петровича, которые, окруживъ себя *перяниками* (родъ преторіанцевъ), пренебрегаютъ народными законами и обычаями (такъ напр. вопреки черногорскому законнику, отвергающему тѣлесное наказаніе, Мирко часто прибѣгаетъ къ *батогамъ*, какъ мѣръ исправительной), своевольно распоряжаются народными деньгами и разоряютъ страну поборами и системою откуповъ. Злоупотребленіе властію влечетъ за собою трусость, а потому неудивительно, что Мирку Петровичу постоянно чудятся заговоры, противъ которыхъ онъ употребляетъ мѣры самыя энергическія: перяники — его шпіоны и палачи.

Въ Босніи до 1851 года было сильное *властельское* сословіе (*спахи* и *беги*), принявшее исламъ для сохраненія своихъ правъ и привилегій; нынѣ же образуется особое сословіе — *торговое*, большею частию пришлое (изъ Герцоговины): оно составляетъ родъ касты и равно ладитъ съ турецкими властями и греческими владыками.

Турецкое правительство не коснулось общиннаго устройства сербовъ и болгаръ: оставивъ имъ ихъ самоуправленіе, оно озаботилось только *обложеніемъ ихъ податями*, сборъ которыхъ предоставило сельскимъ старостамъ и духовенству. Оно не коснулось и религіи по-

*) Сербія, стр. 7.

коренныхъ народовъ. Народъ и духовенство были предоставлены самимъ себѣ. Фанаріотское духовенство обложило народъ разнаго рода сборами на содержаніе школъ, церквей и монастырей, а между тѣмъ совсѣмъ не заботилось о народномъ просвѣщеніи: духовенство богатѣло, а народъ нищаль. Выгодные приходы и епархіи продавались въ Константинополь, такъ сказать, съ аукціона. Чѣмъ дороже владыка купилъ себѣ мѣсто, тѣмъ больше требоваль отъ народа: такимъ образомъ поборы духовенства постоянно росли. Не отставало отъ него и турецкое правительство: подати и налоги возрастали до невѣроятія. Для довершенія бѣдствій христіанъ, въ областномъ управленіи господствовалъ необузданный произволь: по мусульманскимъ понятіямъ, христіанинъ — безправная *райя* (стадо); онъ долженъ всю жизнь свою работать на правовѣрнаго, которому принадлежитъ не только его имущество, его жена и дѣти, но даже самая жизнь его: фанатики-мусульмане утверждаютъ, что христіанинъ, какъ бы онъ ревностно ни служилъ турку, не достоинъ умереть собственною своею смертію, что ему нужно только одно — не ходить голымъ и не умереть съ голоду, до тѣхъ поръ пока онъ нуженъ своему властелину. Произволь пашей и ихъ клевретовъ нигдѣ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ въ областяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ Стамбула, — въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ турецкіе чиновники образовали систематическій грабежъ и разбой. Напрасно вступалась Россія за угнетенныхъ единовѣрцевъ: султанскіе фирманы оставались безъ исполненія, и народъ бѣдствовалъ еще болѣе прежняго. Опытъ доказалъ, что никакими хатти-гумаюнами не улучшишь судьбу христіанъ въ Турціи: они будутъ страдать, до тѣхъ поръ пока турокъ останется туркомъ. Извѣстно, что допущеніе въ мѣстныя судилища (*меджлисы*) представителей отъ христіанъ (*ходжи-баши*) не принесло никакой пользы: ходжи-баши дѣйствуютъ заодно съ турецкими чиновниками и помогаютъ имъ обирать народъ. На опо-

зоренную должность ходжи-баши никогда не пойдёт порядочный человекъ.

При такой системѣ турецкаго управления и при небреженіи высшаго и невѣжествѣ низшаго духовенства, не могъ народъ развиваться нравственно. Школы существуютъ только при весьма немногихъ удѣльвѣвшихъ отъ турокъ монастыряхъ: въ нихъ обучаютъ грамотѣ большую частію по рукописнымъ часослову и псалтыри; печатныя книги большая рѣдкость. Только въ послѣднее время болгарскіе и сербскіе патриоты стали заводить школы и издавать учебники, а молодые люди изъ задунайскихъ славянъ начали пріобрѣтать болѣе широкое образованіе въ Россіи и Германіи; но собственныя ихъ средства весьма ограничены: имъ необходима братская помощь Россіи, а мы вообще были довольно равнодушны къ нимъ. Такое равнодушіе встрѣтилъ въ нашемъ обществѣ — преимущественно высшемъ — пріѣзжавшій въ прошедшемъ году изъ Герцеговины архимандритъ Житомысличскаго монастыря, о. Серафимъ. Неуспѣхъ свой онъ мнѣ объяснялъ тѣмъ, что не привезъ съ собою мощей и не имѣетъ порядочной рясы: трудно повѣрить, что вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ могъ не удался сборъ для учрежденія въ Герцеговинѣ школъ, а между тѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости словъ о. Серафима.

Въ Сербскомъ княжествѣ, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, „грамотность развивается хорошо и отношеніе народныхъ школъ и учащихся къ народонаселенію очень благопріятное.“ Въ 1860—1861 г. въ Сербіи было основныхъ школъ муж. и жен. (въ нихъ преподаются законъ Божій, сербскій языкъ, ариѳметика, краткое землеописаніе Сербіи и европейской Турціи, краткая сербская исторія) 359, учащихся въ нихъ 12.079, учителей 246. „Кромѣ этихъ основныхъ школъ, еще находятся въ Сербіи слѣдующія высшія заведенія: два коммерческихъ училища, одно въ Пожаревцѣ, другое въ Бѣлградѣ; пять полугимназій, одна гимназія, военная

школа, семинарія, лицей. Въ 1860—1861 г. въ этихъ 11 заведеніяхъ было учащихся 1.360, преподавателей 37... По отношенію къ народонаселенію, среднимъ числомъ приходится по одной школѣ на 2.935 д. и по одному ученику на 81 жителя *)“.

Черногорское правительство въ послѣдніе годы также стало заботиться о народномъ просвѣщеніи; но число школъ еще весьма незначительно: такъ въ 1865 году было всего 12 школъ (по одной школѣ на 10.000 жителей) **).

Христіанская образованность почти не коснулась быта задунайскихъ славянъ, которые, подобно предкамъ своимъ, занявшимъ двѣнадцать столѣтій тому назадъ Балканскій полуостровъ, крѣпко вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ, населяющихъ всю природу и управляющихъ судьбою смертныхъ.

Лишь только родится человѣкъ, къ нему являются, по болгарскому повѣрью, двѣ или три *орисницы* и предсказываютъ будущее. Въ другихъ югославянскихъ краяхъ ихъ называютъ *роженницами*, *живицами* (дѣвы жизни) и *судицами* (дѣвы судьбы). Хорутане вѣрятъ, что новорожденный получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою *ројеницу*, которая предсказываетъ ему судьбу его. Воображеніе славянъ рисуешь рожениць пряхами, подобно греческимъ мирамъ, римскимъ паркамъ и германскимъ феямъ и норнамъ ***).

Облака, землю и воду населяетъ юго-славянское суевѣріе особыми дѣвами, которыхъ называютъ *вилами*. Вилы облачныя отличаются добротою, водяныя всегда злы, а земныя бываютъ и добрыя, и злыя. Красота ви-

*) Сербія, стр. 8—10.

**) *Найновии статистички подати о Црној гори*, въ черногорскомъ календарѣ „Ормичъ“ за 1865 г., стр. 79.

***) Лучшее изслѣдованіе о роженицахъ у славянъ и другихъ языческихъ народовъ принадлежитъ И. И. Срезневскому (*Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи*, изд. Калачова, кн. II, стр. 97—122.)

лы вошла у южныхъ славянъ въ поговорку. Вѣчно-юныя, блѣднолицыя съ расплетенною, длинною до земли косою, въ которой заключается чудодѣйственная сила, съ нѣжными, свергающими подобно молніи, очами, съ нѣжнымъ, прозрачнымъ, легкимъ, какъ у птицы тѣломъ, съ голосомъ пріятнымъ и звучнымъ, вилы, подобно нашимъ русалкамъ, любятъ забавляться пѣснями и пляскою и не только не чуждаются общества людей, но даже заключаютъ съ ними союзъ побратимства. По словамъ народной пѣсни, шель однажды Марко Кралевиць горою, на которой вилы плясали *коло*. По приглашенію вилъ, онъ вступилъ съ ними въ состязаніе въ пляскѣ и, будучи *крѣпокъ ногами*, побѣдилъ ихъ. Побѣжденные вилы, по уговору, покорились ему и вступили съ нимъ въ побратимство. Съ той поры онъ ему помогали и въ счастья и въ несчастья. На помощь противъ бана Свилагна пришло къ нему *девятдесять по-сестримъ вилъ*. Вилы отличаются искусствомъ знахарства и даромъ пророчества. Имъ извѣстна всякая наука. Онѣ куютъ сабли, которыя перерубаютъ желѣзо и камень; онѣ строятъ чудные замки; ихъ дивные кони не боятся никакой непогоды, никакой опасности *).

Вилъ называютъ болгаре *самодивами* или *самовилами*. У нихъ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку (жилице вилъ) вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Бросаютъ также дѣвушки въ рѣку, въ Ивановъ день утромъ до зари, чучело, сплетенное изъ вѣтвей и называемое *машлаткою*.

Въ связи съ вилами находятся *виленицы* и *вѣдьмы* (вѣштице). Виленицы, въ противоположность вѣдьмамъ, существа добрыя: онѣ находятся въ сношеніяхъ съ вилами, отъ которыхъ научаются искусству лечить людей отъ болѣзней, насланныхъ вѣдьмами. Вѣдьмы находятся

*) Изслѣдованіе о вилахъ *Ив. КукULEВИЧА-САКЦИНСКАГО* въ „Arkiv za povestnicu jugo slavensku“, кн. I, стр. 86—104.

въ связяхъ съ чертомъ, которому приносятъ въ жертву дѣтей. Онѣ летаютъ въ образахъ бабочки, курицы и кошки. Сборища ихъ происходятъ обыкновенно, какъ и у насъ, на гумнахъ. Изъ вѣдьмы, по сербскому повѣрью, вылетаетъ во время сна злой духъ, побѣдающій сердца спящихъ людей, особенно же дѣтей. Вѣдьмы узнаютъ въ ночь на Рождество Христово. Избавляются отъ нихъ натираніемъ тѣла чеснокомъ. Болгаре называютъ вѣдьмъ *магесницами*: по ихъ повѣрью, магесницы крадутъ съ неба луну, превращаютъ ее въ корову и доятъ изъ нея молоко, изъ котораго готовятъ масло для излеченія ранъ и другихъ потребностей. Лунное затмѣніе они объясняютъ тѣмъ, что вѣдьма сняла съ неба луну, а потому, чтобъ помѣшать ей доить ее, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей *).

Къ вѣдьмѣ весьма близка по значенію *мора*: она представляется дѣвою, ходящею ночью по домамъ и душачею людей, особенно же дѣтей.

Сербы рассказываютъ о *подоиць* или *въдоиць*, что изъ него, какъ изъ вѣдьмы, вылетаетъ во время сна злой духъ. Такіе духи собираются въ лѣса, вырываютъ деревья и дерутся между собою: кто побѣдитъ, тотъ несетъ урожай въ свою страну. Черезъ 40 дней по смерти, такой чело-вѣкъ, изъ котораго вылетаетъ злой духъ (*вукодлакъ*), оживаетъ, встаетъ по ночамъ изъ гроба, давитъ спящихъ людей и пьетъ изъ нихъ кровь. Напрасно затворяютъ отъ него двери: онъ входитъ въ самую маленькую щель. Съ сербскимъ сходно болгарское повѣрье о *вам-пирѣ*. сосущемъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. „При первомъ слухѣ о вампирѣ, собираются по нѣскольгу семействъ на ночлегъ въ одну комнату, и двое изъ мужчинъ съ горящими лучинами поочередно, стоятъ до свѣта на сторожѣ. Если кто изъ спящихъ начнетъ сильно храпѣть или стонать во снѣ, то неспав-

*) *Княжескій*, Болгарскія повѣрья, стр. 208.

шій тотчасъ будить всѣхъ, и тогда начинаютъ искать вампира. Если вампиръ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не будетъ пойманъ, то онъ уже принимаетъ на себя какую-то плотъ и называется *варколакомъ*, и тогда нападаетъ на женщинъ. Вампиръ (если его не найдутъ), послѣ года принимаетъ на себя человѣческое тѣло, такъ что трудно различить его отъ человѣка^{*)}.

Задунайскіе славяне вѣрятъ также въ духовъ вѣтра, называемыхъ *стухами*, домовыхъ и иныхъ. Суевѣріе въ славянскихъ областяхъ Турціи держится не только въ селахъ, но и въ городахъ, даже самыхъ большихъ. Такъ, по словамъ А. О. *Гильфердина* ^{**)}, „въ самомъ Сараевѣ показываютъ омутъ, въ которомъ являются вилы. Въ самомъ Сараевѣ и теперь живетъ турчанка, которую всякую ночь посѣщаетъ дьяволъ въ видѣ мущины, и весь городъ вѣритъ, что ночной гость дѣйствительно нечистый духъ, а не человѣкъ. Въ самомъ Сараевѣ и теперь есть одна православная женщина, которая умѣетъ, нашептывая что-то надъ тазомъ съ водою, и другими способами, *купить дахиру*, т. е. созывать чертей, и отъ нихъ узнаетъ все, что ей нужно: къ ней часто обращаются въ случаѣ болѣзни или пропажи“. Противъ злой силы покупаютъ различные амулеты и талисманы не только отъ турецкихъ ходжей, но и отъ католическихъ фратровъ, которые изъ корыстныхъ видовъ поддерживаютъ суевѣріе въ народѣ. Не даромъ въ Босніи говорятъ, что *фратеръ хитрѣе черта*.

Въ связи съ повѣрьями находятся *народные праздники*, удержавшіе много языческихъ обрядовъ. На *св. Юрія* (*Джюрджевъ данъ*, *Джюрджево*, *Зелени Юрій*) знахари и знахарки собираютъ до зари цѣлебныя травы, а хозяйки обливаютъ скотъ настоемъ изъ особыхъ травъ или кропятъ св. водою; дѣти собираютъ цвѣты *джюрджице*,

*) Тамъ же стр. 206—207.

**) *Боснія въ началѣ 1858 года*, стр. 458—459.

придающіе красу дѣвичьему лицу. Съ этого дня начинаются лѣтніе праздники. Наканунѣ *Иванова дня* зажигаютъ вечеромъ купальскіе огни (крѣсы), чрезъ которые прыгаютъ дѣти: этимъ огнямъ придають силу охраненія отъ болѣзней, и потому ходятъ между ними матери съ маленькими дѣтьми. Ночью гадаютъ. Какъ Ивановъ день слился съ языческимъ праздникомъ лѣтняго соноворота, *купалы*, такъ Рождество Христово слилось съ праздникомъ зимняго соноворота, коляды. Къ этому празднику готовится заранѣе лучшее кушанье и питье, и между прочимъ пекутъ изъ теста *баднячу* на сочельникъ и *лѣтнячу* на Рождество. Съ самаго утра рубятъ обыкновенно *бадняки* (дубовыя полѣнья), посыпаемые зерномъ; къ вечеру ихъ вносятъ въ домъ, причемъ опять посыпаютъ зерномъ и пьютъ вино съ пожеланіемъ счастливаго *бадняго вечера* (такъ называется сочельникъ); затѣмъ кладутъ бадняки на огонь, поливають виномъ и сожигаютъ. Утромъ въ самый день Рождества *полажайникѣ* (гость) приноситъ въ рукавицѣ зерно и посыпаетъ имъ хозяевъ съ обычнымъ поздравленіемъ: „Христось родился!“ Ему отвѣчаютъ: „Во истину родился!“ Затѣмъ *полажайникѣ* выбиваетъ искры изъ бадняка, произнося при этомъ такое пожеланіе: „Сколько искръ, столько воловъ, столько коровъ, столько козъ, столько овецъ, столько свиней, столько ульевъ, столько счастья и успѣха!“ Затѣмъ онъ кладетъ въ золу на огонь нѣсколько монетъ. Перегорѣлый баднякъ обносятъ около ульевъ и потомъ вѣшаютъ на молодой сливѣ или яблони. При чтеніи молитвы передъ обѣдомъ въ день Рождества, вся семья держитъ въ рукахъ восковыя свѣчи, которыя потомъ отбираются хозяиномъ и ставятся въ сосудъ съ зерномъ. Хозяйки кормятъ этимъ зерномъ куръ, чтобы неслись хорошо.

Другіе праздники не представляютъ ничего особенно любопытнаго.

Музыка, пляска и пѣсни составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ праздниковъ какъ общественныхъ,

такъ и семейныхъ (изъ этихъ послѣднихъ справляются съ особою торжественностью *именины*). У южныхъ славянъ мнѣ извѣстны два музыкальныхъ инструмента — *цусли* и *мъхъ*, подъ однообразные звуки которыхъ пляшутъ *коло* (родъ хоровода) и *поскочницу* (любимая пляска черногорцевъ: скачутъ, кто выше можетъ). Пляска сопровождается иногда пѣснями (коловодныя и поскочницы).

Народная поэзія сербовъ и болгаръ представляетъ много сходнаго какъ въ содержаніи, такъ и въ самомъ изложеніи, вслѣдствіе сходства исторической судьбы обоихъ племенъ, народного быта и мѣстной природы; но есть и различія: сербскій эпосъ, которому такъ справедливо удивлялись еще въ концѣ прошлаго столѣтія Гердеръ и Гете, богаче и цѣльнѣе эпоса болгарскаго, въ которомъ сохранились только темныя воспоминанія о древнѣйшемъ періодѣ сербско-болгарскаго царства и содержаніе котораго взято почти исключительно изъ временъ *гайдучества* (*гайдуки* — удальцы, воюющіе съ турками) 17 и 18-го столѣтій; сербскій эпосъ отличается плодovitостью, мягкостью, нѣжностью, граціозностью, а болгарскій краткостью, суровостью, глубиною, силою. Кромѣ эпическихъ пѣсней, есть у сербовъ и болгаръ еще лирическія и обрядныя.

Различіе, замѣчаемое въ народной поэзіи сербовъ и болгаръ, зависитъ отчасти отъ различія *языка* и *характера* обоихъ племенъ. При всей близости болгарскаго и сербскаго нарѣчій, есть въ нихъ и коренныя отличія: въ первомъ преобладаютъ глухіе гласные и существуетъ членъ, приставляемый къ концу слова, во второмъ господствуетъ полногласіе и особое смягченіе зубныхъ, сближающія его съ благозвучнымъ итальянскимъ языкомъ. Въ характерѣ болгарина нѣтъ стойкости и отважности серба, котораго зато онъ превосходитъ трудолюбіемъ и бережливостью. Гостепріимство обще обоимъ племенамъ.

Одеждою болгаринъ мало отличается отъ серба: и у того и у другаго та же бѣлая рубаха, тѣ же широкія

шаровары, поясъ съ оружіемъ и трубкою, жилетъ, куртка, гуня (родъ сюртука), плащъ, длинные чулки и опанки (родъ лаптей); но сербъ княжества и черногорецъ носятъ на головѣ низенькую черную шапку съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, а болгаринъ и боснякъ — тюрбанъ. Женскій нарядъ одинъ и тотъ же: суконная юбка, корсетъ, бѣлая рубаха, ожерелье изъ бусъ или мелкихъ серебряныхъ монетъ и платокъ на головѣ у замужнихъ.

II.

Первыя поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Покореніе византійскихъ славянъ болгарами урало-чудскаго племени въ VII вѣкѣ. *Очеркъ исторіи болгаръ до покоренія ихъ турками*: первое болгарское царство (679—1019 г.) и причины его паденія; второе болгарское царство (1186—1392 г.). *Очеркъ исторіи сербовъ до покоренія ихъ турками* (636—1483): судьба сербовъ до XIV вѣка; эпоха Стефана Душана; причины паденія Сербіи. *Судьба болгаръ и сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ*. *Борьба черногорцевъ съ турками за независимость* съ XV вѣка до настоящаго времени. *Войны сербовъ съ турками* при Георгіѣ Черномъ и Милошѣ и признаніе Портою автономіи сербскаго княжества. *Народное возрожденіе болгаръ*. Отношенія болгаръ къ русскимъ и сербамъ.

По византійскимъ извѣстіямъ, сѣверный берегъ нижняго Дуная находился во власти славянъ уже въ концѣ V или въ началѣ VI столѣтія; къ этому же времени относится начало мирнаго распространенія славянъ за Дунаемъ. Съ тѣхъ поръ занятіе славянами областей ви-

*) По исторіи задунайскихъ славянъ, особенно болгаръ, нѣтъ почти ни одного труда, который вполне удовлетворялъ бы современнымъ требованіямъ науки: исключеніе составляетъ глубоко-ученое произведеніе *Шафарика, Славянскія древности* (русск. перев. О. М. Бодянского, М. 1848 г.), въ которомъ изложена кратко древнѣйшая исторія сербовъ и болгаръ. Исторія задунайскихъ славянъ должна быть въ настоящее время переработана на основаніи актовъ, изданныхъ Карано-Твртковичемъ, Пуличемъ, Миклошичемъ, Тейнеромъ, Кукулевичемъ и Я. Шафарикомъ. Укажу на важнѣйшія сочиненія: а) *по исторіи болгаръ*: Ю. Венелина,

зантійской имперіи шло безастановочно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій двумя путями: одни изъ нихъ селились на пустопорожнихъ земляхъ съ разрѣшенія императоровъ, обязываясь имъ данью и военною службою; другіе же, начиная съ первой половины VI столѣтія, отнимають у Византіи одну область за другою послѣ кровопролитныхъ и опустошительныхъ войнъ. Вообще заселеніе славянами византійской имперіи шло очень быстро и въ первой половинѣ VII вѣка они проникають до береговъ Адриатическаго моря, а черезъ сто лѣтъ занимають уже Фессалію, Элладу и Пелопоннисъ, и византійскіе историки въ отчаяніи восклицаютъ: „вся Греція ославянилась и сдѣлалась варварскою“!

Древніе и нынѣшніе Болгаре въ ихъ отношен. къ Россіян. 1-й т. М. 1829 г., 2-й т. М. 1841; изд. 2, М. 1856 (недостатокъ исторической критики); — С. П. Палаузова, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852 г. (прекрасная монографія); — А. Θ. Гильфердинга, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ (до конца XI вѣка). М. 1855—1859 г. — Хр. Дасколова, Возрожденіе болгаръ или реакція въ Европейской Турціи (*Русская Бесѣда* за 1858 годъ, т. II. ч. 2.). — в) *По исторіи сербовъ*: Gebhardi, Geschichte der mit Hungarn verbundenen Staaten въ Allgem. Weltgeschichte. XXXV Bd. Leipz. 1781; — Max. Schimek, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama vom J. 864 bis 1741. Wien, 1787; — Engel, Geschichte von Servien und Bosnien, Halle, 1801 (трудъ устарѣлый); — Юкича, Zemljopis i poviestnica Bosne (краткая исторія и географія Б.) Zagreb, 1851; — А. Θ. Гильфердинга, Письма объ ист. Сербіи (см. выше) и сборникъ: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859; — А. Майкова, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіею народа. М. 1857 г. (это ученое сочиненіе можетъ быть значительно дополнено и исправлено по актамъ, позже изданнымъ, и по другимъ источникамъ, которыми авторъ не могъ или не хотѣлъ воспользоваться); — В. Григоровича, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Казань, 1859 г. (ученая рѣчь съ важными приложеніями); — L. Ranke, Die Serbische Bevolution. 2 изд. Berlin, 1844 (рус. перев. Бартенева: Исторія Сербіи. М. 1857: по рассказамъ В. С. Караджича); — Н. И. Надеждина, Георгій Черный (по рассказамъ очевидцевъ), въ Русск. Бес. 1856 г., т. IV, ч. 2.; — М. Медаковича, Повѣстница Црнегоре (краткая). Земунъ, 1850 г., и Д. Милаковича, Исторія Црне Горе. Задаръ, 1856 г. (полнѣе предыдущей); — Записки протоіерея М. Ненадовича въ Русск. Бес. 1859, кн. 1.; — Н. Дубровина, Сербскій вопросъ въ царствованіе имп. Александра I. (Русск. Вѣстн. 1863 г. №7 и 8); — Н. Попова, Переписка барона Гр. А. Строгонова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1817—26 г. (Моск. унив. Извѣст. 1866—1867, № 21.)

Въ 679 году болгарскій ханъ *Аспарухъ* переправляется черезъ Дунай и занимаетъ Мизию, заселенную славянами, спокойно занимавшимися земледѣліемъ. Эти пришлые изъ-за Дуная завоеватели принадлежали къ урало-чудскому, а не славянскому, какъ думалъ *Венелинъ* *), племени, что доказывается свидѣтельствомъ византійскихъ историковъ, собственными именами болгарскихъ государей и бояръ и ихъ образомъ жизни и обычаями, каковы: „принесеніе людей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, падающихъ при видѣ князя ницъ на земь, лицомъ, и славящихъ его, несеніе впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными, кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю турокъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, а задомъ на пяткахъ (по обычаю персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста, раннее укорененіе магометанства между подунайскими болгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обращеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы тюрбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги, и т. п.“ **).

Славяне, покоренные этими урало-чудскими выходцами и принявшіе ихъ народное имя, сохранили свое внутреннее устройство, нравы и обычаи. „Высшія государственныя должности“, говоритъ *Шафарикъ* ***), „находились одинаково въ рукахъ болгаръ и славянъ, потому что уже въ 1811 г. встрѣчаемъ мы славянскихъ вель-

*) Древніе и нынѣшніе Болгаре. Т. I. М. 1829. 8.

**) *Шафарикъ*, славянскія древности, Т. II., кн. 1. § 29, стр. 271 и 272.

***) Тамъ же стр. 276.

можь, пирующихъ заодно съ княземъ Крумомъ, подъ 812 г. болгарскаго посла, называвшагося Драгоміромъ; а событія, случившіяся во второй половинѣ IX вѣка, ясно показываютъ, что болгаре не заботились объ искорененіи славянской народности, напротивъ сами ей охотно поддавались“.

Побѣдители мизійскихъ славянъ, болгаре вели безпре-
станныя войны съ греками, доходили не разъ до самаго Царьграда и обязывали византійскихъ императоровъ платить имъ дань. Одинъ изъ преемниковъ Аспаруха, *Крумъ* (около 802 г.), овладѣлъ восточною Угріею и Валахіею и воевалъ весьма счастливо съ греками. Въ кровопролитномъ сраженіи въ ущельяхъ Гема онъ убилъ императора Никифора (811 г.) и изъ черепа его приказалъ сдѣлать чашу и оправить ее въ серебро и изъ нея подчивалъ на пиру своихъ славянскихъ бояръ. Позже онъ опустошилъ Фракію, разбилъ императора Θεодосія (813 г.), доходилъ до самаго Царьграда и, не будучи въ состояніи взять его, разорилъ всю окрестную страну, овладѣлъ Адрианополемъ и увелъ въ плѣнъ множество христіанъ. Въ самый годъ своей смерти (815) онъ опять вторгся во Фракію и увелъ съ собою пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ.

Изъ преемниковъ Крума замѣчательнъ *Борисъ* (843—888), принявшій въ 863 году крещеніе съ именемъ Михаила. При немъ къ Болгаріи было присоединено Загорье; окрестности сербской Моравы и Ибра также принадлежали ему. Недовольный греческимъ духовенствомъ и руководимый, быть можетъ, честолюбивыми замыслами, Борисъ отправилъ въ 866 году посольство къ папѣ Николаю съ просьбою о присылкѣ епископовъ и священниковъ, церковныхъ книгъ и вещей. Уже въ это время римское духовенство усиленно старалось о подчиненіи Болгаріи власти папы, а потому неудивительно, что Николай поспѣшилъ исполнить просьбу Бориса *);

*) Любопытные вопросы новообращенныхъ болгаръ и отвѣты на нихъ

впрочемъ услужливость Рима оказалась бесплодною: въ 870 г. Борисъ примирился съ Царьградскимъ патріархомъ.

Болгарское государство при Борисѣ простиралось отъ Великой Моравы, вдоль по теченію Дуная, до его устья и обнимало все побережье Чернаго моря до Бургаскаго залива, часть сѣверной Фракіи, земли верхней Албаніи и почти всю Македонію. Правленіе Борисова сына, *Симеона* (892—927 г.), составляетъ золотой вѣкъ болгарскаго царства. Симеонъ получилъ отличное по тому времени воспитаніе въ Царьградѣ, а потому его называли полугрекомъ. Онъ любилъ просвѣщеніе, покровительствовалъ ученымъ и самъ занимался литературою. Современники называли его *книголюбомъ*, и не даромъ: отъ него остался переводъ 136 словъ Іоанна Златоуста подъ названіемъ „*Златоструя*“; при немъ трудились, поощряемые имъ, епископы *Климентъ* и *Константинъ*, ученики Меѳодія, *Іоаннъ Экзархъ болгарскій*, пресвитеры *Григорій* и *Козьма* и черноризецъ *Храбръ*. *Климентъ* былъ замѣчательнымъ по своему времени проповѣдникомъ. Онъ написалъ также житія Кирилла и Меѳодія. Отъ *Константина*, епископа болгарскаго, остался переводъ нѣкоторыхъ поученій отцовъ церкви: Златоуста, Исидора, Аѳанасія и Кирилла. *Іоаннъ Экзархъ болгарскій*, иначе называемый „строитель церковный болгарскія земли“, составилъ *Шестодневъ* по Василию Великому, Северіану Гевальскому и Іоанну Златоусту съ собственными дополненіями, писалъ проповѣди и перевелъ Богословіе (Небеса) и грамматику Дамаскина, приоровивъ ее къ славянскому языку и изобрѣвъ грамматическую терминологию, большею частію употребляемую нами донинѣ. *Григорій*, по приказанію Симеона, перевелъ византійскую хронику Іоанна Малалы. *Козьма* писалъ про-

папы изложены А. Θ. Гильфердингомъ въ приложеніи къ IV письму объ исторіи сербовъ и болгаръ.

тивъ ереси богумиловъ, а отъ *Храбра* осталось извѣстное сочиненіе о письменахъ славянскихъ. Произведенія этихъ писателей, вмѣстѣ съ трудами Кирилла и Меѳодія, положили прочное основаніе церковнославянской литературѣ.

Но царьградское воспитаніе Симеона вмѣстѣ съ хорошими плодами принесло и дурные: весь государственный организм Болгаріи проникся началами испорченной византійской образованности. „Эти-то начала“, говоритъ *С. Н. Палаузовъ*, „не могли не подточить своеобразнаго развитія народа. Начиная съ двора, принявшаго напыщенный и ненужный церемоніаль византійскихъ кесарей, вся административная часть Болгаріи, насколько сохранились въ этомъ отношеніи слѣды въ древнихъ лѣтописяхъ, приняла характеръ чисто византійскій.“ Вотъ какъ описываетъ Іоаннъ Эвзархъ болгарскій великолѣпіе Симеонова двора: „Акоже смръдь и нищь человекъ и странень, пришедъ издалече къ прѣтворамъ кнежю двору, и видѣвъ е дивитьсе, и приступивъ къ вратомъ чюдитьсе впрашая, и внутрь въшедь, видить на обѣ странѣ храмы стояще, украшены каменіемъ и древомъ исыпсаны, и прочее во дворьць въшедь, и узрѣвъ полаты высокы и прѣквы издобрены безгода каменіемъ и древомъ и шаромъ, изутриже мраморомъ и мѣдію, сребромъ и златомъ; таче невѣдомы чесомъ приложити ихъ, не бо есть видѣль того на своей земли, развѣ хызы сламны убогъ: ти яко и погубивъ си умъ, чюдитьсе имъ. Тунъ аще се прилучитъ ему и кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромъ поkyданѣ, гривну цетаву на выи носеща, и обручи на руку, поясомъ вльрьмитомъ поясана и мѣчь златъ при бедрѣ висещъ, и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясѣхъ и обручѣхъ; ти аще кто его въпрошаетъ, въвращашесе на свою землю, реки: чьто видѣ тамо? речеть: невѣдѣ како въсповѣдати того, свои бисте очи умѣлѣ достоинѣ чюдитесе красотѣ.“ Византійскія лѣтописи такъ описываютъ отрядъ тѣлохранителей Симеона:

„у иныхъ были золотые щиты и золотыя копья, у другихъ серебряные и мѣдные, иные же были украшены другаго рода оружіемъ и всѣ вообще были покрыты желѣзными доспѣхами.“

Симеонъ не довольствовался тѣмъ, что окружилъ себя великолѣпіемъ византійскаго двора, но и принялъ титулъ царя (imperator): поводомъ къ этому послужила, вѣроятно, присылка ему папою вѣнца. Но любившій науку и царскую пышность, Симеонъ не былъ правителемъ слабохарактернымъ: притѣсненія болгарскихъ купцовъ въ Византіи дали ему поводъ къ войнѣ съ греками, и въ продолженіи десяти лѣтъ онъ четыре раза осаждалъ Царьградъ и дважды бралъ Адрианополь. Когда сербы стали вмѣшиваться въ дѣла грековъ и болгаръ, онъ рѣшился наказать ихъ: въ 923—927 г. онъ опустошилъ всю ихъ землю.

„Долгое и славное царствованіе царя Симеона“, говоритъ *С. А. Палаузовъ* (*Вѣкъ бол. Ц. Сим.*, стр. 33), „есть единственная эпоха въ исторіи болгаръ, на которой можно отдохнуть послѣ непрерывныхъ войнъ и опустошеній, характеризующихъ предшествовавшія и большею частію послѣдующія правленія. Въ правленіе Симеона государство это, поставленное на перепутьи Востока и Запада, окруженное отвсюду княжествами, раздираемыми внутренними неурядицами и усобицами, непрерывными политическими интригами и мятежами Византіи, рѣзко выдвигается впередъ своей внѣшней и внутренней силой. Симеонъ, получивши блестящее образованіе въ Царьградѣ, является съ болѣе развитыми понятіями о государственномъ величіи, нежели его предшественники. Отсюда грозныя войны его съ сосѣдями, въ которыхъ можно видѣть, какъ дорожилъ онъ своимъ величіемъ. Съ другой стороны, внѣшняя сила Болгаріи въ правленіе Симеона тѣсно условливалась внутреннимъ устройствомъ государства. Если и нѣтъ никакихъ юридическихъ памятниковъ, которые бы указали на государственное устройство Болгаріи въ это время, то тѣмъ

не менѣе можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о немъ по тѣмъ памятникамъ славяно-болгарской письменности, которые исключительно принадлежатъ эпохѣ Симеона. Широкое поприще книжнаго труда не опиралось ли на гражданскомъ устройствѣ, о которомъ, къ несчастію, славянская наука имѣетъ только отрывочныя данныя, отдѣльныя намеки.“

Попытки, сдѣланныя Борисомъ и Симеономъ, къ іерархическому отдѣленію Болгаріи отъ Византіи, окончились при *Петрѣ Симеоновичѣ*, какъ извѣстно, учрежденіемъ болгарскаго патріархата. Византія не могла равнодушно смотрѣть на возвышеніе Болгаріи и въ то же время сама была не въ силахъ бороться съ нею, а потому императоръ Никифоръ Фока призвалъ на болгаръ воинственнаго и славолюбиваго русскаго князя Святослава (967), который не замедлилъ нанести рѣшительный ударъ болгарскому царству завоеваніемъ 80 его городовъ, и въ томъ числѣ столицы Прѣславы. Въ 968 году умеръ Петръ Симеоновичъ, оставивъ престолъ своимъ сыновьямъ *Борису* и *Роману*. Вовлеченные въ союзъ съ Святославомъ, ставшимъ врагомъ Византіи, они были вынуждены вступить въ борьбу съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ: въ несчастномъ сраженіи подъ Прѣславою въ 971 году Борисъ былъ взятъ въ плѣнъ, отведенъ въ Царьградъ и тамъ лишенъ царскаго достоинства; братъ его Романъ былъ оскотленъ; Болгарія присоединена къ Греціи.

По смерти І. Цимисхія (976 г.), болгаре возстали подъ предводительствомъ воеводы Шишмана и свергли византійское иго. *Самуилъ*, сынъ Шишмана, убилъ отца и братьевъ и захватилъ всю власть въ свои руки. Столицею его была сначала Преспа, а потомъ (съ 981 г.) Охрида. Самуилу пришлось вступить въ упорную борьбу съ византійскимъ императоромъ Василиемъ, прозваннымъ болгаробойцемъ. Война началась въ 981 г. и сопровождалась неслыханнымъ безчеловѣчіемъ: рассказываютъ, что императоръ послалъ въ 1014 г. къ Самуилу

15 тысячъ ослѣпленныхъ болгарь, взятыхъ имъ въ плѣнъ, давъ каждой толпѣ проводника съ однимъ глазомъ. Самуиль не могъ пережить подобнаго безчеловѣчнаго поступка Василія и умеръ съ горя. По смерти его начались междоусобія, облегчившія византійцамъ завоеваніе Болгаріи. Въ 1019 году Василій Болгаробоець объявилъ Болгарію византійскою областью и ввѣрилъ управленіе ея своимъ чиновникамъ.

Причины паденія болгарскаго царства *Шафарикъ* *) объясняетъ такъ: „Болгарское царство никогда, даже во время наибольшей его обширности, силы и славы, не имѣло достаточно твердаго основанія, которое бы могло надолго утвердить его политическое существованіе. Находясь въ срединѣ двухъ враждовавшихъ между собою силъ, свѣтской и духовной, имперіей византійской и нѣмецкой, Константинополемъ и Римомъ, будучи возмущаемо сплетнями того и другаго, раздираемо безпрестанными нападеньями иноплеменниковъ, прежде всего грековъ и франковъ, потомъ грековъ, мадьяръ, печенѣговъ и половцевъ, а внутри безпокою и разрываемо смѣсью непріязненныхъ одинъ другому народовъ, собственно такъ называемыхъ болгарь, славянъ, валаховъ, арнаутовъ, грековъ, армянъ и др., царство болгарское должно было наконецъ, особенно по умноженіи въ немъ разврата, безнравственности и греческой низости, обезсилѣть и сдѣлаться добычей сильныхъ своихъ непріятелей“.

Господство византійцевъ въ Болгаріи не было прочно. Непрерывный рядъ болѣе или менѣе удачныхъ возстаній закончился возстановленіемъ болгарскаго царства братьями *Асьнемъ* и *Петромъ* въ 1186 г. Гемъ съ одной стороны, а Дунай съ другой составляли границы ихъ державы. Ихъ преемникъ *Іоаннъ Асьнь II* возстановилъ въ новой своей столицѣ, Терновѣ, болгарское патриарше-

*) Славян. древн., т. II, кн. I, 529, стр. 312—313.

ство въ 1234 г. Византійскій императоръ, изгнанный изъ Царьграда крестоносцами и удалившійся въ Никею, вступилъ въ союзъ съ сильнымъ болгарскимъ царемъ, породнился съ нимъ и легко уступалъ всёмъ его требованіямъ. Со временъ Іоанна Асѣня II, болгарскіе государи назывались „царями всёмъ Болгаромъ и Грекомъ.“ Но и это второе болгарское царство, страшное для Византіи въ XIII столѣтіи, было также непрочно, какъ и первое: окруженное сильными сосѣдями, оно подпадало ихъ вліянію, зависѣло нѣсколько лѣтъ отъ татаръ, признало наконецъ надъ собою власть сербовъ и наконецъ въ 1392 году сдѣлалось легкою добычею турокъ. Турки уничтожили терновское патріаршество и подчинили Болгарію константинопольскому патріарху. Съ тѣхъ поръ начинается двойной гнетъ — турецкихъ чиновниковъ и фанаріотскаго духовенства. Фанаріоты заодно съ турками безжалостно обирали народъ и преднамѣренно держали его въ грубомъ невѣжествѣ, преслѣдуя славянское богослуженіе и славянскій языкъ, уничтожая славянскія книги и рукописи и вообще всё памятники прежней славной жизни.

О состояніи болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ и о народномъ ихъ возрожденіи въ нынѣшнемъ столѣтіи скажемъ впослѣдствіи, а теперь перейдемъ къ племени *сербовъ* и постараемся изложить вкратцѣ судьбу ихъ до покоренія ихъ турками.

Византійскіе историки упоминаютъ о вторженіяхъ сербовъ въ Иллирикъ и Далмацію въ половинѣ VI вѣка; но только около ста лѣтъ позже (636—638) они утвердились въ этихъ краяхъ. Ограниченная рѣками Моравою, Дунаемъ, Савою, Врѣбасомъ и Цетиною, Адриатическимъ моремъ, Скадарскимъ озеромъ и рѣками Дримцемъ, Ибаромъ и сербскою Моравою, Сербія съ самага начала дѣлилась на семь независимыхъ одна отъ другой *жупъ*: собственную Сербію, Боснію, Неретву, Захлумье, Травунію, Конавле и Дуклю. Великій жупанъ Дестницы (въ окрестностяхъ Дрина) былъ, ка-

жется, до первой четверти X вѣка верховнымъ начальникомъ всѣхъ прочихъ жупановъ; но съ 924 г., когда болгарскій царь Симеонъ опустошилъ Сербію, возвысился великій жупанъ дуклянскій, получившій отъ папы корону и титулъ королевскій. Первоначальная исторія сербовъ мало извѣстна. Мы знаемъ только, что въ 640 году они приняли крещеніе отъ римскаго духовенства; но христіанская вѣра, проповѣдуемая на чуждомъ языкѣ, не пустила глубокихъ корней въ народъ, который попрежнему пребывалъ въ язычествѣ, и потому два вѣка спустя были призваны проповѣдники изъ Византіи, положившіе прочное начало христіанству въ Сербіи. Мы знаемъ, что, несмотря на внутреннія усобицы, сербы счастливо воевали съ болгарами въ IX и началѣ X вѣка, и что они то признавали надъ собою верховную власть Византіи, то жили совершенно независимо. Болгарскій царь Симеонъ, раздраженный дружественными сношеніями сербовъ съ греками, послалъ противъ нихъ сильное войско (924 г.): сербы, не успѣвшіе бѣжать въ Хорватію, были отведены въ Болгарію, а страна ихъ превращена въ пустыню. Эта зависимость сербовъ отъ болгаръ продолжалась впрочемъ не долго: около 934 г. одинъ изъ нашедшихся въ болгарскомъ плѣну сербскихъ князей, Чеславъ, бѣжалъ изъ Прѣславы въ Хорватію и, съ помощью разбѣянныхъ тамъ своихъ земляковъ и византійскаго императора, возвратилъ себѣ престоль. Въ началѣ XI вѣка Сербія снова подпала власти болгаръ, а съ 1018 года стали ею управлять греческіе намѣстники. Въ 1040 году Стефанъ Боиславъ прогналъ грековъ, а сынъ его Михаилъ (1050—1080 г.) вошелъ въ сношенія съ Венеціею, императоромъ Фридрихомъ Барбаросою и папою Григоріемъ VII, отъ котораго получилъ титулъ короля. Преемники его воевали то съ болгарами, то съ греками, то съ жупанами боснійскимъ и раскимъ.

Исторія сербовъ начинаетъ проясняться со вступленія на престоль (ок. 1120 г.) Уроша, родоначальника

дома Неманичей. Сыновья Уроша вели несчастливый войны с императором Эмануилом Комненом. Около 1165 г. на сербский престолъ былъ возведенъ греками расий жупанъ *Стефанъ Неманя* (родился въ 1144 году въ Рыбницѣ на Зетѣ, умеръ 1200 году на Аѳонѣ, правилъ государствомъ 1159 — 1195 г.): онъ освободилъ Сербію отъ грековъ и старался объ утверженіи православія и искорененіи ереси патареновъ. Онъ покорилъ въ 1169 г. Боснію и присоединилъ къ Сербіи „часть Поморья (около устья Дрины), отъ Рабна оба Пилоты, отъ Греціи Патково (принадлежавшее прежде болгарамъ), Хвостно, Подримье (окрестности Дрины около Призрена), Костръць, Дръжковину, Ситницу, Лабъ, Глубочицу, Рѣку, Ушку, Поморавье (край, лежащій на восточномъ или болгарскомъ рукавѣ Моравы), Загрьлату, Лѣвче и Бѣлицы (*Шафарикъ*, т. II, кн. I, стр. 453).“ Старшій сынъ его, *Стефанъ Первовѣнчанный*, принужденъ былъ искать союзниковъ противъ болгаръ, грековъ и мадьяръ — пользовавшихся междоусобіями въ Сербіи для нападенія на нее, — въ Венеціи (онъ женился на внучкѣ дожа Дандоло) и Римѣ (отъ папы онъ получилъ въ 1222 г. королевскій вѣнецъ); младшій же Савва былъ первымъ сербскимъ архіепископомъ (1221 г.).

Изъ сыновей Стефана замѣчательны *Стефанъ III*, или *Урошъ Великій*, отбившій въ 1241 г. нападеніе монголовъ на Сербію. При второмъ сынѣ Уроша, *Милутинѣ* (1275—1321), искусномъ политикѣ школы Макіавелли и храбромъ воинѣ, границы сербскаго королевства значительно расширились. Византійскій императоръ и папа ласкали его изъ своекорыстныхъ видовъ; но онъ не увлекался ни дружбою, ни родственными связями, и его планы неограничивались пріобрѣтеніемъ Македоніи, а простирались на всю византійскую имперію: смерть остановила его предпріятія. Сынъ его *Стефанъ Урошъ III Дечанскій* (1321—1336 г.) оставилъ по себѣ память только сооруженіемъ великолѣпной церкви въ Дечанахъ. Противъ него образовалась сильная партія, во главѣ

которой сталъ сынъ его *Стефанъ Душанъ*, прозванный въ послѣдствіи *Сильнымъ*. Изгнанный изъ столицы, Стефанъ Дечанскій искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ настигнуть и задушенъ боярами.

При *Стефанъ Душанъ Сильномъ* (1336—1355 г.) Сербія достигла высшей степени могущества и славы: ей принадлежали Македонія, Фессалія, Эпиръ, Этолія, Албанія и Боснія; царь болгарскій былъ ея вассаломъ; Иоаннъ Кантакузень, женившій сына своего Матвѣя на сестрѣ Душана, искалъ у него помощи и съ сильнымъ сербскимъ войскомъ возвратилъ себѣ престолъ; Лудовикъ, король угорскій, вторгшійся въ Сербію, былъ разбитъ Душаномъ на голову и искалъ спасенія въ бѣгствѣ... Когда І. Кантакузень, тяготившійся союзомъ съ Душаномъ и опасавшійся его могущества, призвалъ противъ него турокъ, сербскій царь, принявшій уже титулъ императора сербовъ, грековъ и болгаръ, задумалъ завоевать Византію, чтобы избавить ее и Европу отъ мусульманъ; но неумолимая смерть воспрепятствовала осуществленію этого плана. Стараясь поддерживать изъ политическихъ видовъ добрыя сношенія съ папою, онъ въ то же время преслѣдовалъ „латинскую ересь“ и учредилъ въ 1346 г. сербское патріаршество. Своимъ *Законникомъ* (1349 — 1354 г.) онъ положилъ прочное основаніе государственному устройству Сербіи. Въ главныхъ чертахъ это устройство было слѣдующее:

Духовенство, принимавшее дѣятельное участіе въ устроеніи внутренняго порядка страны, пользовалось особымъ покровительствомъ правительства. Монастыри и церкви были освобождены отъ государственныхъ повинностей. У каждаго монастыря былъ свой приходъ; при монастыряхъ кормилися нищіе. Священники имѣли свои баштины. Сербскіе цари, находившіе постоянно опору въ духовенствѣ, дарили монастырямъ и церквамъ богатыя земли и пеклись объ ихъ благолѣпії. Міряне въ духовныхъ дѣлахъ были подчинены духовному суду, а духо-

венство въ гражданскихъ дѣлахъ подлежало общимъ государственнымъ законамъ.

Кромѣ всей земли, называвшейся въ общемъ смыслѣ *царскою*, сербскіе государи имѣли свои частныя владѣнія. Общественною земельною собственностію считались попреимуществу пастбища, лѣса, горы и дороги. Окрестности города составляли общественную городскую землю. Вся сербская земля дѣлилась на *жуны*, въ которыхъ лежали *грады* и *вароши*, т. е. укрѣпленные и неукрѣпленные города. Главный разрядъ земельной собственности составляли *баштины* или наследственные родовыя владѣнія. Всѣ сословія безразлично могли имѣть баштины, составлявшія полное и неотъемлемое владѣніе, которымъ владѣлецъ могъ распоряжаться по произволу. Баштины были изъяты отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Сербскіе цари жаловали иногда баштины въ вѣчное потомственное владѣніе со всѣми угодьями. Земля, отдаваемая кому-либо въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, называлась *пронія*. *Земледѣліе* и *скотоводство* пользовались особымъ покровительствомъ правителей.

Городское право не получило въ Сербіи полного развитія, и среднее или городское сословіе не успѣло еще сложиться по причинѣ недостаточнаго развитія ремесла и торговли: города составляли правительственное средоточіе жупъ: въ нихъ жили жупные намѣстники (*главари* или *кефалии*); здѣсь же хранилась казна, производился судъ и кое-гдѣ чеканилась монета. Городскіе расходы оплачивались всею жупою. *Главарь* собиралъ съ города доходы и завѣдывалъ судомъ. Города имѣли свою стражу.

Боярское или *властельское сословіе* дѣлилось на большихъ и малыхъ (*властеличичи*) властелей. Нѣкоторые изъ нихъ носили *княжескій* титулъ. Властели были осѣдлыми землевладѣльцами и жили или по жупамъ, или при царскомъ дворѣ. Они отправляли высшія государственныйя должности, но не были изъяты ни отъ тѣлес-

наго наказанія, ни отъ личнаго задержанія и смертной казни. Старое боярство пало при Душанѣ.

Средняго сословія, какъ мы уже сказали, не было въ Сербіи: тамъ были только отдѣльные лица, занимавшіяся ремеслами и торговлею.

Нижшее сословіе имѣло нѣсколько подраздѣленій: были свободные земледѣльцы и приписанные къ землѣ, ко крѣпостныхъ не было. Землевладѣльцы изъ низшаго сословія назывались *неропхами*, пастухи—*влахами* или *албанцами*, всѣ же люди податнаго состоянія—*людьми*. *Себръ* обозначалъ человекъ низшаго сословія, *отрокъ* и *дѣтичь*—раба.

Важнѣйшими *правительственными лицами* въ Сербіи были *жупаны* и *князья* (*великіе*). Въ собственной Сербіи званіе жупана уже не существовало при Душанѣ: но въ Босніи оно упоминается до конца XV вѣка. Главными правительственными лицами въ Босніи были *баны*. Военные сановники были *воеводы*, *тысячники* и *сотники*. Воевода былъ высшимъ военачальникомъ и замѣнялъ особу царя, въ его отсутствіе, со всѣми его правами. Въ Босніи воеводство было наслѣдственно въ нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ родахъ (*Храничи*). Правители пограничныхъ областей, имѣвшіе военную власть, назывались *краишниками*. Въ главѣ гражданскаго управленія стояли *кнезы*. При Душанѣ находимъ уже *сельскихъ кнезовъ*. *Кефалии* или *лавари* управляли жупами. Византійское вліяніе отозвалось на государственномъ строѣ Сербіи учрежденіемъ множества чиновниковъ по образцу греческому, каковы: деспоты, севастократоры, цесари, логоветы, протовестіаріи (казначей). Торговыми дѣлами и сборомъ пошлинъ завѣдывали *царинники*. *Судьи* были трехъ родовъ: сельскіе, городскіе (*кефалии*) и дворскіе (при царскомъ дворѣ). При судѣхъ состояли: *приставы* или *посланники*—главное его орудіе, *глобари*, взимавшіе пѣню, *глобу*, и *сводники*, производившіе сводъ проданнымъ вещамъ. Приставы вмѣсто жалованья получалъ доходы съ извѣстныхъ земскихъ статей, называвшіеся *издавою*.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати (*бирь* или *дань*, *данакъ*, *поданакъ*), различныхъ пошлинъ (*царинъ*) и денежныхъ пеней (*шобъ*). Кроме денежныхъ податей, были подати натурою, а именно *жировница* (желудями для кормленія свиней), *позобъ* (кормъ для лошадей), *сокъ* (овощами, саломъ и молокомъ) и *чъбина* (посудою). Подати взимались десятиною.

Земскія повинности были слѣдующія: военная служба (*войско*), постоянная и кормежная повинность (*приселица*), доставка государственныхъ сокровищъ (*ризница*), перевозъ пословъ (*посольство*), провожаніе царя и его властелей отъ одной жупы къ другой (*проводъ*), пасеніе царскихъ лошадей (*конь*) и переноска разныхъ вещей (*носъ*, *поносъ*). *Земскія работы* въ Сербіи были тѣ же, что и вездѣ.

Торговое право было слабо развито. Слова *гость*, *ламынянинъ*, употребляемая Законникомъ для обозначенія купца, напоминаютъ, что торговля въ Сербіи была въ рукахъ иноземцевъ. Національная торговля не была обезпечена никакими правами и ограничивалась сырыми произведеніями (хлѣбъ и металлы).

Мѣсто *военнаго права* замѣняло обычное право народа. *Родовое право* представляется въ Законникѣ въ измѣненномъ видѣ: древній родъ замѣненъ семьею или домомъ. „Въ Законникѣ видна общность семьи, не только живущей на одномъ хлѣбѣ и владѣющей общимъ имѣніемъ, но даже такой, которая *на одномъ огнищѣ* заключаетъ нѣсколькихъ, выдѣлившись въ хлѣбѣ и имѣніи родичей (*Майковъ*).“ Представителемъ семьи былъ старшина или господарь.

Въ *правѣ наслѣдства*, изложенномъ вообще неполно, видно преобладаніе семьи надъ родомъ. Первоначальными наслѣдниками были дѣти (кажется, только мужскаго пола); за ними слѣдовали братья и племянники. Всякій могъ произвольно распоряжаться своею собственностію. По прекращеніи дома, наслѣдство переходило къ родственнымъ домамъ. Право на наслѣдство не-

движимаго имущества имѣло только мужское колѣно; движимое же имущество могло переходить, въ случаѣ неимѣнія или смерти сыновей, къ дочерямъ и другимъ родственницамъ, но только по прямой линіи, тогда какъ мужское колѣно участвовало въ наслѣдствѣ и въ боковой линіи. Наслѣдство переходило нераздѣльно отъ одной семьи къ другой. Участіе матери въ наслѣдствѣ допускалось только вслѣдствіе особаго распоряженія собственника.

Малолѣтство считалось до 14-лѣтняго возраста. Бракъ признавался законнымъ только тогда, когда былъ освященъ церковью. Бракъ допускалъ жену къ пользованію имуществомъ мужа.

Вообще должно замѣтить, что *гражданское право* сербовъ было болѣе основано на обычаяхъ, чѣмъ на письменныхъ постановленіяхъ.

Уголовное право изложено въ Законникѣ подробно. Обычныя преступленія были: убійство, насиліе, безчестіе, обида, блудъ, пьянство, воровство и разбой, поджигательство, поддѣлка денегъ и открытое присвоеніе чужой собственности. О преступленіяхъ утонченныхъ, наслѣдіи устарѣлаго и испорченнаго общества, нѣтъ и помину. Убійства, совершавшіяся часто открыто и съ наглою смѣлостію, воровство и разбой были весьма обычными у сербовъ преступленіями: воры наказывались ослѣпленіемъ, а разбойники висѣлицею. Поджигателей и дѣлателей фальшивыхъ монетъ сожигали.

Судопроизводство было весьма несложно. Наказанія были одинаковы для всѣхъ сословій. Кто не могъ откупиться отъ наказаній за небольшія преступленія, тотъ подвергался тѣлесному наказанію. Общая порука существовала и у сербовъ. Самоуправство строго преслѣдовалось.

Таково было въ общихъ чертахъ государственное устройство сербовъ при Стефанѣ Душанѣ Сильномъ.

Одну изъ заслугъ Душана составляетъ уничтоженіе удѣловъ и униженіе боярства, игравшаго такую роль.

въ родовыхъ спорахъ сербскихъ государей. Вънчавъ вмѣстѣ съ собою на царство своего сына *Уроша*, Душанъ назвалъ его королемъ и далъ ему въ управленіе всю собственную Сербію; прочими завоеванными областями управляли севастократоръ, цесари и деспоты; самъ же Душанъ остался верховнымъ главою всего царства. Въ объединенномъ такимъ образомъ государствѣ не могло быть удѣловъ, а въ правленіи, гдѣ господствовалъ законъ и самодержавная воля, не могло быть родовыхъ счетовъ. „Душанъ нанесъ ударъ и боярскому сословію (говорить г. *Майковъ*). Явилось новое боярство не въ видѣ сословія и не по праву рожденія, а избранное по личнымъ заслугамъ. Къ Душану стекались служилые люди изъ разныхъ сербскихъ областей и сословій, и онъ награждалъ ихъ саномъ и должностями. Устроивается дворъ по греческому образцу; является цѣлый рядъ должностей, и орденъ св. Стефана учреждается для награды личныхъ заслугъ. Все это противодѣйствовало сословному быту. Въ Законникѣ сословныя отношенія и судопроизводство принимаютъ опредѣленный видъ и бояре подчиняются общественному приговору закона.“

При слабомъ преемникѣ Душана, *Урошь*, начались боярскія крамолы, облегчившія туркамъ покореніе Сербіи. Судьба ея была рѣшена въ битвѣ на Косовомъ полѣ (1389 г.): въ ней пали султанъ Амурадъ и царь Лазарь; ихъ преемники Баязеть и Стефанъ Лазаревичъ заключили договоръ, по которому Сербія была поставлена въ ленную зависимость отъ Турціи. Этотъ договоръ былъ скрѣпленъ родственными узами. Стефанъ Лазаревичъ отдалъ сестру свою въ супруги султану. Сербскій король участвовалъ во всѣхъ походахъ султана Баязета, а именно въ Болгарію (1390—1392), въ Боснію (1392), въ Валахію (1394), противъ Сигизмунда угорскаго (1396) и Тамерлана (1402). Поссорившись съ турками при Сулейманѣ, онъ подчинилъ Сербію Сигизмунду и съ угорскими войсками разбилъ турокъ

(1403); но вскорѣ примирился съ ними. Себялюбивый, недалновидный и переменчивый преемникъ Стефана, *Юрій Бранковичъ* (1427—1456), имѣя въ виду отпаденіе отъ Турціи, призналъ надъ собою покровительство угорскаго короля.

„Это покровительство“, говоритъ проф. *Григоровичъ* (*О Сербіи*, стр. 29—30), „ограничившись присвоеніемъ Бѣлграда и дунайскихъ крѣпостей, сдѣлало Сербію позорищемъ кровопролитныхъ войнъ и ознаменовалось вѣро-нетерпимостью, унижавшею народъ. Казалось, что когда турки разрушали ея матеріальное существованіе, покровительство это подготовило ея духовное рабство. Если попытка Іоанна Палеолога о соединеніи церквей довершила разложеніе византійской имперіи, то по той же причинѣ несчастная Сербія, поучаемая и защищаемая Іоанномъ Капистрономъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Гуніадомъ, доведена была до совершеннаго гелотства. Достоверно извѣстно, что послѣ флорентійскаго собора, когда Сербія, руководимая своимъ патріархомъ, не признала власти папской, народъ ея былъ поставленъ на ряду съ погибшими еретиками. Этотъ приговоръ, произнесенный главою западной церкви, подтвержденъ былъ ея поборниками и словомъ и дѣломъ. Клятвѣ, тяготѣвшая на союзѣ Сербіи съ ея мнимыми покровителями, выразилась въ презрѣніи къ народу сербскому. Народъ, подавленный темными подвигами своихъ покровителей, метаясь отъ власти къ власти, истомленный, забылъ наконецъ о своей самостоятельности и слѣпо шель на встрѣчу своихъ побѣдителей, османовъ. Событія, послѣдовавшія около половины XV столѣтія, касаясь османовъ, венгерцевъ и другихъ народовъ, хотя бы и совершались онѣ на почвѣ Сербіи, не были въ пользу ея. Подвиги Іоанна Гуніада, сраженіе при Варяѣ, вызывая содѣйствіе или сопротивленіе сербскихъ князей, не воздвигнули народа, не охранили цѣлость земли. Очевидно было, что чья ни выиграла бы сторона — османы или

ихъ противники — Сербія должна была служить средствомъ расплаты при заключеніи мира.“

Но германско-венгерское покровительство и интриги Византіи, искавшей своего спасенія въ союзѣ съ турками, только ускорили паденіе Сербіи, которое главнымъ образомъ кроется во внутреннемъ ея состояніи. Византія безспорно имѣла огромное вліяніе на государственную жизнь сербовъ. Исторія Сербіи XIV—XV в. представляетъ тѣ же самыя явленія, какія находимъ и въ исторіи Византіи: лицемѣріе, придворныя интриги, предательство и деспотизмъ. Состояніе Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія мастерски изображено *проф. Григоровичемъ* (стр. 8—11):

„Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою народность, Византія на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ, феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

„Славяне, выдержавъ неоднократные удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства, опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильные духовною самостоятельностью. Но своебытная, юная силами жизнь славянь, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлостъ отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія османовъ.

„Византія, съ завистью взирая, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе славянь, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской имперіи и сознавая свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила раз-

ладъ въ гражданскую ихъ жизнь, дабы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ или возвышаться надъ порождаемыми ею крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ и жертвами ея были народности. Потерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсилить коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, а не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ гражданъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушала имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общею жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной премудрости, доводившей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе слѣдственно народности и усиленіе эгоизма — это главныя черты Византіи въ эпоху водворенія османовъ. Съ этой точки зрѣнія поясню я предательскую уступку коренныхъ областей чужеплеменникамъ и легкомысленное довѣріе къ османамъ. Съ равнодушіемъ къ участи коренныхъ обитателей, естественно долженъ былъ усиливаться духъ частнаго корыстолюбія, жертвовавшій безъ разбора для личныхъ выгодъ интересами государства. Византіецъ, часто сомнительнаго происхожденія, присвоивая себѣ имя римлянина для тщеславныхъ видовъ, умышленно допускалъ самый разнообразный сбродъ народовъ, разногласіе которыхъ давало возможность господствовать. Немудрено

слѣдственно, что государство имѣло самое отвлеченное основаніе и лишено было жизненныхъ началъ.

„Рядомъ съ такимъ направленіемъ Византіи развился феодализмъ въ ея же областяхъ въ Пелопонезѣ, Гелладѣ и черезъ Тессалію и Эпиръ достигалъ славянскихъ земель. Наслѣдіе господства франковъ въ XIII столѣтіи, феодализмъ въ XIV и XV столѣтіяхъ сдѣлался явнымъ союзникомъ Византіи. Не бывъ въ состояніи основать самодержавія на народномъ единствѣ, Византія мало-помалу сживалась съ нимъ. Да, казалось, феодализмъ отвѣчалъ видамъ византійской политики, легко постигшей, что въ дробности, разобщеніи мелкихъ владѣній, легче, пользуясь взаимными раздорами, то враждовать съ ними, то снискивать ихъ содѣйствіе. Византія глубоко сознавала, что феодализмъ, способствуя отчужденію сильныхъ властелиновъ, увеличивалъ безсиліе цѣлаго общества и что личное мужество феодаловъ не всегда противилось приманкамъ корысти.

„Препятствуя возниканію сословій, подавляя свободное развитіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отстаивала свое существованіе, дѣйствовалъ косвенно, но не менѣе губительно. Его-то вліянію приписываю я возниканіе у южныхъ славянъ самовольныхъ властелиновъ, людей мощныхъ своимъ боярствомъ, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила есть право и право есть сила. И это притязаніе особенно обнаружилось въ Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія.

„Поставленная между силою, расплавляющею народное общеніе, и силою, раздробляющею государственную цѣлость, между Византіею и феодализмомъ, Сербія не могла не поколебаться, испытывая то явное, то тайное ихъ дѣйствіе. Вотъ почему мы замѣчаемъ, что Сербія, достигнувъ въ XIV столѣтіи значительнаго могущества, съ прекращеніемъ династіи Неманичей, была, несмотря на народное единство, терзаема распрями соперниковъ властелиновъ, посягавшихъ на раздробленіе отечества, ослаблявшихъ мысль дружной охраны самодержавія.

„Среди этихъ распрей Сербія вызвана была на роковую борьбу съ османами.“

Въ 1459 году Сербія обращена въ турецкую область; въ 1463 году покорена Боснія, а въ 1483 Герцеговина.

Судьба болгаръ и сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ была одинакова: вся разница состоитъ въ томъ, что въ болгарскихъ земляхъ преобладалъ гнетъ фанариотовъ, а въ сербскихъ — мусульманъ.

Болгарія, утративъ со смертію послѣдняго своего царя, Шишмана, политическую независимость, удержала духовную въ лицѣ своего патріарха. Національное духовенство поддерживало воинственный духъ въ народѣ, и еще цѣлое столѣтіе продолжалась борьба съ турками: храбрые воеводы удалялись въ горы, собирали смѣлыя дружины, съ помощью которыхъ отнимали у турокъ города, и управлялись или совершенно независимо, или оплачивая дань султану. Со времени завоеванія Царьграда турками, судьба болгаръ значительно ухудшилась: царьградскій патріархъ изъ своекорыстныхъ видовъ внушилъ туркамъ мысль объ уничтоженіи болгарскаго духовенства, возбуждавшего народъ къ возстанію, а фанариоты свѣтскіе вступили въ ряды турецкихъ войскъ, усмирявшихъ непокорныхъ болгаръ. По совѣту патріарха, было истреблено все высшее сословіе въ Болгаріи, давшее многихъ героевъ, долгое время боровшихся за независимость. Память объ этихъ герояхъ сохранилась доселѣ въ народныхъ пѣсняхъ. Любимый народный герой — Стоянь. Заимствуемъ у г. Даскалова весьма замѣчательную пѣсню о немъ, характеризующую отношенія болгаръ къ туркамъ и фанариотамъ и описывающую истребленіе высшаго сословія въ Болгаріи.

„У матери родился сынъ, названный Стояномъ; она качала его въ золотой колыбели и, качая, приговаривала: спи, мое родное дитя, милый мой Стоянь, спи и расти скорѣе; когда будешь большой, исторгни собственное царство изъ чужихъ, поганныхъ рукъ, ибо оно твоего отца, твоей матери. Стоянь сталъ ей говорить:

О, мать моя, старая мать! какъ ты пронзила мое сердце! Но гдѣ же у меня острая сабля, длинное гибкое ружье, пара дуствольныхъ пистолетовъ и старинная отцовская булава, чтобы исторгнуть собственное царство изъ чужихъ, поганныхъ рукъ, ибо оно моего отца, моей матери? На это отвѣчаетъ ему мать: Все есть у тебя, родное дитя мое, мой милый Стоянь! Осѣдай только своего коня, встань пораньше въ воскресенье, помолись Богу усердно, собери себѣ войско; но мать твоя закликаетъ тебя, дитятко: когда поѣдешь, поставь рядомъ войско по холмамъ и долинамъ, и не бойся никого; *береись только грековъ лукавыхъ, лукавыхъ да предателей,* предавшихъ твоего отца въ великомъ градѣ Адрианополи въмѣстѣ съ 72.000 воиновъ. Поѣхалъ Стоянь, разставилъ рядомъ войско по холмамъ и горамъ, захватилъ ущелья такъ, что некуда и птичкѣ пролетѣть. *Прослышалъ какъ-то объ этомъ патриархъ, цареградскій патриархъ, пошелъ прямо къ царю и сталъ говорить ему:* Великій царь-падишахъ! да долгоденствуетъ твое царство! Слышалъ ли ты, царь, узналъ ли ты о Стоянь, младомъ воеводѣ, изъ великаго града Тернова, который поднялъ мечъ, чтобы исторгнуть свое царство, говоря, что оно будто бы его отца, его матери? Отвѣчаетъ царь патриарху: О, патриархъ, глава земли! Если это такъ, я пошлю войско противъ Стояна воеводы, 15-тысячное войско! — *И поднялось войско чуть свѣтъ; его повелъ самъ патриархъ;* шли да шли, прошли широкое поле, добрались до зеленаго лѣсу. Чуть завидѣлъ Стоянь патриарха, Стоянь, молодой воевода, грянулъ его голосъ сквозь мѣдный рогъ, собралъ всѣхъ своихъ воеводъ и сталъ говорить имъ: Воеводы, молодые богатыри! распустите кровавыя знамена: мѣсто укажетъ на того, кто храбрѣе изъ храбрыхъ! — Всѣ воеводы заговорили: *мы пойдемъ съ радостью колоть турокъ и приведемъ къ тебѣ патриарха живьемъ.* — Всѣхъ турокъ перекололи, но патриархъ оказался хитрѣе насъ: онъ потихоньку улизнулъ изъ войска. — И вотъ бѣда, великая бѣда: *патриархъ вскорѣ*

прибыль съ арабами. Стоянь отступилъ назадъ и скрылся въ густой лѣсъ. *Патріархъ возвратился въ Царырадъ и сталъ говорить царю: О царь, великій падишахъ! развѣ я не говаривалъ тебѣ, чтобы всю ихъ оставшуюся знать обратитъ въ исламъ, дѣтей ихъ поработитъ, священниковъ ихъ переколоть, архіереевъ ихъ перевѣшать, церкви ихъ разрушить: тогда только, царь, будешь покоенъ.* — Царь послушался наконецъ патріарха, послалъ переколоть, всѣхъ архіереевъ переколоть, повѣсить всѣхъ священниковъ, обратить въ исламъ молодыхъ юношей, разрушить много церквей, а другія обратить въ мечети. Кровь полилась ручьями; дѣятельнѣйшими палачами были сами фанариоты.... Турокъ можно было обмануть, можно было отъ нихъ откупиться — говорится въ другой пѣснѣ; но отъ фанариотовъ не было спасенія: „солнце померкло, горы заплакали, трава прослезилась, поле кровью полилось“... *).

Гнетъ фанариотовъ былъ менѣе чувствителенъ въ сербскихъ областяхъ, хотя и въ нихъ не прошелъ безслѣдно: подъ его вліяніемъ народъ значительно упалъ въ нравственномъ и матеріальнымъ отношеніяхъ и переходилъ въ исламъ и католицизмъ.

Пораженіе мадьяръ и поляковъ подъ Варною (1444 г.) имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Сербіи. Интриги католиковъ ускорили ея паденіе; она согласилась охотнѣе признать власть османовъ, оставлявшихъ покореннымъ народамъ свободу вѣроисповѣданія, чѣмъ мадьяръ, обнаружившихъ намѣреніе совратить сербовъ въ католицизмъ. По словамъ народной пѣсни, Юрій Бранковичъ однажды спросилъ І. Гуниада: что онъ думаетъ о вѣрѣ въ случаѣ побѣды? Гуниадъ отвѣчалъ, что онъ обратитъ народъ въ католицизмъ; затѣмъ Юрій сдѣлалъ подобный же вопросъ султану, и тотъ отвѣчалъ, что онъ поставитъ возлѣ каждой мечети церковь и предоста-

*) Русская Бьседа, 1858 г. II, ч. 2, смѣсь стр. 7—8.

вить жителямъ свободу вѣроисповѣданія. И народъ предпочелъ покориться туркамъ, чтобъ сохранить свою вѣру. Когда послѣдняя сербская княгиня, Елена Палеологъ, передала свои земли во владѣніе папы, народъ возсталъ и призвалъ Турокъ для занятія крѣпостей, лишь бы избавиться зависимости отъ Рима. По той же самой причинѣ боснійскіе патарены сдали туркамъ безъ боя въ теченіе 8 дней 70 крѣпостей *).

Турки, предоставляя сербамъ свободу вѣроисповѣданія, думали объ одномъ—о порабощеніи народа. „Когда въ 1463 году турецкій султанъ Магометъ Фетхи (Завоеватель) убилъ боснійскаго короля Степана Томашевича и покорилъ своей власти всю Боснію (говоритъ туземный авторъ записки, изданной А. О. Гильфердингъ въ его сборникѣ: *Боснія, Герцеговина и Ст. Сербія*), то онъ взялъ въ рабство христіанское юношество, годное къ военной службѣ, числомъ до 30.000, и, причисливъ ихъ къ янычарамъ, увелъ за собою въ Стамбуль. Въ то же время онъ приказалъ подъ городомъ Яйцемъ умертвить до 10.000 боснійскихъ вельможъ и знатныхъ людей, предавшихъ ему на слово. И то и другое сдѣлалъ Магометъ для того, чтобы уничтожить все то, что могло бы сопротивляться въ Босніи новому турецкому управленію. Между тѣмъ часть христіанъ, преимущественно изъ числа знатныхъ людей, бѣжала въ Далмацію, а другіе приняли магометанскую вѣру. Такимъ образомъ отчасти погибла или разсыпалась, отчасти обратилась въ магометанство аристократія боснійская. Простолюдиновъ же христіанъ султанъ-завоеватель оставилъ въ полной свободѣ, замѣнивъ для нихъ военную повинность *харачемъ* и оставивъ имъ владѣніе ихъ имуществомъ и землями, подъ условіемъ платить ему десятину со всего, что родитъ земля. Десятину эту до 1850 года получали именемъ султана беги боснійскіе, обязанные за то къ

*) Исторія Сербіи, стр. 23 и 24.

военной службѣ по первому востребованію. Десятина эта всегда платилась натурою.“

Въ 1615 году были присланы въ Боснію султанскіе уполномоченные (*эль-эмены*) для размежеванія земель и внесенія въ государственные акты. Съ 1521 года настали бѣдственныя времена для боснійскихъ христіанъ: полчища мусульмамъ на пути своемъ въ Австрію опустошали и разрушали церкви, монастыри, города и села; народъ бѣжалъ за Дунай и въ Далмацію или скрывался въ горахъ: цѣлыя области (*Посавина, Подринье и Крайна*) пусты. Къ довершенію бѣдствій, чума истребила значительное число христіанъ. Претерпѣвъ поражение подъ Вѣною въ 1683 году, Турки выместили свою ярость на боснійскихъ христіанахъ: въ короткое время было разрушено множество церквей и монастырей; жители бѣжали тысячами въ сосѣдніе края. По заключеніи мира между императоромъ Карломъ VI и турками въ 1739 году, боснійскіе христіане стали возвращаться изъ добровольнаго изгнанія и селиться на оставленныхъ ими земляхъ съ согласія *беговъ* и *капетановъ* (окружныхъ начальниковъ), своевольно захватившихъ эти земли и распорядившихся на нихъ неограниченными властелинами: они никому не повиновались и, по своему усмотрѣнію, били, убивали, вѣшали и сажали на колъ людей. Христіане, поселившись на захваченныхъ капетанами и бегами земляхъ, обязывались платить имъ девятую часть урожая и полторы оки коровьяго масла за пользованіе пастбищами и сѣнокосами. По мѣрѣ умноженія и дробленія домовъ капетановъ и беговъ, требованія ихъ возростали: мало-по-малу они ввели *ангарію* или *беллукъ* (барщину), отягощавшую поселянъ.

Въ собственной Сербіи повторялись тѣ же самыя явленія, какъ и въ Босніи. „Султаново войско, говоритъ *Ранке* въ своей Исторіи Сербіи (стр. 25—26), „почти ежегодно ходило черезъ эти земли къ венгерскимъ границамъ и не оставляло ихъ въ покоѣ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константино-

поль косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна подѣлена между спахіями, коимъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все ихъ вооруженіе состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, коихъ отнимали у нихъ турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливался глядѣть прямо. Каждые пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они уводимы были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства“.

Во всѣхъ земляхъ, покоренныхъ турками, господствовала одна и та же система управленія.

По ученію корана, земля составляетъ достояніе Бога и его намѣстника на землѣ, калифа: она принадлежитъ государству, и отдѣльныя лица могутъ только пользоваться ею. Право на такое пользованіе — пожизненное или наслѣдственное — имѣютъ прежде всего правовѣрные воины: между ними-то и была раздѣлена почти вся земля. Райя должна была обрабатывать землю и платить налоги. Всѣ христіане мужескаго пола, отъ семи лѣтъ до глубокой старости, были обложены подушною податью. Спахи собирали съ райи десятину отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, отъ виноградника и отъ улья, и небольшую подать съ каждой головы скота. Каждая семья платила имъ кромѣ того подушный оброкъ (*главница*) по два піастра. Случалось, что оброкъ, платимый обыкновенно поселининомъ спахию натурою, замѣнялся денежнымъ (10 піастровъ съ семьи). Получая съ райи оброкъ, спахія не вмѣшивался въ сельское управленіе, которымъ заведывали *кнезы*. Кромѣ того райя обязана была содержать пашу и мѣстную администрацію. Особенно обременительно было и есть для христіанъ содержаніе судей (въ главныхъ городахъ *муллы*, во второстепенныхъ *кади*) и полицейскихъ чиновниковъ (*мусселимы*), кото-

рые изъ корыстныхъ видовъ стараются объ увеличеніи безпорядковъ. На содержаніи же райи находился епископъ-фанаріотъ, безсовѣстно обиравшій свою паству. Паши и епископы постоянно старались наверстать съ лихвою на райѣ потраченныя ими въ Константинополь на покупку должностей деньги. Райя, непринимавшая никакого участія въ государственномъ управленіи, существуетъ только для того, чтобы оплачивать государственные расходы. Ей воспрещено носить оружіе, ѣздить верхомъ, одѣваться такъ, какъ одѣваются мусульмане, и т. п. Ея обязанность—безусловная покорность и смиреніе.

Всякій кто былъ недоволенъ системою турецкаго управленія, покидалъ родину *) или бѣжалъ въ горы, гдѣ составлялись шайки удальцовъ (*гайдуки*), ведшихъ партизанскую войну съ своими заклятыми врагами—турками. Изъ такихъ-то удальцовъ образовалась *Черногорское княжество*.

Княжество зетское (такъ называлась первоначально *Черногорія* по главной ея рѣкѣ *Зеть*) управлялось еще во времена Душана своими *господарями*. Около 1360 года Зетою владѣли *Страшиміръ*, *Юрій* и *Бальша Неманичи*. Бальша признавалъ надъ собою верховную власть сербскаго царя Лазаря и участвовалъ въ Косовской битвѣ. По смерти Бальши II (1422 г.), изгнанный имъ братъ его, *Стефанъ Черноевичъ*, былъ вызванъ, по желанію народа, изъ Неаполя и поставленъ княземъ. Онъ построилъ Жаблякъ, крѣпость на рѣкѣ Морачѣ, принадлежащую нынѣ туркамъ. Въ союзѣ съ Юріемъ Скендер-

*) Такъ въ 1689 году 37.000 семействъ, подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича, выселились въ Австрію. Австрійское правительство посягнуло на вѣру и языкъ сербскихъ поселенцовъ: заступничество Россіи (при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ) не имѣло никакого успѣха. По удаленіи Арсенія Черноевича въ Австрію, турки постановили въ Печѣ (Ипекѣ) новаго патріарха. Послѣ возстанія 1737 года, Порта уничтожила сербское патріашество и подчинила Сербію царьградскому патріарху. Съ тѣхъ поръ появились фанаріоты въ сербскихъ земляхъ.

бегомъ, на дочери котораго онъ былъ женатъ, Стефанъ 24 года воевалъ съ турками. Сынъ его, *Иванъ Черноевичъ*, построившій нынѣшнюю Рѣку и цетинскій монастырь, продолжалъ войну съ турками, которые отняли у него Жаблякъ. Внукъ его, *Юрій*, завелъ типографію въ Рѣкѣ, одну изъ первыхъ по времени въ славянскихъ краяхъ. Съ смертію его, въ 1516 году, пресѣкъся домъ Черноевичей, и власть перешла къ владыкѣ Рувиму I и его наслѣдникамъ. Въ это время турки нѣсколько разъ пытались покорить Черногорію, но безуспѣшно.

Въ 1696 году черногорцы, оставшись безъ правителя, на соборѣ въ Цетинѣ избрали своимъ господаремъ *Даніила Петровича Нльоша*, родоначальника нынѣшняго княжескаго дома. Онъ возобновилъ цетинскій монастырь и отразилъ въ 1706 г. нападеніе турокъ. Въ 1711 г. императоръ Петръ I отправилъ въ Черногорію Михаила Милорадовича съ грамотою, въ которой призывалъ черногорцевъ къ борьбѣ съ турками. Черногорцы не замедлили вторгнуться въ Герцеговину и Албанію. Въ слѣдующемъ году они разбили шестидесятитысячную армію подъ предводительствомъ Ахметъ-Паши. Преемникъ Даніила, *Савва* (съ 1739 г.), одержалъ блистательную побѣду надъ турками въ Кучахъ. При владыкѣ *Василіи* (съ 1750 г.) боснійскій визирь потребовалъ у черногорцевъ дани и, получивъ отказъ, вторгся въ Черногорію съ 40.000 отборнаго войска; но былъ разбитъ наголову. Въ 1766 году, по смерти Василія, появился въ Черногоріи самозванецъ, *Степанъ Малый*, выдававшій себя за императора Петра III. Онъ успѣлъ захватить верховную власть въ свои руки и умнымъ правленіемъ снискалъ любовь народа. Въ 1768 году онъ разсѣялъ 180.000 турокъ, вторгшихся въ Черногорію. Умеръ въ 1774 году. Въ 1782 году вступилъ въ управленіе Черногорією племянникъ владыки Саввы, *Петръ I Св.* Онъ нѣсколько разъ счастливо воевалъ съ турками (въ 1789 г. взялъ Спужь, въ 1795 г. разбилъ подъ Спужемъ турокъ, изъ коихъ 3.000 осталось на мѣстѣ, а въ слѣ-

дующемъ году въ одномъ сраженіи погибло 3.500 ту-
рокъ и самъ Махмутъ-Паша). Въ 1805 году черногор-
цы помогали намъ при занятіи Боки Которской и оса-
ды Дубровника. Въ 1813 году Черногорцы вторично за-
няли Которъ. Остатокъ дней своихъ владыка провелъ
въ борьбѣ въ турками за единоплеменныхъ и единовѣр-
ныхъ братьевъ въ Герцеговинѣ и въ заботахъ о народ-
номъ благосостояніи (издалъ *Законникъ* въ 1798г.). Умеръ
въ 1830 году.

Тридцатилѣтнее правленіе владыки *Петра II* (1830
—1851 г.), обезсмертившаго себя своими поэтически-
ми произведеніями, не ознаменовалось важными внѣшни-
ми событіями для Черногоріи: онъ старался жить въ ми-
рѣ съ сосѣдями, турками и австрійцами, заступался пе-
редъ турецкими властями за своихъ единовѣрцевъ въ
Герцеговинѣ и подъ рукою помогалъ имъ; главнымъ об-
разомъ заботился о внутреннемъ благоустройствѣ Чер-
ногоріи и о распространеніи въ ней просвѣщенія. Онъ
первый завелъ въ Черногоріи школы и основалъ въ Це-
тинѣ типографію, въ которой печатался между прочимъ
альманахъ „Грлица“ подъ редакцію его секретаря, *М.*
Милаковича: въ нѣсколькихъ книжкахъ этого альманаха
разбросаны весьма важныя статьи объ исторіи, статисти-
кѣ и топографіи Черногоріи.)

По смерти его прекратилась еократія въ Черногоріи,
и преемникъ его, *Даніилъ I* (1852—1860 г.), сталъ ти-
туловаться княземъ. Первая его война съ турками въ
1852—1853 году, когда Омеръ-Паша вторгся въ Черно-
горію со стотысячною арміею, была неудачна: Черногоріа
была спасена на этотъ разъ Россіею; зато въ 1858 го-
ду былъ приобрѣтенъ черногорцами граховскій округъ.

Граховская побѣда, одержанная братомъ Даніила I,
Миркомъ Петровичемъ, надъ Хусейнъ-Пашею *), имѣ-

*) *Н. Душина*, Полазакъ турецке войске из Билече у Баняне, бой на
Граховцу и славна побѣда (1865 года 1 мая), въ черногорскомъ кален-
дарѣ *Орличъ* за 1856 г., стр. 28—51.

ла еще то важное слѣдствіе, что великія державы признали необходимымъ опредѣлить съ точностью границы Черногоріи (международная коммиссія разграниченія 1859—1860 года) и тѣмъ положить конецъ неосновательнымъ притязаніямъ турокъ и безконечнымъ пограничнымъ ссорамъ. Къ сожалѣнію только, великія державы не обратили вниманія на то, что въ опредѣленныхъ ими границахъ Черногорія существовать не можетъ и что ей необходимъ выходъ къ морю (портъ Спичь): единственныя условія, при которыхъ возможенъ сколько-нибудь прочный миръ между Черногоріею и Турціею. Даніилу I принадлежитъ честь изданія нынѣшняго черногорскаго законника (1855 г.); но исторія должна осудить его за излишнюю привязанность къ Франціи. Преждевременная смерть Даніила, измѣннически убитаго, какъ извѣстно, въ Которѣ, была большимъ несчастіемъ для Черногоріи. Незадолго до своей смерти онъ вызвалъ изъ Парижа племянника, нынѣшняго правителя Черногоріи, *Князя Николая I*, и серьезно занялся его воспитаніемъ, приготавливая его себѣ въ преемники. Недоучившійся юноша со школьной скамьи былъ пересаженъ на княжескій престолъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что его княженіе причинило не мало бѣдъ черногорскому народу.

Князь Николай родился 25 сентября 1841 г. Родители его при послѣднемъ черногорскомъ владыкѣ жили въ бѣдности въ селеніи Нѣгушахъ, и нынѣшній правитель Черногоріи пасъ въ дѣтствѣ козъ и бѣгалъ босикомъ въ рубахѣ до пупа. Даніиль I Петровичъ, вступивъ въ управленіе Черногоріею, назначилъ брата своего Мирка Петровича великимъ воеводою, а племянника своего, Николая, когда онъ подросъ, послалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими черногорцами въ Парижъ на воспитаніе. Французское правительство не находило нужнымъ, чтобы черногорцы знали что-либо другое, кромѣ языка, исторіи и географіи Франціи. Нашлись добрые товарищи, которые познакомили молодыхъ черногорцевъ

съ парижскою жизнью: ихъ услугами пользовался и Николай Петровичъ Нѣгошъ, не получавшій отъ родителей иныхъ посылокъ, кромѣ чулокъ, вязанныхъ его матерью, — чулокъ, которые немедленно по полученіи выбрасывались въ такое мѣсто, гдѣ не могли найти ихъ товарищи его. Потерявъ напрасно года два или три въ Парижѣ, онъ былъ вызванъ въ Цетинье, гдѣ Даниль I Петровичъ занялся его воспитаніемъ....

Еслибы не палъ Даниль отъ измѣннической руки въ Которѣ, то изъ нынѣшняго правителя Черногоріи вышелъ бы иной человекъ: въ немъ были задатки, обѣщавшіе многое въ будущемъ; но ихъ развитіе было мгновенно прервано. Со школьной скамьи, изъ-подъ ферулы учителя, носясь мыслями въ Парижѣ, Николай вступилъ въ управленіе княжествомъ: внезапно ослѣпленный неожиданно доставшеюся ему властью, не приготовленный къ серьезнымъ занятіямъ, молодой князь предался сладостному *far niente* и сталъ подражать парижскому образу жизни, предоставивъ заботиться о дѣлахъ своему отцу; а между тѣмъ было о чемъ подумать: тетка, уѣзжая въ Парижъ развѣять скорбь по потерѣ мужа, увезла съ собою все, что могла; молодому князю достался пустой сундукъ отъ денегъ... Былъ слышанъ въ народѣ ропоть... Мирко не задумывался долго въ выборѣ средствъ къ прекращенію неудовольствій, и подъ его желѣзною рукою умолкъ ропоть... Забравъ всю власть въ свои руки, онъ обратилъ сенатъ въ послушное себѣ орудіе и издѣвался надъ черногорскими законами. Лучшие и благороднѣйшіе люди были мало-по-малу удалены, — остались одни льстецы и безгласные слуги... А между тѣмъ заботливая тетюшка прислала изъ Парижа въ утѣшеніе молодому князю шута-корсиканца, д-ра Панкрацци, но не такого шута, какихъ держали встарину наши князья, не такого шута, который изъ преданности позволялъ себѣ высказывать князю правду, подвергая свою спину ударамъ: нѣтъ, это былъ шутъ нашего вѣка. Имѣя въ виду одно

—личную корысть, Панкрацци забавлялъ молодого князя площадными шутками, прислуживался ему и всякому, велъ дипломатическую переписку и лечилъ его: это былъ фактотумъ князя Николая, не умѣвшаго безъ его совѣта слова сказать, шагу ступить... Хитрый Панкрацци въ одно и то же время служилъ Черногоріи, Франціи, Австріи и Турціи.

Цетинье наполнилось искателями приключеній, преимущественно изъ австрійскихъ славянъ: нѣкоторые изъ нихъ успѣли пристроиться, а другіе жили никому невѣдомыми средствами. Иностранные шпіоны, подъ именемъ живописцевъ и путешественниковъ, наводнили Черногорію. Князь Николай ни разу не задалъ себѣ вопроса, зачѣмъ и на какія средства живутъ въ Цетиньѣ эти незваные гости, и не только не остерегался ихъ, но даже допускалъ къ себѣ и вообще былъ весьма благосклоненъ къ нимъ, — впрочемъ не ко всѣмъ: русскіе путешественники, хотя бы это были благороднѣйшіе люди и искренно преданные Черногоріи, не пользовались его расположеніемъ. Изъ нѣсколькихъ случаевъ упомяну объ одномъ: одинъ молодой богатый русскій князь пріѣзжалъ года три тому назадъ въ Черногорію, пробылъ нѣсколько дней въ Цетиньѣ и только передъ отъѣздомъ могъ добиться аудіенціи у князя, который подъ предлогомъ важныхъ занятій (упражненій въ фотографическомъ искусствѣ и пусканіи фейерверковъ!) отказывался принять его. А между тѣмъ австрійскіе, французскіе и англійскіе шпіоны были принимаемы съ большими почестями. Для характеристики князя Николая весьма важно еще одно обстоятельство: извѣстно, что князь Данииль I, вѣроятно, по совѣту Даринки, учредилъ орденъ „за независимость Черногоріи“; преемникъ его изъ тщеславія придумалъ три степени для этого ордена и сталъ весьма щедро раздавать его иностранцамъ, оплачивая имъ болѣе или менѣе сомнительныя ихъ услуги: послѣдствія оказались одинаково прискорбны для обѣихъ сторонъ....

Самъ князь Николай крайне честолюбивъ и весьма настоятельно добивается иностранныхъ орденовъ. Въ-стѣ съ честолюбіемъ стала проявляться въ немъ въ началѣ послѣдней войны удивительная самонадѣянность: онъ полагалъ, что очень легко сладить съ турками, а потому изображалъ себя на портретахъ или указывающимъ на пылающія турецкія деревни, или покрывающимъ рукою Стамбуль! Эта самоувѣренность составляетъ также отличительную черту Мирка Петровича: въ началѣ послѣдней войны съ турками онъ говаривалъ: „Мы шапками забросаемъ турокъ и прогонимъ ихъ въ Стамбуль!“ Событія однако не оправдали предсказанія Мирка: поле сраженія осталось за турками, и гордые черногорцы должны были согласиться на предписанныя имъ въ Рѣкѣ рenegатомъ Омеръ-Пашею условія.

Несмотря на голодъ, безденежье и недостатокъ военныхъ припасовъ въ Черногоріи, война съ турками не имѣла бы такихъ гибельныхъ послѣдствій, еслибы не были сдѣланы княземъ Николаемъ и его отцомъ, Миркомъ Петровичемъ, двѣ непростительныя ошибки: 1) правитель Черногоріи долженъ былъ скрывать отъ турокъ свое вмѣшательство въ дѣла Герцеговины и Албаніи, отклонять отъ себя всякую отвѣтственность за пограничныя столкновенія, а не возвѣщать всему міру о своихъ побѣдахъ; извѣстно, что телеграмма, отправленная княземъ Николаемъ къ теткѣ его въ С.-Петербургъ, о криницкой побѣдѣ (въ Албаніи ¹¹/₂₃ марта 1863 г.: по черногорскимъ извѣстіямъ, убито 500 турокъ, взято въ плѣнъ 600), послужила обвинительнымъ противъ него актомъ; 2) рѣшившись вступить въ открытую борьбу съ турками, слѣдовало не вносить ее въ сердце Черногоріи, а вести ее по окраинамъ, въ Герцеговинѣ и Албаніи, какъ это и входило первоначально въ планы черногорскаго правительства; но въ послѣдствіи Мирко Петровичъ, опасаясь, чтобы побѣды, одержанныя воеводою Петромъ Вукотичемъ въ Дугѣ надъ Дервишъ-Пашею (⁴/₁₆ апрѣля и ⁵/₁₇ и ⁶/₁₈ мая), не затмили военной славы,

приобрѣтенной имъ въ Граховцѣ, отозвалъ черногорскія войска изъ Герцеговины и тѣмъ доставилъ Дервишъ-Пашѣ возможность вторгнуться въ Черногорію и соединиться съ албанскою арміею Омеръ-Паши (въ концѣ мая).

Несмотря на отчаянную храбрость Мирка Петровича и другихъ воеводъ и на воодушевленіе, мгновенно овладѣвшее всѣмъ народомъ (даже старики и дѣти пошли на войну: такъ, при приближеніи турокъ къ Цетинью, ученики тамошней школы отправились воевать съ ними вмѣстѣ съ своимъ учителемъ), черногорская сила была сломлена, и 31-го августа князь Николай подписалъ ультиматумъ Омеръ-Паши, шестымъ параграфомъ котораго предоставлялось туркамъ право провести черезъ всю Черногорію изъ Албаніи въ Герцеговину военную дорогу съ блокгаузами. Вслѣдствіе предстательства Россіи и другихъ великихъ державъ, турки отказались отъ постройки дороги черезъ Черногорію, но зато окружили ее цѣлою цѣпью блокгаузовъ, какъ со стороны Герцеговины, такъ и со стороны Албаніи.

Послѣдняя война доказала черногорцамъ, что, при введеніи въ турецкую армію усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, старинное ихъ вооруженіе никуда непригодно, а потому князь Николай, по замиреніи съ турками, постарался сблизиться съ австрійскимъ правительствомъ, чтобъ получить чрезъ него штуцера и порохъ, то вполне удалось послѣ поѣздокъ въ Вѣну его и Мирка Петровича. Дружественныя отношенія къ Австріи—хотя они и ненадежны,—крайне необходимы для Черногоріи, какъ это доказала послѣдняя война. Также необходима для Черногоріи дружба съ Сербіею, сближеніе съ которою началось въ концѣ 1864 года и успѣло уже принести хорошіе плоды: черногорское правительство, по примѣру сербскаго, стало заботиться о народномъ просвѣщеніи и обученіи войска. Вообще въ послѣдніе два года Черногорія оказала большіе успѣхи.

Съ конца прошлаго столѣтія начинается народное возрожденіе задунайскихъ славянъ. Счастливыя войны Ега-

терины II съ турками подняли упавшій народный духъ славянъ и грековъ и пробудили въ нихъ мысль о независимости. Возстаніе вспыхнуло въ разныхъ мѣстахъ Турціи; но самымъ важнымъ по своимъ результатамъ было сербское.

Извѣстно, что султанъ Селимъ III, убѣдившись въ превосходствѣ своихъ сосѣдей и невозможности бороться съ ними при тогдашней системѣ турецкаго управленія, рѣшился произвести коренныя преобразованія въ своей имперіи, къ числу которыхъ принадлежала замѣна янычаръ постояннымъ правильно-организованнымъ войскомъ.

Изгнанные изъ бѣлградскаго пашалыка, янычары пристали къ возставшему въ Видинѣ въ 1788 году Осману Пасванъ-Оглу, который съ помощью 10.000 *кирд-жаліевъ* (людей, уволенныхъ Портою отъ службы и занимавшихся грабежемъ и разбоемъ) прогналъ пашу и овладѣлъ городомъ. Напрасно Порта посылала противъ него избранное войско (1798): онъ согласился только тогда примириться съ правительствомъ, когда оно признало его трехбунчужнымъ пашею и дозволило бѣлградскимъ янычарамъ возвратиться въ Сербію. Съ возвращеніемъ въ Бѣлградъ янычаръ возобновилось прежнее ихъ своеволіе, противъ котораго паша долженъ былъ принять мѣры; раздраженные этимъ, янычары умертвили пашу и стали требовать отъ Порты назначенія новаго; а между тѣмъ захватили въ свои руки управленіе всею Сербіею: весь пашалыкъ былъ раздѣленъ на четыре части между четырьмя янычарскими *дахіями* (предводителями); ихъ клеветы (*кабадахіи* и *субашіи*) грабили и убивали жителей по всей странѣ. Янычары отняли у спахіевъ землю и обложили народъ тяжелыми податями. Спахіи искали помощи въ Стамбулѣ. Туда же не замедлили обратиться и сербскіе кнезы: „Дахіи обобрали насъ совершенно (писали они султану): намъ приходится подпоясываться лыкомъ; но имъ и того мало: не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, оскорбляютъ честь и вѣру; у мужа отнимаютъ жену, у отца дочерей, у

брата сестеръ; монастыри, церкви, монахи и попы, все предано поруганію. Если ты еще нашъ царь, то приди и освободи насъ отъ злодѣевъ; если же не хочешь спасти насъ, то по крайней мѣрѣ, скажи о томъ; тогда намъ останется бѣжать въ горы и лѣса или топиться въ рѣкахъ.“ Султанъ грозилъ дахіямъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они не уймутся. Тогда они рѣшились перерѣзать всѣхъ христіанъ. „Въ февралѣ 1804 года приступили они къ этому кровавому дѣлу, каждый въ своемъ участкѣ (говоритъ *Ранке*, стр. 88). Сначала не встрѣчалось затрудненій. Какъ скоро они сами или сообщники ихъ пріѣзжали въ деревню, жители по обыкновенію встрѣчали ихъ съ ѣдою и питьемъ и принимали лошадей. Тутъ представлялся удобный случай хватать кого угодно. Не довольствуясь кнезами и кметами, они брали всякаго, чѣмъ-нибудь отличившагося, храбростью, умѣньемъ красно говорить или богатствомъ... Ужасъ распространился въ Сербіи. Никто не зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ, да дѣтей; всѣ, кто были въ силахъ, бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ.“

Въ числѣ обреченныхъ дахіями на смерть былъ нѣкто *Георгій Черный (Кара Джорджи)*, зажиточный поселянинъ Топола, крагуевскаго округа въ Шумадиі (средняя область Сербіи между Дунаемъ и Савою), пріобрѣвшій себѣ извѣстность въ краѣ отчаянною храбростью и крутымъ характеромъ. „Въ то самое время, когда началось послѣднее кровопролитіе,“ говоритъ *Н. И. Надеждинъ* со словъ очевидцевъ *), „онъ покойно собрался отправить большое стадо свиней къ австрійской границѣ на продажу. Вдругъ приходятъ къ нему со всѣхъ сторонъ вѣсти, что народъ гибнетъ, что того из-

*) *Русская Бесѣда*, 1858, IV, ч. 1, смѣсь, стр. 34.

рубил, другаго застрѣлили, третьяго ищутъ, да не находятъ, тотъ утекъ въ горы къ гайдукамъ, этотъ Богъ вѣсть гдѣ спрячется, что наконецъ и за нимъ именно, за его головой, убійцы идутъ уже къ Тополу... Въ первыхъ попыхахъ Георгій распустилъ своихъ свиней, но оставилъ при себѣ всѣхъ чобановъ (пастуховъ), смотрѣвшихъ за свиньями, и пустился съ ними въ знакомыя горы, приказавъ матери, женѣ и дѣтямъ спасаться, какъ сами знаютъ. Тамъ ежечасно приливали новые бѣглецы со всѣхъ концовъ Шумадіи, они сторожили взаимно другъ друга, чтобы погадать и подумать вмѣстѣ, что дѣлать въ общей бѣдѣ. На первый разъ Георгій столкнулся съ двумя лихими молодцами, Янгомъ Катичемъ изъ Рогачи и Васомъ Чарапичемъ изъ Бѣлаго Потока: первый изъ нихъ служилъ булу-башею подъ Хаджи-Мустафой противъ Пасвана-Оглу и пользовался отличнымъ уваженіемъ между ратными людьми; второй былъ родной братъ кнеза Марка Чарапича, уже павшаго жертвою остервѣненія дахіевъ. Какъ тотъ такъ и другой имѣли при себѣ по нѣсколько момковъ, которыхъ тотчасъ присоединили къ чобанамъ Георгія. Такимъ образомъ составила порядочная шайка, управляемая нераздѣльно всѣми тремя начальниками.“ Къ нимъ постоянно приставали новые бѣглецы, и, когда собралась значительная *чета*, было рѣшено напасть на турокъ. Гайдуки Главашъ и Велько напали среди бѣла дня на село Сибницу въ бѣлградской нахіи, зажгли домъ субаши и перерѣзали всѣхъ турокъ. *Чета*, постоянно увеличиваясь новыми пришельцами, разсыпалась по всей Шумадіи. Жены и дѣти бѣжали въ лѣса и горы, а всякій способный носить оружіе, приставалъ къ четѣ, а кто уклонялся, того преслѣдовали, какъ турка: у него жгли домъ, грабили его пожитки, а самаго били. Такимъ образомъ возстаніе въ продолженіе нѣсколькихъ дней охватило всю Шумадію. Героемъ и руководителемъ возстанія былъ Георгій Черный.

Онъ родился въ 1760 — 1770 г. въ селѣ Вишевцѣ,

около Кракуевца. Слѣдующее обстоятельство первой его молодости рѣшило судьбу его: однажды, возвратившись съ поля домой, онъ засталъ у себя турка, насилловавшего его жену; турокъ былъ немедленно убитъ, а Георгій бѣжалъ отъ наказанія въ горы и сдѣлался гайдукомъ. Въ 1787 году, въ началѣ австрійско-турецкой войны, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ многими другими своими земляками въ Австрію и поступилъ въ сербскій полкъ, сформированный полковникомъ Михалевичемъ. Рассказываютъ, что отецъ Георгія, Петропій, сопротивлялся бѣгству на чужбину и за это сопротивленіе былъ убитъ своимъ сыномъ: этимъ преступленіемъ объясняютъ обыкновенно прозвище Георгія *Черный*. Обойденный наградою, онъ покинулъ австрійскую службу и ушелъ въ горы, а по заключеніи мира въ Шистовѣ, поступилъ въ лѣсничіе въ богатомъ Крушедольскомъ монастырѣ на Фрушкой горѣ въ Сирміи. Въ правленіе кроткаго Хаджи-Мустафа-Паши онъ вернулся на родину и поселился въ Тополѣ, гдѣ десятилѣтними трудами успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе.

Примѣру Шумадіи послѣдовала и остальная Сербія: въ восточной ея части поднялись Миленко Стойковичъ изъ Кличевца и Петръ Тодоровичъ изъ Добриня, люди зажиточные и миролюбивые, — а въ западной — Яковъ Ненадовичъ и попъ Лука Лазаревичъ, братья которыхъ были убиты турками; къ нимъ присоединился страшный гайдукъ Чюрчія. Турки были изгнаны изъ всѣхъ деревень, а небольшіе города (*паланки*) сожжены. На общемъ совѣтѣ *четобашей* Георгій Черный былъ избранъ старѣйшиною всей сербской земли. Дахи, засѣвшіе въ Бѣлградѣ, призвали къ себѣ на помощь тысячу кирджалиевъ подъ предводительствомъ Гушанць-Алія и Алибега Видаича изъ Босніи; но босняки были частью прогнаны, частью истреблены.

Ободренные успѣхомъ, сербы рѣшились овладѣть крѣпостями. Сдался сначала Шабаць, а потомъ Пожареваць и Смедерево. Тогда всѣ силы (около 3.000 воиновъ)

были двинуты къ Бѣлграду. Въ это время подоспѣлъ къ нимъ на помощь боснійскій паша Бекирь. „Его прибытіе не удивило сербовъ“,—говорить *Ранке* *); „ибо какъ ни мало они знали общественныя отношенія, однако понимали, что притѣснители ихъ вовсе не были друзьями султана. Напротивъ, изгнанные спахи безпрестанно извѣщали ихъ, что султанъ доволенъ ихъ возстаніемъ. Они уже приняли въ ряды свои нѣсколько турокъ; бывшій бимбаша Хаджи-Мустафы завѣдывалъ у нихъ аммуниціею и училъ прицѣливать такъ, чтобы ни однимъ выстрѣломъ не давать промаху. Въ ихъ станѣ появился даже одинъ старикъ изъ турецкаго духовенства, и ему приписываютъ сочиненіе распространеннаго между сербами подложнаго фирмана, въ которомъ одобрялось ихъ возстаніе. Хотя диванъ еще не рѣшилъ на такое прямое объявленіе, но разумѣется онъ ясно постигалъ всю важность этой борьбы для османской державы, и видѣлъ, что она представляла возможность сокрушить могущество янычаръ, столь противное намѣреніямъ султана. Великій визирь возымѣлъ весьма благоразумную мысль придать видъ законности народному возстанію, подчинивъ его высшей власти, и затѣмъ покончить дѣло. Дозволивъ Азамъ-бегу, все еще жившему въ Константинополѣ и хлопотавшему за изгнанныхъ спахievъ, собрать сихъ послѣднихъ, назначивъ князя Ивана Рашковича, который также жилъ въ столицѣ, начальникомъ бѣлградской таможни и поручивъ ему закупить провіантъ для сербскаго войска, визирь въ то же время послалъ приказъ боснійскому пашѣ Бекиру принять главное начальство надъ всѣмъ краемъ, выгнать дахievъ и возстановить спокойствіе“. Бекирь не замедлилъ занять Бѣлградъ, изъ котораго уstraшенные его прибытіемъ дахii бѣжали въ Оршову, гдѣ были убиты, по требованію сербовъ.

*) *Ист. Сербіи*, стр. 99—100.

Но сербы не могли быть спокойны до тѣхъ поръ, пока южныя крѣпости оставались въ рукахъ *субашей и кабадахиевъ* и пока держались еще въ Бѣлградѣ *кирджалии*; поэтому Черный Георгій осадилъ Карановацъ, а Яковъ Ненадовичъ Ужицу: послѣдняя вскорѣ сдалась, но Карановацъ отбилъ нападенія Георгія.

Въ то же время было отправлено посольство въ С. Петербургъ съ просьбою о заступничествѣ. По совѣту нашего правительства, сербы отправили въ Царьградъ уполномоченныхъ съ требованіемъ, чтобы имъ были сданы всѣ крѣпости и уплочено военныхъ издержекъ 2.000.000 піастровъ. Султанъ приказалъ взять подъ стражу сербскихъ пословъ и обезоружить райю. Послѣднее порученіе было возложено на нишскаго пашу Афиза. Узнавъ объ этомъ, сербы укрѣпились на границахъ пашалыка и отбили Афизъ-Пашу.

Умерщвленіе турками въ Смедеревѣ окружнаго воеводы Гюши Вуличевича вызвало мечь сербовъ: Смедерево было взято приступомъ и занято ими. Турки, опасаясь мщенія со стороны сербовъ, призвали босняковъ и укрѣпились въ Шабцѣ и Ужицѣ. Около новаго 1806 года началась война за независимость: боснійскій визирь Бекиръ и скадарскій паша Ибрагимъ получили приказаніе усмирить сербовъ. Сербы приготовились дать имъ отпоръ.

Другъ Георгія Чернаго, австрійскій капитанъ Радичъ-Петровичъ поднялъ южныхъ горцевъ. Миленко заперъ плаванье по Дунаю, овладѣвъ островомъ Порѣчьемъ. Петръ Добриняцъ заложилъ укрѣпленіе Делиградъ на правомъ берегу болгарской Моравы, по дорогѣ изъ Ниша. Позади его Младенъ занялъ Крушевацъ.

Первыя нападенія босняковъ были отбиты.

Главныя боснійскія силы (30.000) появились лѣтомъ въ Мачвѣ. Турки грабили села, убивали старшинъ, уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей. Яковъ Ненадовичъ, имѣя слишкомъ мало войска для открытаго боя, прибѣгъ къ переговорамъ. Турки, задержавъ пословъ, требовали,

чтобы сербы срыли построенныя ими укрѣпленія. Неудача переговоровъ поселила въ сербахъ недовѣріе къ вождамъ. Народъ сталъ роптать и расходиться по домамъ. Многія села покорились туркамъ.

Турки направились къ Бѣлграду. Ибрагимъ-Паша съ 40.000 албанцевъ появился близъ Ниша.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Георгій Черный отправилъ Катича съ 1.500 человекъ остановить движеніе босняковъ, а самъ съ такимъ же отрядомъ, разбивъ Хаджи-бега, шедшаго изъ Сокола, перешелъ черезъ горы въ покоренные босняками округа и здѣсь увеличилъ свой отрядъ. Онъ успѣлъ распространить возстаніе повсюду.

Турки стянулись къ Шабцу. Георгій Черный настигъ ихъ въ двухъ часахъ отъ него, у Мишара. У него было 7.000 пѣхотинцевъ, 2.000 всадниковъ, три пушки и одна бомба, и, несмотря на столь незначительныя силы, онъ рѣшился дать сраженіе. „Это было (говоритъ Ранке, стр. 122) въ послѣднихъ числахъ іюля 1806 года. Въ ночь передъ битвою Кара Георгій послалъ свою конницу въ ближайшій лѣсъ: по первому его выстрѣлу она должна была ударить непріятелю въ тылъ. Въ самыхъ окопахъ онъ запретилъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока турки не подойдутъ ближе, чтобы ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ. На разсвѣтѣ сераскиръ со всею силою двинулся изъ лагеря; храбрѣйшіе боснійскіе беги шли впереди, неся знамена: спокойно, съ заряженнымъ оружіемъ дожидались ихъ сербы. Какъ скоро турки подошли къ окопамъ на довольно близкое разстояніе, Кара Георгій подалъ знакъ: всѣ стоявшіе впереди подняли ружья и всѣ до одного угодили, какъ говорится у стрѣлковъ, прямо въ мясо: знамена попадали; раздавшіеся за тѣмъ пушечныя выстрѣлы поколебали толпы турокъ. Въ это самое время сзади стремительно ударила сербская конница, а самъ Кара Георгій во главѣ пѣхоты вышелъ изъ окоповъ и ворвался въ непріятельскіе ряды:

въ одно мгновеніе турки смѣшались и потерпѣли рѣшительное пораженіе“.

Главные турецкіе вожди, и въ томъ числѣ самъ сераскиръ Кулинь, были убиты. Потери сербовъ были ничтожны. Турки отступили съ большимъ урономъ.

Въ то самое время, когда главныя силы сербовъ были заняты борьбою съ босняками, Добриняць въ продолженіе шести недѣль отбивалъ Ибрагимъ-Пашу отъ Делиграда. Появленіе Георгія Чернаго на восточной границѣ въ концѣ лѣта 1806 г. и предстоявшій разрывъ съ Россією побудили Ибрагимъ-Пашу просить мира. Порта обѣщала сербамъ отдать всю страну въ исключительное ихъ владѣніе, дозволить имъ имѣть собственное правительство и даже занять крѣпости, предоставляя себѣ въ знакъ продолжающагося господства держать въ Бѣлградѣ мухазила съ 150 турками, и ограничиться ежегодною податью въ 900.000 піастровъ для удовлетворенія изгнанныхъ изъ Сербіи сплахіевъ.

Побѣды Наполеона уменьшили опасенія Порты относительно Россіи, и она отказалась отъ исполненія данныхъ ею сербамъ обѣщаній. Тогда Георгій Черный рѣшился на отважное предпріятіе — овладѣть Бѣлградомъ: онъ окружилъ городъ войсками и съ помощью хитраго Конды овладѣлъ имъ 12 декабря 1806 года. Гушанць-Али, запершійся въ крѣпости, принужденъ былъ голодомъ сдаться, и отплылъ къ Видину въ концѣ того же мѣсяца. Въ теченіе двухъ дней сербы перерѣзали всѣхъ турокъ въ Бѣлградѣ, оставивъ въ живыхъ только нищихъ и убогихъ, которые были отправлены въ Видинъ. Въ февралѣ 1807 сдался Шабаць, а въ іюнѣ Ужица: съ ними было поступлено также, какъ съ Бѣлградомъ. Турки были изгнаны изъ Сербіи; сербы владѣли не только собственно сербскими землями и крѣпостями, но и двумя боснійскими округами, Ядромъ и Радевиною, горою Мирочемъ и Црною рѣкою, завоеванною отважнымъ и хитрымъ Велькомъ.

Такимъ образомъ de facto прекратилось турецкое господство въ Сербіи.

Сербія представляется въ это время раздѣленною на множество *господарствъ*, полновластно управляемыхъ вождами возстанія, безпрестанно ссорившимися между собою и не хотѣвшими признавать надъ собою власти Георгія Чернаго. Тогда болѣе здравомыслящіе люди стали требовать учрежденія прочнаго центрального правительства. Пріѣхавшій изъ Россіи съ сербскими послами (1805 г.), угорскій сербъ Θεодоръ Филиповичъ (называвшійся въ Сербіи Божою Груіовичемъ) представилъ проектъ учрежденія „Правительствующаго совѣта сербскаго.“ Проектъ этотъ съ утвержденія старѣйшинъ былъ приведенъ въ исполненіе въ концѣ 1805 года. Каждая изъ нахій имѣла своего представителя въ этомъ совѣтѣ (всего 12). Враги и соперники Георгія Чернаго видѣли въ учрежденіи сената или совѣта средство ограничить власть ненавистнаго имъ старѣйшины. „Въ назначенный день открылось торжественное засѣданіе, въ которомъ съ сенаторами заняли мѣста и прочіе народоначальники (говоритъ *Н. И. Надеждинъ*, стр. 42). Прота, митрополитъ и Груіовичъ предложили свой планъ. Начались разсужденія и толки. Георгій между тѣмъ вышелъ потихоньку, кликнулъ своихъ момковъ, велѣлъ окружить домъ, въ которомъ происходило совѣщаніе, и вдругъ, по данному знаку, уставить заряженныя ружья въ окна. Сенаторы и всѣ присутствующіе всполошились. „Эй вы, к...!“ кричалъ имъ Георгій, „хорошо вамъ судить да рядить здѣсь, въ теплой конурѣ! Какова-то будетъ у васъ прыть завтра, въ полѣ, какъ ударятъ турки! Ну-ка, неугодно ли сюда? Мы посмотримъ!“ Исторія выходила плохая. Всякому было очень хорошо извѣстно, что Черный шутить не любитъ. „Что ты, Богъ съ тобой, Джуро! что ты это!“ заговорилъ ему пріятельски Катичъ; „или ты одурѣлъ совсѣмъ? Ступай къ намъ! Вѣдь здѣсь всѣ свои, всѣ за тебя!“ Но Георгій былъ неупросимъ. Надо было бросить все дѣло съ концами въ воду. Скупщина раз-

съялась. Георгій попрежнему остался старѣйшиной, безотчетнымъ и полновластнымъ.“

Учрежденіе сената имѣло благодѣтельные послѣдствія для страны: недвижимыя имущества турокъ были проданы; учрежденъ сборъ десятины на содержаніе войска; назначены подати и опредѣлена плата за церковныя требы; во всѣхъ округахъ заведены школы, а въ Бѣлградѣ великая школа; каждый округъ получилъ свой магистратъ.

Впослѣдствіи (въ началѣ 1811 г.), для обузданія строптивыхъ *поглавицъ*, Георгій Черный предложилъ на утвержденіе *скупштини* или народнаго собранія два постановленія: 1) о подчиненіи всѣхъ второстепенныхъ окружныхъ начальниковъ, находившихся дотолѣ подъ вліяніемъ главныхъ господарей, непосредственно сенату и верховному вождю, и 2) объ учрежденіи при сенатѣ *попечительствъ* (министерствъ) военнаго, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, духовнаго, финансовъ и юстиціи. Этими постановленіями, восторженно принятыми народомъ, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ соперникамъ и врагамъ Георгія.

Сербія не долго наслаждалась миромъ. Съ вступленіемъ на престолъ Махмуда, прекратились въ Турціи смуты и беспорядки, и Порта вознамѣрилась возстановить прежнее свое господство въ Сербіи: въ 1809 г. война возобновилась.

Весною 1809 года Георгій Черный вторгся въ Боснію, разбилъ пашу у Сувадола, взялъ Сеницу и вступилъ въ васоевичскую и дробняцкую нахію, чтобы открыть сообщеніе съ черногорцами. Боснія и Герцеговина возстали. Георгій Черный осадилъ Новый Пазарь.

Между тѣмъ турки вторгнулись въ Сербію и, пользуясь раздорами сербскихъ вождей, заняли все пространство до Пожаревца; но переходъ русскихъ черезъ Дунай (въ августѣ того же года) спасъ на этотъ разъ Сербію: турецкія войска были изъ нея отозваны.

Начало сношеній нашихъ съ Сербією относится къ

1806 году, когда главнокомандовавший днѣстровскою арміею, генераль отъ кавалеріи Михельсонъ, отправилъ тайно чиновника къ Георгію Черному съ обѣщаніемъ покровительства Его Величества. Въ слѣдующемъ 1807 году д. ст. сов. Родофиникинъ былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ при Георгіѣ Черномъ, согласно просьбѣ самихъ сербовъ *). При заключеніи 24 августа 1807 года перемирія въ Слабодзейскомъ замкѣ, близъ Джурджева, Михельсонъ обязалъ турокъ прекратить военныя дѣйствія противъ сербовъ, но сераскиръ рушукскій, Мустафа Байрактаръ не исполнилъ этого обязательства, что подало новому нашему главнокомандующему кн. Прозоровскому поводъ потребовать отъ него объясненій, грозя разрывомъ. Хитрый и полновластный Мустафа Байрактаръ, сдѣлавшись, по низверженіи султана Мустафы IV, верховнымъ визиремъ, старался отдѣлать отъ насъ сербовъ и войти съ ними въ прямыя сношенія; но это ему не удалось. Послѣ свиданія императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ въ сентябрѣ 1808 г., кн. Прозоровскій получилъ полномочіе къ заключенію мира съ Турціею на слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) опредѣленіе нашей границы по Дунай, 2) признаніе независимости сербскаго народа подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и 3) признаніе зависимости Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ Россійской имперіи. Князь Прозоровскій, желая окончательно устроить положеніе Сербіи, поручилъ Родофиникину представить ему подробную записку о нуждахъ и потребностяхъ сербскаго народа. Записка Родофиникина вмѣстѣ съ замѣчаніями на нее кн. Прозоровскаго была доставлена императору Александру, который одобрилъ мысль объ учрежденіи верховнаго совѣта или сената, согласился на призывъ Георгія Чернаго въ главную квартиру, на отправленіе

*) Въ то же время имъ были доставлены 100.000 піастровъ, 4.500 ружей, порохъ и свинець.

сына его и дѣтей другихъ главарей въ Россію для воспитанія и на удаленіе изъ Сербіи ненавистныхъ народу Младена и Милы, — но не иначе какъ съ согласія и одобренія сербскаго правительства. Тогда Младенъ и его сообщникъ Юговичъ рѣшились изъ корыстныхъ видовъ уронить Георгія Чернаго въ глазахъ Россіи, а потому поселили въ немъ недовѣріе къ нашему главнокомандующему, оклеветали Родофиникина и убѣдили правителя отправить депутацію къ императору Александру. Но происки враговъ Георгія Чернаго не удались: проницательный кн. Прозоровскій понялъ ихъ планы, и депутація должна была возвратиться изъ Яссы въ Сербію *).

Въ началѣ 1809 года возобновилась война между Россією и Турцією. Сербы незадолго передъ тѣмъ получили отъ насъ денежное пособіе; русскій инженеръ укрѣпилъ главные стратегическіе пункты Сербіи; генераль-маіоръ Исаевъ, уже прежде помогавшій сербамъ въ войнѣ съ турками, лѣтомъ 1809 г. вмѣстѣ съ сербскимъ отрядомъ въ 1.000 челов. осадилъ Кладово, но безуспѣшно. Гораздо болѣе успѣха имѣлъ графъ Цукато, который, перейдя въ маѣ 1810 года черезъ Дунай съ 7.500 человѣкъ и соединившись съ сербами, отнялъ у турокъ крѣпости Дуду и Брзу-паланку. Въ августѣ на подкрѣпленіе графу Цукато былъ посланъ главнокомандующимъ графомъ Каменскимъ полковникъ графъ Оруркъ. Онъ, взявъ крѣпость Баню, соединился съ Георгіемъ Чернымъ и разбилъ визиря Ахмедъ-Рушида и пашу Измаиль-бея у Ясика; затѣмъ построилъ въ Сербіи сильный редутъ, отъ котораго нѣсколько разъ отбивалъ нападенія визиря. Полковникъ Зассъ, посланный въ подкрѣпленіе Орурку, взялъ крѣпость Кладово. Русскія войска, отправляясь на зимовку въ Малую Валахію, отняли у турокъ крѣпостцу Гургусоваць и передали ее

*) Н. Дубросина, Сербскій вопросъ при императ. Александрѣ I, въ Русск. Вѣстн. 1863 г. №№ 7 и 8).

сербамъ *). Такимъ образомъ и эта война окончилась счастливо для сербовъ, и ихъ границы значительно расширились: отъ видинскаго паши имъ достались Краина, Ключъ и Црнаръка; отъ нишскаго—Алексинацъ и Бая со всѣми селами; отъ лесковацкаго—Паратинъ и Крушевацъ; отъ ново-пазарскаго древній знаменитый монастырь Студеница, по имени котораго они назвали нахию; наконецъ въ Босніи имъ принадлежали округи по сю сторону Дрины, Ядаръ и Радевина **).

При заключеніи мира съ Турціею, Россія не забыла Сербіи, права которой были опредѣлены 8 статьею бухарестскаго договора: „Взирая на участіе, какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны, признано за приличное постановить нарочныя условія о ихъ безопасности. Они никоимъ образомъ не могутъ быть обезпокоиваемы. Блистательная Порта даруетъ сербамъ по ихъ просьбамъ тѣ же самыя выгоды, коими пользуются подданные острововъ архипелажскихъ и другихъ мѣстъ, и даетъ имъ возчувствовать дѣйствіе великодушія ея, предоставивъ имъ самимъ управленіе внутреннихъ дѣлъ ихъ, опредѣливъ мѣру ихъ податей, получая оныя изъ собственныхъ ихъ рукъ, и она распорядитъ наконецъ всѣми сими предметами обще съ народомъ сербскимъ“. Но лишь только русскія войска возвратились въ предѣлы имперіи, Порта не хотѣла болѣе и слышать о какихъ бы то ни было уступкахъ Сербіи и стала требовать не только сдачи всѣхъ крѣпостей и всего оружія, но также возвращенія въ Сербію изгнанныхъ изъ нея турокъ. На послѣднее условіе Георгій Черный никакъ не могъ согласиться. Война была неизбежна.

Узнавъ о приближеніи непріятели, Георгій обратился

*) *Михайловскаго-Данилевскаго*, Описаніе турецкой войны съ 1809 до 1814 года (изъ него перепечатанъ Бартеневымъ въ I прил. къ ист. Сербіи Ранке отрывокъ о сношеніяхъ Россіи съ Сербіею).

**) *Ранке*, Ист. Сербіи, стр. 171—172.

къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Мы нашли себѣ покровителя, который заключилъ миръ съ турками и взялъ съ нихъ обѣщаніе не возвращаться въ наши города и паланки. Царь турецкій не хочетъ нарушать своего слова, но его не слушаются спахи и янычары, изгнанные горожане и прежніе жители нашей земли. Они хотятъ снова завладѣть нашимъ достояніемъ и положили избить всѣхъ муштинъ до семилѣтняго возраста, отвести въ плѣнъ и отуречить женъ и дѣтей и поселить въ здѣшнихъ мѣстахъ другой народъ. Но намъ ли бояться ихъ? Развѣ это не тѣ же самые враги, которыхъ мы побѣждали въ самомъ началѣ, когда у насъ ничего не было, кромѣ голой души? Теперь у насъ 150 полевыхъ пушекъ, 7 каменныхъ отличныхъ крѣпостей, 40 окоповъ, на которыхъ турки столько разъ напрасно проливали кровь свою; да самага народа стало вдвое больше, съ тѣхъ поръ какъ пришли къ намъ наши единоплеменные братья. Нѣтъ! мы можемъ воевать цѣлыя десять лѣтъ безъ чужой помощи; но увидите, что не пройдетъ и полгода, какъ союзники придутъ пособлять намъ. Надобно только всѣмъ единодушно взяться за оружіе и не щадить своей крови!“ Несмотря на прежнее воодушевленіе народа, несмотря даже на то, что Георгій Черный дѣйствовалъ теперь обдуманнѣе, чѣмъ прежде, эта война окончилась неудачно: причина такой неудачи заключается въ томъ, что мѣсто прежнихъ вождей заступили клеветы Георгія, — остался одинъ только гайдукъ Велько. Ему было поручено защищать дунайскія укрѣпленія.

Лѣтомъ 1813 года 18.000 турокъ осадили Вельку въ Неготинѣ. Онъ оборонялся долго и упорно, и только со смертью его палъ Неготинъ. Затѣмъ турки безъ всякаго сопротивленія овладѣли Кладовомъ, воевода котораго спасся бѣгствомъ. Турки излили всю свою ярость на тамошнихъ жителяхъ: „муштинъ сажали на колъ, а дѣтей, въ насмѣшку надъ тайнствомъ крещенія, окунали

въ кипятокъ.“ Безъ всякаго сопротивленія турки дошли до Смедерева. Жители при ихъ приближеніи бѣжали въ Австрію.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали турки и на Моравѣ и Колубарѣ. Одна за другою сдались имъ крѣпости: Делиградъ, Лѣшница, Равань и Шабацъ.

Георгій Черный жилъ въ бездѣйствіи то въ Тополѣ, то въ окрестностяхъ Бѣлграда. Отчаяніе до такой степени овладѣло имъ, что онъ рѣшился бѣжать въ Австрію (въ октябрѣ 1813 г.).

Турки овладѣли Смедеревомъ и Бѣлградомъ, а затѣмъ и всюю страню. Бывшіе вожди сербскаго народа бѣжали въ Австрію, гдѣ были заключены въ крѣпости. Въ Сербіи остался одинъ Милошъ Обреновичъ, начальникъ рудницкаго округа. Онъ предпочелъ покориться туркамъ, чѣмъ бѣжать въ Австрію, и бѣлградскій паша Солиманъ призналъ его главнымъ кнеземъ рудницкимъ, пожежскимъ и крагуевацкимъ.

Изгнанные спахи возвратились въ Сербію и стали вымещать свою злобу на жителяхъ. Введена прежняя система турецкаго управленія. Подати были увеличены. Народъ гибъ при постройкѣ крѣпостей. По всей Сербіи были разосланы сердари для обезоруженія жителей. Народъ волновался; но Милошъ, считая ли возстаніе преждевременнымъ или по какимъ-либо другимъ побужденіямъ, помогаль туркамъ водворять въ краѣ спокойствіе, для чего Солиманъ прибѣгалъ къ весьма крутымъ мѣрамъ: такъ изъ принявшихъ участіе въ возстаніи Хаджи-Продана 150 человекъ было разстрѣляно, а игумень трновскій съ 36 другими лицами былъ посаженъ на колъ. Мало-по-малу покорившіеся туркамъ сенаторы и воеводы были казнены: дошла очередь до Милоша.

Милошъ (род. 1780 г.), успѣвшій еще до начала возстанія Георгія Чернаго составить себѣ хорошее состояніе, принадлежалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Младеномъ къ вліятельнѣйшимъ сербскимъ вождямъ. При об-

щемъ бѣгствѣ въ Австрію, онъ остался въ Сербіи и тѣмъ усилилъ свое вліяніе не только въ Рудникѣ, Пожегѣ и Ужицѣ, главнымъ кнеземъ которыхъ онъ былъ признанъ Солиманъ-Пашею, но и во всей странѣ. Когда турки рѣшились умертвить и его, по примѣру прочихъ вождей, онъ прервалъ всѣ сношенія съ ними, собралъ въ вербное воскресенье 1815 года народъ въ Таковѣ и сталъ увѣщевать его забыть распри и идти на войну съ турками. Изъ пещеръ и лѣсовъ достали оружіе. На границахъ ввѣренныхъ управленію Милоша округовъ воздвигли укрѣпленія.

10.000 турокъ шло на Милоша. Усиливъ свое войско бѣглецами изъ валевской и бѣлградской нахій, онъ напалъ на турокъ и разбилъ ихъ наголову. Преслѣдуя ихъ, онъ взялъ, послѣ упорнаго боя, Пожаревацъ; важное укрѣпленіе близъ Крановца сдѣлалось безъ большаго сопротивленія. Турки бѣжали къ Новому Пазару.

Султанъ, въ виду вѣнскаго конгресса, на которомъ первое мѣсто принадлежало покровителю сербовъ, Императору Александру, не рѣшился употребить противъ нихъ силу и вступилъ съ ними въ переговоры: имъ самимъ было предоставлено собраніе податей; кнезы были допущены къ участию въ окружныхъ судахъ, а въ Бѣлградѣ была учреждена народная канцелярія, по образцу прежняго сената: она принимала отъ кнезовъ подати и вручала ихъ пашѣ; она была также верховнымъ судилищемъ.

Милошъ сталъ главою сербскаго народа; но для достиженія этого онъ принесъ три кровавыя жертвы — Петра Малера, предсѣдателя народной канцелярії, епископа Никшича и Георгія Чернаго. Пользуясь своимъ положеніемъ, какъ турецкаго чиновника, Милошъ взялъ на откупъ казенныя имущества и сборъ податей и захватилъ въ свои руки таможни и перевозки на Савѣ, Дунаѣ, Моравѣ и Колубарѣ: этими средствами онъ составилъ себѣ такое богатство, о какомъ прежде и не слыхивали въ Сербіи.

Милошъ принялся за внутреннюю организацію Сербіи. По селамъ и округамъ были учреждены суды; верховный судъ (народная канцелярія) былъ подчиненъ непосредственно Милошу. Стали заводить школы и строить церкви, не спрашивая разрѣшенія паши. Стремленіе Милоша къ единовластію встрѣчало нерѣдко сопротивление въ окружныхъ начальникахъ, и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ также круто, какъ Георгій Черный: строптивые кнезы были смѣщаемы съ своихъ должностей и замѣняемы его клеветами; онъ прибѣгалъ даже къ смертной казни. Такимъ образомъ мѣсто независимыхъ господарей заняли послушные Милошу чиновники. Были недовольные управленіемъ Милоша и въ самомъ народѣ: подати не уменьшились; въ окружномъ управленіи господствовалъ полнѣйшій произволь... Началась гражданская война въ Сербіи: поселяне вступили въ борьбу съ Милошемъ и его чиновниками, но должны были уступить ему... Кровь сербовъ полилась рѣкою.

Одержавъ рѣшительную побѣду надъ своими врагами и соперниками, Милошъ сталъ помышлять объ утверженіи за собою и за своими наслѣдниками княжеской власти и объ обезпеченіи независимаго существованія Сербіи. Съ этою цѣлію онъ въ одно и то же время велъ лично переговоры съ бѣлградскимъ пашею, сносился съ Константинополемъ и переписывался съ нашимъ посланникомъ барономъ Гр. А. Строгоновымъ. Сношенія его съ турецкими властями только портили то, что предпринималъ баронъ Строгоновъ. Увлекаясь своекорыстными видами, Милошъ поддавался обѣщаніямъ бѣлградскаго паши выхлопотать у Порты признаніе наслѣдственности княжескаго достоинства въ родѣ Обреновичей, если онъ сдѣлаетъ уступки въ правахъ, которыя должна была признать Турція за сербами. Раздраженный такимъ поступкомъ Милоша, Строгоновъ писалъ ему (отъ 1 декабря 1819 г.): „Порта видитъ сильное желаніе ваше получить наслѣдственный санъ княжескій; она

рѣшилась воспользоваться симъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, дабы, лаская видамъ вашимъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишитъ всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Ужели вы мыслите, что она сдержитъ все обѣщаемое вамъ, когда приметъ отъ васъ требующую присягу? ужели вы согласитесь купить княжество цѣною счастья своихъ соотечественниковъ?... Должно прежде всего устроить дѣла общественныя, а потомъ уже ласкаться успѣхомъ своихъ собственныхъ: безъ того послѣдуютъ однѣ неудачи и позднее раскаяніе“... Вслѣдствіе увѣщаній барона Строгонова, Милошъ пересталъ хлопотать о на слѣдственности своего званія; но впалъ въ другую крайность: онъ поспѣшно снарядилъ особую депутацію въ Константинополь съ настоятельнымъ требованіемъ исполненія 8-й статьи бухарестскаго договора и хотѣлъ немедленно прекратить уплату податей. Вслѣдствіе безтактности и своекорыстія Милоша, сербскія дѣла подвигались весьма медленно, несмотря на все усердіе нашего посланника въ Константинополь: турки то ласкали Милоша, то грозили ему, а между тѣмъ принятыхъ на себя въ Бухарестѣ обязательствъ не исполняли... *).

Насталъ 1825 годъ. Императоръ Николай потребовалъ отъ Порты дарованія сербамъ выговоренныхъ имъ въ бухарестскомъ договорѣ правъ. Порта должна была уступить настоятельнымъ требованіямъ нашего двора. Но отъ обѣщанія до исполненія еще было далеко: аккерманская конвенція была исполнена только тогда, когда побѣдоносныя войска наши перешли Балканъ и грозили столицѣ султановъ... Въ Адрианополѣ Порта обязалась (1829 г.) исполнить требованія сербовъ „безъ малѣйшаго отлагательства, съ добросовѣстною точностью“ и не позже мѣсяца представить нашему двору фирманъ,

*) Н. А. Попова. Переписка Барона Гр. А. Строгонова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1816—1826 годахъ—въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1866—1867. № 2).

въ которомъ заключались бы ея распоряженія по этому предмету.

Хатти-шерифомъ 1830 года султанъ Махмудъ предоставилъ все внутреннее управленіе Сербіи Милошу, который съ тѣхъ поръ сталъ называться княземъ; за турками были оставлены только крѣпости, вся же остальная Сербія была очищена турками и ихъ владѣнія проданы; сербскому правительству предоставлено право выдавать паспорта; мѣсто всѣхъ податей заняла дань, собираемая самими сербами; имъ было дозволено избирать изъ среды своей епископовъ и митрополитовъ...

25 мая 1833 г. русскіе и турецкіе комиссары опредѣлили съ точностью границы Сербіи.

Признаніе султанскимъ бератомъ 1830 г. наслѣдственности княжеской власти въ семействѣ Милоша повело къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны этого послѣдняго. „Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось, луга, дома, мельницы, платя за нихъ владѣльцамъ цѣну, какую ему было угодно. Разъ, ни съ кѣмъ не спросясь, онъ велѣлъ сжечь одно бѣлградское предмѣстіе, потому что намѣревался выстроить тамъ новыя зданія. Попрежнему онъ отягощалъ народъ работами. Ужицкіе поселяне ходили подъ Крушевацъ на его сѣнокосъ; бѣлградскіе мелочные торговцы запирали свои лавки и отправлялись убирать княжеское сѣно.— Между тѣмъ какъ турецкіе татары (курьеры) уже начинали платить за постои, сербскіе гонцы попрежнему требовали, чтобы имъ все давалось даромъ... Милошъ одинъ завладѣлъ самымъ обильнымъ источникомъ доходовъ, торговомъ щетиною. По лѣсамъ, которые доселѣ считались общественною собственностью, были учреждены заставы, ибо тамъ паслись княжескія свиньи. Одно весьма странное распоряженіе, которымъ затруднялись, если даже вовсе не уничтожались торговые обороты, повело къ толкамъ, что онъ мѣшаетъ всякому сообществу, дабы забрать въ свои руки всю сербскую торговлю.“ *)

*) Ранке, Ист. Сербіи, стр. 282—283.

Чиновники сдѣлались рабами Милоша: онъ возвышалъ и уничтожалъ ихъ по произволу; награждалъ палочными ударами и сажалъ въ сенатъ; личные достоинства не только не уважались, но даже преслѣдовались. Надѣлъ поселянъ землю, отнятою у спахивевъ, вооружилъ противъ Милоша его приближенныхъ, рассчитывавшихъ на награжденіе ихъ помѣстьями....

Открытие обширнаго заговора, охватившаго всю Сербію, заставило Милоша перемѣнить образъ своихъ дѣйствій. На скупщинѣ въ Крагуевцѣ 2 февраля 1835 г. Милошъ „обѣщался ограничить свое правленіе не только законами, но и учрежденіями. Положено было сочинить уставъ, въ которомъ бы опредѣлялись права сербовъ, именно право личной свободы и неприкосновенности имущества.... Милошъ обязывался составить министерство изъ шести лицъ, которыя бы завѣдывали общественными дѣлами, представляли дѣла на усмотрѣніе сената, получившаго значеніе государственнаго совѣта, и были бы отвѣтственны какъ передъ нимъ, такъ и передъ народомъ. Себѣ самому онъ повидимому оставлялъ только право высшаго надзора и подтвержденія.“ *)

Составленный въ этомъ духѣ, сербскій уставъ (въ 14 главахъ и 122 статьяхъ) былъ принятъ восторженно; но не былъ приведенъ въ исполненіе Милошемъ, который, лишь только миновалась гроза, продолжалъ править Сербіею попрежнему. Онъ захватилъ въ свои руки всю внѣшнюю торговлю и продажу соли (около 30 милліоновъ оубъ ежегодно вывозится изъ Валахіи), и выручаемыя деньги отправлялъ за границу или употреблялъ на покупку богатыхъ помѣстьевъ въ Валахіи.

Недовольные Милошемъ (въ главѣ ихъ былъ Абрамъ Петроніевичъ) жаловались на него Портѣ, которая не замедлила потребовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ и призвала въ Царьградъ сербскихъ уполномоченныхъ

*) Тамъ же, стр. 288—289.

для составленія вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ устава сербскаго княжества, цѣлю коего было ограниченіе власти князя.

Уставъ, утвержденный султаномъ въ декабрь 1838 года, оставилъ за княземъ только исполнительную власть; законодательная власть была предоставлена исключительно сенату изъ 17 членовъ по числу нахій. Сенаторы назначались княземъ на всю жизнь: безъ доказательствъ преступности и согласія Порты, ни одинъ изъ нихъ не могъ быть смѣненъ. Министры обязывались ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ представлять отчеты въ своемъ управленіи.

Въ главѣ правленія стали враги Милоша. Возбужденное имъ возстаніе поселянъ было усмирено Вучичемъ.... Обвиненія на Милоша посыпались со всѣхъ сторонъ, и 19 іюня 1839 года онъ принужденъ былъ подписать актъ отреченія отъ княжеской власти въ пользу своего старшаго сына и удалиться въ Австрію.

Но наслѣдникъ Милоша, *Миланъ*, въ это время былъ опасно боленъ, а потому Сербію, съ согласія Порты, управляли Вучичъ, Петроніевичъ и братъ Милоша, Ефремъ. Когда же вскорѣ послѣ того Миланъ умеръ, сербы избрали своимъ княземъ младшаго сына Милоша, *Михаила*. Непродолжительное правленіе Михаила ознаменовалось внутренними раздорами. Враги Обреновичей соединились съ турками и мучили народъ. Наплывъ австрийскихъ сербовъ (*швабовъ*)—чиновниковъ и купцовъ и увеличеніе подати (съ 5 на 6 австр. талеровъ) подали поводъ къ народному возстанію, въ главѣ котораго сталъ Вучичъ. Михаилъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ своими приверженцами бѣжать въ Австрію. Въ преемники ему былъ избранъ въ 1842 г. сынъ Георгія Чернаго, *Александръ* (род. въ 1806 г.). Раздоры и интриги народныхъ главарей продолжались и при немъ. Въ 1858 году снова былъ призванъ въ Сербію на княженіе *Милошъ Обреновичъ*, которому, по его смерти въ 1860 году, наслѣдо-

валъ сынъ его, *Михаилъ III*, нынѣшній правитель княжества (род. въ 1825 году въ Крагуевцѣ).

Мы довели нашъ очеркъ судьбы сербовъ до настоящаго времени. Посмотримъ теперь, что дѣлалось у *болгаръ* въ то время, какъ единоплеменные имъ сербы завоевывали себѣ независимость.

Съ XVIII вѣка, когда побѣды русскихъ за Дунаемъ заставили опасаться за существованіе оттоманской имперіи, гнетъ фанариотовъ усилился. Они рѣшились уничтожить славянскую іерархію и огречить болгаръ. Въ 1767 году терновскій патріархъ былъ переименованъ въ экзархъ всея Болгаріи. Въ церквахъ былъ введенъ греческій языкъ. „Учредили кое-гдѣ училища на счетъ самихъ же болгаръ, въ которыхъ молодые люди изучали одинъ только эллинскій языкъ, исторію и миѳологію древнихъ, теряя на это отъ 5 до 10 лѣтъ (говоритъ *и. Даскаловъ*); болгарскій языкъ преслѣдовали жестоко, и отрехшійся отъ него удостоивался ихъ благосклонности и благословенія; такихъ огреченныхъ болгаръ употребляли, какъ орудіе, противъ неогреченныхъ, почитаемыхъ за людей, дѣйствующихъ по навѣтамъ злаго духа. Чтобы спасти заблудшихся отъ гибели, архіереи обратили свое пастырское вниманіе на древне-болгарскія рукописи духовнаго и свѣтскаго содержанія и истребляли ихъ повсюду; присвоили себѣ право, на основаніи какихъ-то преданій, толковать нѣкоторые уставы Церкви въ пользу своихъ неимовѣрныхъ доходовъ, напр. разводъ за извѣстную плату, право вѣнчать самимъ и пр. и пр., тоже за деньги. Убѣждали народъ, что нужно поддерживать патріарха константинопольскаго деньгами, такъ-какъ онъ единственный ходатай предъ Портою за право ношенія христіанскихъ главъ на раменахъ и за удержаніе вѣры, и съ этою цѣлію установили знаменитые *воивѣи* (денежныя пособія). Подъ предлогомъ, что шайки турокъ и разбойниковъ могутъ ворваться въ церкви и грабить ихъ, мѣстные іерархи отбирали всѣ старинныя серебряныя и золотыя вещи у церквей на со-

храненіе въ своихъ митрополіяхъ, а иногда, для большей безопасности, отсылали ихъ въ патріархію; на самомъ же дѣлѣ онѣ попадали въ руки армянскихъ константинопольскихъ банкировъ, которые платили за нихъ наличными деньгами, идущими Богъ вѣсть на что. Оставшіеся болгарскіе монастыри, несмотря на то, что огромными суммами покупали себѣ право читать по-славянски, не избѣгали однако тяжкихъ податей, налагаемыхъ на нихъ мѣстными іерархами, помимо патріарха; при малѣйшемъ же сопротивленіи, послѣдніе прибѣгали къ турецкой полиціи, строго и безчеловѣчно наказывая славянскихъ монаховъ. Алчность ихъ повредила даже цѣли патріархата: вопреки его предписаніямъ, они не препятствовали болгарамъ по селамъ вступать въ духовное званіе, потому что съ cadaго болгарскаго священника, при посвященіи его и въ продолженіе всей его жизни, взимаются извѣстныя суммы, а по мѣрѣ увеличенія числа священниковъ, увеличиваются слѣдовательно и доходы ... Принадлежа къ тайной полиціи Турціи, іерархи глазами Аргуса слѣдили за дѣйствіями всякаго неогреченнаго еще болгарина, который осмѣливался замолвить слово въ пользу своихъ; заподозрѣвали его предъ турками, впутывали въ раздоры съ огреченными, вымогали изъ него деньги, и, при дальнѣйшей съ его стороны настойчивости, доносили на него туркамъ, какъ на человѣка упорнаго, строптиваго, волнующаго народъ, и требовали его казни“... *)

Эпоха возрожденія болгаръ начинается съ 1829 года, когда появился I-й томъ сочиненія *Венелина*: „Древніе и нынѣшніе болгаре“. Онъ первый заговорилъ имъ о прежней ихъ славѣ и нынѣшнемъ бѣдственномъ ихъ состояніи и тѣмъ пробудилъ въ нихъ мысль о ихъ національности, а потому неудивительно, что имя его сдѣлалось популярнымъ въ Болгаріи. Примѣръ его нашель послѣ-

*) *Русская Бесѣда*. 1858 г. II, ч. 2, стр. 11—14.

дователей между самими болгарами: въ 1835 г. рыльскій монахъ *Неофитъ*, съ помощію зажиточныхъ одесскихъ болгаръ, В. Априлова и Н. Палаузова, открылъ первую народную школу въ селѣ Габровѣ въ балканскихъ горахъ. Огромный успѣхъ побудилъ *Сапунова* основать другую подобную школу въ селѣ Трявнѣ.

Вскорѣ по пробужденіи народности у болгаръ (1836 г.) *Георій Сафели* составилъ обширный заговоръ противъ турокъ и фанариотовъ (заговорщиковъ насчитываютъ до 40.000 чел.): въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, при первыхъ словахъ: „Христось Воскресе!“ было положено произвести всеобщее возстаніе... Планъ возстанія былъ составленъ превосходно: все обѣщало успѣхъ; но терновскій архіерей-фанариотъ узналъ случайно объ этомъ заговорѣ отъ одного изъ соучастниковъ и немедленно донесъ туркамъ.... Начались пытки и истязанія, но признанія турецкія власти не добились.

Попытки къ возстанію возобновлялись и послѣ того— въ Браиловѣ (1841 г.), въ окрестностяхъ Видина (1849 г.) и въ терновской епархіи (1857 г.); но безъ всякихъ послѣдствій.

Сѣмена, брошенныя Венелинымъ, Неофитомъ и Сапуновымъ, не пропали даромъ. Болгаре стали серьезно думать о народномъ образованіи и о противодѣйствіи фанариотамъ. Стали заводить школы—даже въ такихъ городахъ, какъ Филиппополь (по-болгарски Пловдивъ, — въ 1859 г.), населенный совершенно огреченными болгарами. Молодые люди отправлялись на воспитаніе въ Россію и Сербію и по возвращеніи на родину посвящали себя народному образованію. Народное возрожденіе болгаръ подвигается быстро, и съ каждымъ годомъ все меньше становится грековъ въ Болгаріи и все больше возрастаетъ число болгаръ: успѣхи фанариотской пропаганды остановлены навсегда, и огреченные болгаре мало-по-малу воссоединяются съ своимъ народомъ.

Съ тридцатыхъ годовъ оживляется литературная дѣятельность въ Болгаріи: *Неофитъ* переводитъ на бол-

гарскій языкъ Новый Завѣтъ (изданъ въ Смирнѣ въ 1840 г. американскимъ библейскимъ обществомъ) и издаетъ катихизисъ и болгарскую грамматику (1835 г.); *В. Априловъ* въ 40-хъ годахъ печатаетъ въ Одессѣ нѣсколько педагогическихъ книжекъ; *Христаки-Дупничанинъ* составляетъ болгарско-греческій словарь (1835 г.)...

За ними выступаетъ цѣлый рядъ писателей, посвящающихъ труды свои народному образованію... Появляются переводы русскихъ сочиненій и наконецъ собственные поэтическіе опыты (напр. *Герова* и *Славейкова*). Въ то же время начинается и журнальная дѣятельность: въ Лейпцигѣ въ 1845 г. издается первая болгарская газета „Болгарскій Вѣстникъ;“ затѣмъ, съ учрежденіемъ типографіи въ Константинополь, появляются: „Цареградскій Вѣстникъ,“ „Българскы книжици (изд. Мутіевымъ съ 1858 г.)“ „Болгарія“... Въ Москвѣ въ 1860—1862 г. издавался „Братски Трудъ.“

Знаніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ болѣе распространено между болгарами, чѣмъ между сербами, что объясняется и географическимъ положеніемъ Болгаріи и особыми историческими обстоятельствами.

Начало сношеній нашихъ съ болгарами относится къ первымъ временамъ русскаго государства. Полагаютъ, что славянскія богослужебныя книги стали проникать къ намъ изъ Болгаріи еще до Ольги. Извѣстны походы Святослава въ Болгарію и его любовь къ Переяславу, который онъ намѣревался сдѣлать своею столицею; извѣстно также, что болгарскій царь Самуиль (981—1019) прислалъ къ Владиміру Св. ученыхъ священниковъ и много книгъ.... Въ XII и XIII вѣкахъ связи русскихъ съ болгарами не только не ослабѣли, но еще усилились: русскіе предпринимаютъ походы на Дунай; они становятся въ это время ближайшими сосѣдями болгаръ, ибо часть Бессарабіи и Молдавіи принадлежала галицкому князю; болгарскій царевичъ Іоаннь Асѣнь, въ половинѣ XIII вѣка, возвращаетъ себѣ престолъ съ помощію русской дружины; болгарскій деспотъ І. Святославъ, во вто-

рой половинѣ XIII вѣка, посылаетъ Кіевскому митрополиту Кириллу славянскій переводъ Кормчей. Въ XIV вѣкѣ мы находимъ русскихъ воиновъ на службѣ болгарской. До второй половины XV вѣка мы получали изъ Болгаріи не только славянскія рукописи, но и духовныхъ отцовъ, писателей, художниковъ, пѣвцовъ... Со времени паденія болгарскаго царства отношенія наши къ болгарамъ измѣняются: „они являются на Русь уже не носителями просвѣщенія, а съ просьбою о помощи, покровительствѣ и защитѣ.“ И не напрасно болгаре ждали помощи отъ Россіи: мы не только сочувствовали ихъ бѣдствіямъ, но и дѣйствовали въ пользу ихъ, сколько могли. Зная, сколько терпятъ задунайскіе славяне отъ фанариотовъ, патріархъ Іоакимъ, въ концѣ XVII вѣка, задумалъ отторгнуть болгаръ и сербовъ отъ цареградскаго патріархата и присоединить къ московскому. Болгаре сочувствовали подобной мысли и составили въ Терновѣ заговоръ; но возстаніе не удалось вслѣдствіе предательства одного грека. Это сочувствіе русскихъ къ болгарамъ было заявлено позже дѣятельностью Паисія Величковскаго и Барскаго. Наконецъ въ наше время русскіе были виновниками народнаго возрожденія болгаръ... *)

Въ заключеніе остановимся еще на одномъ вопросѣ, особенно важномъ въ настоящее время, на вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ и болгаръ.

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго очерка сербовъ и болгаръ читатель могъ замѣтить, что между этими двумя племенами существовалъ до XIV вѣка антагонизмъ за первенство: одно племя старается захватить у другаго какую-либо пограничную область или даже подчинить его своей власти; но никогда оба племени не признавали государей изъ одного дома. Кро-

*) В. И. Ламанскаго, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями. Спб. 1864, стр. 115—119.

мѣ историческихъ преданій, раздѣляютъ оба племени языкъ, бытъ и характеръ, и въ этомъ отношеніи между ними гораздо больше разницы, чѣмъ между великоруссами и малоруссами. У нихъ нѣтъ и общаго народнаго имени. Не маловажное препятствіе къ соединенію обоихъ племень составляетъ и численное ихъ отношеніе: болгаре въ Турціи превышаютъ сербовъ числомъ болѣе чѣмъ въ два раза, а потому, помимо другихъ причинъ, не захотятъ быть подъ сербами; сербы же не подчинятся болѣе многочисленному племени болгаръ уже потому, что они, по крайности нѣкоторыя, купили себѣ независимость цѣною собственной своей крови. Общее дѣло—освобожденіе отъ турокъ—можетъ временно соединить ихъ, но не надолго: лишь только они достигнутъ желаемой цѣли, немедленно же раздѣлятся. Прочная федерація болгаръ и сербовъ невысказана, какъ это доказывается всею ихъ исторіею. Вотъ что писалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный нашъ славянистъ А. О. Гильфердингъ: *) „Славянскіе народы, повидимому, способны къ единству только въ большихъ размѣрахъ. Имъ нужно полное, цѣльное соединеніе на широкомъ просторѣ. Федеративное сочетаніе мелкихъ обществъ для нихъ невозможно; такого сочетанія (любимаго преимущественно германскимъ племенемъ, также какъ въ древности греками) они не выдерживаютъ; они въ немъ чахнутъ, и, при первомъ толчкѣ, союзъ распадается. Есть тому много примѣровъ въ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Такъ было и въ тогдашней Болгаріи. Образовать цѣльное единство народное, цѣльное государство, невозможно было для племень, расселившихся между Дунаемъ и Мореею, между Адриатическимъ и Чернымъ морями, въ странѣ, перерѣзанной вдоль и поперекъ цѣпами горъ, почти лишенной внутреннихъ со-

*) Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Выпускъ 3. М. 1859 г., стр. 125—126.

общеній, и гдѣ къ тому же славяне перемѣшаны были съ чужими народами, албанцами, валахами, греками. Возможна была въ такой странѣ только федерація славянскихъ племень, сочетаніе отдѣльныхъ славянскихъ группъ, придунайской, охридской, черногорской, македонской, эссалійской, морейской и т. д. подъ однимъ верховнымъ предводителемъ. Общій порывъ противъ иностраннаго ига породилъ такую федерацію въ концѣ X вѣка; но не долго устояла она. Византія была ничтожна, драхла, поражена смертельною порчею; славяне были свѣжи, бодры, еще почти неиспорчены. Но Византія несла съ собою въ борьбу крѣпкое начало безусловнаго единства государственнаго, и передъ этимъ началомъ рушилось слабое и условное начало славянской федераціи... Цѣлыя области славянскія покидали знамя своей независимости и покорялись государственному началу Византіи. Черезъ нѣсколько столѣтій мѣсто Византіи займутъ турки, и мы увидимъ повтореніе того же самаго явленія. Судьба Самуиловой Болгаріи есть первое приложеніе общаго закона, который проходитъ черезъ всю исторію задунайскихъ славянъ: *славяне задунайскіе, вслѣдствіе условій мѣстныхъ и племенныхъ, не могутъ сами изъ себя выработать единство и сдѣлаться цѣльнымъ народомъ, способнымъ къ долговѣчной политической самостоятельности; въ порывахъ къ независимости, они могутъ составить только мелкія единицы, слагающіяся на время въ болѣе или менѣе обширныя федераціи; но всякій разъ эти федераціи распадаются передъ началомъ государственнымъ, приносимымъ извнѣ.* До сихъ поръ это государственное начало приносилось къ задунайскимъ славянамъ только врагами, и ихъ историческая жизнь была, я думаю, несчастнѣе, чѣмъ жизнь какого бы то ни было народа на свѣтѣ.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛУКЪ ВУКАЛОВИЧЪ

И ПОСЛѢДНЕМЪ ГЕРЦЕГОВИНСКОМЪ ВОЗСТАНІИ.

Давно ли имя Луки Вукаловича перестало появляться на столбцахъ газетъ не только славянскаго міра, но и всей Европы, — давно ли оно переходило изъ усть въ уста, возбуждая въ однихъ несбыточныя надежды, а въ другихъ опасенія, — давно ли умолкли хвалебныя въ честь его гимны сербовъ и хорватовъ и пасквили турокъ? Давно ли?!... а ужъ никто болѣе о немъ и не думаетъ, и говорить о немъ считается анахронизмомъ. Такова участь всѣхъ тѣхъ народныхъ героевъ, дѣятельность которыхъ вызывается временными потребностями страны, вся заслуга которыхъ состоитъ въ томъ, что они вѣрно угадали эти потребности и съ непреклонною волею, отчаянною рѣшимостью стремились къ ихъ удовлетворенію, но силы и кругъ дѣятельности которыхъ были слишкомъ ограничены, чтобы оставить по себѣ вѣчную память. Дайте этимъ народнымъ героямъ болѣе обширное поле дѣятельности, поставьте ихъ на высшій уровень образованія, — и выйдутъ изъ нихъ Атилы и Тамерланы или Александры Македонскіе и Наполеоны-Бонапарты... Жизнь этихъ мелкихъ, эфемерныхъ героевъ, поприще коихъ ограничивалось маленькимъ клочкомъ земли, можетъ быть столь же поучительна, какъ и жизнь великихъ, вѣковыхъ героевъ, подъ ногами которыхъ колебалась вселенная: вся разница — въ размѣрахъ, которые принимаютъ ихъ достоинства и недостатки. Къ такимъ мелкимъ народнымъ героямъ принадлежитъ и Лука Вукаловичъ. Мнѣ суждено было столкнуться съ нимъ лицомъ къ лицу, войти съ нимъ въ

близкія отношенія и узнать довольно коротко какъ его самаго, такъ и его сподвижниковъ, а потому, полагаю, мои воспоминанія не будутъ лишены интереса для тѣхъ, кого занимають судьбы нашихъ единоплеменниковъ, особенно же южныхъ.

Лука Вукаловичъ родомъ изъ пограничнаго съ Черногорією округа Зубцевъ, Требинскаго санджаката, Герцеговинскаго пашалыка *).

*) Для читателей, мало знакомыхъ съ мѣстностью, бывшею поприщемъ дѣятельности Вукаловича, считаю не лишнимъ сказать о ней два слова. Хотя въ последнее время появилось нѣсколько описаній и картъ Герцеговины, однако любознательный читатель напрасно будетъ искать положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній статистическихъ и топографическихъ объ этой странѣ: ихъ не имѣетъ само турецкое правительство, и путешественники принуждены довольствоваться сбивчивыми и невѣрными показаніями мѣстныхъ властей или же писать по наслышкѣ; топографической съемки еще не было произведено въ Герцеговинѣ, и существующія у насъ карты составлены не на мѣстѣ, а въ кабинетѣ, по описаніямъ путешественниковъ или по разсказамъ туземцевъ. Обыкновенно принимаемое пространство Герцеговины въ 400 кв. геогр. миль слишкомъ недостаточно. Общій характеръ страны—суровый и мрачный. Отроги Балкановъ, прерѣзывающіе ее во всѣхъ направленіяхъ, достигаютъ наибольшей высоты (7000!) у границъ Босніи; чѣмъ ближе къ З., къ далматскому побережью, тѣмъ отложе становится поверхность. Горы Герцеговины большею частію голыя скалы сѣроватаго цвѣта. Лѣсовъ мало. Въ долинахъ растутъ свойственныя теплomu климату фруктовыя деревья (броджанское и мостарское вина пользуются въ странѣ заслуженною извѣстностью). Требинскій табакъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Турціи. Рисъ и кукуруза составляютъ обычную пищу жителей. Крупный рогатый скотъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій и политическихъ обстоятельствъ, въ последнее время упалъ и въ качествѣ и въ количествѣ; тѣмъ не менѣ Далмація доселѣ кормится герцеговинскимъ мясомъ. Гористая и по большей части бесплодная мѣстность благоприятствуетъ только разведенію козъ и барановъ. Самая большая рѣка въ Герцеговинѣ — Неретва (Narenta), протекающая у Мостара, судоходна только при устьи, за предѣлами Турціи. Жители по происхожденію славяне и говорятъ на сербскомъ нарѣчій, съ нѣкоторыми мѣстными видоизмѣненіями. Большая ихъ часть православнаго исповѣданія (полагають 180 тысячъ), католиковъ (преимущественно въ сѣверной Герцеговинѣ)—50 тысячъ; магометане, число коихъ принимаютъ обыкновенно въ 60 тысячъ, живутъ въ городахъ, а въ средней Герцеговинѣ и въ деревняхъ смѣшанно съ христіанами; весьма рѣдко можно встрѣтить селеніе, обитаемое исключительно магометанами.

Школою его была жизнь со всею ея мрачною обстановкою. Уже около четырех-сотъ лѣтъ стонетъ Герцеговина подъ турецкимъ игомъ: она уже успѣла забыть о тѣхъ славныхъ временахъ, когда имѣла своихъ князей, управлялась по своимъ законамъ, воевала и торговала съ богатымъ Дубровникомъ *); однѣ развалины напоминаютъ ей о давноминувшемъ, невозвратномъ благосостояніи: мѣсто закона заступило своеволие корыстолюбивыхъ и развратныхъ пашей, не уважавшихъ правъ собственности, презиравшихъ и гнавшихъ несчастную райю; города пустѣли, монастыри и церкви превращались въ груды развалинъ, торговля прекращалась, просвѣщеніе стало излишнею роскошью; цвѣтъ народонаселенія бѣжалъ въ далматское приморье...

Но особенно стало тяжело бѣднымъ нашимъ единоверцамъ со временъ Али-Паши. Извѣстно, что въ 1832—1834 г. босняки возстали, прогнали визиря Муралію и на его мѣсто поставили Гусейнъ-Пашу, муселима Градца. Возстаніе впрочемъ было вскорѣ потушено Махмудъ-Пашею, и босняки принуждены были снова подчиниться прежнимъ порядкамъ турецкаго управленія. Въ этомъ возстаніи нетолько не принималъ никакого участія муселимъ Стольца (въ Герцеговинѣ), Али-ага-Ризванбеговичъ, но даже употребилъ всѣ свои усилія для

Въ административномъ отношеніи Герцеговина раздѣляется на три санджаката (Фочанскій — восточный, Мостарскій—сѣверный и Требинскій — южный), подраздѣленныхъ на 15 нахій. Главный городъ Мостаръ (18 тысячъ жителей) у подошвы горы Вележа.

*) Большая часть нынѣшней Герцеговины называлась въ средніе вѣка *Рамою*, меньшая же (нынѣшній Требинскій санджакатъ) *Захлумію*. Первоначально каждая изъ нихъ управлялась своими князьями; но въ 1154 г. боснійскій банъ Баричъ завоевалъ Захлумію, а Твртко присоединилъ къ своему банату и Раму. Отъ боснійскихъ королей Рама и Захлумія перешли въ ленное владѣніе рода Храничей, за которымъ онѣ оставались до 1483 года, до времени зовоеванія ихъ Баязетомъ II. Одинъ изъ Храничей, Стефанъ Казачя, получилъ въ 1443 году отъ императора Фридриха III титулъ герцога, и съ тѣхъ поръ подвластная ему страна прозвалась Герцеговиною.

усмиренія мятежниковъ: за такую вѣрность султанъ пожаловалъ ему титулъ визиря Герцеговины съ прозвищемъ „галить (непобѣдимый)“. Герцеговинскіе христіане много помогли Али-Пашѣ въ его борьбѣ съ возмущившимися мусульманами Босніи и Герцеговины, въ надеждѣ получить какое-либо облегченіе въ своей участи. И самъ Али-Паша, пока имѣлъ въ нихъ нужду, торжественно обѣщаль имъ, отъ имени султана, что они будутъ сравнены въ правахъ съ турками; но лишь только установилось въ странѣ спокойствіе, онъ перемѣнилъ образъ своихъ мыслей и дѣйствій и сталъ страшнымъ бичемъ несчастной райи. Въ 17 лѣтъ управленія Герцеговиною онъ погубилъ болѣе тысячи христіанъ. Страху ради сажалъ ихъ на колъ, рубилъ имъ головы и разстрѣливалъ; по два-три дня не дозволялъ хоронить мертвыхъ, и по истеченіи этого срока христіанинъ за право погребенія платилъ кавас-баши (начальнику полиціи) по 10—20 окъ кофе. Али-Паша и его кавас-баши, Ибрагимъ-Сарайлія изъ Никшича, захватывали все, что имъ нравилось, и такимъ образомъ противозаконно отняли у христіанъ огромныя земли, на которыхъ строили себѣ дворцы. Цѣлая область работала на нихъ безвозмездно.

По словамъ современника Али-Паши, мостарскаго архимандрита Іоанникія Памучины, герцеговинскій визирь принялъ слѣдующую систему въ обращеніи съ христіанами: „Со всякаго влаха (христіанина) слѣдуетъ ежегодно брать по 9 драхмъ чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто — пришелъ и взялъ, — нѣтъ, нужно схвалить его за шапку, да ударить трижды оземь и сказать: подавай харачъ (подать)! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служить 99 лѣтъ турку, да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не умеръ своею смертію. Влахамъ нужно только, чтобъ не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ турогахъ и повиноваться имъ.“

Вслѣдствіе непрестанныхъ гоненій со стороны кле-

вретовъ Али-Паши, Никшичская Жупа, Грахово, Зубцы, Дробняки и Шаранцы не разъ отпадали отъ него и переходили подъ покровительство черногорскаго владыки; но Петръ II не могъ облегчить ихъ участи своимъ заступничествомъ. Одновременно съ Али-Пашею свирѣпствовалъ въ Герцеговинѣ Измаиль-ага-Ченгичъ, муселимъ гацкій, пивскій и дробняцкій, пока не убилъ его, по наущенію черногорскаго владыки, Новица Церовичъ въ 1840 г.

Въ іюлѣ 1850 года прибылъ въ Сараево сераскиръ Омеръ-Паша для введенія въ Босніи и Герцеговинѣ танзимата и нуфуса (народная перепись). Онъ привелъ съ собою 15 тысячъ низама (регулярное войско), рѣшившись въ случаѣ надобности употребить силу противъ ослушниковъ султанской воли. Али-Паша, врагъ нововведеній, приготовилъ вооруженное возстаніе въ Герцеговинѣ; но мятежники были вскорѣ усмирены, и Али-Паша убитъ (1851 г.). Во всей Босніи и Герцеговинѣ былъ введенъ новый порядокъ вещей, и съ турокъ собраны рекруты для низама. Поставивъ губернаторомъ въ Мостарѣ албанца, Измаиль-Пашу, сераскиръ приказалъ ему въ 1852 г. взять подъ стражу все христіанское духовенство и отобрать у райи оружіе; но въ то же время образовалъ новыя судилища (меджлисы), на которыя допустилъ и представителей отъ христіанъ (ходжи-баши); этимъ ходжи-башамъ было поручено также собирать съ райи подати. При новыхъ порядкахъ поборы и притѣсненія удесятирились и наконецъ вывели христіанъ изъ терпѣнія: въ декабрѣ 1857 года вспыхнуло въ пограничныхъ съ Черногоріею округахъ возстаніе, вызванное свирѣпостью требинскаго мудира Ходжи-бега-Ресулбеговича, организовавшаго въ своемъ округѣ систематическій грабежъ и постоянно подстрекавшаго мусульманъ къ преслѣдованію райи.

До начала возстанія Лука Вукаловичъ жилъ мирно въ Дубровникѣ, занимаясь ружейнымъ мастерствомъ. Доморощенные ружья онъ продавалъ своимъ землякамъ,

пригонявшимъ скоть въ Дубровникъ или занимавшимся контрабандною торговлею требинскимъ табакомъ, до котораго такъ лакомы дубровничане. Мнѣ неизвѣстно, когда именно и вслѣдствіе какихъ причинъ выселился Вукаловичъ въ Дубровникъ. Близость родины (до Требинья всего часовъ шесть пути) и ежедневныя сношенія съ земляками, навѣщавшими его скромную лавочку въ предмѣстьи Плочахъ, давали ему возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось за горою Бергатомъ. Мрачныя впечатлѣнія молодости постоянно подновлялись разсказами земляковъ о свирѣпости Ходжи-бега-Ресулбеговича, и, лишь только разнесся слухъ о возстаніи банянь подъ начальствомъ воеводы Ивана Бачевича, — онъ бросаетъ свое мастерство, покидаетъ жену и дѣтей и присоединяется къ поднявшимъ оружіе землякамъ. По смерти храбраго Ивана Бачевича, Лука Вукаловичъ былъ избранъ народомъ въ воеводы.

Первымъ его дѣломъ было распространить, какъ можно шире, возстаніе, направить дѣйствія отдѣльныхъ главарей къ одной цѣли и составить общій планъ войны. Распространить возстаніе на всю Герцеговину не было никакой возможности: католики Мостарскаго и Фочанскаго санджаката, подъ вліяніемъ фратровъ и Австріи, нисколько не сочувствовали дѣлу, начатому православными; кромѣ того, эти санджакаты ближе къ административному центру, чѣмъ Требинскій, а потому тамъ менѣе шансовъ на успѣхъ возстанія, чѣмъ въ округахъ, пограничныхъ съ Черногорією, отъ которой наши единовѣрцы ожидали не одного только сочувствія, но и дѣйствительной помощи въ случаѣ надобности.

Въ округахъ, принявшихъ участіе въ возстаніи, насчитываютъ до 17 тысячъ жителей, изъ числа коихъ до 5 тысячъ въ Фочанскомъ санджакатѣ (племена: Дробнякъ и Пива) и до 12 тысячъ въ Требинскомъ (племена: Гацко, Рудинье, Баняне, Зубцы, Крушево, Драчевица, Шума и Попово). Къ самымъ многочисленнымъ племенамъ принадлежатъ: Дробнякъ—до 4000 душъ, По-

пово—до 1700, Шума — болѣе 1300 и Зубцы — около 1300 душъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что при поголовномъ возстаніи, наши единовѣрцы не могли ни-коимъ образомъ выставить въ поле болѣе 4000 воиновъ на пространствѣ отъ австрійской границы до Колашина. При такихъ ничтожныхъ силахъ, только крайняя необходимость могла заставить нашихъ единовѣрцевъ отважиться на борьбу съ турками, располагавшими значительнымъ войскомъ. Къ тому же у возставшихъ христіанъ не было ни съѣстныхъ, ни военныхъ припасовъ: все нужно было добывать съ оружіемъ въ рукахъ. Правда, ихъ обнадеживали обѣщаніемъ помощи черногорцевъ и заступничества великихъ державъ. Но при всемъ томъ, они не рѣшились бы на открытую борьбу съ турками, еслибы была какая-либо возможность жить съ ними въ мирѣ: имъ предстоялъ выборъ смерти — или рабской, сопряженной съ продолжительными мученіями, или же свободной, съ оружіемъ въ рукахъ, и они избрали послѣднюю.

Несмотря на малочисленность и недостатокъ провіанта и военныхъ снарядовъ, наши единовѣрцы имѣли на первыхъ порахъ громадный успѣхъ. Лука Вукаловичъ сумѣлъ организовать систематическое вооруженіе: партизанскіе отряды (*четы*) разсыпались одновременно по всему краю, отрѣзали у турокъ всѣ пути сообщенія и не разъ овладѣвали турецкимъ обозомъ. Призадумался не одинъ султанъ, но и императоръ австрійскій, на границѣ коего пылало возстаніе, грозившее принять еще большіе размѣры, и вотъ они рѣшились дѣйствовать заодно. Построеніе Вукаловичемъ шанцевъ въ Суторинѣ, препятствовавшихъ будто бы сообщенію Новаго (Castelnuovo) съ Дубровникомъ, было удобнымъ предлогомъ для вооруженнаго вмѣшательства австрійскаго правительства въ дѣла Герцеговины: бригадный генералъ Родичъ получилъ въ исходѣ 1861 года приказаніе изъ Вѣны выступить изъ Дубровника съ необходимыми силами и разрушить суторинскіе шанцы. За этотъ подвигъ, достой-

но воспѣтый сербомъ Милошемъ Милисавлѣвичемъ въ его „Гусляхъ“ (изд. въ Панчовѣ въ 1862 г.), баронъ Родичъ (православный сербъ) былъ прозванъ народомъ Свинскимъ воеводою (воевода одъ Свинье—мѣсто, на которомъ были построены шанцы).

Разрушеніе суторинскихъ шанцевъ открыло туркамъ сообщеніе съ Герцеговиною со стороны Которской бухты, куда они, съ дозволенія австрійскаго правительства, успѣли подвезти военные и съѣстные припасы и десантъ. Это былъ первый ударъ для Вукаловича, за нимъ слѣдовалъ другой еще тяжелѣе: оклеветанный передъ черногорскимъ княземъ въ неисполненіи приказаній, онъ былъ вызванъ въ Цетинье, гдѣ осмѣлился открыто высказать князю Николаю I свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ и задѣтъ даже княжескаго отца, Мирка Петровича; за такую смѣлость князь, по настоянію своего отца, разжаловалъ Вукаловича и назначилъ на его мѣсто „командантомъ герцеговачкимъ“ дужскаго монаха Никифора Дучича, воспитывавшагося въ бѣлградской семинаріи, человекъ хитраго и честолюбиваго...

Нѣкоторымъ изъ моихъ читателей можетъ показаться страннымъ назначеніе монаха на должность военачальника; но я долженъ замѣтить, что у турецкихъ славянъ и черногорцевъ духовенство мало чѣмъ отличается отъ мірянъ, и только черное носить рясы, бѣлое же, безбородое, одѣвается также, какъ и весь народъ, и живетъ одною съ нимъ жизнію, такъ что нерѣдко священники занимаютъ должности капитановъ, сердарей и воеводъ.

Назначеніе Никифора Дучича произвело въ средѣ возставшихъ христіанъ расколъ: партія Вукаловича не хотѣла признавать его своимъ вождемъ и видѣла въ немъ интригана, думавшаго только о томъ, какъ бы выйдти въ люди. Раздоры главарей много вредили народному дѣлу: прежнія позиціи были оставлены, и туркамъ открылось свободное сообщеніе съ моремъ. Народъ требовалъ возвращенія Вукаловичу прежней власти и смѣны Дучича, скомпрометировавшаго себя сношеніемъ съ турецкимъ

главнокомандующимъ, Омеръ-Пашею: черногорскій князь, вопреки Мирку Петровичу, принужденъ былъ возвратить Вукаловичу воеводство; но уже трудно было поправить дѣла: всѣ важные стратегическіе пункты были заняты турками, гарнизоны усилены, а съ моря постоянно подвозили свѣжія войска и продовольствіе. Раздоры главарей, поддерживаемые турецкими и австрійскими агентами, не скупившимися на золото, продолжались. Голодъ и недостатокъ денегъ въ Черногоріи не позволяли надѣяться на скорую ея помощь.

Положеніе Вукаловича, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ турками, становилось весьма затруднительнымъ; но его выручило Криницкое дѣло: князь Николай, упоенный блистательною побѣдой, одержанною 11 марта 1862 года надъ турками въ Криницѣ на Скутарскомъ озерѣ, рѣшился открыто вмѣшаться въ герцеговинское возстаніе и въ апрѣлѣ послалъ въ ущелье Дугу сначала воеводу ускоковъ, Илью Джюканова, а потомъ своего тестя, Петра Вукотича, воеводу чевскаго и начальника гвардіи, съ четырьмя тысячами черногорцевъ: пораженіе Дервишъ-Паши въ Дугѣ 5 и 6-го мая имѣло своимъ слѣдствіемъ вторженіе турокъ въ черногорію сначала со стороны Албаніи, а потомъ и со стороны Герцеговины; въ концѣ мая обѣ турецкія арміи, несмотря на всѣ усилія черногорцевъ, успѣли соединиться, а въ началѣ августа Омеръ-Паша былъ уже въ Рѣкѣ Черноевича, откуда послалъ свой ультиматумъ къ князю Николаю, собравшемуся уже оставить Цетинье и удалиться въ Нѣгуши къ австрійской границѣ. 31-го августа былъ подписанъ княземъ Николаемъ постыдный для Черногоріи миръ, однимъ изъ условій котораго было проведеніе военной дороги черезъ Черногорію изъ Герцеговины въ Албанію, съ турецкими блокадами, а другимъ—немедленное оставленіе герцеговинцами черногорской территоріи.

Предоставленный собственнымъ силамъ, значительно истощеннымъ продолжительною борьбою съ турками, Лука Вукаловичъ, слѣдуя совѣту князя Николая и своихъ

сподвижниковъ, рѣшилъ примириться съ своими заклятыми врагами. По приглашенію турецкаго консула Персича и окружнаго начальника Решетаря, онъ прибылъ въ Дубровникъ, гдѣ и заключилъ съ губернаторомъ Герцеговины, Хуршидь-Пашею, миръ на слѣдующихъ выгодныхъ условіяхъ: 1) всѣ, участвовавшіе въ возстаніи, герцеговинцы, получаютъ полную амнистію; 2) даруется имъ право самоуправленія; 3) они обязаны избрать изъ среды своей 500 пандуровъ для охраненія границы и путей сообщенія и для поддержанія порядка внутри страны; каждый пандуръ получаетъ 80 грошей ежемѣсячнаго жалованья и по три фунта хлѣба въ день изъ турецкой казны; и 4) отвѣтственность за сохраненіе мира возлагается на Луку Вукаловича. Дней черезъ пять-шесть онъ получилъ, въ видѣ испытанія, приказаніе Хуршидь-Паши проводить обозъ въ Никшичь. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Вукаловичъ возвращался въ свое племя, чтобъ распустить по домамъ воиновъ; но на пути узнаетъ, что Петко Ковачевичъ получилъ приказаніе изъ Цетинья разстрѣлять его: удивленный такимъ приказаніемъ, онъ удаляется въ Суторину, откуда посылаетъ въ Цетинье вѣрнаго своего сподвижника, Луку Петковита, освѣдомиться обо всемъ обстоятельно и донести князю о заключеніи имъ мира съ турками. Правитель Черногоріи выразилъ Петковичу удовольствіе по поводу примиренія Вукаловича съ турками и объявилъ, что онъ и не думалъ отдавать приказанія объ его разстрѣляніи и ничего объ этомъ не знаетъ. Это было въ ноябрѣ 1862 года, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ было возобновлено покушеніе на жизнь Луки Вукаловича, и на этотъ, какъ и въ первый разъ, по наущенію Мирка Петровича, поклявшагося въ непримиримой къ нему враждѣ.

Въ то самое время, когда Мирко подсылалъ къ Вукаловичу убійць, турки нарушили дубровницкій договоръ: они заняли вооруженною рукою всѣ округа и стали возводить въ нихъ укрѣпленія; о самоуправленіи же и пан-

дурахъ не было болѣе и рѣчи. А между тѣмъ австрійскіе и турецкіе агенты продолжали сѣять раздоры между главарями и вербовать сторонниковъ нѣкому Михаилу Спаичу, человѣку бездарному и низкому, выдвинутому ими на сцену еще во время черногорской войны въ качествѣ соперника Вукаловича. Въ январѣ 1863 года возобновились примѣры турецкаго насилія: одинъ пастухъ изъ Зубцевъ былъ страшно избитъ; сынъ попа Бѣлетича изъ Рудинья и Филиппъ Мандичъ изъ Гацка были убиты. Народъ сталъ волноваться...

Положеніе Луки Вукаловича было крайне затруднительно. Въ концѣ февраля онъ созвалъ скупштину въ монастырѣ Коссіеревѣ: на ней было рѣшено отправить двухъ довѣренныхъ лицъ въ Мостаръ съ жалобою на притѣсненія и насилія и съ просьбою объ исполненіи дубровницкаго договора. Эти посланцы, потерявъ много времени въ Мостарѣ, вернулись ни съ чѣмъ. Губернаторы Герцеговины, Абди-Паша, и Далмаціи, баронъ Мамула, приглашали Вукаловича въ Мостаръ; но онъ, помня еще недавнія неистовства турокъ въ Требиньи и Таслиджѣ, видѣлъ въ этомъ приглашеніи одну западню для себя и не рѣшался покинуть Зубцы. Отношенія его къ Черногоріи нисколько не улучшились: Мирко Петровичъ обвинялъ его въ совершенномъ отпаденіи отъ черногорскаго правительства, въ желаніи прервать съ нимъ всякія сношенія; оправданія Вукаловича оставались безъ вниманія; снова были подсланы убійцы къ нему (въ мартѣ 1863 г.) и къ его вѣрному слугѣ, Лукѣ Петковичу. Нашлись даже между его родственниками измѣнники, обѣщавшіе за извѣстную сумму денегъ полонить или убить его, и онъ съ нѣсколькими, оставшимися ему вѣрными, главарями и своимъ семействомъ принужденъ былъ покинуть свою резиденцію въ Убли, въ Суторинѣ, близъ Новаго, и удалиться на Бѣлую гору, къ границѣ черногорской. Здѣсь онъ держался еще долго, отбиваясь отъ турокъ и терпя страшную нужду: мнѣ рассказывали, что дѣти питались иногда древесны-

ми кореньями. Изрѣдка приходила къ нему помощь; но на нее трудно было надѣяться, потому что турки устроили вокругъ Бѣлой горы облаву, поджидая, когда попадетъ въ ихъ руки добыча, на которую они навѣрно рассчитывали.

Изъ этого безысходнаго положенія былъ выведенъ Вукаловичъ весною 1865 года, когда Государю Императору благоугодно было дать ему и двѣнадцати его сподвижникамъ убѣжище въ Россіи.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Луки Вукаловича. Друзья считали его героемъ, какіе встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ,—враги—турки—простымъ *гайдукомъ* (разбойникомъ),—черногорцы—трусомъ, лежебокою, честолюбцемъ и пьяницей,—австрійцы—человѣкомъ презрѣннымъ, изъ котораго славянофилы сдѣлали героя. Ни тѣ, ни другіе не были къ нему справедливы. Вукаловичъ—не сказочный герой, не рыцарь безъ пятна и порока; но человѣкъ весьма почтенный. Ему нельзя отказать въ патриотизмѣ: иначе онъ не промѣнялъ бы спокойную, хотя и скромную, жизнь въ Дубровникѣ на сопряженное съ лишеніями и опасностями *четованіе* въ Герцеговинѣ. Честолюбивыхъ стремленій нѣтъ и тѣни въ его поступкахъ: онъ ничего не домогался для себя, не интриговалъ ни противъ кого, а если и принималъ воеводство, то потому только, что сознавалъ необходимость въ общемъ руководителѣ возстанія и чувствовалъ себя настолько способнымъ, чтобъ повести народное дѣло къ успѣшному окончанію.

Черногорцы, а во главѣ ихъ Мирко Петровичъ, обвиняли его въ сепаратическихъ стремленіяхъ, въ желаніи создать для себя на границѣ Черногоріи особое княжество: обвиненіе это основывается на томъ, что онъ противился черногорской *млобѣ* (собиранію подати), не ѣздилъ по замиреніи съ турками въ Цетинье и приказалъ снять съ шапокъ черногорскіе гербы; но Вукаловича оправдываютъ обстоятельства и состояніе страны: ему тяжело было видѣть, что черногорцы, по приказа-

нію Мирка, готовы снять послѣднюю рубаху съ герцеговинца; не ѣздилъ онъ на поклонъ въ Цетинье не потому, чтобы не любилъ и не уважалъ или не считалъ своимъ *господаремъ* князя Николая, а потому, что избѣгалъ всякихъ нареканій со стороны турокъ, обвиненій въ нарушеніи договора; по этой же самой причинѣ онъ, общавъ вѣрность султану, приказалъ снять съ шапокъ черногорскіе гербы.

Что онъ былъ не трусъ, доказываетъ долговременная борьба его съ турками, сопряженная съ большими опасностями и лишеніями; трусостью никто не назоветъ благоразумную осторожность и чувство самосохраненія. Лежебокою также нельзя назвать его, потому что онъ постоянно проявлялъ неусыпную дѣятельность и бдительность; но былъ сдержанъ и избѣгалъ бесполезной траты скудныхъ народныхъ силъ.

Обвиненіе Вукаловича въ пьянствѣ также неосновательно: пьютъ вино всѣ герои сербскихъ народныхъ пѣсень, даже владыки черногорскіе; но Вукаловичъ въ Убли или Бѣлой горѣ имѣлъ менѣе возможности пить, чѣмъ всѣ безъ исключенія черногорцы, проводящіе цѣлые дни въ бездѣйствіи въ кабакахъ.

Обвиняютъ Вукаловича оставшіеся въ Герцеговинѣ его сподвижники въ томъ, что онъ бросилъ ихъ на произволь судьбы; но онъ не могъ всѣхъ ихъ забрать съ собою въ Россію, да и для насъ было бы накладно.

Турки называютъ его *гайдукомъ*; но онъ не убивалъ безоружныхъ жителей, а воевалъ, какъ воюютъ всѣ, и наиболѣе образованныя, націи; по праву войны онъ захватывалъ турецкіе обозы, въ чемъ представлялась ему крайняя необходимость при отсутствіи всѣхъ средствъ къ существованію.

Но онъ не былъ, какъ я уже сказалъ, рыцаремъ безъ пятна и порока. При всемъ своемъ самопожертвованіи, онъ не бросался, очертя голову, въ огонь и воду; онъ любилъ свое семейство, но любилъ менѣе, чѣмъ родину: иначе онъ не покинулъ бы его въ Дубровникѣ и

не бѣжалъ бы въ горы воевать съ турками; онъ ненавидѣлъ своихъ враговъ, особенно Мирку, ропталъ на нихъ; но готовъ былъ примириться съ ними, лишь только замѣчалъ въ нихъ перемѣну; онъ любилъ выпить, но не пьянствовать. Вся заслуга Вукаловича состоитъ въ томъ, что онъ, ставъ во главѣ возстанія, сумѣлъ поддержать между главарями доброе согласіе, объединить ихъ дѣйствія, общій планъ которыхъ былъ имъ удачно составленъ.

Вотъ что говорилъ онъ мнѣ объ образѣ своихъ дѣйствій по замиреніи съ турками: „Я всегда избѣгалъ по-давать поводъ къ раздорамъ, а теперь забочусь о поддержаніи добрыхъ сношеній съ Черногорією, объ излеченіи ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною, и о подготовленіи народа къ новому возстанію, въ случаѣ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но я бы желалъ, чтобы наши дружественныя сношенія съ черногорцами были тайны, а не явны, какъ они того хотятъ, потому что явный союзъ принесъ бы намъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Я полагаю, если не ошибаюсь, что какъ мы, герцеговинцы, съ нашей, такъ и черногорцы съ ихъ стороны, если желаемъ успѣха, должны, сколько возможно, скрывать отъ свѣта наши намѣренія. Черногорцы хотѣли бы, чтобы я чаще приходилъ въ Цетинье, чтобы мы носили ихъ гербы,—однимъ словомъ, они хотѣли бы, чтобы между нами и ими продолжались тѣ же сношенія, какія были во время войны; но возможенъ ли такой образъ дѣйствій безъ ущерба для народныхъ интересовъ?“

III.

ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ ВЪ СЕНТЯБРѢ 1865 г.

Въ пятницу, 3-го сентября 1865 года, я отправился на пароходѣ австрійскаго Ллойда изъ Гружа (Gravosa), порта Дубровника (Ragusa), въ Которъ (Cattaro) съ намѣреніемъ посѣтить Черногорію. Намѣреніе это было во мнѣ не ново. Проживъ около четырехъ лѣтъ въ Дубровникѣ, имѣвъ случай близко познакомиться съ дѣлами Черногоріи, съ ея прошлымъ и настоящимъ, зная лично почти всѣхъ сенаторовъ, воеводъ и другихъ приближенныхъ къ князю лицъ, бывъ свидѣтелемъ, не безучастнымъ, послѣдней героической борьбы черногорцевъ съ турками, я желалъ, естественно, уже давно заглянуть въ этотъ полный для меня дива уголокъ славянскаго міра: но особенныя обстоятельства препятствовали исполненію моего желанія. И сами черногорцы, знавшіе меня лично, не мало удивлялись такому, по ихъ мнѣнію, равнодушію моему къ ихъ странѣ. Вдовствующая княгиня, Даринька, которую я знавалъ еще въ С.-Петербургѣ, не разъ выражала свое удивленіе насчетъ такого недостатка любознательности съ моей стороны, а отецъ князя, Мирко Петровичъ, съ которымъ я дважды видѣлся въ Дубровникѣ, сказалъ какъ-то въ шутку, что если я еще разъ буду въ Которѣ (я бывалъ тамъ три раза), онъ пошлетъ за мной перяниковъ (жандармовъ) привести меня силою въ Цетинье. И такъ меня влекло въ Черногорію, съ одной стороны, желаніе провѣрить лично на мѣстѣ слышанное и читанное мною объ этомъ микроскопическомъ славянскомъ княжествѣ, столько вѣковъ отстаивающемъ свою независимость отъ посягательствъ Турокъ, а съ другой, оправдать себя пе-

редь черногорцами, доказавъ имъ, что не трудности путешествія по ихъ горамъ удерживали меня сиднемъ въ Дубровникѣ, а особенныя, не отъ меня зависѣвшія, обстоятельства. Я ждалъ первой возможности осуществить свое желаніе, ждалъ долго, въ твердой рѣшимости посѣтить Черногорію во что бы то ни стало, до отъѣзда изъ Дубровника, и наконецъ дождался столь давно ожидаемой минуты.

Отдавъ послѣдній прощальный поклонъ пріятелямъ, возвращавшимся въ Дубровникъ, я помѣстился на палубѣ, занялся созерцаніемъ *ненагляднаго* (по выраженію одного моего хорошаго знакомаго) моря, безоблачнаго ярко-лазуреваго неба и съ удовольствіемъ глядѣлъ, какъ скрывались отъ насъ мирный Грузъ (Gravosa), живописная Рѣка (Ombla), зеленый Лападъ и скалистая Дакса. Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣлъ дубровницкій бригадный генералъ (нынѣ намѣстникъ Далмаціи), Филипповичъ, человекъ безхарактерный и недалководный, лишенный всякихъ способностей военныхъ и административныхъ, просто баловень фортуны. Онъ не замедлилъ вступить со мною въ разговоръ о цѣли поѣздки, о литературныхъ моихъ занятіяхъ, о которыхъ онъ зналъ по наслышкѣ, и т. п. Между тѣмъ подали обѣдъ, окончившійся у самага входа въ Которскую бухту.

Во время Крымской кампаніи, австрійское правительство объявило Которскую бухту *военнымъ портомъ* (*porto di guerra*) и возбранило съ тѣхъ поръ входъ въ нее военнымъ судамъ иностранныхъ державъ. Съ того времени оно потратило огромныя суммы на укрѣпленіе Пунты д'Остро и на сооруженіе новыхъ фортовъ, хотя вовсе не достигло своей цѣли: воздвигнутыя укрѣпленія, по сознанію моряковъ и артиллеристовъ, не въ состояніи возбранить входъ въ бухту не только цѣлой эскадрѣ, но даже одному, хорошо вооруженному фрегату, который въ нѣсколько минутъ можетъ разрушить всѣ эти карточные укрѣпленія.

Узкая полоса земли, вдающаяся въ море и принад-

лежащая туркамъ, Суторина, отдѣляла нѣкогда Дубровницкую республику отъ Венеціанской Албаніи (нынѣ *Bosche di Cattaro*). Здѣсь въ началѣ герцеговинскаго возстанія были сооружены Лукою Вукаловичемъ шанцы, разрушенные предмѣстникомъ Филипповича, барономъ Родичемъ, въ концѣ 1861 года.

За Суториной тянется по берегу бухты предмѣстье Новаго (*Castel-nuovo*), Топла, въ приходской церкви коего (Вознесенія Господня) было найдено мною, въ февралѣ 1865 года, старое пергаменное четвероевангеліе съ изображеніями Апостоловъ, въ богатомъ серебряномъ окладѣ, неизвѣстное дотолѣ ни одному изъ славянскихъ ученыхъ. По дорогѣ изъ Новаго въ Мелинѣ, въ живописной роцѣ находится старосербскій монастырь, Саввина, въ которомъ между рукописями позднѣйшаго времени я тщетно отыскивалъ житіе Кирилла и Меодія, изъ коего въ 1843 году профессора Прейсъ и Срезневскій сдѣлали выписки: оно погибло невозвратно, вмѣстѣ съ другими древностями, по небрежности монаховъ.

Солнце было уже низко, когда мы прибыли въ скучный Которъ, и я не замедлилъ отправиться въ гостиницу сдѣлать нужныя распоряженія для поѣздки въ Черногорію.

На другой день я поднялся на зарѣ, къ удивленію услужливаго княжескаго агента, Петра Рамадановича, обязавшагося разбудить меня, когда будетъ все готово къ путешествію. Еще въ Дубровникѣ я рѣшился идти пѣшкомъ въ Цетинѣ: до того страшила меня верховая ѣзда; но какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ Которѣ мнѣ представляли, что путешествіе пѣшкомъ въ Черногорію не по моимъ силамъ, что нужно для этого быть черногорцемъ и носить *опанки* (родъ нашихъ лаптей). Мнѣ обѣщали самую смирную лошадь и хорошихъ проводниковъ; увѣряли, что дорога до границы—превосходное шоссе, что опасности нѣтъ никакой, что проводники будутъ беречь меня больше зѣницы своего ока, что вскорѣ взойдетъ солнце и что при солнцѣ путешествовать въ гору ве-

сьма утомительно, — и я наконецъ согласился. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня подъемъ на гору, вышиной по крайней мѣрѣ въ 1.500 футовъ, верхомъ на лошади въ первый разъ въ жизни. Къ тому же стремяна не были достаточно подтянуты, и я безпрестанно пошатывался съ одной стороны на другую на самодѣльномъ сѣдлѣ, покрытомъ огромною *струкою* (родъ пледа, которымъ покрываются въ непогоду черногорцы и далматинцы). Вся живописная Которская бухта, съ ея городами и селами, была у меня подъ ногами, а далѣе синева моря, усѣяннаго скалистыми островами, сливалась съ лазурью безоблачнаго неба, озареннаго багровыми лучами восходящаго солнца; но признаюсь, мнѣ было не до вида, и животный инстинкъ самосохраненія вполне овладѣлъ мною. Но вотъ и черногорская граница! Не радостью въ сердцѣ моемъ отозвался видъ ея: тутъ прекращалась австрійская дорога, начиналась черногорская, но, Боже мой, какая! По нерасчищеннымъ камнямъ, въ видѣ ступеней, вилась тропинка, по которой въ иныхъ мѣстахъ не могли пройти двѣ лошади, а внизу зіяла пропасть, отъ одного вида которой кружилась голова. Но подъемъ еще не конченъ: намъ предстоитъ взобраться на гору Крстацъ еще выше той, на которой мы находились (2.000 фут.). Солнце было уже высоко, потъ лился съ меня ручьями, и напрасно проводники утѣшали меня великолѣпіемъ вида: говорили мнѣ, что видна значительная часть Черногоріи и Скутарское озеро. Я имъ охотно вѣрилъ, но не довѣрялъ лошади. Медленно, шагомъ подвигались мы впередъ. Къ моему горю, на пути встрѣчалось мнѣ множество черногорцевъ и черногорокъ, спѣшившихъ на базаръ въ Которъ: была суббота. При встрѣчѣ со всякимъ нужно было снять шляпу и сказать: „Помагай Богъ!“, чтобы получить въ отвѣтъ: „Добра ви срѣтя!“ Затѣмъ начинались докучливые распросы, откуда я, зачѣмъ ѣду въ Черногорію; одни, видя, что меня поддерживаетъ проводникъ, освѣдомлялись, не боленъ ли я; другіе при-

нимали меня за англичанина.... „Нѣсамъ инглезь“, отвѣчалъ я имъ. „Я самъ братъ вашъ, русь.“ — „Богати!“ слышался затѣмъ возгласъ со стороны черногорцевъ и начинались снова вопросы, которые я оставлялъ безъ отвѣта. Сниманье шляпы, привѣтствія (черногорецъ не кланяется первый) и докучливые распросы мнѣ крайне надоѣли и еще болѣе утомили меня, и безъ того разбитаго дорогой.

Я успокоился только тогда, когда мы спустились съ Крстца въ Нѣгушскую долину; тогда только я вздохнулъ свободно и сталъ внимательнѣе къ окружающимъ меня предметамъ. Я съ удивленіемъ глядѣлъ, какъ легко и ловко взбирались по скалистымъ, безлѣснымъ пригоркамъ черногорцы и черногорки, которые для сокращенія пути не шли по дорогѣ, а перепрыгивали какъ дикія козы съ камня на камень. Во всѣхъ направленіяхъ мелькали передо мною ихъ черныя, съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, *шапки* *), ихъ бѣлыя *гуни*, съ красными, также шитыми золотомъ, *жилетами*, ихъ синіе *шаровары* и бѣлыя *накольніцы*. Всѣ, даже самые бѣдные, носятъ *опанки*, у всѣхъ за поясомъ пистолеть и ножъ, а за плечами длинное албанское ружье. Съ оружіемъ черногорецъ никогда не расстаётся, точно также какъ и съ трубкой. У черногорокъ на головѣ тѣ же шапки, какъ и у мужчинъ, но только шитыя золотомъ посрединѣ, а не съ боку; замужнія покрываютъ голову бѣлымъ, а въ случаѣ траура чернымъ платкомъ. Бѣлая длинная рубаха и нѣчто въ родѣ гуни составля-

*) До Петра II черногорцы носили фески. Значеніе цвѣтовъ на своихъ шапкахъ черногорцы толкуютъ такъ: красный верхъ обозначаетъ кровь сербскую, пролитую на Косовомъ полѣ, шитье золотомъ есть знакъ побѣды славянъ надъ турками, а черный шелковый околышекъ — скорбь по утраченной свободѣ. Шитье золотомъ постоянно должно увеличиваться, и когда христіане окончательно восторжествуютъ надъ мусульманами и изгонятъ ихъ изъ Европы, должно покрыть весь верхъ шапки.

еть весь незатѣйливый нарядъ черногорки. Всякому встрѣчному черногорцу она цѣлуетъ руку. По всему видно, она не болѣе какъ слуга черногорца: она не сѣтъ на себѣ тяжелое бремя, а онъ знаетъ только тянуть изъ трубки свой доморощенный табакъ. Мнѣ случалось встрѣчать по дорогѣ черногорокъ, гнувшихъ подъ тяжестію брмени; отъ усталости онѣ выпускали какой-то пронзительный, раздирающій сердце, стонъ. Далѣе я видѣлъ по дорогѣ черногорокъ, работавшихъ на полѣ, и ни одного черногорца. Черногорецъ считаетъ позоромъ для себя заниматься полевыми и другими хозяйственными работами или ремеслами (это, по его мнѣнію, дѣло цыгань); все дѣлаетъ черногорка: она настоящая работница, черногорецъ же не работникъ, а господинъ. Получая все готовое отъ жены или ближайшей родственницы, онъ связанъ съ ними только однимъ обязательствомъ—защищать честь ихъ, и въ этомъ случаѣ не жалѣетъ жизни своей. Оскорбленіе женщины считается въ Черногоріи великимъ преступленіемъ, и куда не можетъ безопасно пойти черногорецъ, туда посылаютъ черногорку. Во время войны она спокойно носитъ своему мужу или родственнику на поле битвы съѣстные припасы и военные снаряды и въ случаѣ болѣзни ухаживаетъ за ними. Однимъ словомъ, на ней лежатъ всѣ хозяйственныя и семейныя заботы, черногорецъ же умѣетъ только воевать,—и онъ воинъ по преимуществу, онъ славянскій спартанецъ и, подобно древнимъ спартанцамъ, считаетъ унижительнымъ для себя заниматься какимъ-либо другимъ дѣломъ, кромѣ военнаго. Рожденіе черногорца, этого будущаго защитника родины и вѣры, составляетъ большое торжество не только въ семьѣ, но даже въ цѣломъ племени; рожденіе же черногорки проходитъ незамѣченнымъ. Еще юношей начинаетъ черногорецъ носить оружіе и не разстается съ нимъ до смерти. Съ малолѣтства приучается онъ лазить по горамъ, пася козъ и овецъ, и мнѣ случалось видѣть малолѣтнихъ черногорскихъ па-

стуховъ на неприступныхъ скалахъ, надъ зіяющею пропастью, и я невольно удивлялся ихъ отважности и ловкости. Съ дѣтства привыкнувъ къ своимъ скаламъ, черногорецъ считаетъ ненужными для себя дороги и даже возстаетъ противъ ихъ проведенія, утверждая, что дороги только облегчатъ врагамъ вторженіе въ неприступныя доселѣ для нихъ твердыни. Происхожденіе своихъ милыхъ родныхъ горъ черногорцы объясняютъ такъ: когда Богъ, при созданіи міра, носясь надъ землею и надѣляя ее горами, прибылъ на мѣсто нынѣшней Черногоріи, мѣшокъ, въ которомъ у него были камни, прорвался, и всѣ камни упали на землю: оттого такъ неровно надѣлена Черногорія полями и долинами, и представляетъ сплошную массу голыхъ скалъ. И дѣйствительно, въ Черногоріи поля большая рѣдкость, за исключеніемъ развѣ Дрничской нахи, которая по справедливости можетъ назваться житницей Черногоріи; и зато черногорецъ дорожитъ всякимъ клочкомъ земли, нерѣдко въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, и старается обработать его. Такихъ клочковъ земли въ ущельяхъ горъ я встрѣтилъ много по дорогѣ изъ Котора въ Нѣгуши: на нихъ сѣютъ кукурузу, капусту и картофель, сѣмена котораго вывезены были впервые въ Черногорію изъ Россіи владыкою Петромъ I. Первос по дорогѣ поле въ Нѣгушахъ. Это мѣсто замѣчательно, такъ какъ отсюда ведетъ родъ свой нынѣшняя княжеская фамилія.

Въ 1696 г. черногорцы, оставшись безъ правителя, избрали на соборѣ въ Цетиньѣ своимъ владыкою Данила Петровича Нѣгоша. При немъ начались сношенія наши съ Черногоріей. Въ 1711 году, императоръ Петръ I отправилъ въ Черногорію полковника Михаила Милорадовича съ грамотой, въ которой призывалъ черногорцевъ къ участию въ освобожденіи отъ турецкаго ига единокровныхъ и единовѣрныхъ имъ братій. Черногорцы не замедлили опустошить Герцеговину и Албанію и одержали въ слѣдующемъ году блистательную побѣду надъ Ахметъ-Пашой, вторгшимся въ Черногорію съ ше-

стидесятитысячною арміею. Съ тѣхъ поръ сношенія наши съ Черногоріею продолжаютъ донинѣ. Преемникъ Данила, владыка Василій, прибылъ въ 1752 году въ Россію ходатайствовать по дѣламъ своего народа; въ 1754 г. онъ издалъ въ Москвѣ краткую исторію Черногоріи, а въ 1766 г. умеръ въ С.-Петербургѣ. Во время пребыванія его въ Россіи, Императрица Елизавета Петровна послала въ пособіе черногорцамъ 1.000 червонцевъ при грамотѣ, понынѣ хранящейся въ Цетиньѣ. Отъ Императрицы Екатерины II сохранилось пять грамотъ. Первая изъ нихъ написана по случаю смерти владыки Василя, въ 1766 г.,—вторая трѣмя годами позже: этою послѣднею Екатерина призываетъ черногорцевъ къ борьбѣ съ турками. Въ самый годъ смерти владыки Василя, при преемникѣ его, Саввѣ, появился въ Черногоріи самозванецъ Степанъ Малый, выдававшій себя за Императора Петра III. Онъ успѣлъ захватить въ свои руки верховную власть и побѣдами надъ турками, равно какъ и заботами о благосостояніи страны, успѣлъ снискать себѣ такую любовь народа, что усилія князя Долгорукова свергнуть его не имѣли никакого успѣха. Онъ умеръ въ 1774 году въ монастырѣ Врчели, гдѣ провель послѣдніе четыре года своей жизни въ бездѣйствіи, потерявъ въ 1770 году зрѣніе. Третья грамота Екатерины II относится къ 1788 году и написана черезъ три года послѣ повѣздки въ Россію наслѣдника Саввы, Петра I Св.: этою грамотой Императрица снова призываетъ къ борьбѣ съ турками черногорцевъ, которые въ слѣдующемъ же году овладѣли крѣпостью Спужемъ въ Албаніи. Четвертая грамота была привезена въ Черногорію графомъ Ивеличемъ, коему было поручено поднять противъ турокъ не только черногорцевъ, но и герцеговинцевъ. Въ слѣдующемъ году Императрица особенною грамотой благодарила черногорцевъ за содѣйствіе противъ общаго врага. Императоръ Павелъ I былъ особенно расположенъ къ черногорцамъ: въ 1798 году, онъ пожаловалъ владыкѣ Петру I орденъ св. Алексан-

дра Невскаго, а въ слѣдующемъ году въ грамотѣ своей обѣщалъ черногорскому народу покровительство и помощь для устройства у нихъ государственнаго порядка. Разрывъ съ Черногоріей, происшедшій въ началѣ царствованія Императора Александра I (1804 г.), продолжался недолго: въ 1805 году послѣдовало примиреніе. Въ 1805 и 1807 годахъ, черногорцы воевали вмѣстѣ съ нами противъ французовъ въ Богѣ, Дубровникѣ и Герцеговинѣ. Дружественныя сношенія наши съ Черногоріей продолжались и по смерти Петра I (1830 г.), при его преемникахъ, владыкѣ Петрѣ II и князѣ Даниилѣ I, при которомъ произошелъ однако кратковременный разрывъ. Кромѣ денежныхъ субсидій, Черногорія обязана Россіи также точнымъ опредѣленіемъ своихъ границъ (международная коммиссія 1859—1860 годовъ), чѣмъ отнята у турокъ возможность захватывать самовольно черногорскія земли. Благоволеніе Россіи къ Черногоріи неоднократно было выказано и при нынѣшнемъ князѣ Николаѣ I (съ 1860 г.) посылкой денежныхъ субсидій и хлѣба и защитой ея интересовъ противъ посягательствъ Порты.

Въ исходѣ послѣдней черногорско-турецкой войны, въ августѣ 1862 г., когда Омеръ-Паша занялъ Рѣку Црноевича и угрожалъ самому Цетинью, всѣ драгоцѣнныя вещи изъ дворца и монастыря были перенесены въ Нѣгуши, куда собиралось переселиться, при первой опасности, все княжеское семейство; но пріѣздъ въ Черногорію княгини Дариньки далъ другой оборотъ дѣлу, и былъ заключенъ постыдный для Черногоріи миръ.

Въ Нѣгуши я прибылъ въ одиннадцать часовъ утра и остановился позавтракать въ корчмѣ. До 1840 года не было въ Черногоріи ни одной корчмы, и путешественникъ отправлялся въ первый попавшійся домъ, гдѣ, по старому славянскому гостепріимству, его радушно принимали и угощали, чѣмъ Богъ послалъ. Нынѣ Черногорія покрыта сѣтью корчемъ, гдѣ приходится платить втридорога за всякую бездѣлицу. Вы взяли, на-

примѣръ, два-три яйца, кусокъ кастрадины, рюмку водки, стаканъ црничскаго вина и чашку кофе, и спрашиваете, что стоитъ; вамъ отвѣчаютъ: „сколько пожалеете“, съ явнымъ расчетомъ на вашу щедрость, и при этомъ корчмарица рассказываетъ вамъ, что у нея оставался такой-то консуль или такой-то путешественникъ и заплатилъ столько-то, что самъ князь черногорскій съ княгиней былъ у нея, благодарилъ ее за то, что она хорошо принимаетъ путешественниковъ, и подарилъ ей столько-то... и вамъ становится совѣстно ударить себя въ грязь лицомъ, и вы даете 5—10 франковъ.

Молодая корчмарица, родомъ изъ Котора, видѣла городскую жизнь, и при пріѣздѣ путешественниковъ надѣваетъ европейское платье. Она была очень озадачена, когда я замѣтилъ ей, что не надѣялся найти въ Черногоріи корчмарицу одѣтую по-европейски, и что не слѣдуетъ стыдиться своей народной одежды. Зато мужъ ея, старикъ лѣтъ семидесяти, истый черногорецъ. Съ нимъ я долго бесѣдовалъ о русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Черногорію, и онъ охотно рассказывалъ мнѣ о нихъ, весьма мѣтко характеризуя каждого.

Изба, въ которой помѣщается корчма, постройкой мало отличается отъ другихъ черногорскихъ избъ: она построена изъ камня, а цементомъ служитъ глина, смѣшанная съ пескомъ; кровля изъ соломы; передъ избой низкій деревянный навѣсъ, немного выше двери, ведущей во внутренность избы; внизу очагъ; узенькая каменная лѣстница ведетъ въ свѣтелку съ однимъ крошечнымъ окошечкомъ; по угламъ двѣ самодѣльные постели, покрытыя струками... все это по-черногорски; но комодъ, уставленный посудой, указываетъ на слѣды европейской цивилизаціи. Эта свѣтелка служитъ пріемною для путешественниковъ. Къ избѣ пристроенъ, нѣсколько ниже ея, каменный, крытый соломой хлѣвъ.

По этому способу строятся въ Черногоріи дома всѣхъ болѣе зажиточныхъ людей; у бѣдныхъ же изба ниже и состоитъ изъ одной только горницы, посреди которой

разводится очагъ; дымъ, за неимѣніемъ трубъ, выходитъ въ двери; такая горница служитъ и приемою, и столовою, и спальнею, иногда нетолько для хозяевъ, но и для скота. Длина избы 4—10, а ширина 3—4 сажени, и при такой тѣснотѣ помѣщается въ ней иногда до 30 человекъ. Мебели обыкновенно нѣтъ никакой; всѣ сидятъ по-турецки кругомъ очага, и постелью служитъ сырая земля и струка. Въ корчмѣ, впрочемъ, есть для сидѣнія низенькая скамеечка, подобная тѣмъ, какія ставятся у насъ подъ ноги, и столикъ, нѣсколько выше скамеечки.

Съ Нѣгушскаго поля мы должны были опять подняться на гору, чтобы спуститься къ Цетинью.

Я пріѣхалъ въ Цетинье въ третьемъ часу пополудни, и, къ удивленію моему, нашелъ нетолько нарочно приготовленную для меня квартиру, но даже и барскій завтракъ. Нужно сказать, что передъ отправленіемъ изъ Котора я просилъ письменно одного изъ моихъ цетинскихъ пріятелей, архимандрита Н. Дучича, приготовить мнѣ къ пріѣзду приличную комнату, но встрѣченный мною въ Которѣ адъютантъ князя Николая, Машо Врбича, помимо меня и противъ моего желанія, извѣстилъ о моей поѣздкѣ его свѣтлость, который приказалъ немедленно отвести мнѣ квартиру и послать завтракъ.

Кто не бывалъ въ Черногоріи, тотъ представляетъ себѣ Цетинье городомъ; но едва ли его 20—30 домовъ заслуживаютъ названія даже деревни; впрочемъ дома построены по-европейски и образуютъ правильныя двѣтри улицы. Княжескій дворецъ—длинное, одноэтажное зданіе, съ башнями по угламъ, построено княземъ Даниломъ I, по совѣту и внушеніямъ его супруги, Дариньки, привыкшей къ европейскому комфорту, а дотолѣ правители Черногоріи жили въ монастырѣ. Дѣйствительно, княжескій дворецъ представляетъ всѣ удобства европейскихъ построекъ; но онъ оказывается малъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда проживаетъ въ

немъ все семейство правителя Черногоріи; для вдовствующей княгини, наѣзжающей изрѣдка въ Цетинье, понадобилось построить особенный двухъ-этажный домъ, чуть ли не больше княжескаго, на что потрачено уже нѣсколько десятковъ тысячъ австрійскихъ гульденовъ. Пристрастіе къ комфорту распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе въ Черногоріи и грозитъ серіозною опасностію этому гнѣзду *сербскихъ соколовъ*, какъ называютъ себя черногорцы. Владыки, довольствовавшіеся скромнымъ помѣщеніемъ въ монастырѣ, охотно жертвовали удобствами жизни народнымъ интересамъ: когда требовали того свобода и честь страны, безъ печали и сокрушенія сердца, они покидали свою резиденцію, дважды преданную пламени турками, и удалялись въ горы, не переставая бороться съ врагами до послѣдней крайности. Нынѣ не то, и молодой князь рѣшился скорѣе подписать постыдный миръ, чѣмъ предать свою резиденцію въ руки турокъ. Самъ Омеръ-Паша, извѣщавшій султана, что онъ будетъ завтракать въ Цетиньѣ, не ожидалъ такого малодушія отъ правителя Черногоріи: онъ думалъ, что въ такую трудную минуту князь Николай одушевится чувствами своихъ предковъ и пожертвуетъ Цетиньемъ, чтобы спасти Черногорію и уничтожить врага....

На полянѣ передъ дворцомъ мнѣ указали на *пирамиду* въ честь героевъ Граховской битвы (1858), преимущественно же Мирка Петровича, великаго воеводы Граховца. Въ воспоминаніе объ этой побѣдѣ выбита была, по приказанію Даніила I, медаль, а нынѣшній князь Николай, кромѣ помянутой пирамиды, соорудилъ церковь св. Вознесенія Христова на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шатеръ турецкаго военачальника, Хусейнъ-Паши.

Въ ожиданіи обѣда, я сходилъ также посмотреть новую *гостиницу* и недавно учрежденную *Заложницу*.

Въ Цетиньѣ доселѣ не было гостиницы, и путешественникъ, не имѣвшій доступа къ князю, долженъ былъ останавливаться въ грязной, дымной корчмѣ и спать на

нарахъ рядомъ съ невзыскательными черногорцами: о кушаньяхъ уже нечего и говорить. Въ послѣднее время вздумалъ бывший княжескій поварь французъ открыть нѣчто въ родѣ гостинницы: завелъ постели и кое-какую мебель, обѣщаль порядочный обѣдъ, но спился, и вы напрасно будете искать у него не только чего-либо горячаго, но даже простой закуски. А между тѣмъ въ Цетиньѣ бываетъ много иностранцевъ, особенно въ Петровъ и Духовъ день; а потому нужно пожелать, чтобъ акціонеры (большею частію которскіе православные купцы, акція по 100 гульденовъ) поскорѣе окончили постройку гостинницы, обѣщающей большія удобства путешественникамъ и, конечно, немалыя выгоды ея содержателямъ.

Заложница, подъ управленіемъ Ильи Рамадановича, брата княжескаго агента въ Которѣ, — учрежденіе чрезвычайно важное и крайне необходимое для Черногоріи: прежде черногорець, имѣвшій нужду въ деньгахъ, закладывавалъ оружіе или одежду по большей части въ Которѣ, платилъ страшные проценты и, если не могъ выкупить свои вещи въ срокъ, терялъ ихъ за ничтожную цѣну, а теперь съ него берутъ незначительные проценты и даютъ три отсрочки, и только по истеченіи этихъ отсрочекъ вещи продаются съ аукціона, и излишекъ вырученной суммы возвращается должнику, — условія для него весьма благоприятныя.

Тотъ же Рамадановичъ открылъ въ Цетиньѣ лавку, въ которой по австрійскимъ цѣнамъ можно получать колониальныя товары и мануфактурныя издѣлія, тогда какъ прежде всякую бездѣлицу нужно было закупать въ Которѣ.

По возвращеніи домой мнѣ не долго пришлось ждать обѣда: въ 7 часу явился ко мнѣ княжескій адъютантъ, Станко Радоничъ, съ приглашеніемъ пожаловать къ его свѣтлости. Зная, что правитель Черногоріи не прочь разыгрывать роль нѣмецкаго князька, я, чтобы доставить ему удовольствіе, явился къ нему въ мундирѣ.

Князь ожидалъ меня въ гостиной и, послѣ краткаго моего привѣтствія по-сербски, просилъ меня сѣсть съ нимъ на диванъ и сталъ весьма дружески бесѣдовать со мной. Черезъ четверть часа вошли въ гостиную княгини Даринька и Милена: первую я знавала еще въ С.-Петербургѣ, а потому она встрѣтила меня какъ стараго знакомаго; что же касается до Милены, то она играетъ при Даринькѣ роль служебную и остается въ ея присутствіи совершенно безгласна. Вдовствующая княгиня обратилась ко мнѣ съ привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ; но я не замедлилъ заговорить по-сербски, зная, что Милена не понимаетъ другаго языка.

Подали обѣдъ. За столомъ, какъ и всюду, княгиня Даринька занимаетъ первое мѣсто; по правую ея руку сидѣлъ князь, по лѣвую было назначено мѣсто для меня. Противъ Дариньки сидѣла Милена; остальные мѣста были заняты: отцомъ князя, Миркомъ Петровичемъ, его матерью Станою, сестрою Гордою (въ просторѣчїи Бѣша), мужемъ ея сердаремъ Саввою Пламенцемъ, адъютантомъ Станко Радоничемъ и бывшимъ княжескимъ агентомъ въ Скутари, чехомъ Вацликъ *).

*) Ограничившись характеристикой наиболѣе вліятельныхъ правительственныхъ лицъ въ Черногоріи, я не счелъ нужнымъ говорить о Вацликѣ, лишенномъ въ то время мѣста агента въ Скутари и проживавшемъ въ Цетиньѣ безъ дѣла, и то по милости Дариньки. Нѣкоторые видѣли въ этомъ молчаніи моемъ о Вацликѣ пристрастіе къ нему. Во избѣжаніе подобныхъ нарѣканій, позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Вацликъ родомъ чехъ. Неудачи на родинѣ и честолюбіе заставили его искать счастья въ Черногоріи. Покойный князь Даниилъ I и Даринька ласкали его, особенно послѣ того, какъ онъ издалъ брошюру: *La souveraineté du Monténégro et le droit des gens*. Чтобы польстить князю Даниилу, Вацликъ издалъ еще въ Прагѣ карту Черногоріи (по Карачаю), на которой обозначилъ проектированный его свѣтлостью Даниловградъ. Пользуясь благорасположеніемъ Дариньки, хитрый Вацликъ успѣлъ добиться назначенія своего въ секретари князя. Это мѣсто онъ занималъ до окончанія послѣдней войны съ турками. Онъ сопровождалъ въ Константинополь въ качествѣ драгомана воеводу Матановича и ѣздилъ въ Вѣну для заключенія телеграфной конвенціи. При учрежденіи

Зная, что изъ присутствовавшихъ никто, кромѣ князя и Дариньки, не понимаетъ французскаго языка, я старался говорить больше по-сербски и даже установить разговоръ на этомъ языкѣ, чего мнѣ и удалось наконецъ достигъ. Я спросилъ княгиню, говорить ли она по-русски. „Я совсѣмъ забыла“, отвѣчала мнѣ Даринька по-сербски, „потому что не съ кѣмъ говорить и нѣтъ русскихъ книгъ“. — Если ваша свѣтлость желаете не забывать нашего языка, возразилъ я, то легко найти и книги, и лица, съ кѣмъ вы могли бы говорить по-русски: кромѣ книгъ, имѣющихся въ княжеской библиотекѣ, можно доставить вамъ всѣ какія пожелаете, а для облегченія занятій русскимъ языкомъ, позвольте мнѣ предложить свои услуги: „прикажите, и я останусь въ Цетиньѣ, сколько вамъ угодно времени“. Мое предложеніе, повидимому, озадачило княгиню, и она, поблагодаривъ меня весьма любезно, замѣтила, что у меня есть болѣе важныя занятія, отвлекать меня отъ которыхъ было бы съ ея стороны непростительно.

За обѣдомъ соблюдался большой этикетъ, установленный княгинею Даринькой и соблюдаемый только въ ея присутствіи. Ради нея также готовится французскій обѣдъ и подаются французскія вина; когда же ея не

черногорскаго агенства въ Скадрѣ, онъ былъ назначенъ княземъ Николаемъ на этотъ постъ; но не умѣлъ держать себя съ консулами великихъ державъ, особенно же съ нашимъ, и былъ смѣненъ. Ему былъ возбраненъ даже въѣздъ въ Черногорію, куда онъ успѣлъ однако возвратиться въ свитѣ Дариньки; но никакого мѣста не получилъ и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что его терпѣли въ Цетиньѣ. Мирко его ненавидитъ и позволяетъ себѣ всячески издѣваться надъ нимъ; но Вацликъ все сноситъ, лишь бы остаться въ Черногоріи, гдѣ присутствіе его положительно вредно, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ австрійскій шпионъ, въ чемъ убѣждаетъ переписка его съ начальникомъ Которскаго округа и съ интернунціемъ въ Константинополь. Своими корреспонденціями въ нѣмецкихъ (Wandereger) и чешскихъ газетахъ онъ успѣлъ возвысить себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ: онъ, не стѣняясь, величалъ себя статсъ-секретаремъ и выставлялъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ, нерѣдко приписывая себѣ то, что дѣлали другіе. Таковъ Вацликъ.

бываетъ въ Цетиньѣ, князь и все его семейство ѣдятъ по-черногорски и запиваютъ црничскимъ виномъ, не уступающимъ, впрочемъ, Бордо.

Послѣ обѣда, избранныя лица отправляются въ гостиную вдовствующей княгини, гдѣ засиживаются до полуночи; но я, извинившись усталостію, оставилъ общество, вопреки установленному этикету, и пошелъ на свою квартиру.

Былъ воскресный день, и я отправился къ обѣднѣ въ монастырскую церковь, гдѣ почиютъ мощи владыки Петра I Св. (1782—1830). Церковь тѣсна и темна, и за большимъ стеченіемъ народа нельзя было ее разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣдни слѣдовалъ сытный завтракъ у князя, мало уступавшій обѣду. По окончаніи завтрака я поторопился сдѣлать визиты духовнымъ и гражданскимъ главарямъ, начавъ съ митрополита.

Высокопреосвященный Иларіонъ Рогановичъ, съ которымъ я видался прежде въ Дубровникѣ, истый черногорецъ, безъ всякихъ претензій; любимый его разговоръ— православная Россія, ея благочестіе и благоустройство, ея войско и народъ; съ особеннымъ жаромъ онъ рассказываетъ о томъ, какъ ласково его принялъ и какъ милостиво съ нимъ бѣсоводовалъ русскій Царь, весьма заботливо освѣдомлявшійся отъ него о нуждахъ Черногоріи. Въ заключеніе разговоровъ онъ показываетъ обыкновенно панагію и другія принадлежности архіерейскаго облаченія, которыя были подарены ему въ Россіи и которымъ онъ приписываетъ баснословную цѣну. Его доброта и любовь къ народу, для котораго онъ готовъ всѣмъ жертвовать и которому удѣляетъ послѣдній свой грошъ, заслужили ему добрую славу въ Черногоріи, гдѣ онъ безспорно имѣетъ болѣе вліянія, чѣмъ князь: тѣмъ сильнѣе и прочнѣе это вліяніе, что оно приобрѣтено не интригами, на которыя Иларіонъ неспособенъ, а прямою и заботливостію о паствѣ. Въ два года, протекшіе со времени его посвященія въ С.-Петербургѣ, онъ успѣлъ уже многое сдѣлать для

Черногоріи: исправилъ церкви, разрушенныя турками, снабдилъ ихъ необходимыми богослужебными принадлежностями, доставленными святѣйшимъ синодомъ, издалъ циркуляръ, которымъ воспрещается духовнымъ лицамъ носить оружіе и предписывается отпускать бороду, въ отличіе отъ свѣтскихъ; по его внушенію, заведены во всѣхъ приходѣхъ книги для записыванія числа родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся, но особенное вниманіе митрополитъ обратилъ на образованіе духовенства, поставивъ за правило посвящать въ духовный санъ только лица, окончившія курсъ въ главной цетинской школѣ, и то не иначе, какъ по доброй волѣ, а не по принужденію: этой мѣрой онъ надѣется предупредить на будущее время возможность существованія такихъ священниковъ, каковы нынѣшніе, изъ коихъ весьма многіе не знаютъ даже грамоты. Заботясь объ образованіи духовенства и воспрещая ему предаваться мірскимъ занятіямъ, Иларіонъ, какъ мнѣ сказывали, намѣренъ стараться объ увеличеніи содержанія священниковъ, не обременяя народа новыми поборами, чего легко достигнуть болѣе правильнымъ распредѣленіемъ приходоѡ. Въ Черногоріи, кромѣ трехъ протопресвитеровъ, нѣгушинскаго, бѣлопавличскаго и васоевичскаго, около 400 священниковъ (по одному на 300 душъ): но число это, весьма достаточное для страны, распредѣлено чрезвычайно неправильно: есть мѣста, особенно въ Црничской нахи, гдѣ приходится по одному священнику на 50 домовъ, тогда какъ въ Цуцахъ (около 3.000 душъ) одинъ священникъ на цѣлое племя. Вслѣдствіе такого неправильнаго распредѣленія приходоѡ, одни священники живутъ въ довольствѣ, а другіе бѣдствуютъ. Къ числу благотворныхъ для края распоряженій Иларіона должно отнести также мѣры, принятыя имъ противъ разводовъ, такъ часто повторяющихся въ Черногоріи. Кромѣ того, онъ усердно заботится объ искорененіи въ народѣ предразсудковъ, суевѣрій и безнравственныхъ обычаевъ, на-

примѣръ кровной мести, случаи которой стали въ последнее время особенно часто повторяться.

У митрополита я засталъ его сотрудника, архимандрита цетивскаго, Никифора Дучича, съ которымъ я еще прежде былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Дучичъ стоитъ по образованію гораздо выше самоучки Иларіона: онъ воспитывался въ бѣлградской семинаріи. Дѣятельность его направлена преимущественно къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: благодаря ему, завелись въ Черногоріи правильно устроенныя школы, въ Цетиньѣ главная съ 4 классами и 11 меньшихъ съ 2 классами, въ Цекличахъ, Цеклинѣ, Брчелахъ, Лимлянахъ, Градцѣ, Орью Лукѣ, Острогѣ, кельѣ Пиперской, монастырѣ Морачѣ, Конюхахъ и Требчѣ; кромѣ того, вскорѣ будутъ открыты еще три школы: въ Нѣгушахъ, Чевѣ и Граховѣ. Дучичъ завѣдываетъ также хозяйственнымъ управленіемъ митрополіи. Вообще онъ человѣкъ весьма полезный и необходимый для Черногоріи; жаль только, что ему много мѣшаетъ его честолюбіе: онъ ищетъ почестей всѣми возможными путями. Такъ, по возвращеніи изъ Бѣлграда въ монастырь Дужи (въ Требинскомъ округѣ), гдѣ его дядя, отецъ Евстаѣій, былъ игуменомъ (а нынѣ архимандритомъ), онъ не ужился мирно въ обители, а происками и интригами добился того, что князь Николай, послѣ ссоры Луки Вукаловича съ Миркомъ въ концѣ 1860 года, назначилъ его „комендантомъ Герцеговины“; но его комендантство было непродолжительно. Вукаловичу возвратили воеводство, а Дучичъ долженъ былъ удалиться въ Цетинье. Здѣсь онъ долго терся во дворцѣ, заискивая расположенія князя и княгини Дариньки, и въ одинъ прекрасный вечеръ его свѣтлость, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, назначилъ его архимандритомъ; но этимъ онъ не довольствовался и сталъ домогаться епископской митры. Было такъ: года два тому назадъ, предъ отправленіемъ Иларіона въ Россію для посвященія, пріѣхала въ Цетинье княгиня Даринька. Дучичъ сталъ ей представлять,

что Иларіонъ чѣловѣкъ простой и необразованный, что управленіе митрополіей будетъ ему не по силамъ, что лучше было бы назначить на этотъ важный постъ чело- вѣка, болѣе свѣдущаго и опытнаго; словомъ, указываль прямо на себя; къ тому же онъ убѣждалъ ее, что бы- ло бы удобнѣе и полезнѣе для Черногоріи послать из- бранное лицо для посвященія не въ Россію, а въ Ав- стрію, къ сербскому патріарху въ Карловцахъ. Интри- га Дучича удалась бы, еслибы князю и Даринькѣ не воспротивился Мирко, прямо объявившій, что пока онъ живъ, не бывать Дучичу митрополитомъ, что онъ даль слово Иларіону и долженъ сдержать его, и Иларіонъ не- медленно былъ отправленъ въ Россію. Не успѣвъ та- кимъ образомъ достигъ епископской митры, Дучичъ сталъ искать литературной славы изданіемъ въ Цетиньѣ и Зад- рѣ различныхъ своихъ статей. Пожелаемъ ему успѣха на- этомъ поприщѣ!

Отъ митрополита я отправился къ главнокомандующе- му черногорскимъ войскомъ и предсѣдателю сената, Мир- ку Петровичу, отцу князя. По смерти его брата, Дани- ила I, ему слѣдовало быть черногорскимъ княземъ, но онъ уступилъ свои права сыну своему Николаю, не- задолго передъ тѣмъ пріѣхавшему изъ Парижа и поль- зовавшемуся особеннымъ расположеніемъ княгини Да- риньки. Къ чести покойнаго князя Даниила нужно ска- зать, что онъ, не надѣясь имѣть вскорѣ сына и зная, что братъ его, по недостатку образованія, не можетъ, въ случаѣ его смерти, занять его мѣсто, вызвалъ свое- го племянника изъ Парижа и сталъ серіозно готовить его въ свои наслѣдники; въ немъ было предчувствіе, что жить ему недолго, а оставить народъ безъ правителя онъ не хотѣлъ, сознавая всю гибель анархіи. Предчув- ствіе близкой смерти было такъ сильно у Даниила, что княгинѣ Даринькѣ стоило большаго труда убѣдить его спуститься съ Черныхъ горъ въ Перцаньо, гдѣ медикъ совѣтовалъ ей принимать морскія ванны. Предчувствіе Даниила сбылось: предательская пуля прекратила его

жизнь, столь необходимую для Черногоріи (1860 г.). Княгиня поспѣшила въ Цетинье возвѣстить народу послѣднюю волю своего мужа—назначеніе княземъ сына Мирка, Николая. Это было чрезвычайно важно для княгини, ибо она очень хорошо понимала, что при молодомъ князѣ, обязанномъ ей властью, можетъ разыгрывать роль еще большую, чѣмъ при покойномъ мужѣ, который не любилъ, чтобъ жена вмѣшивалась въ государственныя дѣла. Мирко Петровичъ заявилъ всенародно, что онъ уступаетъ свои права сыну, и Николай былъ признанъ черногорцами княземъ. Молодой князь, ослѣпленный блескомъ власти и мало приготовленный къ государственнымъ дѣламъ, предался болѣе прежняго бозпечности, а управлять Черногоріей предоставилъ своему отцу. Все семейство князя переселилось во дворець, гдѣ полнымъ хозяиномъ былъ Мирко, а Николаю остались только княжескія почести. Управляя самовластно Черногоріей и безконтрольно распоряжаясь народною кассой, Мирко успѣлъ внушить къ себѣ страхъ, любви же Черногорцевъ не заслужилъ. Онъ постоянно преслѣдовалъ отца княгини Милены, Петра Стефанова Вукотича, осмѣлившагося, въ поѣздку его въ Вѣну, доказывать сенату и князю необходимость завести въ Черногоріи какой-либо государственный порядокъ и отчетность въ расходованіи народныхъ суммъ. Разсказываютъ даже, что въ прошлую войну побѣды Вукотича въ Дучѣ возбудили въ Миркѣ Петровичѣ, боящемся, чтобы кто-нибудь не затмилъ его военной славы, добытой въ Граховѣ, — такую зависть, что онъ не замедлилъ поставить Вукотича въ весьма затруднительное положеніе, не посылая ему ни съѣстныхъ, ни военныхъ припасовъ, ни подкрѣпленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мирко имѣетъ и хорошія качества: онъ неустрашимо храбръ, честно держитъ свое слово и обладаетъ большимъ тактомъ, изумлявшимъ записныхъ дипломатовъ. Вотъ въ чьихъ рукахъ была власть въ Черногоріи до послѣдняго времени, когда князь самъ сталъ заниматься дѣлами; впрочемъ не думаю, чтобъ это продолжилось дол-

го, и, вѣроятно, по отъѣздѣ изъ Цетинья княгини Дариньки, Мирко будетъ господствовать попрежнему.

Посѣтилъ я также секретаря его свѣтлости, священника Іоанна Сундечича, бывшаго профессора въ задарской православной семинаріи. Сундечичъ извѣстенъ, какъ сербскій поэтъ и далматинскій патріотъ. Послѣ десятилѣтней службы въ семинаріи, онъ былъ лишенъ намѣстничествомъ каѳедры (въ 1863 г.) и долженъ былъ искать новыхъ средствъ къ жизни въ Сербіи или Черногоріи. Въ посвященіи поэмы *Крвава Кошуля* князю Николаю онъ умѣлъ очень искусно польстить ему. Князь не замедлилъ предложить Сундечичу мѣсто своего секретаря, съ жалованьемъ въ 1.000 гульденовъ, и опредѣлилъ его сыновей на свой счетъ въ дубровницкую школу. Въ это время былъ еще въ Цетиньѣ корсиканецъ, докторъ Панкрацци, исправлявшій нѣсколько лѣтъ должность княжескаго секретаря. Панкрацци, подъ покровительствомъ княгини Дариньки, успѣлъ вкратиться въ неограниченную довѣренность къ князю, которому онъ нравился своимъ веселымъ характеромъ и своею находчивостью. Князь повѣрялъ ему всѣ государственныя тайны и ничего не предпринималъ безъ его совѣта, а онъ, говорятъ, продавалъ эти тайны не только своему правительству, но даже Австріи и Турціи: Кромѣ хорошаго жалованья онъ получалъ отъ князя все содержаніе для своего семейства и различныя милости для своего сына, воспитывавшагося въ военной школѣ въ Парижѣ. Съ такимъ человѣкомъ, само собою разумѣется, не могъ сойтись Сундечичъ, и между ними началась борьба, окончившаяся, благодаря отсутствію княгини Дариньки, разоблаченіемъ поступковъ Панкрацци и изгнаніемъ его изъ Черногоріи. Сундечичъ, оставшись одинъ секретаремъ князя, надѣялся дать другой оборотъ дѣламъ—въ пользу славянскихъ интересовъ; но тщетно: княгиня Даринька смотритъ на него косо, считая его виновникомъ удаленія Панкрацци, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается набросить тѣнь на его поступки, выставляя его

русскимъ партизаномъ; не помогли Сундечичу и его со-
неты въ честь Дариньки. Въ послѣднее время его поч-
ти совсѣмъ устранили отъ политическихъ дѣлъ, предо-
ставивъ ему завѣдываніе типографіей и изданіе кален-
даря и учебниковъ для школъ.

Цетинская типографія была зеведена, если не ошиба-
юсь, владыкой Петромъ II. При Даниилѣ I здѣсь былъ на-
печатанъ только *Законникъ Черногорскій*, а во время гер-
цеговинскаго возстанія народная пѣснь *Хрватъ - баша*
Црногорски, въ которой воспѣвается освобожденіе изъ
тюрьмы капитана черногорцевъ, проживающихъ въ Кон-
стантинополѣ, бывшимъ посланникомъ нашимъ княземъ
А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и *Воззваніе къ Босня-*
камъ. Такимъ образомъ, до пріѣзда въ Цетинье Сунде-
чича, типографія оставалась въ бѣздѣйствіи и разстрой-
ствѣ. Онъ убѣдилъ князя выписать изъ Праги новые
шрифты и намѣревался издавать газету *Орловъ Кришъ*.
Изданіе этой газеты не состоялось, а были напечатаны:
1) безцвѣтныя пѣсни Мирка Петровича о послѣдней вой-
нѣ черногорцевъ съ турками (*Црногорски споменикъ*); 2)
Орличъ, черногорскій календарь за 1865 г., въ кото-
ромъ кромѣ пѣсенъ князя Николая и Сундечича, любо-
пытны статья Н. Дучича *О граховской битвѣ* и Сунде-
чича *Статистическія данныя о Черногоріи*, которымъ,
впрочемъ, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго
значенія, *) и наконецъ. 3) *Низъ бисера югословенскаго*,

*) Хотя статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя Сундечичемъ, носятъ
на себѣ характеръ quasi-официальный, но довѣрять имъ нельзя: Мирко
Петровичъ съ намѣреніемъ приказалъ увеличить почти вдвое число
населенія и войска. Такъ жителей въ Черногоріи показано 196.238
душъ обоюга пола, а войска 25 000 чел. въ мирное и 35 000 въ военное
время. Если въ послѣднюю войну, при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ,
черногорцы не могли выставить въ поле болѣе 20.000 воиновъ, то кто
же повѣритъ, чтобы нынѣ было наготовѣ 25 000? Собиравшій на мѣстѣ
статистическія данныя о Черногоріи, поручикъ корпуса топографовъ
П. Д. Быковъ, увѣрялъ меня, что численность населенія не пре-
вышаетъ 100.000, изъ коихъ 10.000 могутъ всегда выйдти въ поле. Вой-
скомъ командуютъ воеводы, сердари и капитаны, стотинаши и десечари.

сборникъ правоучительныхъ пѣсень Сундечича, предназначенный для черногорскаго юношества и посвященный дочери Дариньки, княжнѣ Ольгѣ. Учебниковъ же для школы, въ которыхъ такъ нуждается Черногорія, не издано, къ сожалѣнію, ни одного.

Здѣсь не мѣсто разсуждать о поэтическихъ произведеніяхъ Сундечича; замѣчу только, что, по моему крайнему разумѣнію, лучшія изъ нихъ — пѣсни, написанныя имъ въ Задрѣ, съ цѣлю сближенія сербовъ-католиковъ съ православными и проникнутыя духомъ вѣротерпимости и сознаниемъ необходимости общенія между различными славянскими племенами. Что же касается послѣднихъ его произведеній, написанныхъ въ Черногоріи, то въ нихъ Сундечичъ почти исключительно воспѣваетъ князя Николая и его тетку: въ этихъ похвальныхъ одахъ и сонетахъ не узнаешь свободномыслящаго задарскаго поэта, считавшагося далматинскимъ намѣстничествомъ человѣкомъ опаснымъ за его непоколебимый патріотизмъ. Я неоднократно замѣчалъ Сундечичу, что меня крайне удивляетъ перемѣна, происшедшая въ немъ со времени поселенія его въ Черногоріи, гдѣ онъ изъ поэта-гражданина сдѣлался придворнымъ пѣвцомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ раскаивается въ тѣхъ похвалахъ, которыя онъ расточалъ князю черногорскому вначалѣ, когда еще видѣлъ въ немъ идеалъ свободного сербскаго властителя; что же касается позднѣйшихъ его произведеній (напримѣръ, *Петровъ данъ на Цетинью*), вызванныхъ обстоятельствами, то въ нихъ онъ касается только внѣшности князя, величаваго будто бы его вида,

Корпусъ жандармовъ (перяники) состоитъ изъ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ своихъ капитана и вице-капитана. Въ гвардіи 400 человѣкъ, подъ начальствомъ шефа Петра Вукотича. Вся Черногорія раздѣлена въ административномъ отношеніи на 7 нахій (Катунскую, Рѣчскую, Цричскую, Лешанскую, Брдскую, Морачскую и Васоевичскую), подраздѣленныхъ на племена (исключая Лешанской: горняя и дольная нахія): въ Катунской 12 племень, Рѣчской 4, Цричской 7, въ Брдахъ 19. Всякое племя управляется своимъ капитаномъ.

искуства его ѣздить верхомъ и т. п. „Я попалъ въ такую среду,“ говаривалъ мнѣ Сундечичъ, „гдѣ позволено говорить не иначе какъ языкомъ лести; это тяготитъ меня, и долго такой пытки я не могу снести, а потому подумываю уже о томъ, какъ бы мнѣ пристроить семейство, обременяющее меня, и искать убѣжища и занятій въ Сербіи.“ Такое искреннее признаніе Сундечича убѣдило меня, что онъ остался тѣмъ же самымъ, какимъ я знавалъ его прежде, и мнѣ стало жаль, что Черногорія должна лишиться такого честнаго дѣятеля, вполне посвятившаго себя славянскому дѣлу и ясно сознающаго, что для славянъ безъ Россіи нѣтъ будущаго...

За обѣдомъ у князя я не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ черногорскаго наряда на княгинѣ Даринькѣ, который она надѣваетъ только по праздничнымъ днямъ. Послѣ обѣда, по обыкновенію, отправились пить кофе въ гостиную вдовствующей княгини, чрезъ посредство которой я не замедлилъ испросить у князя позволеніе осмотрѣть имѣющіяся въ Цетинѣ старыя рукописи. Я зналъ еще прежде, что для полученія чего-либо отъ князя необходимо обратиться къ нему чрезъ посредство княгини Дариньки: такъ я и сдѣлалъ, и съ полнымъ успѣхомъ. Мнѣ было позволено не только осмотрѣть, но и взять на домъ все, что пожелаю.

Къ сожалѣнію, слухи о существованіи въ Цетинѣ пергаменнаго Евангелія, чуть ли не современнаго Остромирову, не оправдались: я не нашелъ ни одной древней рукописи. Самая старая рукопись есть пергаменное *Четвероевангеліе* in 8°, писанное красивымъ уставомъ, при молдавскихъ государяхъ, Стефанъ и сынъ его Богданъ, до 1504 г.; оно было занесено въ Черногорію, какъ значится въ припискѣ, однимъ молдавскимъ купцомъ и оковано владыкою Данииломъ въ 1732 г. Другое такое же *Четвероевангеліе*, съ предисловіемъ Теофилакта, архіепископа болгарскаго, писано при патріархѣ печьскомъ Герасимѣ, а третье—скорописное, времени патріарха Арсенія. Въ ризницѣ хранятся также царскія грамоты и разныя пись-

ма XVIII—XIX вв., а также архіерейскія облаченія и ордена, жалованныя нашимъ правительствомъ черногорскимъ владыкамъ.

Осмотрѣвъ ризницу и взявъ съ собой болѣе старыя рукописи, я возвратился въ гостиную проститься съ княземъ и его семействомъ и попросить въ то же время дозволенія отправиться на слѣдующій день на Рѣку и Вирь-Базаръ. Князь Николай охотно согласился на мою просьбу и далъ приказаніе Вацлику сопутствовать мнѣ и сдѣлать нужныя для путешествія приготовленія *).

Часовъ въ семь утра, мы пустились въ путь на мулахъ, снабженные достаточнымъ запасомъ провизіи. Дорога на Рѣку Црноевича, отстоящую отъ Цетинья часа на четыре, если не живописнѣе и не удобнѣе цетинско-каторской, то по крайности представляетъ болѣе растительности: здѣсь больше полей и попадаются даже фруктовыя деревья жаркихъ странъ. На отдыхъ мы остановились въ Добрскомъ селѣ. Подъ большимъ деревомъ мы пріютились отъ солнца и попросили воды. Около

*) Я самъ просилъ у князя дозволить Вацлику сопутствовать мнѣ и тѣмъ предупредилъ тайное желаніе его свѣтлости приставить ко мнѣ шпиона. Я зналъ очень хорошо Вацлика, а потому предупрежденія моихъ цетинскихъ пріятелей были излишни. Будучи увѣренъ, что Вацликъ зорко слѣдитъ за мною и что всякое мое слово будетъ передано его свѣтлости, я, показывая видъ, что ничего не подозреваю, позволилъ себѣ высказать моему спутнику много такого, что было неудобно лично передавать князю. Такъ между прочимъ я указалъ на вредъ, проистекающій для Черногоріи отъ слишкомъ щедрой раздачи иностранцамъ его свѣтлостью ордена Даниїла. Я обратилъ при этомъ вниманіе на два случая такой раздачи: 1) награжденіе орденомъ „за независимость Черногоріи“ лицъ, которыя не могутъ получить отъ своего правительства дозволенія носить этотъ орденъ, и 2) подписываніе княземъ Николаемъ безыменныхъ грамотъ на черногорскій орденъ, по просьбѣ иностранныхъ консуловъ. Навязчивость князя въ первомъ случаѣ и податливость во второмъ одинаково компрометируютъ черногорское правительство: отказъ отъ ордена долженъ также оскорблять его свѣтлость, какъ и ношеніе ордена такими лицами, которыя нетолько не оказали никакихъ услугъ Черногоріи, но даже знаютъ о ней только по имени. По возвращеніи въ Цетинье я имѣлъ случай узнать о томъ, въ какую ярость пришелъ князь Николай, убѣдившись въ своей оплошности.

насъ собралось все село. Мальчикъ 6—7 лѣтъ грызъ гранатъ (*шипакъ* по-черногорски), и я попросилъ его принести мнѣ одинъ изъ этихъ плодовъ, славящихся въ Черногоріи своею необыкновенною величиною. Онъ сначала отказывался, говоря, что мать его ушла на базаръ въ Которъ и пересчитала всѣ гранаты, но потомъ, вслѣдствіе настояній Вацлика и сопровождавшаго меня перяника, онъ исполнилъ мою просьбу, и я далъ ему 1 цванцигъ. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня мальчикъ и сказалъ, прыгая отъ радости: „Еслибы всѣ платили такъ щедро, какъ вы, то матери моей ненужно было бы ходить на базаръ въ Которъ.“ Мнѣ понравился этотъ развязный мальчикъ, и я спросилъ его, знаетъ ли онъ г. Быкова (нашъ топографъ, исходившій всю Черногорію и пользующійся въ ней популярностью). „Да како не, отвѣчалъ онъ, я га познамъ врло добро: онъ е руски офицеръ.“ „А слышалъ ли ты что-нибудь о русскомъ народѣ и о русскомъ Царѣ?“ — „Руси су братья наша, а Царъ руски е велики пріатео нашего господара и безъ нѣга нашъ господаръ ништа не ради.“ Слова эти, изъ которыхъ я видѣлъ, какія чувства питаетъ къ намъ черногорецъ еще съ пеленокъ, меня крайне удивили и порадовали, и я съ удовольствіемъ далъ мальчику еще одинъ цванцигъ. Озадаченный моею щедростью, онъ рѣшился наконецъ спросить меня, кто я и откуда. „Я принадлежу къ тѣмъ вашимъ братьямъ, отвѣчалъ я, о которыхъ только что ты мнѣ говорилъ.“ Съ этими словами я тронулся въ путь. Разговоръ съ добрско-сельскимъ мальчикомъ убѣдилъ меня въ искренности неоднократно слышанныхъ мною отъ черногорцевъ словъ: „Да би Русіе ніе било, не би било крста одъ три прста.“ Въ этихъ немногихъ словахъ ясно выражается взглядъ черногорца на Россію и отношенія ея къ нашимъ единовѣрцамъ на Востокѣ: по его понятіямъ, соплеменники наши сохранили свою вѣру, благодаря заступничеству Россіи, а сохранивъ вѣру, сохранили и народность.

Рѣка Црноевича названа такъ въ память построившаго на этомъ мѣстѣ крѣпость *Ободъ*, въ послѣдствіи разрушенную, князя черногорскаго *Ивана Црноевича* († 1490). Сынъ и наслѣдникъ его, *Георгій*, женатый на дочери венеціанскаго дожа *Мочениго*, основалъ на Рѣкѣ первую югославянскую типографію (1492). Въ новѣйшее время Рѣка приобрѣла извѣстность тѣмъ, что отсюда *Омеръ-Паша*, угрожая *Цетинью*, предписалъ князю *Николаю* извѣстный *ultimatum* (1862). Сожженная и разоренная въ послѣднюю войну, Рѣка уже обстроилась такъ, что и слѣдовъ не осталось столь недавняго погрома. Если какое-либо мѣсто въ Черногоріи заслуживаетъ названія города, то это Рѣка, центръ черногорской промышленности и торговли. Здѣсь бываетъ еженедѣльно, по субботамъ, базаръ, на который съѣзжаются купцы, по преимуществу изъ *Албаніи*. Городъ расположенъ на берегу мелкой рѣки, впадающей въ *Зету*, поросшей камышемъ и служащей, повидимому, причиной господствующихъ здѣсь лихорадокъ. Позавтракавъ и отдохнувъ въ княжескомъ домѣ, мы сѣли въ лодку, чтобы спуститься внизъ по *Зетѣ* въ *Скутарское озеро* (*Скадарско блато*). Чрезвычайно оригинальна постройка черногорскихъ лодокъ: длинныя и узкія, съ высокимъ носомъ и кормой, онѣ сидятъ весьма низко въ водѣ; скамеекъ нѣтъ, и нужно было расположиться на днѣ лодки, покрытомъ ковромъ. Съ помощью шести добрыхъ гребцовъ и кормчаго, лодка шла быстро. Передъ нею безпрестанно ныряли дикія утки, а по берегамъ въ камышахъ сидѣли длинноногія цапли, которыхъ черногорцы называютъ своею пограничною стражей и считаютъ за грѣхъ убивать. Погода намъ благопріятствовала, озеро было какъ зеркало, и къ вечеру мы прибыли безъ особыхъ приключеній на *Виръ-Базаръ*, небольшое торговое селеніе *Црничской нахіи*, въ которомъ бываетъ всякую пятницу базаръ. Въ дымной и грязной корчмѣ я не могъ долго оставаться, а потому, не дождавшись ужина, отправился на ночлегъ въ только-что отстроен-

ный, но еще не меблированный домъ сердаря Саввы Пламенца, единственный европейскій домъ во всемъ селеніи.

Утромъ на другой день мы должны были пуститься въ обратный путь, чтобы поспѣть въ Цетинье къ вечеру, наканунѣ храмоваго праздника въ тамошнемъ монастырѣ. Спутникъ мой, Вацликъ, предложилъ мнѣ захватить по дорогѣ на островъ *Лессендрію* и осмотрѣть тамъ турецкую крѣпость, комендантъ которой былъ его хорошій знакомый. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что мнѣ не случалось дотолѣ быть на турецкой территоріи, хотя турокъ я насмотрѣлся вдоволь въ Дубровникѣ. Италіянецъ Джустиніани, католикъ, въ одно и то же время и докторъ и комендантъ крѣпостей Лессендріи, Жабляка и Спужа, принялъ насъ весьма ласково, показалъ намъ всю крѣпость, въ настоящее время значительно расширяемую, сводилъ насъ въ госпиталь, содержимый довольно исправно, и наконецъ пригласилъ насъ къ себѣ на чашку кофе. По-турецки сидѣть я не умѣлъ, а потому мнѣ подали табуретъ; пить горячій кофе изъ турецкихъ чашекъ безъ блюдечекъ и безъ ручекъ мнѣ также было необычно, зато съ большимъ наслажденіемъ я выкурилъ трубку хорошаго турецкаго табаку, какого мнѣ не удавалось достать въ Дубровникѣ, гдѣ продаютъ тревинскій табакъ какъ контрабанду. Джустиніани говорилъ съ нами по-французски и по-италіянски, для того чтобъ его чубукчи не понимали нашего разговора. По всему видно, что особо-крутыя обстоятельства принудили его вступить въ турецкую службу, и онъ весьма откровенно рассказывалъ намъ о вновь воздвигаемыхъ турками на черногорской границѣ укрѣпленіяхъ, о числѣ рабочихъ и гарнизона, о числѣ и качествахъ пушекъ (въ то время онъ поджидалъ изъ Скутари 45 нарѣзныхъ орудій большаго калибра для подвѣдомственныхъ ему крѣпостей) и т. п. Онъ подсмѣивается надъ турками, и когда я отказывался отъ второй чашки кофе, онъ мнѣ замѣтилъ, что по турецкому обы-

чаю слѣдуетъ пить двѣ чашки кофе, потому что чело-
вѣкъ ходить на двухъ ногахъ. Еще болѣе куріозное за-
мѣчаніе пришлось мнѣ впослѣдствіи слышать отъ ту-
рецкаго офицера-босняка въ пограничной съ Дубровни-
комъ таможи — Царина. На мое предложеніе выпить
стаканъ вина, Боснякъ отвѣчалъ, что имъ не дозволено
пить вино, и прибавилъ: еслибы капля вина упала на
землю, и на этомъ мѣстѣ выросла трава, и корова съѣ-
ла эту траву, то воспрещается пить даже молоко отъ
этой коровы.

Простившись съ Джустиніани и поблагодаривъ его за
гостепріимство, мы пустились въ дальнѣйшій путь и къ
вечеру были въ Цетинѣ.

На слѣдующій день, 8-го сентября, лишь только я
всталъ, пришли навѣстить меня княжескій адъютантъ
Машо Врбица и сердаръ Перо Матановичъ, пріѣхавшіе
къ празднику изъ Котора, гдѣ занимались приѣмкой и
отправленіемъ въ Цетинье штуцеровъ, заказанныхъ кня-
земъ Николаемъ въ Вѣнѣ (если не ошибаюсь, пять ты-
сячъ штукъ). Машо Врбица учился въ Россіи и счи-
тается первымъ въ Черногоріи артиллеристомъ; въ по-
слѣднюю войну онъ осаждалъ турецкую крѣпость Ме-
дунъ, но безуспѣшно. Онъ любимецъ Мирка, занимает-
ся въ компаніи съ нимъ торговлей и держитъ на отку-
пу таможи. Перо Матановичъ, сердаръ цекличскій, че-
ловѣкъ не глупый, но весь преданъ торговымъ интере-
самъ: онъ и братъ его, воевода цекличскій, Георгій
(Дьюро), люди самые состоятельные въ Черногоріи и ве-
дутъ торговлю заодно съ Миркомъ. Года два тому на-
задъ они построили въ Которѣ большой домъ, принося-
щій имъ значительный доходъ. По предложенію Пера
Матановича, я навѣстилъ брата его воеводу, личность,
мнѣ хорошо извѣстную. Дьюро Матановичъ не поль-
зуется въ Черногоріи уваженіемъ, и всѣ смотрятъ на
него, какъ на созданіе Мирка. Его имя стало нѣсколько
извѣстно въ послѣднее время: онъ ѣздилъ по порученію
князя въ Константинополь, по дѣлу о турецкихъ блок-

гаузахъ на черногорской границѣ; изъ Константинополя онъ отправился въ Крымъ, представлялся Государю Императору и исходатайствовалъ у Его Величества въ даръ черногорцамъ значительное количество жита и кукурузы. Онъ устроилъ также дѣло о назначеніи черногорско-турецкой комиссіи для разграниченія спорныхъ участковъ земли, комиссіи, которая не только не принесла Черногоріи никакой пользы, но еще болѣе запутала ея дѣла и не разъ приводила къ непріятнымъ столкновеніямъ съ Портой. Матановичъ и Врбица задержали меня такъ долго, что я поспѣлъ въ церковь только къ шапочному разбору. Послѣ завтрака у князя, я навѣстилъ митрополита и архимандрита, а потомъ отправился на поле смотрѣть пробу новыхъ штуцеровъ. На весьма значительномъ разстояніи, въ концѣ поля была положена на скалѣ черногорская струка, въ которую стрѣляли князь и нѣкоторые изъ главарей. Князь считается хорошимъ стрѣлкомъ, и ему было пріятно показать при мнѣ свое искусство; но мнѣ было пріятнѣе взглянуть, какъ веселится народъ, а потому я поспѣшилъ отправиться на другой конецъ поля, гдѣ были раскинуты шатры.

Черногорецъ, албанецъ, боснякъ, герцеговинецъ и австрійскій поморецъ сошлись на этотъ праздникъ, кто съ торговою цѣлю, кто поклониться мощамъ св. Петра, почитаемаго даже мусульманами, а кто и такъ просто — себя показать и другихъ посмотрѣть. Еслибы не различіе одеждъ и говоровъ, то несвѣдущій путешественникъ принялъ бы ихъ всѣхъ за земляковъ: такъ мирно и дружески бесѣдовали они, сидя по-турецки, съ трубкой во рту, съ чашкой кофе въ рукѣ. Всякій рассказывалъ про свое житье-бытье, про свои удачи и неудачи, про новости въ своемъ краѣ, и нерѣдко въ ихъ дружеской бесѣдѣ слышалось: *побре* (побратимъ, черногорцы братятся даже съ турками, и всегда честно держатъ свое слово). Нерѣдко слышится и пѣсня о герояхъ старосербскихъ или юнакахъ черногорскихъ, и турокъ не

оскорбляется, а въ отвѣтъ затынетъ и свою пѣсню про своихъ лихихъ наѣздниковъ... а потомъ, глядишь, подь звуки гуслей, подь монотонный и протяжный напѣвъ *поскочницы*, два „юнака“ пустились скакать, прищелкивая пальцами и по временамъ взвизгивая.

Любимая черногорская поскочница:

О ябуко зеленико,
 Зеленъ ти си родъ родила:
 На двѣ гране двѣ ябуке,
 А на третю соко сѣди:
 Соко глѣда равно поле,
 Де кошута воду пије,
 Поврхъ не се соко вије;
 Бѣжь, кошута, ядна била,
 Ето ловци Херцеговци:
 Живу тье те уватити.
 Цару тье те поклонити,
 Цар тье теби даровати
 Орахово и Грахово
 И све равно Сарајево.
 Сарай — трава до колѣна:
 У нхой пасу два елена
 И три титя паюнчитя
 Ньихъ ми чува дѣвойчица
 Една божья лѣпотница:
 На ню ми е доламица
 Права кроя скадарскога,
 Ситна шава мисирскога.
 Одтудъ иду три деліе,
 Три деліе у диміе;
 Еданъ одъ ньихъ проговара:
 «Я бихъ волій шь ньомъ чувати,
 Него съ царомъ вечерати!»
 Други одъ ньихъ проговара:
 «Я бихъ волій шь ньомъ чувати,
 Но надъ Босномъ везиръ бити!»
 Они третьи проговара:
 «Луда листе, братьо моя!
 Я бихъ волій шь ньомъ чувати,
 Но стамболскимъ царемъ бити!»

Собираніемъ черногорскихъ народныхъ „поскочницъ“ занимается архимандритъ Дучичъ; въ Орлицъ за 1865 онъ напечаталъ восемь прекрасныхъ поскочницъ.

За обѣдомъ у князя я встрѣтилъ, къ своему удивленію, шестнадцатилѣтняго сына воеводы Милана Раевича, извѣстнаго мнѣ изъ Дубровника, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возобновить не очень пріятный для княгини Дариньки и случившагося тутъ же секретаря-драгомана французскаго консульства въ Скутари, Моро (Моравскій), разговоръ о русскомъ языкѣ, начавъ, впрочемъ, издалека.

— Прочли вы книги, которыя я далъ вамъ въ Дубровникѣ? спросилъ я молодого Раевича.

— Да, и очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ онъ.

Князь не замедлилъ полюбопытствовать, о какихъ книгахъ идетъ рѣчь.

— Ваша свѣтлость, сказалъ я, — познакомившись съ сыномъ Милана въ Дубровникѣ и удивляясь его способностямъ и легкости, съ какою онъ научился въ Ниццѣ въ короткое время такъ правильно говорить по-французски, я невольно спросилъ его, учился ли онъ своему родному языку и читалъ ли исторію Черногоріи. „Сербской грамматикѣ, отвѣчалъ онъ, меня не учили, — а только французской; черногорской же исторіи у насъ нѣтъ.“ И мнѣ жаль стало, что такой способный молодой черногорецъ, сынъ такого знаменитаго воеводы, не умѣетъ правильно написать двухъ-трехъ строкъ на своемъ родномъ языкѣ и не читалъ исторіи своихъ славныхъ предковъ. Будучи убѣжденъ, что для всякаго человека нужнѣе прежде всего знать *свое собственное*, а потомъ приниматься за *чужое*, я и подарилъ Раевичу черногорскую исторію Милаковича, сербскую грамматику Даничича и еще нѣсколько другихъ книгъ о южныхъ Славянахъ.

Княгиня Даринька, понимая, что я бросаю камешки въ ея огородъ, поспѣшила замѣтить мнѣ, что свой родной языкъ всякій знаетъ по природѣ, правописанію мож-

но научиться чтеніемъ, а черногорскую исторію сынъ Милана можетъ узнать изъ устъ живаго народа въ его пѣсняхъ.

—Трудно, ваша свѣтлость, возражалъ я Даринькѣ,— самому помощію чтенія усвоить правила правописанія, въ пѣсняхъ же часто недостаетъ исторической правды; потому я остаюсь при своемъ мнѣніи, что черногорцу необходимѣе и полезнѣе учиться языку и исторіи своего народа, чѣмъ какого бы то ни было другаго, даже французовъ.

— Я вижу, вамъ не нравится, замѣтила княгиня, — что въ Черногоріи есть люди, говорящіе по-французски, и вамъ пріятнѣе бы было, еслибы говорили по-русски?

— Наши языки такъ близки, ваша свѣтлость, что для насъ все равно, говорятъ ли по-сербски или по-русски; но если въ Цетиньѣ проживаетъ профессоръ французъ, то отчего бы не быть и русскому. — и едва ли не съ большею пользою для черногорцевъ. Черногорцы немного бы потеряли, еслибъ они не знали салоннаго французскаго языка, географіи и исторіи Франціи, а вмѣсто того познакомились бы съ прошлымъ и настоящимъ своихъ братій по крови и вѣрѣ, а по прошлому научились бы судить и о будущемъ, общемъ для всѣхъ насъ, научились бы, какими путями стремиться къ этому общему будущему, узнали бы средства и способы, пріучились бы отличать настоящихъ друзей отъ ложныхъ....

Я зашелъ слишкомъ далеко и ожидалъ, что княгиня и Моро потребуютъ у меня объясненія: но князь, сидѣвшій рядомъ со мною, перемѣнилъ разговоръ и спросилъ меня, доволенъ ли я путешествіемъ въ Виръ-Базаръ.

—Я вынесъ изъ этого путешествія самыя отрадныя впечатлѣнія, отвѣчалъ я,—я убѣдился, что историческія обстоятельства не испортили вашего народа, что его продолжаютъ одушевлять любовь къ родинѣ и вѣрѣ и преданность нашему царю: народъ, столь стойкій въ своихъ чувствахъ и убѣжденіяхъ, достоинъ самой лучшей

участи. Отраднo также видѣть, какъ распространена грамотность въ народѣ: я встрѣчалъ мальчиковъ, весьма бойко читавшихъ по-сербски и по-церковно-славянски.

Между тѣмъ обѣдъ кончился, и мы отправились, по обыкновенію, въ гостиную княгини Дариньки; но я сидѣлъ здѣсь не долго, и вслѣдъ за княземъ пошелъ въ билліардную, гдѣ были собраны всѣ имѣвшіеся налицо въ Цетиньѣ духовные и гражданскіе главари. Увидавъ въ числѣ ихъ воеводу васоевичскаго, Милана Раевича, я спросилъ его, отчего онъ не былъ за столомъ у князя вмѣстѣ съ своимъ сыномъ?

— Сына моего приглашаетъ иногда къ столу княгиня Даринька, отвѣчалъ мнѣ Миланъ.

— А отчего онъ ходитъ въ чамаркѣ, а не въ черногорской одеждѣ? продолжалъ я допытывать его.

— Такъ желаетъ ея свѣтлость, которая сама изволила заказать ему это платье, было мнѣ отвѣтомъ.... И такъ, подумалъ я, первый по своимъ подвигамъ воевода сидитъ чуть ли не въ передней, а шестнадцатилѣтній сынъ его красуется въ чамаркѣ за столомъ у князя!

Между сенаторами я замѣтилъ также воеводу граховскаго Антона Даковича, извѣстнаго друга Луки Вукаловича. Жаль мнѣ было, что недоставало между ними умнѣйшаго воеводы, Петра Стефанова, и героя дробнячскаго, Георгія Церовича. Пожалѣлъ я также, что не пришлось мнѣ увидѣть воеводу нѣгушскаго, Ивана Ракова Радонича, извѣстнаго мнѣ за человѣка продажнаго и благопріятеля Австріи. Нѣкоторые изъ главарей играли на билліардѣ, другіе въ карты: такъ обыкновенно проводили они вечера у князя, засиживаясь за полночь, днемъ же прогуливаются по Цетинью съ трубкой въ рукахъ или сидятъ въ корчмахъ. Если случится какое дѣло, позоветъ ихъ Мирко, сядутъ они скрестя ноги по-турецки на травѣ подъ большимъ деревомъ, или въ княжескомъ дворцѣ; не выпуская трубокъ изо рту, слушаютъ молча, какъ судитъ Мирко, и потомъ расходятся; иногда присутствуетъ и князь, сидя на пушкѣ, въ своемъ

голубоватосѣромъ плащѣ. Говоря собственно, сенать черногорскій—Мирко, а законы—его произволь; хотя и есть „Законникъ“ Даниїла, но для Мирка законы не писаны, и кто не хочет лишиться ста талеровъ въ годъ и попасть въ опалу, тотъ безгласный и покорный его слуга. Обыкновенно прежде чѣмъ отправиться въ сенать, двѣ тяжущіяся стороны собираются на сходку и выбираютъ свидѣтелей; судьи, выслушавъ обѣ стороны, рѣшаютъ, которая изъ нихъ права и которая виновата, и, сообразно винѣ, опредѣляютъ наказаніе по „Законнику“. Черногорскій законникъ весьма несложенъ и ясно опредѣляетъ за всякую вину соотвѣтствующее наказаніе, а потому судить по немъ можетъ легко самый простой главарь. За проступки меньшей важности взимаютъ пеню (*глоба*), одна половина которой поступаетъ въ государственную казну, а другая въ пользу судей. Тѣлесныхъ наказаній *de jure* въ Черногоріи не существуетъ, но *de facto* Мирко позволяетъ себѣ наказывать черногорцевъ палками. За смертоубійство разстрѣливаютъ, за прелюбодѣяніе изгоняютъ изъ Черногоріи и конфискуютъ имущество. Заподозрѣнныхъ въ преступленіи, но еще не уличенныхъ, сажаютъ въ тюрьму. За несовершеннолѣтнихъ дѣтей отвѣчаетъ отецъ, за жену мужъ; только въ случаѣ смертоубійства наказываютъ женщину позорною казнію — побіеніемъ камнями (*подъ юмилу*). Въ сенать апеллируютъ въ такомъ случаѣ, когда недовольны рѣшеніемъ мѣстнаго главаря, и это бываетъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ рассчитываетъ на покровительство Мирка. Приговоръ Мирка, какъ водится, одобряется сенаторами, и только изрѣдка князь даетъ иной оборотъ дѣлу.

Кромѣ *глобы*, половина которой, какъ я уже замѣтилъ, идетъ въ казну, черногорскіе доходы состоятъ изъ *порьза*, или подати по 60 паръ съ дома, собираемой главарями ко дню Рождества Богородицы, и недавно установленнаго *таможеннаго сбора*, который впрочемъ, отягощая народъ, обогащаетъ только откупщиковъ. Сумма

всѣхъ доходовъ простирается до 100.000 гульденовъ, расходуемыхъ частію на содержаніе главарей (самыя большіе оклады митрополита 2.000 гульд. и вице-президента сената 1.200), частію же на потребности и прихоти князя и Мирка, которые также безконтрольно распоряжаются доходами, какъ и *субсидіями*, получаемыми отъ нашего правительства.

Побесѣдовавъ съ сенаторами и митрополитомъ, я хотѣлъ оставить билліардную, но князь Николай предложилъ мнѣ прослушать пѣснь о Граховской битвѣ. Явился гусларь и затянулъ на извѣстный черногорскій монотонный и протяжный напѣвъ длиннѣйшую пѣсню о побѣдѣ Мирка въ Граховѣ. Всѣ сидѣли молча и курили трубки. Князь Николай держалъ въ рукѣ тетрадь, гдѣ что-то записывалъ: это была, какъ я узналъ послѣ, его трагедія *Вукашинъ*. Князь охотно занимается поэзіей, и его лирическія пѣсни (*На гробу Петра II*, *Цетинско звоно*) не лишены достоинства, хотя и трудно ожидать, чтобъ онъ былъ въ состояніи написать что-либо подобное *Горскому вѣнцу* и *Степану Малому* покойнаго владыки Петра II, какъ бы ни молилъ объ этомъ своего дядю:

•Но наслѣдство пѣснотворства

Тайне книге, іошъ ми треба;

Пуна ли е благородства!

Спусти ми е стрико съ неба!•

На другой день, часовъ въ 9 утра, я отправился изъ Цетинья на княжескомъ конѣ, въ сопровожденіи двухъ перяниковъ, въ Которъ, куда прибылъ въ пятомъ часу пополудни и, сдавъ вещи на пароходъ, пошелъ въ гостиницу. Въ числѣ другихъ знакомыхъ не замедлилъ ко мнѣ явиться нѣкто Степанъ Бѣладиновичъ, человѣкъ услужливый до приторности. Онъ былъ долгое время княжескимъ агентомъ въ Которѣ; не получая никакого жалованья и служа Черногоріи, какъ онъ любилъ выражаться, изъ патріотизма (родолюбія), онъ сумѣлъ однако составить хорошее состояніе и въ знакъ своего

безкорыстія построилъ огромный домъ, чуть ли не лучший во всемъ городѣ. Какъ австрійскій подданный, нуждаясь въ мѣстныхъ властяхъ, онъ служилъ имъ усердно, сообщая нерѣдко даже такія вещи, о которыхъ не знавали въ самомъ Цетиньѣ. Не вздумай строить себѣ палаццо, онъ держался бы доселѣ на своемъ мѣстѣ, но на постройку палаццо нужны деньги и большія; откуда же онъ взялись? Полагали, что изъ золотыхъ рудниковъ Черногоріи, и онъ былъ смѣщенъ.

— Остались ли вы довольны путешествіемъ? спрашивали меня знакомые, когда я 10-го сентября въ 2 часа пополудни былъ уже въ Дубровникѣ.

— Путешествіемъ я остался доволенъ, потому что оно дало мнѣ возможность убѣдиться, что Цетинье не Черногорія, что Черногорію нужно искать въ горахъ за Цетиньемъ; что называть столицей и центромъ Черногоріи Цетинье, гдѣ все въ рукахъ Мирка и княгини Дариньки, — значитъ издѣваться надъ черногорскимъ народомъ... Ступайте въ горы, къ озеру: тамъ найдете вы живыхъ людей, съ сердцемъ и даромъ слова, честныхъ и великодушныхъ, отмѣнно храбрыхъ, неизмѣнившихъ вѣковымъ преданіямъ, непоколебимо намъ преданныхъ... Ступайте къ нимъ, они съ нетерпѣніемъ ждутъ дорогаго гостя, и въ ихъ братскихъ объятіяхъ забудьте Цетинье!

ВОЗВРЪНІЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ НА РОССІЮ И РУССКИХЪ.

(По личнымъ наблюденіямъ и народнымъ пѣснямъ).

Въ предыдущей статьѣ о Черногоріи (напечатанной въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1866 годъ), я имѣлъ случай упомянуть о преданности черногорскаго народа Россіи—преданности, которую не могутъ поколебать ни иностранныя интриги, ни франкофильство князя Николая: черногорцы въ этомъ отношеніи составляютъ противоположность съ своимъ правительствомъ, которое часть своего спасенія только отъ Франціи, низкопоклонничаетъ передъ нею и перенимаетъ ея моды. И чего не дѣлалось въ Черногоріи въ послѣднее время для упроченія французскаго вліянія: выписывали изъ Франціи и докторовъ-секретарей, и гувернеровъ, и поваровъ; посылали избранное юношество въ Парижъ, гдѣ оно на скудныя народныя средства училось французской географіи и исторіи и заражалось утонченными пороками представительницы европейской образованности; тетка его свѣтлости, вдовствующая княгиня Даринька, для которой такъ нездоровъ черногорскій климатъ и такъ дешевы черногорскія деньги, возила съ собою на воды въ Ниццу сына храбрѣйшаго воеводы Милана Раевича, учила его по-французски, внушала ему свѣтскія приличія, сняла съ него одежду дикихъ черногорцевъ и одѣла его въ европейское платье; мало того, она образовала въ Цетиньѣ княжескій дворъ, ввела при немъ этикетъ и французскій языкъ. А князь, помнящій еще, какъ онъ бѣгалъ ребенкомъ въ Нѣгушахъ за козами, босоногій, въ рубахѣ до пупа, помнящій, что первый цванцигъ былъ полученъ имъ отъ воспитывавшагося въ нашемъ пажескомъ корпусѣ племянника покойнаго владыки, Цуцы, того самаго, котораго онъ принудилъ года два тому

назадъ бѣжать изъ Черногоріи, за его привязанность къ Россіи, — князь и думаетъ, и ѣстъ, и спитъ не по-черногорски. Не забывали посѣщать Черногорію и сладкорѣчивые официальные и тайные агенты французскаго правительства. Но крѣпка черногорская натура: несмотря на столько соблазновъ, черногорець остался тѣмъ же, чѣмъ былъ со временъ Петра Великаго: смотритъ подозрительно на иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, не вѣритъ ихъ щедрымъ обѣщаніямъ, не открываетъ имъ своего сердца, полагая всю надежду на родственнаго ему по вѣрѣ и языку *сильнаго* русскаго Царя, безъ помощи и защиты котораго всѣ христіане на Востокѣ давно бы уже потурчились: „еслибы Россіи не было, не было бы трехперстнаго креста,“ говоритъ черногорець, и разубѣдить его въ этомъ никто не можетъ. Не посвященный въ тайны политики своего правительства, простой черногорець увѣренъ, что и нынѣшній ихъ *господарь*, подобно своимъ предкамъ, не предпринимаетъ ничего безъ совѣта съ русскимъ Царемъ, который, по ихъ понятіямъ, также любитъ братьевъ черногорцевъ, какъ и своихъ подданныхъ (*онъ брачу Черногорце люби, као свое Русе на Руси: 44 пѣсня въ IV кн. Сборника сербскихъ народныхъ пѣсенъ Вука Стеф. Караджича, стр. 337*): чего бы только ни пожелали черногорцы, все исполняетъ Царь, и если что случится не по ихъ желанію, они сваливаютъ всю вину или на министровъ, невѣрно служащихъ Царю, или же на иновѣрческихъ государей, на которыхъ смотрятъ, какъ на наемниковъ султана. „Еслибы не англичанинъ и французъ,“ говорили мнѣ черногорцы, намекая на Крымскую кампанію, „русскій Царь давно бы освободилъ христіанъ изъ-подъ власти турокъ и прогналъ султана изъ Стамбула.“ Понятіе черногорцевъ о непріязненномъ къ нимъ расположеніи *царскихъ слугъ* основано на особыхъ историческихъ обстоятельствахъ: вспомнимъ о недружелюбномъ приѣмѣ владыки Петра I въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1785 г., о ссорѣ нашего комиссара

графа Ивелича съ тѣмъ же владыкою въ 1794 г. изъ-за разстриги архимандрита Степана Вучетича, о послѣдовавшемъ въ 1814 году непріятномъ для черногорцевъ приказаніи нашего Двора сдать Которъ австрійцамъ и, наконецъ, о причинахъ разрыва нашего съ Черногорією при покойномъ князѣ Даніилѣ I...

Русскому Царю въ народныхъ черногорскихъ и вообще сербскихъ пѣсняхъ постоянно придаются эпитеты „сильный“, „великій“, „православный“, а *русской земль* (земля Московска, Москва, Московія, Русія, царство Русинско)—„сильная“, „пространная“. Россія, по понятіямъ черногорца, обнимаетъ полъ-свѣта: „полгода ей свѣтитъ солнце, полгода ужъ остальному свѣту“, говоритъ новѣйшая пѣсня (1859 г.), *Хорватъ-баша черногорскій*. Она находится далеко отъ Черногоріи *) за Дунаемъ—рѣкою холодною, и граничитъ съ одной стороны съ Азією, съ другой съ Молдавією и Валахією, какъ видно изъ пѣсни *Походъ босняковъ на Москву*:

«Полетѣло два ворона-гайворона
Отъ Азіи изподъ Московіи,

.

Три-четыре земли пролетѣли:

Валахію и Малдавію,

Сквендерію и Румелію,

Прилетѣли въ Гердеговину,

Долетѣли до ровнаго Загорья...**)»

Въ Россіи Черногорецъ знаетъ два моря—ледяное и южное ***) , три города: *Петербургъ*, *Кіевъ* и *Одессу* ****).

Россія сильнѣе всей Европы: Императоръ Николай, идеаль

*) Сборникъ Караджича, кн. V, № 1, стр. 3.

**) Сб. Б. III. № 88, стр. 561.

***) *Низъ Русіе*. Сб. черног. и герцег. пѣсн. Чубра Чойковича (Ми-лутиновича). Лейпцигъ, 1837, № 55, стр. 88.

****) Петриборъ, бѣль-градъ Петроградъ, бѣлый Петарбургъ, Петровъ градъ столичный; бѣлая Одесса. Сборн. Ч. Чойковича, стр. 84, № 55; Сб. Караджича. ш. №№ 1 и 4, стр. 83 и 188.

русскаго Царя, по понятіямъ черногорскимъ, пишетъ къ султану:

«Повѣрь мнѣ: не помогутъ тебѣ подкупы;
И если дашь всѣ твои дукаты,
И купишь всѣхъ королей Европы,
И тогда ни изъ-за кого не прошу тебя,
Но всѣмъ имъ объявлю войну.
Бѣдный! ты узнаешь меня
И поклонись мнѣ, или я тебѣ голову откину.
Порожній кошель! изъ *песочныхъ* странъ!
Не шутка—милліонъ русскихъ
Подъ ружьемъ, копьями и саблями:
Всю Европу я прошелъ бы съ ними,
А не то что бѣдную Турцію».

Россія страшнѣе для турокъ всей Европы: пѣвецъ влагаеть въ уста пашей, созванныхъ султаномъ на совѣтъ, слѣдующую рѣчь:

«Если всѣ короли соединились,
Легко разорвать ихъ союзъ...
.
Но если Русскій объявилъ войну,
То намъ не мило ни одному.
Богъ знаетъ, что будетъ!
Напрасно намъ воевать съ нимъ:
Съ тѣхъ поръ какъ воцарился Петръ,—
Во всякой войнѣ съ Русскимъ,
Во всякомъ бою мы погибли,
Мы дали ему половину своего царства,
И остальную онъ теперь отъ насъ отниметъ».

Шестидесяти-четырехлѣтній старецъ, испытанный въ бояхъ, Насрадинъ, совѣтуетъ султану

«Подписать всѣ старыя фирманы,
Поклониться русскому Царю до земли,
Подписать и новый фирманъ;
Иначе—клянусь моею грѣшною душою,
Которая вскорѣ переселится въ вѣчность,—
Поруганный, ты подпишешь ему

И фирманъ, и еще сверхъ фирмана.
 Я весь вѣкъ воевалъ съ русскими,
 И отъ ихъ страшнаго вида и храбрости
 Падали мои сѣдые волосы.
 Такъ было до Петра,
 А съ тѣхъ поръ, какъ явился въ Россіи Петръ
 И мы стали воевать съ русскими,
 Три раза перемѣнились мои волосы,
 И всякій разъ выростали кровавые;
 Но и Петра я могъ перетерпѣть,
 Пока не родилась великая каурка *)
 И стала русскою Царицей:
 Когда мы были въ одномъ бою,
 Изъ страха отъ нея и генерала
 Кутузова... изъ-за Дуная...
 Всѣ мои зубы повыпали
 И изъ верхней, и изъ нижней челюсти,
 Но меня спасли быстрыя ноги».

Другая народная пѣсня **) приписываетъ освобожденіе Вѣны отъ турокъ русскому царевичу Михаилу, который съ трехсот-тысячнымъ войскомъ и союзными поляками прогоняетъ визиря Чуприлію за Дунай. Султанъ при видѣ русскихъ знаменъ говоритъ своему визирю:

«Это русскія знамена.
 Я воевалъ съ ними три раза,
 И три раза бѣжалъ передъ ними,
 А ихъ никогда не обращалъ въ бѣгство».

Такою грозною силою представляется черногорцамъ и всѣмъ сербамъ Россія. Она располагаетъ, по народнымъ пѣснямъ, громадными военными силами: царевичъ Михаилъ ведетъ подъ Вѣну трехсот-тысячную армію, которая кажется ему еще недостаточно сильною.

«И онъ идетъ въ землю ляхскую,
 И подымаетъ ляховъ и поляковъ;

*) Кауръ, кавуръ, гяуръ — христіанинъ. Здѣсь разумѣется Екатерина II.

**) Сб. К. III, № 8.

русская Царица посылаетъ противъ Турокъ 600.000 конницы *); у Императора Николая былъ миллионъ солдатъ. Народныя пѣсни различаютъ сухопутныя и морскія силы (флота, ладже, корабле) Россіи. Сухопутное войско состоитъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; тяжелая кавалерія (панцырная) отличается отъ легкой (казаковъ). Вотъ какъ поэтически описываетъ пѣвецъ войско Дибича:

«Впереди пѣхота, а позади конница,
Между ними пушки и мортиры,
Около всѣхъ по обѣимъ сторонамъ
Отборное панцырное войско:
На всякомъ конѣ по богатырю,
Панцыри вѣсомъ въ пятьдесятъ окъ **),
Всѣ изъ лютаго каленаго желѣза,
Ничто имъ не можетъ повредить,
Ни повредить имъ, ни устоять противъ нихъ.
Съ ними еще доблестные казаки,
Которые могутъ нагнать и убѣжать
И копыями посрамить пищали».

Вооруженіе русскаго войска состоитъ изъ сабель, мечей, палашей, копій и огнестрѣльнаго оружія (ружей, пушекъ и мортиръ). За войскомъ слѣдуетъ обозъ. Первое столкновеніе русскихъ съ турками подъ Варною такъ описываетъ пѣсня:

Когда близко сошлись оба войска,
Черть возьми, какая произошла суматоха!
Палить ружье, числа нѣтъ сколько разъ,
Ревуть пушки и гремятъ мортиры,
Тучею сыплются картечи,
Въ воздухѣ текутъ рѣки
Сильнаго огня и свѣтлаго дыму,
Небеса обратились въ пламень.
Черная земля упилась кровью;
Кровь льется изъ коней и воиновъ,

*) Сб. К. III, № 88, стр. 564.

**) Ока=3 ф. 12 зол.

Какъ волны изъ разбитой ладьи.
 Отъ стрѣльбы ничего не слышно,
 А отъ дыма ничего не видно.
 Когда утихла пушка и ружье умокло,
 Принялась сильная конница
 За свѣтлыя сабли и копыя,
 Зашумѣли мечи и палаши,
 Заломались сабли и копыя,
 Закричали сильные войны...
 Бой огненный три часа горѣлъ,
 И еще бы больше длился,
 Но ударили царскіе панцырліи (тяжелая кавалерія)
 И казаки, извѣстные храбрецы (на гласу юнаци):
 Не устояли султанскіе богатыри
 И, обративъ плечи,
 Пустились бѣжать безъ остановки;
 Ими предводительствовали три визиря
 И шестнадцать пашей;
 Бѣгутъ паши, за ними визири,
 За визирями все войско,
 А за ними русскіе въ погоню,
 Взяли у нихъ пушки и знамена,
 Порохъ, пули и палатки,
 Тридцать тысячъ человекъ полонили,
 Между ними великаго визиря
 И четырехъ пашей съ бунчугами.
 Но что позорнѣе всего
 И грѣшнѣе по турецкому закону —
 Мимо Варны турки пробѣжали,
 Въ Варну свернуть не посмѣли,
 Но непріятелю Варну оставили,
 Оставили, — злое имъ да будетъ счастье!
 Но не бѣжитъ храбрый Юсуф-паша,
 Не оставляетъ, себя не щадя, Варну,
 Но соколъ въ Варнѣ заперся
 Съ тридцатю тысячами араповъ,
 Сталъ защищать городъ отъ русскихъ
 Тысячью городскихъ пушекъ;
 Защищался ровно три недѣли;
 Когда четвертая наступила не дѣля,
 Напрасно оказалась вся мукa:

Больше города защищать онъ не могъ,
 Одолѣлъ его огонь
 Отъ московскихъ пушекъ,
 Отъ горящихъ бомбъ,
 Летавшихъ по воздуху;
 Ждалъ онъ помощи изъ Стамбула,
 Ждалъ, но не дождался
 Отъ султана, своего государя:
 Онъ самъ не имѣлъ съ кѣмъ дома быть,
 Стамбуль его пустымъ остался.

.

Народныя пѣсни называютъ обыкновенно нашихъ солдатъ *смертоносными* *); кромѣ того, казакамъ придаетъ эпитетъ *доблестныхъ* (врли) и *отчаяннѣйшихъ* *храбрцевъ* (на гласу юнаци): имъ особенно сочувствуетъ какъ черногорецъ, такъ и всякій сербъ. Храбрость нашего войска вошла въ поговорку: *Московъ одъ Москва* равносильно у черногорца выраженію *юнакъ одъ юнака* (храбрецъ изъ храбрцевъ), а у турокъ *кауръ одъ каура* (самый скверный человекъ). Начальники сухопутнаго войска называются въ народныхъ пѣсняхъ *генералами*, *воеводами*, *капитанами* и *фельдмаршалами* (мудрые), а флота—*адмиралами* (армиранти).

Имена нѣкоторыхъ нашихъ полководцевъ сохранились въ пѣсняхъ: такъ пѣсни упоминаютъ о Саввѣ Владиславлевичѣ—графѣ Рагузинскомъ, о Кутузовѣ, о Сенявинѣ, о Дибичѣ и Паскевичѣ. Изъ дипломатическихъ чиновниковъ пѣсни знаютъ *посланниковъ* Милорадовича, князя Меншикова (старца)**) и князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго (*Хорватъ-баша черногорскій*), *советника посольства* Новикова и *генеральнаго консула* Стремоухова. Общее названіе въ пѣсняхъ для всѣхъ лицъ, находящихся у

*) Убойни. Сб. К. IV. № 44, стр. 337.

**) Пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій“ приписываетъ особую силу сѣрому плащу (*кабаница*) *Меншикова старца*, который одѣваетъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, отправляясь къ султану.

насъ на государственной службѣ, — *царскіе слуги*, а для близкихъ къ Царю — *господа* *).

Съ понятіемъ объ обширности и могуществѣ Россіи черногорець, какъ и всякій сербъ, соединяетъ другое — объ ея *богатствѣ*. Пѣсня № 15, по Сборнику Вука Стефановича Караджича (стр. 78), рассказываетъ о дарахъ, посланныхъ великимъ царемъ Московскимъ султану Муезиту:

«Самому султану золотой столъ,
 На столъ золотая мечеть,
 Около нея сплетена змѣя,
 На головѣ ея драгоцѣнный камень,
 При которомъ видно ходить
 Посреди темной ночи безъ мѣсяца,
 Какъ днемъ, когда грѣетъ солнце;
 Ибрагиму сыну султанову
 Двѣ сабли остря,
 На сабляхъ двѣ рукоятки золотыя,
 На рукояткахъ два камня дорогихъ;
 Старшей султаншѣ
 Золотую колыбель,
 На колыбели — соколъ птица сивая.
 Дары султану понравились,
 Но султанъ измучился,
 Придумывая, чѣмъ бы отдарить:
 У него не было достойнаго дара.
 Кто бы къ султану ни пришелъ,
 Всякому султанъ похваляется
 Дарами великаго царя московскаго, —
 Не научить ли кто его,
 Что бы послать въ землю московскую».

По варианту этой пѣсни (стр. 83), московская царица „Госпа Елисавка“ пишетъ султану Сулейману, что бы онъ послалъ ей ея наслѣдство (золотую корону царя Симеона и т. д.), обѣщая быть въ мирѣ съ нимъ

*) Сб. К., III, № 89; IV, № 44, стр. 336, и №№ 88 и 89, V, № 1. — Сб. Чойковича, №№ 4, 55, 64 и 140.

30 лѣтъ и дать ему пшеницы для войска на 9 лѣтъ,
и кромѣ того слить ему изъ золота мечеть,

«На мечети тридцать минаретовъ,

Всѣ куполы изъ чистаго золота,

И изъ золота двѣнадцать яблоковъ,

И во всякомъ безцѣнный камень дорогой:

Такъ велика золотая мечеть,

Что въ ней могутъ молиться 12 турокъ,

Такъ сіяетъ среди Царьграда

Въ полночь золотая мечеть,

Какъ яркое въ полдень солнце».

Пѣсня № 8 (стр. 48) такъ описываетъ знамена русскихъ войскъ, ходившихъ подъ Вѣну съ царевичемъ Михаиломъ:

. «святыя знамена,

На знаменахъ золотые кресты,

На крестахъ дорогіе каменья,

При коняхъ видно было войску идти

Въ полночь, какъ въ полдень.

Ведетъ (царевичъ) войско къ Вѣнѣ бѣлой.

Когда была ночи половина,

Засіяли дунайскіе берега,

А то видятъ султановы визири

И призываютъ Султана Отманина:

«Государь-царь Отманинъ!

Клянемся Богомъ и святымъ Мухамедомъ!

Народилось солнце съ Запада!

Съ тѣхъ поръ какъ мы Вѣну потурчили

И невѣрную землю завоевали,

Два намъ народилось солнца!»

Пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій“ говоритъ, что мундиръ бывшаго нашего посланника въ Константинополь, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, былъ весь шитъ золотомъ и украшенъ такимъ множествомъ орденовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, что освѣщала дорогу въ полночь также ярко, какъ она бываетъ освѣщена солнцемъ въ полдень.

Россія представляется по пѣснѣ № 15 странюю по преимуществу *хлѣбною*: ей нипочемъ содержать на своемъ

хлѣбѣ цѣлыхъ девять лѣтъ все турецкое войско. Другая пѣсня называетъ Россію *зеленою* (№ 19, стр. 32 Сборника Чубра Чойковича) въ смыслѣ плодородной.

На Россію смотритъ черногорецъ и сербъ вообще какъ на *представительницу православнаго міра* и преемницу Византіи и старой Сербіи: къ ней перешли *символы православія* (хришчанска знаменья, — Сб. К. III, № 15, стр. 80):

«Посохъ Неманича Саввы,
Одежда святаго Іоанна,
Крестовое знамя сербскаго князя Лазаря.

А по другой пѣснѣ (тамъ же, стр. 83):

«Золотая корона царя Симеона,
Одежда святаго Іоанна,
Крестовое знамя царя Константина,
Золотой посохъ отца Саввы,
Острая сабя Сильнаго Стефана
И икона отца Димитрія» (Солунскаго) *).

Царевичъ Михаилъ только тогда обѣщаетъ спасти Вѣну отъ турокъ, когда *императоръ австрійскій* приметъ православіе и *будетъ „поститься пятницу и середу и четыре поста въ годъ“* (стр. 48).

Благодаря только Россіи, по понятіямъ черногорца, какъ я замѣтилъ выше, православіе удержалось донинѣ въ Турціи. Народная пѣсня идетъ далѣе: она приписываетъ Россіи обращеніе мусульманъ въ православную вѣру: *московска господа* не дозволяетъ черногорскому владыкѣ Саввѣ Черноевичу отсѣчь голову плѣнному боснійскому агѣ, Осману, говоря (стр. 566):

«Онъ еще дитя, и глупъ, и молодъ,
Онъ долженъ еще у насъ поучиться».

Затѣмъ пѣсня прибавляетъ:

«Тогда Османъ крестился

*) Пѣсни №№ 18 и 19 Сб. Ч. Чойк. упоминаютъ о „славномъ знамени славнаго Лазаря“, „одеждѣ св. Николая“, „Евангелии св. Іоанна“ и „золотой шапкѣ Деспотовича Юрія“.

И московскія науки изучилъ,

А потомъ вступилъ въ монастырь.

Не силою, а *милостью* и *убъжденіемъ* обращаетъ „московска господа“ въ свою вѣру Османа: изученіе наукъ (*книже*) приводитъ его не только къ крещенію, но и ко вступленію въ монастырь. Судя по такому результату, мы видимъ, что, по понятіямъ народнаго пѣвца, эти „московскія науки“ состояли главнымъ образомъ въ ученіи о вѣрѣ христіанской: такимъ образомъ сербу представляется наше образованіе по преимуществу *богословскимъ*.

Царь, по народнымъ пѣснямъ, управляетъ Россіею *самодержавно*: онъ призываетъ къ себѣ генераловъ и прочую *юсподу* только затѣмъ, чтобы раздать имъ приказанія; о совѣщаніяхъ нѣтъ и рѣчи: онъ самъ ведетъ дипломатическую переписку; воля его рѣшаетъ — быть миру или войнѣ. Но, при всей неограниченности своей власти, онъ *справедливъ* и *милостивъ*: сознавая свое назначеніе — быть защитникомъ и покровителемъ угнетенныхъ нашихъ единовѣрцевъ, питая непримиримую вражду къ ихъ гонителю — турецкому султану, онъ въ то же время щадитъ его: онъ пишетъ ему о преслѣдованіи турецкими властями христіанъ и требуетъ удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ; и только тогда объявляетъ ему войну, когда видитъ, что переговоры ни къ чему не поведутъ: надменный и хвастливый отвѣтъ султана возбуждаетъ въ немъ и *смѣхъ* и *гнѣвъ*, и онъ немедленно посылаетъ сильное войско не только за Дунай, но и въ Азію — къ Меккѣ и Мединѣ — *перетрясти кости Мухамеда*. Подъ покровительствомъ русскаго Царя находятся всѣ православныя христіане въ Турціи — румыны, греки, болгаре и сербы; но онъ особенно любитъ Черногорію, *на которую*, по выраженію народной пѣсни (Сб. К. V, № 5, стр. 188), *наклонилъ свою руку*: когда на просьбу Петра I Петровича-Нѣгуша прислать ему военныхъ припасовъ и „москова убойныхъ солдата“ русскій генераль замѣчаетъ, что онъ не можетъ этого

сдѣлать безъ разрѣшенія Царя Александра, отвѣчаетъ ему владыка:

«Побратиме, московъ-генерале!
Ты не бойся, братецъ,
Славнаго Царя Александра,
Царь все дастъ, что просить владыка:
Онъ, вѣдь, любить братьевъ черногорцевъ,
Какъ своихъ руссовъ на Руси» *).

Сношенія наши съ Черногорію начались, какъ извѣстно, при *Петрѣ Великомъ*. Въ 1711 году, по совѣту находившагося въ русской службѣ герцеговинца Саввы Владиславлевича, величавшаго себя графомъ Рагузинскимъ, Петрѣ отправилъ въ Черногорію съ грамотою полковника Михаила Милорадовича (также герцеговинецъ), для возбужденія тамошнихъ жителей къ войнѣ съ турками: черногорцы не заставили себя долго просить и немедленно же вторглись въ Герцеговину и Абанію.

Пѣсня № 4 Сб. Ч. Чойк. такъ рассказываетъ о члѣ сношеній нашихъ съ Черногорію:

«Когда Россія вступила въ войну съ Турцію,
Петрѣ Первый Императоръ рускій
Отправилъ своего посланника
Михаила Милорадовича
Изъ стараго рода герцеговинскаго,
Съ грамотою въ Черногорію
Къ владыкѣ Данилу Петровичу
И народнымъ старѣйшинамъ;
Въ грамотѣ ласково ихъ привѣтствуетъ
И такъ говоритъ имъ:
«Вотъ ужъ нѣсколько времени,
Какъ мы воюемъ и бьемся
Съ еретикомъ королемъ Швеціи,
Защищая короля польскаго
Отъ короля шведскаго,

* Сб. К. IV, № 44, стр. 337.

Но онъ мнѣ измѣнилъ
 И переданъ врагу своему,
 Врагу своему и моему;
 Еще одного имѣю я измѣнника —
 Проклятаго Мазепу Ивана,
 Воеводу Малороссіи,
 Какъ сербы Бранковича Вука!
 Но не это меня досадило
 И ратниковъ моихъ затруднило:
 Съ Богомъ шведовъ мы прогнали,
 Подъ Полтавой страшно побѣдили,
 А Мазепу живаго схватили
 И польскаго короля воротили,
 Да онъ кается въ томъ, что учинилъ;
 Но Турокъ объявилъ мнѣ войну
 И обратилъ на меня всю свою силу
 Изъ мести за короля Швеціи.
 Говорить мнѣ вѣрный мой слуга,
 Вѣрный Савва Владиславлевичъ
 Изъ Попова въ Герцеговинѣ,
 Что вы, славные черногорцы вольные,
 Съ турками мира никогда не имѣете
 И что мнѣ помочь вы можете.
 Вотъ и посылаю посланника моего,
 И надѣюсь на Вышняго Бога
 И на мышцы сербскаго народа,
 Особенно славныхъ черногорцевъ,
 Что будутъ они мнѣ въ помощь,
 Что христіанскій народъ избавимъ
 И славянское имя прославимъ,
 Что сломимъ ярмо агарянское,
 Благочестія воздвигнемъ храмы,
 Смоемъ поруганія, нанесенныя
 Туркомъ, общимъ врагомъ.
 Вы съ русскими одного рода,
 Одной вѣры, славянскаго языка:
 Бѣдшаго сродства и быть не можетъ;
 Вы храбры, подобно русскимъ;
 Возстаньте же, если вы черногорцы,
 Подымите сосѣднихъ христіанъ,
 Богатырей старыхъ временъ,

И на турецкую землю нападите;
 Наше войско уже ударило,
 Турокъ бьетъ, никогда не перестаетъ!»
 Тотъ посланникъ пришелъ на Цетинье,
 Владыка дружески его встрѣтилъ,
 Черногорцевъ на вѣче созвалъ,
 Таковую рѣчь сказалъ:
 «Вотъ, братья, грамота изъ Руси!
 Вотъ грамота, а вотъ посланникъ
 Славнаго Царя православнаго!
 Грамота пишетъ и посланникъ говоритъ,
 Что Турокъ объявилъ Царю войну;
 Ну, теперъ, братцы, если Бога знаете,
 Всѣ будемъ исправны и готовы!»
 Черногорцы, когда то уразумѣли,
 Всѣ воскликнули единогласно:
 «Хвала Богу великому!
 Увидали мы грамоту
 Отъ нашего Царя славянскаго,
 Славянскаго, православнаго,
 О коемъ другаго не слыхивали,
 Какъ только, что онъ есть гдѣ-то на свѣтѣ,
 Гдѣ онъ о насъ и слышать не можетъ,
 А когда услышалъ и о насъ онъ знаетъ, —
 Вотъ наши сабли при поясѣ,
 Вотъ наши ружья въ рукахъ,
 Теперъ и всегда исправны и готовы,
 Всѣ одинаково съ веселымъ сердцемъ
 Тотчасъ же ударимъ на турокъ, —
 Чѣмъ скорѣе, тѣмъ намъ милѣе,
 Чѣмъ прежде, тѣмъ намъ сладче!»
 Владыко это выслушалъ,
 Царскую грамоту переписать далъ,
 Потомъ списки отправилъ
 При своемъ письмѣ на всѣ стороны,
 Во всю Боснію и Герцеговину,
 Во всѣ Берда *) и Зету **) плодородную,

*) Берда — часть Черногоріи, правитель которой называется княземъ свободной Черногоріи и Бердова.

**) Зета — рѣка въ Черногоріи, текущая въ Скутарское озеро.

Чтобъ христіане подняли оружіе
 И съ Черною горою соединились.
 По тому призыву старѣйшины,
 И старѣйшины войско подняли,
 И на турецкую землю ударили,
 Сожгли села и города
 Около бѣлаго Никшича *) града,
 Около Спужа, около Подгорицы
 И около крѣпости Жаблячской **).
 Затворились въ крѣпостяхъ турки,
 А христіане миловались-цѣловались.
 О, еслибъ ты видѣлъ, побратиме,
 Какъ ихъ войско умножилось!
 Какъ спѣшать бердскіе витязи,
 Герцеговинцы и молодые зетчане,
 Подъ знамена Царя русскаго,
 Не сказалъ бы ты, дорогой побратиме,
 Что идутъ съ турками бой битъ,
 Но на пиръ холодное вино пить
 И веселыя пѣсни распѣвать.
 Но веселье это продолжалось
 Не болѣе, ни менѣе, какъ два мѣсяца,
 И вскорѣ превратилось
 Въ сербскую жалость и несчастье:
 Дошли дурные слухи,
 Что Петръ съ турками примирился
 Не по волѣ, а по злой неволѣ,
 Что турки его окружили
 Близко Прута, холодной рѣки,
 Такъ что помощь не могла къ нему прійти,
 Ни остальное, что войску нужно.
 Когда эти слухи услышали
 И владыка, и всѣ черногорцы, —
 Расплакался и малый, и великій,
 Всякъ жалѣлъ Царя православнаго.
 Михаилъ пошелъ въ Россію

*) Пограничная съ Черногорією турецкая крѣпость въ Герцеговинѣ.

**) Спужъ, Подгорица и Жаблякъ — пограничныя турецкія крѣпости Албаніи.

И оставилъ въ рати черногорцевъ.
 Какъ тогда, такъ и теперь
 Вино пьютъ, съ турками бьются,
 И будутъ биться до послѣдняго
 Со всякимъ, а не только съ туркомъ.
 Не пустое слово—вольность черногорская!
 Нѣтъ никого, кромѣ самаго Бога,
 Кто бы наложилъ ярмо на черногорцевъ,
 Развѣ только истребилъ бы всѣхъ до одного,
 Но и это дѣло не легкое.

Пѣсни №№ 8, 11 и 140 того же сборника служатъ продолженіемъ вышеприведенной: упомянувъ о посольствѣ Милорадовича, онѣ рассказываютъ о вторженіи въ Черногорію въ 1712 г. Ахметъ-паши съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ и объ его пораженіи.

Въ пѣснѣ № 89 по Сб. К. III, 568, упоминается русскомъ капитанѣ, *Ювъ* (Иванъ) *Влайсавлевичъ*: сходство фамилій и происхожденіе изъ Герцеговины не позволяютъ намъ сомнѣваться, что здѣсь идетъ рѣчь о Саввѣ Владиславлевичѣ. Вотъ переводъ этой пѣсни:

«Бога молитъ *русійска господа*,
 Да имъ Богъ дастъ въ воскресенье солнце
 Вывестъ плѣнниковъ на солнышко
 И предъ ними плѣннаго Хасан-пашу
 И спросить у него, что онъ помнитъ
 Во всей Босніи и Герцеговинѣ:
 Какой городъ лучше всѣхъ,
 Въ какомъ самые храбрые войны,
 Въ какомъ самыя красивыя дѣвицы?
 Помолились они Богу,
 И Богъ далъ имъ въ воскресенье солнце;
 Они ведутъ рабовъ на солнышко
 И предъ ними плѣннаго Хасан-пашу;
 Говоритъ *русійска господа*:
 «Скажи по-правдѣ, плѣнный Хасан-паша,
 Скажи по-правдѣ, да будетъ тебѣ во здравіе!
 Какой городъ наилучшій
 Во всей Босніи и Герцеговинѣ?
 Въ какомъ самые храбрые войны?»

Въ какомъ самая красивыя дѣвицы?»

Отвѣчаетъ плѣнный Хасан-паша:

«Клянусь Богомъ, *московска господа!*

Во всей Босніи и Герцеговинѣ

Сараево городъ наилучшій,

А мостарцы самые храбрые войны,

А фочанки самая красивыя дѣвицы:

Когда настанетъ лѣтній Юрьевъ день,

Выйдутъ гулять фочанскія дѣвицы

По полямъ и заведутъ *коло*,

Одѣнутся, какъ можно лучше,

Припѣвають пѣсни всякія...

Клянусь вамъ моею вѣрою турецкою,

Фочанки такія дѣвицы,

Что сведутъ съ ума небожителей,

А нетолько земныхъ богатырей».

Случись тутъ *Влайсавлевиѣ Іово*.

Говоритъ *московска господа*:

«*Капитане, Влайсавлевиѣ Іово!*

Веди насъ, да возьмемъ Фочу,

Да полонимъ фочанокъ-дѣвицъ!»

Засмѣялся капитанъ Іово

И такъ имъ отвѣтилъ:

«Съ ума сошли вы, *руссійска господа!*

Не въ прокъ намъ красота фочанокъ,

Не легко, вѣдь, Фочу взять.»

Но говоритъ плѣнный Хасан-паша:

«Не дури же, капитане Іово!

Фоча—мѣсто ровное, не имѣетъ крѣпости,

Такъ легко ее они возьмутъ.»

Говоритъ же капитанъ Іово:

«Не дури же, плѣнникъ-Хасан-паша!

У Фочи три крѣпости твердыхъ:

Одна—Дрина, другая—Джіотина,

А третья Черная гора,

И онѣ къ Фочѣ приступить не даютъ.»

Память объ Императрицѣ *Елисаветѣ Петровнѣ*, по-славшей въ 1758 году въ даръ черногорскому народу тысячу червонцевъ при грамотѣ, доселѣ находящейся въ Цетиньѣ,—сохранилась въ двухъ пѣсняхъ.—Въ вариан-

тѣ къ № 15 Сб. К. III, 83—84, разсказывается о посольствѣ московской Царицы, *Елисавки*, къ султану Сулейману за извѣстною уже намъ ея *отчевиною*; султанъ смиренно отвѣчаетъ, что ея отчевина находится уже не у него, а „въ Крыму, у татарскаго хана.“ *Госпа Елисавка* снаряжаетъ новое посольство къ Татарину, просить у него свою отчевину и обѣщаетъ ему еще болѣе, чѣмъ султану. Ханъ отвѣчаетъ грубо и надменно, что онъ не отдастъ ей ея отчевины, но соберетъ войско, сровняетъ Петербургъ съ землею и полонить и потурчить дѣтей ея и ее самое. Начинается война, оканчивающаяся покореніемъ Крыма: событіе царствованія Екатерины II отнесено народнымъ пѣвцомъ ко времени Елисаветы Петровны. Пѣсня № 19 Сборника Ч. Чойковича описываетъ то же самое событіе, не называя по имени Царицу русскую.

«Султанъ Отмановичъ пишетъ грамоту
И шлетъ ее въ зеленую Россію,
А въ руки московской Царицы:
«Послушай, московская Царица!
Заплати мнѣ дань со всей Россіи
По семи червонцевъ со всякаго молодца,
По четыре пуна со всякой дѣвицы.
Если же ты мнѣ дани не заплатишь,
Клянусь тебѣ и даю честное слово,
Соберу я сильное войско,
Покорю я всю Россію
И напослѣдокъ полоню тебя
И возьму къ себѣ въ вѣрныя подруги».
Но не бывать тому, если Богъ не попуститъ!
Когда грамоту получила Царица,
Не понравилась Царицѣ грамота,
Хуже ея и быть не могло.
Пишетъ мелкую (грамоту) на колѣнѣхъ
И шлетъ Отмановичъ-Султану:
«Послушай, Султанъ-Отмановичъ!
Слышалъ ли ты, сказывалъ ли кто тебѣ,
Что, когда погибло сербское царство,
Вы взяли три сербскія святыни:

Знамя славнаго Лазаря,
Одежду святаго Иоанна
И золотой скипетръ деспота Юрія.
Отдай мнѣ ихъ, если не хочешь ссоры!
Когда султанъ получилъ эту грамоту,
Самъ султанъ отъ нея испугался,
Испугался, изъ руки выронилъ
И вымолвилъ султанъ такое слово:
«О, проклятая московская Царица!
Святыни—въ землѣ татарской,
У того хана татарскаго;
Ханъ себѣ взялъ сербскія святыни».
Когда дошла до Царицы вѣсть,
Какъ говорить Султанъ-Отмановичъ,
Не въ терпежь ей стало,
Пишетъ тотчасъ на колѣняхъ грамоту
И шлетъ ее въ землю татарскую
А въ руки татарскому хану,
И когда ханъ получилъ грамоту:
«Слышишь», говоритъ, «Татар-ханъ!
И слышалъ ты, и сказывали,
Что вы взяли сербскія святыни.
Подай мнѣ ихъ безъ бою!»—
И когда ханъ грамоту просмотрѣлъ,
По душѣ пришлась ему грамота,
И вотъ онъ спѣшно написалъ другую,
И послалъ ее русской Царицѣ:
«Ну, только держись русская Царица!
Сильное соберу я войско
И ударю на зеленую Русь».
По душѣ пришлась Царицѣ эта грамота,
Смотрить грамоту—слезы проливаетъ,
И тотчасъ же собираетъ всю Русь,
Поджидаетъ татарина-хана.
Ждала его и дождалась.
О, еслибы, другъ, ты видѣлъ,
Какъ встрѣтились двѣ силы,
Встрѣтились и столкнулись!
Тутъ кололись два бѣлыхъ дня,
А когда былъ третій около полудня,
Хотѣла-было Царица плечи обернуть,

Но на ея доброе счастье —
Малая ей помощь подоспѣла,
Малая помощь—двѣнадцать тысячъ
Волоховъ и молдаванъ,
И татарамъ впоперекъ ударила,
Впоперекъ ударила погибельно.
Такъ хана сломила Царица,
Сломила—въ море согнала,
И море пореполнилось
Отъ мертвыхъ коней и воиновъ.
Такъ говорятъ и сказываютъ люди:
По мертвымъ переходили живые.
Отъ насъ пѣсня, а отъ Бога помощь
Всякому брату православному».

Другая пѣсня (Сб. К. № 88) говоритъ о побѣдѣ московской *краницы*, по имени „госпы Елисавки,“ надъ турками. Въ числѣ плѣнныхъ попадаютъ боснійскій паша Бечиръ и сынъ его Осман-бегъ. Паша встрѣчается въ Россіи съ своимъ герцеговинскимъ пріателемъ (иронически), *Саввою Черноевичемъ*.

«И пашѣ было не мило,
Когда сталъ ему Савва говорить:
«Ты погубилъ пятерыхъ моихъ братьевъ,
Ты нанесъ смертельную рану моему сердцу,
Ты отнял у меня земли и владѣнья,
Мою землю въ Герцеговинѣ.
Гдѣ моя земля и владѣнья?
Гдѣ мои волы-кормилицы?
Гдѣ мои кони-богатыри?
Гдѣ тысяча моихъ овецъ?
Гдѣ моихъ братьевъ пятеро?
Все ты отъ меня отнял
И меня ты хотѣлъ погубить,
Но я бѣжалъ въ московскую землю.
Хотѣлъ паша передъ нимъ оправдывать ся,
Не далъ ему Савва слова вымолвить,
Махнулъ мечемъ—отсѣкъ ему голову».

Исторической правды въ этой пѣснѣ только то, что дѣйствительно при Елисаветѣ Петровнѣ черногорцы вое-

вали съ босняками—но очень счастливо, и что владыка черногорскій былъ въ Россіи (1752—1766 г.); но онъ не былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ въ Россію, а пріѣзжалъ по дѣламъ своего народа. Черногорскаго владыку пѣсня называетъ Саввою Черноевичемъ: изъ исторіи извѣстно, что Савва (съ 1739 г.) происходилъ изъ фамилии не Черноевичей, прекратившейся въ 1696 г., а Петровичей-Нѣгошей, что онъ не выѣзжалъ изъ Черногоріи и что въ Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ былъ его преемникъ (съ 1750 г.), *Василій Петровичъ-Нѣгошъ*, издавшій въ 1754 г. въ Москвѣ краткую исторію Черногоріи и умершій въ С.-Петербургѣ въ 1766 г.

Событіе, описанное въ пѣснѣ Сб. К. № 15, относится, какъ мы уже замѣтили, къ царствованію *Екатерины II*. Пѣсня Сб. К. № 8 смѣшала освобожденіе Вѣны Иваномъ Собѣскимъ съ войною Екатерины II въ союзѣ съ австрійскимъ императоромъ противъ Турокъ: царевичъ Михаилъ — лицо миѣическое, а *краль московскій, пріятель цесаря*—Екатерина II. Эту самую войну Екатерины II съ турками воспѣваетъ пѣсня № 15 Сборн. Чойк. Она начинается описаніемъ нападенія на Черногорію скадарскаго (скутарскаго, албанскаго) визиря Махмутъ-паши Бушатліи (по пѣснѣ визиря Чуприлица и Мустаф-Аги скадарскаго) въ 1785 г. во время пребыванія въ Россіи владыки Петра I Святаго.

«Турки Черную гору полонили,
Въ полонъ взяли малаго и великаго,
Спасся бѣгствомъ одинъ только монахъ»,

говорить пѣсня. Этотъ монахъ отправляется просить помощи у австрійской императрицы, польскаго короля Ивана, короля англійскаго и наконецъ приходитъ въ землю московскую

«Во дворець московской Царицы.
Когда пришелъ во дворець Царицы,
Поцѣловалъ ея руку и одежду
И подаль ей, преклонивъ колѣно, письмо.
Глядитъ въ письмо—слезы проливаетъ:

«О инокъ, лютая моя змѣя!
Правда ли, что говоритъ письмо?»
«Правда, о моя свѣтлая корона!
Твоя Черная гора въ полонь взята,
Ее попраля турецкая сила,
Полонила нѣсколькихъ плѣнниковъ».
И когда она, молодая, это услышала,
Призвала преданнѣйшаго слугу,
По имени Божа-генерала:
«О мой вѣрнѣй слуга, генеральъ Божо!
Вотъ дошла до меня вѣсть:
Черная гора въ полонь взята.
Собирай сильное войско,
Сильное войско во сто тысячъ,
И пойдемъ къ твердому Бѣлграду!»

Русское войско отправляется въ походъ; по пути присоединяются къ нему англичане, поляки и австрийцы. Обложили Бѣлградъ съ четырехъ сторонъ. Бѣлградскій визирь пишетъ султану:

«Гдѣ ты, о султанъ, наше солнце красное?
Четыре змѣи около меня,
И одна изъ нихъ змѣя лютая,
Змѣя лютая Царица русская.
Она ведетъ войска сто тысячъ,
Полонить хочетъ Бѣлградъ.
Съ нею пушка боевая.
На другіе города и смотрѣть не хочетъ,
А когда отниметь отъ меня Бѣлградъ,
Отъ тебя отниметь стольный Царьградъ.
Шли ко мнѣ безчисленное войско».

Царица нападаетъ на Бѣлградъ съ четырехъ сторонъ,

«И ударила, молодая, на Турка,
Живымъ огнемъ его спалила,
И турецкое войско побѣдила,
Пригнала его къ рѣкѣ Рабѣ,
И почала, молодая, сказывати:
«Дай, дружокъ, на тебя наглядѣться!...
Какъ рѣка перемостилась
Отъ туроевъ и турецкихъ жоней,

И турецкихъ шапокъ и доламовъ.
 Полонила весь твердый Бѣлградъ,
 И отомстила за Черную гору,
 А плѣнныхъ отвезла въ Россію.
 Она въ полонъ взяла тогда больше,
 Чѣмъ турки когда и откуда-либо!
 Да будетъ такъ,—самъ Богъ ей помогаль!

Удивительно, что несмотря на частыя сношенія наши съ Черногорією при Екатеринѣ II, имя ея не сохранилось въ народныхъ пѣсняхъ.

О славныхъ временахъ Императора Александра I, когда мы вмѣстѣ съ черногорцами осаждали Дубровникъ (въ 1806 г.) и защищали Которъ отъ французовъ (1805—1807 г.), сохранилось нѣсколько пѣсней. О занятіи русскими войсками Боки Которской (Vosche di Cattaro) въ 1805 г. говоритъ пѣсня № 64 Сб. Чойк.: Юрій Княжевичъ пишетъ, отъ имени божезовъ, письмо адмиралу Сенявину (*Армиранти Принципъ Сенявину*) въ Корфу:

«Что не слышишь ты иль объ насъ не думаешь?
 Вотъ уже четыре сотни лѣтъ,
 Какъ сербы потеряли царя
 На ровномъ полѣ Косовомъ;
 Все, что было въ Герцеговинѣ,
 Въ прекрасномъ сербскомъ Банатѣ,
 Все, что было сербовъ-дворянъ,
 Все убѣжало въ Жупное *) Приморье,
 Подъ защиту дожа венеціанскаго.
 Дивно принималъ ихъ дожъ:
 Отецъ не бережетъ болѣе дѣтей;
 Но вотъ ужъ девять лѣтъ,
 Какъ мы, несчастные, себя перепродали
 Австрійскому императору,
 И онъ не былъ для насъ отцомъ;

*) Жупа — значить область, правитель которой назывался жупанъ.
 Банатъ, отъ слова банъ—воевода,—то же, что воеводство.

Потомъ настали проклятые якобинцы,
Перепродали насъ и императора
Тому своему пріятелю,
Бонапарту, королю французскому.
Но Сенявинъ, славный генерале!
Если ты твердо держишься русской вѣры,
Спѣши, какъ можно, скорѣе:
Тебя желаютъ бокезскіе сербы,
Желаютъ тебя, какъ сыновья отца.

Сенявинъ, прочитавъ письмо, спѣшитъ на корабляхъ въ Боку.

«Откуда ни возмись, тутъ же и король Бонапартъ;
Но счастье повезло Сенявину:
Онъ занялъ прежде его Боку.
Теперь поютъ православные бокезы:
«Боже милостивый, во всемъ Тебѣ хвала!
Когда Русскій сталъ нашимъ государемъ:
Свой своему и помощь и слава», и т. д.

Пѣсня № 48 того же Сборника описываетъ занятіе Боки Которской черногорцами при нашемъ содѣйствіи.

Пѣсня Сб. К. IV, № 44 описываетъ одинъ изъ эпизодовъ дубровницко-которской кампаніи, именно походъ къ Никшичу, турецкой крѣпости въ Герцеговинѣ, близъ черногорской границы, въ 1807 г.

«Пьютъ вино два побратима
На Цетиньѣ у бѣлой церкви:
Одинъ изъ нихъ Петровичъ владыка,
А другой московскій генераль,
По имени его Бригадиромъ звали.
Когда выпили краснаго вина,
Повели рѣчь о томъ и другомъ,
Тогда говоритъ Петровичъ владыка:
«Побратиме, московъ-генерале!
Мнѣ, братъ, надоѣли турки:
Окружили со всѣхъ четырехъ сторонъ,
Полоняютъ, жгутъ и сѣкутъ головы;
Вправду Турція ужъ слишкомъ расширилась,
А Черная гора стѣснилась,
Отъ турокъ житья намъ нѣтъ.
Но прошу тебя, милый побратиме,

Дай мнѣ пороху и оружія
И московскихъ смертоносныхъ солдатъ,
И ударимъ съ четырехъ сторонъ:
Съ однимъ отрядомъ нападёмъ на Никшичь,
Съ другимъ на Жаблякъ, городъ бѣлый,
Съ третьимъ, братецъ, на крѣпость Подгорицу,
А съ четвертымъ на Колашинъ *) твердый.
Если, братецъ, побѣдимъ турокъ,—
Черногорія будетъ о тебѣ помнить,
Ты оставишь въ ней воспоминаніе,
Пока есть солнце и пока есть мѣсяць».

Отвѣтъ русскаго генерала и возраженіе владыки уже
извѣстны читателямъ.

«Уговорились оба побратима
Ниешичь отнять отъ турокъ.
Собрали все войско,
Бригадиръ двинулъ солдатъ,
А владыка молодыхъ черногорцевъ
Прямо на бѣлый Никшичь.
И вотъ подошли къ большому мосту,
Что ведетъ къ бѣлому Никшичу.
Турки укрѣпились въ шанцахъ,
Не даетъ турокъ вступить на мость,
Тутъ бились ружейнымъ огнемъ,
Нѣсколько погибло богатырей».

Затѣмъ владыка вызываетъ охотниковъ изъ черногорцевъ занять мость; никто не рѣшается принять вызовъ; но вотъ приходитъ изъ Рудинья баряктаръ **) Бель, врывается на мость и прогоняетъ турокъ къ Никшичу; городъ готовъ сдаться.

«Но гдѣ счастье, тамъ же и несчастье:
Поссорился цетинскій владыка
Съ московомъ своимъ побратимомъ.
Такъ ему говорилъ московъ:

*) Въ Старой Сербіи, недалеко отъ черногорской границы.

**) Прапорщикъ; *баряктаръ* значить, подобно древне-русскому *прапоръ*, знамя.

«Побратиме, цетинскій владыка,
Сколько выбудеть у меня изъ строя солдатъ,
На всякаго ты мнѣ дашь по два черногорца».
А владыка сказалъ генералу,
Что не дастъ ему ни одного.
Тутъ—раздоръ, да Богъ его убьетъ!
Оставили бѣлый Никшичъ
И возвратились на цетинское поле».

Изъ исторіи извѣстно, что русскіе вмѣстѣ съ черногорцами дѣйствительно предпринимали въ 1807 г. походъ въ Герцеговину—въ Никшичу и Клобуку; но ихъ предпріятіе было остановлено французами.

Я уже имѣлъ случай говорить, что черногорцы считаютъ Императора Николая I идеаломъ русскаго Царя: его отважность и любовь къ черногорскому народу будутъ передаваться изъ рода въ родъ; память о немъ уже увѣковѣчена народными пѣснями. Покойный владыка, Петръ II, написалъ превосходную, сдѣлавшуюся народною, пѣсню о войнѣ русскихъ съ турками въ 1828 году: она напечатана въ сборникѣ Чойковича, № 55, стр. 81—90.

«Въ 1828 году (говоритъ пѣсня)
Мелкописная грамота полетѣла
Изъ пространнаго царства русскаго,
Изъ бѣлаго Петрова града,
Отъ сильнаго Царя Николая,
Николая Павлова сына;
Летитъ грамота по землѣ и свѣту;
Такъ скоро она полетѣла,
Что было бы чудомъ, побратиме,
Еслибы несъ ее соколъ подъ крылами,
А не то, что русскій на ногахъ:
Пролетѣла землю безъ остановки,
Пока дошла къ султану Махмуту
Въ Стамбуль великій градъ,
Гдѣ сидитъ султанъ на своемъ диванѣ.
Даетъ гонецъ султану грамоту,
Лѣвою рукою подавалъ,
А правою держался за саблю,

И султану такъ говорилъ:

•На эту грамоту дай мнѣ отвѣтъ

Острою саблею и мышцами крѣпкими

На первомъ полѣ сраженія,

Сраженія двухъ нашихъ силъ».

И тотчасъ гонецъ вернулся.

А когда султанъ прочелъ грамоту,

Почалъ изучать кровавую грамоту;

Султанъ учить, лихорадка его мучить;

Грамота задала ему страху.

Вотъ что пишетъ ему Царь кауровъ:

•Послушай меня, Султанъ-Отмановичъ!

Вотъ ужъ цѣлыхъ три года,

Какъ скончался мой братъ,

Скончался и передалъ мнѣ корону.

Жалобы отвсюду мнѣ надоѣли,

Отъ Сербіи и отъ Болгаріи,

Валахіи и Молдавіи,

Отъ всей Греціи и Анатолии,

Все это плачется предо мною непрестанно

На проклятыхъ турокъ гонителей,

Отъ которыхъ житья имъ нѣтъ:

Ты все это видишь и ни о чемъ не думаешь».

Затѣмъ описываются самыя жалобы: 500 сербовъ изъ Шумадіи (княжества), у каждаго изъ которыхъ виситъ камень на горлѣ, жалуются, что турки убили ихъ князя, Георгія Чернаго, полонили ихъ цѣлыми тысячами и Сербію предали огню; три тысячи грековъ и болгаръ жалуются, что турки въ Свѣтлое Христово Воскресенье во время литургіи погубили патріарха, а съ нимъ 12 владыкъ, 360 монаховъ и 900 священниковъ; что они предали его живаго жидамъ, которые волокли его четыре часа по улицамъ Царьграда и потомъ утопили въ морѣ.

•Когда, султане, я увидѣлъ посланцевъ

И услышалъ о неволѣ,

Какую они терпятъ отъ турокъ,

Когда узналъ о гоненіи вѣры православной

И о посрамленіи и гибели патріарха,

Я объявилъ тебѣ войну черезъ грамоты

И сталь собирать мое сильное войско
 И посылать его черезъ землю валашскую,
 Валашскую и молдавскую,
 Къ Дунаю рѣкѣ холодной,
 Чтобъ оно разрушило дунайскія крѣпости
 Жестокимъ огнемъ пушечнымъ
 И другіе города въ Турціи,
 Чтобъ сравняло ихъ съ черною землею
 И чтобъ быстро шло къ Стамбулу,
 Чтобъ и его разорило и сожгло
 Жестокими минами и бомбами,
 А всѣхъ визирей турецкихъ
 Живыхъ въ полонъ взяло
 И послало вмѣстѣ съ тобою въ Россію,
 Чтобъ вы знали, какая она подруга
 Нашей матери перкви православоѣ;
 А ту силу въ тѣхъ турецкихъ странахъ,
 Восемьдесятъ тысячъ солдатъ,
 Я ввѣрилъ, съ Божьею помощію, Дибичу;
 Еще другое я послалъ къ тебѣ войско,
 Войско ровно въ сто тысячъ,
 Подъ начальствомъ сильнаго фельдмаршала
 Паскевича храбраго,
 Чтобъ онъ покорилъ всю твою Азію
 И перетрясъ кости Мухамеда
 Въ проклятой Меккѣ и Мединѣ;
 Но ты не посмѣлъ выйдти на бой—
 Струсилъ— да будетъ тебѣ стыдно!
 Подкупилъ христіанскихъ королей,
 И они тебя вымолили у меня:
 Я послалъ грамоты въ арміи
 И воротилъ ихъ опять въ Россію,
 Не хотѣлъ съ тобою ссоры заводить,
 Понадѣясь на тебя, султанъ,
 Что ты прекратишь злодѣйства,
 Что турки перестанутъ тѣснить христіанъ,
 Твои турки, сущіе волки,
 И простилъ тебѣ всѣ свои раны,
 Мы остались въ мирѣ попрежнему.
 Но все это ни къ чему не повело:
 Ты попралъ дружбу

Фирманомъ, что написалъ
 И разослалъ по всей Турціи
 Къ визирямъ, пашамъ и кадіямъ,
 Чтобъ они потурчили всю бѣдную райю,
 А кто не потурчился бы,
 Тому саблею голову отсѣкали.
 Я болѣе выносить не могу,
 Но, если вправду говорятъ люди,
 Что туркиня тебя родила, —
 Собери войска какъ можешь болѣе,
 Выходи съ войскомъ въ поле широкое —
 Въ бою дѣлить царства;
 Не скажи, что это — скрываетъ,
 Не надѣйся ты болѣе на подкупъ», и т. д.

Султанъ созываетъ визирей и пашей на совѣтъ, собираетъ войско со всей Турціи и пишетъ отвѣтъ Царю:

«Николай, Царь со вчерашняго дня!
 Ты пишешь мнѣ и въ грамотѣ говоришь,
 Что тебѣ надоѣли жалобы христіанъ
 На моихъ соколовъ турокъ,
 Что турки угнетаютъ христіанъ.
 Да, угнетаютъ! и будутъ угнетать!
 Не спрашиваемъ у тебя, гяуръ,
 Какъ намъ управлять райею,
 Которыхъ сабля Орханова
 Въ геройскомъ бою добыла
 На Косовомъ и другихъ поляхъ
 Отъ христіанскаго рода невѣрнаго,
 Отъ Лазаря и другихъ царей;
 Никогда тебя не спрашивалъ,
 Какъ намъ царствомъ управлять;
 Но ты вызываешь меня на бой,
 На это отвѣчаю тебѣ, Царь:
 Если тебѣ родила православная
 И если ты почтенный московъ
 И правнукъ Петра усатаго,
 То приходи на богатырскій бой
 Подъ бѣлою Варной на равнинѣ.
 Теперь, клянуся, хочу засвидѣтельствовать
 Твоею смертію — смерть короля Владислава,
 И подъ Варною вырою тебѣ могилу,

На могилѣ поставлю мечеть и минареты.
 Но довольно говорить, — выходи на бой
 Со всей силою земли московской
 На край поля широкаго,
 Гдѣ мы, Царь, прежде всего встрѣтимся.
 Если же ты не придешь подъ Варну,
 Я приду къ твоему городу Петербургу».

Императоръ, получивъ это посланіе, *вромко* разсмѣялся и двинулъ войска за Дунай и въ Азію. Описаніе пораженія турокъ подъ Варною приведено выше. Плѣнный Юсуфъ-Паша со всѣми *аранами* былъ отправленъ въ Петербургъ, а Варна разрушена.

Въ 1851 году скончался замѣчательный поэтъ и умный правитель Черногоріи, владыка Петръ II. Ему наследовалъ Даніиль I: онъ не чувствовалъ влеченія къ строгой жизни монашеской, а потому рѣшился искать *княжества* у сильнаго Царя Николая. Покойный Императоръ согласился исполнить его просьбу, но при этомъ, по словамъ народной пѣсни (Сб. К. V, № 1, стр. 31), справедливо замѣтилъ ему:

«Князь—титულъ очень важный;
 Что значить князь, когда у него нѣтъ княжества;
 Князю нужны большія издержки,
 А у тебя рѣшительно ничего нѣтъ,
 Кромѣ камней въ твоей Черной горѣ,
 И я боюсь, молодой черногорець,
 Что, если поставлю тебя княземъ
 И ты вернешься въ Черногорію,
 Ты совѣмъ оберешь народъ
 И разоришь твоихъ черногорцевъ,
 А они и безъ того не могутъ жить.
 Будутъ проклинять тебя черногорцы,
 Проклинять и меня, и тебя,
 Когда будешь собирать съ нихъ подать.
 Боюсь я еще болѣе,
 Что скажутъ остальные короли,
 Особенно Султанъ-Отмановичъ:
 Онъ говорить, что ты его райя
 И что Черная гора его собственность».

Мужественно отвѣчаетъ ему Данило:
«Пожалуй меня, сильный мой Царь!
Пожалуй меня, поставь княземъ,
Я прошу тебя, славный мой Царь!
Правда, мѣсто бѣдное,
Бѣдна моя Черная гора.
Но я буду беречь моихъ черногорцевъ,
Беречь ихъ, какъ свою голову;
А что говоришь о другихъ короляхъ,—
Почему бы имъ было супротивно:
Я не ишу ничьихъ владѣній,
А только то, что мое отъ старины;
А что говоришь о султанѣ турецкомъ,
Что султанъ сказываетъ, будто я его райя,—
Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ,
Какъ я ему никогда не былъ райя,
Дань же ему платилъ
И всегда обдаривалъ его хорошо,
Когда онъ съ войскомъ напалъ на меня,
Горькими грушами ружейными.
Много силы я у него позбавилъ,
Губилъ папей и визирей,
Когда онъ съ ними прежде воевалъ,
И опять буду (воевать), если Богъ дастъ;
Пока есть у меня молодые черногорцы,
Не боюсь я царства его».
Когда Царь Николай услышалъ,
Что ему говорить Петровичъ-Данило,
Что ему говорить мудро и умно,
Громео Царь размѣялся,
На плечо положилъ ему десницу
И такое слово вымолвилъ:
«Здравствуй, князь, будь здоровъ,
Счастливъ будь для всей Черной горы,
Счастливъ будь и будь къ нимъ добръ!
Но послушай меня, князь Петровичъ!
Еслибы султанъ разсердился
И на тебя послалъ войско,
Сколько ты можешь выдержать?»
А князь Данило ему отвѣчаетъ:
«У меня войска только двадцать тысячъ,

Что носить у меня оружіе,
Отъ мальчика пятнадцати лѣтъ
До старика семидесятилѣтняго:
Вотъ все мое войско,
Но оно отчаянно-храбро:
Сто тысячъ можетъ выдержать,
И съ нимъ можно всегда воевать,
Быль бы только порохъ и пули.
Царю это понравилось:
«Ну, прощай, князь Петровичъ!»
Даль ему грамоту на княжество,
Подписалъ ее царскою рукою
И приложилъ царскую печать:
«Поклонись моимъ черногорцамъ!
Полагаю на тебя мою десницу,
На всякаго твоего черногорца,
И даю тебѣ честное слово:
Еслибы султанъ поднялся
И ударилъ на тебя съ войскомъ,
Пусть шлетъ сто тысячъ войска,
Обороняйся самъ съ помощью Божіею;
Если же онъ двинетъ больше,
Я самъ объявлю войну султану.»
Князь схватилъ царскую руку,
Поцѣловалъ ее, поклонился до земли
И поблагодарилъ своего государя».

Пожалованіе Данила княземъ произвело неописанный восторгъ въ Черногоріи:

«И запѣли малый и великій
По горамъ и долинамъ:
«Все во славу Бога великаго
И во здравіе Царя російскаго,
Который пожаловалъ намъ князя,
И во здравіе нашего свѣтлаго князя!»

Вернувшись въ Черногорію, Даниль I началъ войну съ турками, но былъ остановленъ въ своемъ неблаго-разумномъ предпріятіи Императоромъ Николаемъ; когда же позже (въ 1852—1853 г.) Омеръ-Паша напалъ на Черногорію, она была спасена нами (п. № 4, стр. 188—189).

Кончина Императора Николая I произвела тяжелое впечатлѣніе въ Черногоріи:

«Мы лишились нашего солнца,
Милостиваго Царя Николая»,
говорить пѣсня (I, 53).

«Воцарился Александръ
И, узнавъ о соболѣзнованіи
Храброй Черной горы,
Послалъ къ нимъ своего консула,
Стремоухова генеральнаго-консула,
Съ приказаніемъ идти на Петинье равное
Благодарить князя и народъ
За ихъ горячее соболѣзнованіе;
Но пришелъ онъ не въ добрый часъ,
Поссорился за что-то съ княземъ,
Не знаютъ, за что и какъ,
Разошлись сердитые;
А когда увидѣлъ то Юрій Петровичъ,
Призвалъ къ себѣ генерала,
Отвелъ его въ свою горницу,
И здѣсь онъ переночевалъ,
А на другой день всталъ утромъ рано,
Юрій досталъ ему проводниковъ,
И консуль отправился въ Дубровникъ».

Услужливые черногорцы истолковали князю пребываніе нашего консула у Юрія Петровича такъ:

«Иль не видишь, милостивый государь,
Гдѣ останавливается русскій генераль,—
У Юрія, у твоего дяди;
Они всю ночь тайно совѣщались,
Чтобы тебя очернить предъ Царемъ,
Они тебѣ измѣнять,
А что можетъ послѣ быть,—
Могутъ тебѣ голову стереть;
Но дѣйствуй мудро и умно».
То было князю очень тяжело.
И такъ онъ имъ отвѣтилъ:
«Увы! никакъ не могу отдохнуть
Отъ этого моего домашняго несчастья:»

Я думаю, что это правда». Тогда вскочилъ онъ на легкія ноги
И такое слово вымолвилъ:
«Пусть дѣлаютъ, что хотятъ;
Я и не думаю о Царѣ русскомъ:
Онъ меня ни кормить, ни отъ зла хранить;
Пойду въ царю французскому,
Пусть ведетъ меня къ султану турецкому,
Чтобъ онъ далъ мнѣ мою старину,
Старину Иванбеговину *),
Я ему буду давъ давать съ Черной горы,
Расширю мою Черногорію,
А когда достаточно ее порасширю
И когда соберу запасы,
То-есть военные запасы,
Устрою дивное войско,
О султанѣ тогда и не подумаю,
А противъ него же оборочу дуло,
А тамъ—что Богъ дастъ и военное счастье!»
На то говорятъ ему черногорцы,
Особенно Петровичъ Юрій:
«Ради Бога, милостивый государь,
Не отпадай отъ Царя русскаго:
Не было бы креста трехперстнаго,
Еслибъ не было великаго орла,
Великаго Царя російскаго». **)
Но тайно шепчуть ему черногорцы:
«Ты теперь видишь, милостивый государь,
Что Юрій хлопочетъ объ измѣнѣ:
Ужъ слишкомъ придерживается Царя русскаго.
Иль не видишь, что приключилось?»
Князь взаправду повѣровалъ,
Всталъ на ноги легкія,
Взялъ съ собою княгиню Дариньку
И пошелъ прямо въ Которъ».

*) Родоначальникъ князей черногорскихъ—Иванъ Черноевичъ—умеръ въ 1490 г. Его столицею былъ Жаблякъ.

**) Здѣсь кстати упомянуть, что въ Цетиньѣ доселѣ хранится завѣщаніе владыки Петра I Св., въ которомъ онъ передаетъ проклятію всякаго черногорца, который отступился бы отъ Россіи.

Въ Которѣ, какъ извѣстно, погибъ князь Данииль I отъ измѣннической руки въ 1860 году: на его мѣсто былъ поставленъ нынѣшній правитель Черногоріи, *Николай I*, его племянникъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Парижа.

Къ послѣднему (1859) году княженія Даниила I относится изданная въ Цетиньѣ въ 1862 г. пѣсня „*Хорватъ-баша черногорскій*.“ въ ней воспѣвается освобожденіе изъ турецкой тюрьмы „хорватъ-баши (старѣйшины)“ черногорцевъ и поморцевъ, — отправляющихся ежегодно сотнями на заработки въ Константинополь, — бывшимъ нашимъ посланникомъ, княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и его совѣтникомъ

..... «вѣщимъ Новиковымъ,
Знающимъ по-турецки и арабски
И разумѣющимъ двадцать языковъ».

Это — послѣдняя черногорская пѣсня во славу Россіи. Офранцуженный молодой князь Николай I любитъ слушать только о подвигахъ своего отца, Мирка Петровича, и уже давно изгнаны изъ цетинскаго дворца пѣсни, которыя пѣлись

«Во имя Бога великаго,
А во здравіе Царя російскаго!»

ПРОБУЖДЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Съ искреннимъ братскимъ сочувствіемъ привѣтствуемъ пробужденіе литературной дѣятельности въ Черногоріи! „Черногорія“ — повторимъ слова извѣстнаго далматинскаго патріота и поэта Сундечича — „достаточно прославилась своимъ оружіемъ; но ей нужно теперь и умственное развитіе, дабы не отстать отъ остальныхъ просвѣщенныхъ странъ и народовъ. Хороша храбрость, но знаніе еще лучше. Знаніе составляетъ нынѣ силу цѣлаго свѣта и источникъ всякаго успѣха. Горе народу, отстающему въ знаніи отъ другихъ, ибо онъ дышетъ чужимъ духомъ, живетъ чужою жизнью, а въ этомъ заключается гибель народная.“

И дѣйствительно, Черногоріи недоставало доселѣ умственнаго развитія: успѣхи европейской образованности почти еще не проникали за эти скалы, политыя турецкою кровью; черногорцамъ, занятымъ постоянно въ теченіе почти пяти вѣковъ упорною борьбою съ врагами креста, было не до науки, и они остались внѣ всеобщаго движенія: но ихъ патріархальный бытъ можетъ приводить въ восторгъ только отчаяннаго археолога, ничего не видящаго изъ-за своихъ древностей.

Дважды пыталась-было Черногорія выступить на поприще умственной дѣятельности; но оба раза особыя обстоятельства останавливали въ самомъ началѣ эти попытки.

Юрій Черноевичъ, женившись на венеціанкѣ, вызвалъ изъ Венеціи типографщика, добылъ кирилловскій шрифтъ и началъ печатать въ Ободѣ (нынѣ Рѣка) церковныя книги: это была первая по времени типографія на славянскомъ югѣ. Въ ней былъ напечатанъ въ 1491 г.

Осмоласникъ, одинъ экземпляръ котораго хранится доселѣ въ цетинскомъ дворцѣ. Увлеченный женою, Юрій Черноевичъ промѣнялъ Венецію на Черногорію; Ободъ потурчился, и его типографія прекратила свою дѣятельность.

Владыка Петръ II, лучшій сербскій поэтъ эпохи славянскаго возрожденія, завелъ-было (около 1835 г.) вторую типографію въ Цетиньѣ; но ея дѣятельность ограничилась изданіемъ двухъ-трехъ книжекъ альманаха „Горлица“ секретаря владыки, Милаковича, книжки сербскихъ пѣсень Караджича и поэмы Милутиновича „Черногорская слава.“

При преемникѣ Петра II, князѣ Данилѣ I, напечатанъ въ цетинской типографіи только краткій черногорскій „Законникъ.“

При Николаѣ I, во время герцеговинско-черногорской войны, напечатаны: воззваніе (Сѣкулича) къ братьямъ боснякамъ и пѣсня „Хорватъ-баша черногорскій.“

Винovníкъ новаго литературнаго движенія въ Черногоріи—поэтъ *Иванъ Сундечичъ*. Претерпѣвъ разныя невзгоды въ Далмаціи, онъ удалился въ 1864 году со всѣмъ своимъ семействомъ въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ радужный пріемъ со стороны князя Николая. „И вотъ привела меня,“ говоритъ онъ, „звѣзда моя въ свободную землю, въ землю героевъ, гдѣ почти всякій камешекъ полить кровью за независимость и сохраненіе святыхъ народныхъ правъ, въ землю, въ которой сынъ отечества смѣетъ и можетъ свободно, какъ въ кровавомъ бою, такъ и на поприщѣ умственной дѣятельности, трудиться на пользу дорогой его народности и общаго отечества. Отчасти насиліемъ злобы и зависти, а болѣе всего самовольною неправдою злыхъ враговъ, пораженныхъ уже хулою общественнаго мнѣнія, меня, гонимаго съ родительскаго порога, не оставило и на этотъ разъ небесное провидѣніе. Оно указало мнѣ пріятельскую руку, руку отеческую, которая въ тяжкую минуту жизни твердо удержала меня отъ паденія, отчаянія

и, что хуже всего, отъ униженія передъ моими гонителями. Эта добродѣтельная рука была свѣтлаго государя скалистой Черногоріи; эту руку я буду всегда съ благодарнымъ сердцемъ осыпать горячими поцѣлуями, не какъ проданный рабъ, а какъ настоящій сынъ, который не смѣетъ быть подлымъ, но чувствуетъ, что всегда долженъ быть благодаренъ за полученныя имъ благодѣянія.“

Проникнутый такими чувствами, уже закаленный въ бою съ врагами славянскаго племени, горячо принялся Сундечичъ за новую дѣятельность въ Черногоріи. „Признаюсь,“ говоритъ онъ, „я не владѣю ружьемъ и мечемъ; но я могу немножко двигать перомъ и тѣмъ приносить нѣкоторую пользу народу. Желая успѣха дѣйствующимъ мечемъ и ружьемъ: мое оружіе—перо, и я буду дѣйствовать имъ, сколько силы позволятъ; воинъ пусть попрежнему защищаетъ въ случаѣ нужды домашній кровь, а я съ этихъ горъ буду провозглашать все, что могу и что заслуживаетъ вниманія. А чтобы начать поскорѣе — пока обстоятельства дозволятъ мнѣ расширить мою дѣятельность — вотъ посылаю вамъ, братья, горную пташку, сиваго „Орлича.“ Онъ увидѣлъ свѣтъ посреди крутыхъ черногорскихъ скалъ, и въ такое короткое время не успѣли еще подрости ему крылья; но я твердо уповаю, что все-таки примутъ и приголубятъ его братья, какъ своего и отъ своего. Съ Божьею помощію окрѣпнуть современемъ и разширятся его крылья, и онъ не станетъ понапрасну летать съ своихъ горъ къ братьямъ; но, подобно ноевой голубицѣ, онъ будетъ приносить вѣтвь за вѣтвью братскаго примиренія, наиболѣе нужнаго намъ въ настоящее время, — братскаго примиренія, которое великій духъ, коего смертныя останки почіютъ на вершинѣ славнаго Ловчена*, первый съ этихъ горъ сталъ распространять своими див-

*) Здѣсь разумѣется владыка Петръ II, погребенный на вершинѣ Ловчена.

ными и вдохновенными пѣснями, вытекавшими изъ его мудрой головы и горячаго патриотическаго сердца. Дай Боже, чтобы я могъ, хотя издалека, слѣдовать за его величественнымъ шествіемъ и служить вѣрнымъ сыномъ общему нашему отечеству отъ Триглава до Балкана. Черная гора—отголосокъ нашей воинственной славы — пусть будетъ отнынѣ отголоскомъ братской любви и согласія.“

Въ этихъ немногихъ словахъ очерчена программа литературной дѣятельности Сундечича и его сотрудниковъ въ Черногоріи; но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію, какъ она была исполнена, мы должны сказать, что Сундечичъ получилъ въ одно время два назначенія въ Черногоріи — секретаря князя Николая и управляющаго типографіею,—что, ни въ чемъ не успѣвъ въ первой должности, онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ во второй: онъ убѣдилъ князя выписать изъ Праги новые шрифты, привелъ въ порядокъ типографію и напечаталъ въ ней сначала пѣсни Мирка Петровича „Черногорски споменикъ“ (Черногорскій памятникъ: такъ названы безыскусственныя пѣсни о послѣдней войнѣ съ турками), а потомъ три книжки „Орлича“ и „Степеникъ изъ Кормчіе са славено-русскога езика и изъ србуляхъ“ (степени родства по кормчей славяно-русской и сербской редакцій) архимандрита Никифора Дучича. Сундечичъ намѣревался издавать въ Черногоріи газету „Орловъ кршъ (Орловая скала)“; но князь Николай призналъ подобное предпріятіе неудобноисполнимымъ.

Въ 1865 году, когда начался издаваться черногорскій календарь „Орличъ“, у Сундечича было только два сотрудника — князь *Николай* и архимандритъ *Н. Дучичъ*; въ 1866 году онъ приобрѣлъ еще двухъ сотрудниковъ—извѣстнаго далматинскаго патриота и писателя *Павлиновича* и триестинца *Бастіана*; въ 1867 году къ нимъ присоединились еще трое—*Мирко Петровичъ*, *Ристо Ковачичъ* и личанинъ *Францъ Турчичъ*. Приобрѣтеніе сотрудниковъ между далматинцами свидѣтельствуется объ ихъ сочув-

ствіи направленію „Орлича,“ направленію *славянофильскому*, строго преслѣдуемому австрійскимъ правительствомъ: стихотворенія и статьи этихъ далматинскихъ сотрудниковъ проникнуты одинаковою ненавистью какъ къ нѣмцамъ, такъ и къ туркамъ, и надеждою на неминуемую перемѣну въ судьбѣ южныхъ славянъ въ близкомъ будущемъ. Самымъ ревностнымъ сотрудникомъ „Орлича“ сталъ католическій священникъ *Михаилъ Павловичъ*, гонимый, подобно Сундечичу, далматинскими властями за его патриотическія стихотворенія и статьи.

Программа „Орлича“ есть вмѣстѣ съ тѣмъ программа всей литературной и политической дѣятельности Сундечича: онъ неуклонно слѣдовалъ ей и прежде, какъ въ своихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ недолговѣчной своей газетѣ. Изъ-за нея онъ лишился профессорской кафедры въ задарской семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ къ существованію; она загнала его въ „ломну“ Черногорію. Сущность этой программы заключается въ слѣдующемъ положеніи: численнаѣ сила славянъ парализуется ихъ племенною и религіозною враждою; для блага общаго мы должны забыть наши домашнія распри и дружно соединиться—безъ различія вѣроисповѣданій—въ общемъ дѣлѣ и общими силами завоевать себѣ будущность: еслибы славяне дѣйствовали согласно, то были бы сильнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Не упуская изъ виду всего славянскаго племени, Сундечичъ обращается съ призывомъ къ единодушію преимущественно къ южнымъ славянамъ: „Сюда, братья съ Дравы до Балкана, съ Дуная до Адриатическаго моря, которымъ судьба опредѣлила жизнь и смерть, славу и неволю, въ одномъ и томъ же союзѣ!“ взываетъ поэтъ къ сербамъ, хорватамъ и болгарамъ. „Гдѣ не гнѣздится братская любовь, развѣ тотъ народъ идетъ къ счастью!.. Развѣ онъ, находясь въ неволѣ, можетъ на что надѣяться?... Зачѣмъ разлучаетъ вѣра, которая ясно учитъ людей, что они всѣ до одного сыновья единого Бога. Родные братья не всѣ ли одинаково милы своему отцу? Приба-

вимъ еще ту же самую чистую кровь, что насъ согрѣваетъ, одно имя, одно племя и одинъ кровь подъ небомъ. Ну, кто тогда смѣетъ сказать, что вовсе не постыдно, что такіе братья другъ друга ненавидятъ, что они могли бы быть сильны, какъ любой народъ, считающійся первымъ по могуществу, когда бы только были согласны и слились въ одинъ духъ, въ духъ любви къ отечеству, плодотворной всякимъ успѣхомъ въ народномъ движеніи къ самостоятельному развитію? Пусть всякій почитаетъ свою вѣру, держится ея, любитъ и бережетъ ее, пока одобряетъ его совѣсть, что его вѣра истинная. Но гдѣ касается того, чтобы на пользу своей родины мы дышали однимъ духомъ, горѣли однимъ чувствомъ, то будемъ единодушны и всѣ послушны одному голосу!... голосу, что громко призываетъ каждого изъ насъ отважно стремиться изъ пресмыканія къ солнцу вѣчной жизни.“

Такъ говоритъ Сундечичъ въ своемъ стихотвореніи *Вришдба*, написанномъ имъ, когда онъ еще былъ профессоромъ въ Задрѣ: ту же самую мысль проводитъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ и статьяхъ, напечатанныхъ въ „Орличѣ“ 1865—1867 г.

Въ статьѣ „Славяне и славянство“ (*Орличъ* 1865 г. стр. 52—62), доказывая необходимость народнаго самопознанія и сообщая свѣдѣнія этнографическія и историческія (не всегда впрочемъ вѣрныя) о различныхъ славянскихъ племенахъ, Сундечичъ останавливается на южныхъ славянахъ и призываетъ ихъ забыть племенные и вѣроисповѣдныя распри и жить въ мирѣ и согласіи:

„Различіе вѣры до сихъ поръ отдѣляло брата отъ брата. Изъ-за вѣры мы презирали другъ друга, какъ какіе-то враги. Въ этомъ болѣе всего виноваты вѣроисповѣдный фанатизмъ, это исчадіе средняго вѣка, въ который схоластическія начала наводнили всю религію и съ помощью пропаганды заразили сердца людей. Въ религіозной борьбѣ востока съ западомъ мы приняли на себя самые сильные удары, и чѣмъ болѣе мы отставали

въ просвѣщеніи, тѣмъ легче увлекались духомъ партій. Такимъ образомъ братъ отдалился отъ брата,—явились между нами несогласіе и презрѣніе, и они-то породили нашу гибель.“

„Оставимъ то, что было прежде! Но и теперь еще, къ сожалѣнію, видны у насъ слѣды вѣроисповѣдной вражды: мы еще продолжаемъ обвинять другъ друга, хотя обѣ стороны виноваты.“

„Вѣра есть дѣло совѣсти, и всякій самъ отвѣчаетъ предъ Богомъ за свою вѣру. Иное дѣло — народность: какъ всѣ мы составляемъ народъ, такъ всѣ мы безъ различія должны поддерживать народъ и народность, какой бы мы ни были вѣры, какъ бы мы ни крестились и молились.“

„И нѣмцы различной вѣры; но, умудренные знаменитою своею вѣроисповѣдною борьбою, они не спрашиваютъ нынѣ другъ друга о вѣрѣ, а общими силами отстаиваютъ свои нѣмецкіе, хотя бы и самые ничтожные, интересы; они также единодушно дѣйствуютъ и въ своемъ смѣшномъ стремленіи онѣмечить цѣлый свѣтъ.“

„И для насъ нѣтъ другаго исхода. Нужно и намъ опомниться, и не презирать другъ друга изъ-за вѣры, а почитать вѣру cadaго, какъ святыню души. Такимъ образомъ мы положили бы прочное основаніе нашего согласія, а согласіемъ стали бы сильны и страшны врагу.“

„Къ несчастію, мы раздвоены еще азбукою, и не имѣемъ общаго литературнаго языка. Но, Богъ дастъ, дѣйствуя единодушно, мы придемъ къ соглашенію и въ этомъ важномъ дѣлѣ.“

„Нынѣ, кромѣ 100.000 душъ въ свободной Черногоріи подъ управленіемъ дома Петровичей и милліона душъ подъ султанскимъ сюзеренствомъ въ княжествѣ Сербіи, весь нашъ югъ находится подъ чужою властію. Его силы чужеземецъ тратитъ на свою пользу; его жизнью располагаетъ для защиты своей жизни; его кровавымъ трудомъ питаетъ свою утробу и поддерживаетъ свое господство. Не позорна ли эта неволя нашего народа?“...

„Но какъ живо небо, простирающееся надъ нашимъ югомъ, такъ живъ и народъ нашъ, обитающій подъ этимъ небомъ. Еслибы когда-нибудь этотъ народъ, у котораго достаточно и головъ и рукъ, могъ развиваться по своимъ собственнымъ началамъ, у него бы конечно и науки, и искусства, и промышленность, и торговля приобрѣли свои блестящія свѣтила, которыя бы нетолько намъ, но и всему человѣчеству были на славу. Но доколѣ не будемъ *свои*, невѣжество сильно будетъ насъ давить, и рѣдкія звѣзды будутъ появляться на нашемъ небѣ, но и ихъ вражескій туманъ будетъ закрывать, помрачать ихъ блескъ, угашать ихъ свѣтъ“....

„О преобладаніи однихъ надъ другими не будемъ бороться. Кто больше послужитъ кресту и народу, за тѣмъ народъ, конечно, и признаетъ первенство.... Одинъ только искренній союзъ нашихъ племенъ составляетъ самое прочное основаніе нашего зданія; въ одномъ только согласіи заключается спасеніе нашего юга; только черезъ наше побратимство можетъ воскреснуть новое народное бытіе наше; только съ помощью нашего настоящаго просвѣщенія сокрушится гора нашихъ предразсудковъ, подъ давленіемъ которой мы едва дышемъ; только такими средствами можетъ народъ нашъ достигнуть величія и силы.“

Вотъ та первая *вѣтвь братскаго примиренія и союза, которую принесъ намъ „Орличъ“ съ своихъ горъ*; въ слѣдующіе два года онъ принесъ намъ еще двѣ такія же вѣтви.

Въ напечатанной въ „Орличъ“ за 1866 годъ (стр. 59—63) статьѣ: „Будущность—наша,“ Сундечичъ доказываетъ, что народъ будущаго—славяне, превосходящіе и числомъ и пространствомъ, ими занимаемымъ, и наконецъ внутренними качествами племена романское и германское. Выставляя наши преимущества, Сундечичъ не забываетъ и нашихъ недостатковъ:

„Правда, что чужеземство кое въ чемъ измѣнило и попортило нашъ народъ, кое въ чемъ запугало его. Правда, что народъ нашъ имѣетъ свои тяжкіе смертные

грѣхи, между которыми два главныхъ — *небратство и раздоръ*. Правда, что нашему народу много сѣтей разставлено, много затворовъ повѣшено, много путей пресѣчено. Но всѣ эти преграды должны пасть; обманы и страхи исчезнуть; братство и согласіе между нами водворится; адскія сѣти и западни опрокинутся. Народъ познаетъ свои грѣхи, увидитъ свои глубокія раны: въ грѣхахъ покается, ранамъ лекарства поищетъ, изцѣлится и душою и тѣломъ и выступитъ въ бой со всякою змѣею, которая покусилась бы пожрать его.“

„И романское и германское племена далеко насъ опередили въ просвѣщеніи; но все-таки мысль у нашего народа проще (не такъ сложна: *едноставнiя*), чувство горячѣе, сердце цѣльнѣе, душа чище и религіозный духъ сильнѣе и прочнѣе. А это все — крылья, съ помощью которыхъ народъ нашъ можетъ скорѣе достигнуть своей цѣли.“

„Изъ двухъ элементовъ, германскій былъ до сихъ поръ наиболѣе гибеленъ для нашего народа. Кому неизвѣстны нѣмецкія стремленія на Востокъ? а таковыя стремленія кого имѣли въ виду, если не нашъ народъ?“

Ускорить время всеобщаго освобожденія славянъ зависитъ отъ насъ самихъ, „отъ нашего сосласія, отъ нашего усердія ко всестороннему развитію нашего народнаго просвѣщенія, отъ нашей отважности помѣряться съ остальными европейскими народами, а особенно отъ того патріотическаго духа, который можетъ оживить умерщвленные члены, исцѣлить кости, уже подвергшіяся гніенію, одушевить тѣло, обратившееся въ каменный столбъ.“

„Наша будущность не можетъ наступить сегодня или завтра, ибо мы еще не познали себя, какъ слѣдуетъ: мы лишены общаго руководителя; наши жизненные силы потрачены; мы раздроблены на множество членовъ; духъ и сердце наши отравлены вліяніемъ чужой воли; кровь высосана изъ нашихъ жилъ, мозгъ выпитъ изъ костей; мы уснули, почти умерли.“

Но — продолжаетъ нѣсколько далѣе нашъ почтенный поэтъ — старанія патріотовъ къ пробужденію народности остались не безъ успѣха: „въ сердца началъ проникать голосъ природы; многія головы освѣтились мыслью, что нельзя быть своимъ и не поддерживать своихъ; многія души приготовлены уже на всякія жертвы, лишь бы добыть то право, которое Богъ далъ всякому народу на свѣтъ.“

Подобныя же мысли проводятся Сундечичемъ и въ письмѣ его къ пріятелю „о восточномъ вопросѣ“, напечатанномъ въ „Орличѣ“ за 1867 годъ.

Восточный вопросъ былъ доселѣ, по мнѣнію Сундечича, вопросомъ о преобладаніи или господствѣ на Востокѣ той или другой изъ великихъ державъ. Въ силу вѣнскаго договора 1815 г., онѣ имѣли право распоряжаться на Востокѣ полными хозяевами, мѣнять и дѣлить между собою турецкія области, не спросясь жителей. Но съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ III провозгласилъ принципъ народности, получившій уже примѣненіе въ Италіи и Германіи, славяне имѣютъ полное право возвысить свой голосъ и протестовать противъ всякой попытки Европы распоряжаться ихъ судьбою безъ ихъ спроса. Хорваты и сербы своею грудью защитили „неблагодарную западную Европу отъ страшнаго натиска мусульманскаго варварства“, и въ награду за свои заслуги подпали нѣмецкому и мадьярскому гнету, въ немногомъ уступающему турецкому игу. Но „вопреки неограниченному господству, силѣ и самоволію чужеземцевъ, нашъ народъ сохранилъ свой языкъ, свои племенные имена, свои обычаи, свои историческія воспоминанія и многія прекрасныя качества своего духа, души и сердца. Никакая сила и неволя, никакое лукавство и хитрость не можетъ уничтожить въ нашемъ народѣ народнаго самосознанія. Оно всегда, подобно углю подъ пепломъ, тлѣло въ груди народа и одушевляло его надеждою на Бога, постояннымъ терпѣніемъ, великодушнымъ пожертвованіемъ и твердою увѣренностью, что есть конецъ всякой муки...“

„Но народъ нашъ не только сохранилъ свою народность, но и удержался на собственной своей землѣ, въ собственномъ своемъ отечествѣ...“

„Кому же, какъ не намъ, болѣе всего пристойно защищать свой домъ и избавить его отъ рабства? Другіе могли бы спорить о какой-нибудь пустоши; но нашъ домъ не пустъ: мы на нашемъ порогѣ живы и многочисленны, и чувствуемъ всю тяжесть рабства, и взываемъ о помощи, и желаемъ быть свободны; но вмѣсто помощи получаемъ вредъ“.

„Освободиться отъ одного ярма, чтобы подставить шею подъ другое, хотя бы болѣе легкое, вовсе для насъ не утѣшительно. Скажу болѣе, мы имѣемъ явное доказательство того, что нѣмецкое болѣе легкое ярмо причинило народу болѣе *нравственнаго* вреда, чѣмъ турецкое непомѣрно тяжелое. И такъ намъ предстоитъ или стать независимыми или навѣкъ остаться рабами. А стать независимыми никто и никакая держава не можетъ намъ воспрепятствовать; но напротивъ, въ видахъ человѣчности, христіанства и образованности, всякая должна бы была искренно протянуть намъ руку, чтобы ускорить и облегчить намъ освобожденіе изъ-подъ чужаго ига“.

„Теперь рождается важный вопросъ: могутъ ли христіане сами собою освободиться изъ-подъ турецкой власти; а если не могутъ, кто бы болѣе всего могъ имъ помочь?“

„Подъ вышепомянутыми христіанами еслибы мы хотѣли разумѣть только нынѣшнюю турецкую *райю*, которая состоитъ изъ небольшого числа грековъ и албанцевъ, потомъ большую частію изъ болгаръ и сербовъ и немногихъ хорватовъ, — тогда объ освобожденіи помощью собственныхъ ихъ силъ нечего говорить и надѣяться, такъ-какъ помянутые христіане до такой степени угнетены, что не могутъ и головой пошевелинуть, и потомъ лишены всякаго блага божьяго и всего, что необходимо для возстанія и сильнаго отпора. Но когда расширимъ это понятіе и будемъ имѣть въ виду страш-

ный для Турціи *четвероугольникъ*: съ одной стороны сербы и румыны, съ другой греки и черногорцы, и когда бы смѣли еще хорваты и сербы австрійскіе прійти къ намъ на помощь, — нѣтъ сомнѣнія, тогда пробилъ бы послѣдній часъ османліямъ въ Европѣ... Но, къ великому сожалѣнію нашему, еще теперь нужно смотрѣть какъ на неосуществимую фантазію общій союзъ всѣхъ этихъ христіанъ противъ общаго врага... Еще есть между нами гнусныя страсти и предубѣжденія и глубокіе корни братскаго раздора, и нельзя еще надѣяться на такую политическую зрѣлость и мудрость всѣхъ по Богу братій....“

„Если обратимъ еще вниманіе на великую безнравственность румынскаго народа, — на положеніе Греціи, которую должны болѣе всего занимать острова Архипелага, — на невозможность со стороны австрійскихъ хорватовъ и сербовъ хоть сколько-нибудь помочь ихъ братьямъ въ Турціи, — тогда увидимъ, что только Сербія и Черногорія призваны подвинуть рѣшеніе восточнаго вопроса и освободить своихъ страждущихъ братій...“

„Не отрицаю, что и ихъ собственныя силы слишкомъ слабы и ничтожны для такого громаднаго предпріятія. Но возможно ли, чтобы ихъ самихъ оставила та часть Европы, въ которой чтутся и защищаются свободныя начала? Ужели великій славянскій сѣверъ, вѣчный врагъ турецкаго полумѣсяца, — на томъ же самомъ основаніи, на какомъ Франція помогаетъ Италіи и дунайскимъ румынамъ, а Пруссія объединяетъ сѣверную Германію, т. е. на основаніи въ обширномъ смыслѣ взятой народности — не подастъ намъ искренней помощи, единственно для того чтобы мы *на нашемъ югѣ* сплотились въ великій и могущественный народъ и унаслѣдовали наши народныя права?“

„Свободная Европа, если Богъ дастъ, поспѣшитъ къ намъ на помощь; великая Россія вполне исполнитъ обязанности, возлагаемыя на нее единокровностію; и только такимъ образомъ можетъ рѣшиться *восточный вопросъ*, и

то въ пользу не болѣе сильнаго, а тѣхъ, которые были доселѣ угнетены и которые имѣють *святѣйшее право* быть свободными хозяевами въ собственномъ своемъ домѣ....“

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за эти длинныя выдержки изъ статей Сундечича: въ нихъ лучше всего выразилось направленіе новой литературной дѣятельности въ Черногоріи; въ нихъ сведено въ систему то, что разбросано въ другихъ статьяхъ и стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ трехъ книжкахъ „Орлича“.

Не могу воздержаться, чтобъ не передать моимъ читателямъ, въ слабомъ переводѣ, далеко не передающемъ прелести подлинника, нѣсколько отрывковъ изъ стихотвореній Сундечича.

Вотъ на примѣръ—изъ превосходной оды „Ловчень“—воззваніе поэта къ Европѣ:

„Приди Европа!—ты славишься своими доблестями... Если тебя подлинно согрѣваетъ чувство человѣколюбія, если въ твоемъ сердцѣ есть еще мѣсто для Вѣры, обрати свой взоръ на эти скалы—голыя, но многоцѣнныя! склони чело и подивись на эту кровь и раны!“

„И спроси: кто эти духи?—Это блаженные жертвы свободы,—жертвы за море этихъ скалъ,—жертвы, говорящія тебѣ съ укоромъ: „Посмотри, Европа, за что мы пали! за то только, чтобы избавиться отъ челюстей тираніи! У тебя есть Лондонъ, Парижъ, Петербургъ, Вѣна,—у насъ эти мрачныя скалы: за нихъ мы кипимъ мезью, за нихъ мы живемъ, за нихъ и умираемъ“.

„Онъ—святой уголокъ, который Юговичъ знаетъ за свой собсвенный, въ которомъ поетъ его вила, въ которомъ судить его шапка: остальнаго онъ ожидаетъ отъ твоихъ рукъ, перенося рабство, неволю, муку, доколѣ сердца твоего не коснется голось правды, взывающій къ Богу; Европа, не будь нами проклята: Да будетъ тебѣ свята Черная гора!“

А вотъ какъ говоритъ поэтъ устами вилы Равіолы посестримы королевича Марка:

„Турокъ, нѣмецъ—называютъ святымъ правомъ силу, и проклятымъ своимъ языкомъ поносятъ покоренныхъ и издѣваются надъ ними“.

„Но судъ Божій долженъ совершиться: сломятся цѣпи, сковывающія несчастныхъ рабовъ!“

„Воскреснетъ мой Марко, отмститъ за братскія раны, и согласіе соединить всѣ четыре южныхъ племени.“

„Въ согласіи будетъ счастлива моя родина, въ ней водворится законъ Божій и народный“.

„Сплотится одно тѣло изъ разрозненныхъ членовъ, и его гонители будутъ на вѣкъ поруганы.“

Такими же патриотическими чувствами одушевленъ и князь *Николай*. Въ задравной пѣснѣ, напечатанной въ „Орличѣ“ за 1866 годъ (стр. 37—38), съ такими словами онъ обращается ко всѣмъ сербамъ:

„Пусть всякій возьметъ примѣръ съ *королевича Марка*...“

„Среди винныхъ паровъ забывай, братъ, дивнаго царства пространнаго, которое попираетъ нынѣ турецкая нога.“

„Рѣшимся всѣ погибнуть: Призрѣнъ долженъ быть нашъ; въ немъ сіяетъ золотой престолъ!... Да здравствуетъ будущій царь!...“

„Вотъ этотъ кубокъ во здравіе того, кто первый начнетъ сѣчу!... Выпьетъ онъ опять съ нами, когда всѣ достигнемъ Печа!“

„Кто изъ сербскихъ воиновъ не пожертвовалъ бы своею жизнію, чтобы повѣсить колоколъ на пустую дечанскую колокольню или поднять знамя?“

Еще лучше и воинственнѣе, не безъ основанія приписываемая князю черногорскому, пѣсня: „*Туда, туда!*“ напечатанная въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ:

„Туда, туда!... за этими горами, говорятъ, разоренъ дворъ моего царя; тамъ, говорятъ, собиралось нѣкогда *юнацкое вѣче*“.

„Туда, туда!... дайте взглянуть мнѣ на родной Призрѣнъ. Милая сторона зоветъ меня: туда пойду я съ оружіемъ въ рукахъ!“

„Туда, туда!... съ развалинъ царскихъ дворовъ скажу

врагу: „Съ милаго моего огнища бѣги, чума! Настало время расплаты!“

„Туда, туда! гдѣ за этими горами, небо свиваетъ лазоревый сводъ.—на сербскія поля, на поля боевыя, туда, братья, направимъ стопы наши!“

„Туда, туда! — за этими горами, попранный конями, взываетъ Югъ: „На помощь, дѣти! на помощь, милые сыны! святой вашъ долгъ, отмстить за меня—старца!“

„Туда, туда!... о турецкія ребра иступимъ острие сабли, мстя за его старыя ребра, ею же (саблею) разсѣчемъ узы, связывающія руки бѣдной райи.“

„Туда, туда!—за тѣми горами пребываетъ, говорятъ, Милошевъ гробъ: туда!... покой добуду душѣ, когда сербъ не будетъ больше рабомъ!“

Скорбь о погибели сербскаго царства, которою запечатлѣны приведенныя нами отрывки изъ пѣсней князя Николая, съ особенною силою выражена въ его трагедіи *Вукашинъ*, 2 явленіе III-го дѣйствія которой напечатано въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ (стр. 21—31).

И другіе сотрудники Сундечича, *Павлиновичъ*, *Ковачичъ* и *Бастіанъ*, настраиваютъ свою лиру на тотъ же ладъ: имъ недостаетъ только той силы, какою отличаются нѣкоторыя пѣсни черногорскаго князя и его секретаря; исключеніе составляетъ, по нашему разумѣнію, только пѣсня Павлиновича: „*Чего я желаю?*“

„Чего я желаю?... видѣть зарю лучшаго дня моего народа; видѣть, что чужая рука не отнимаетъ того, что Богъ намъ далъ.“

„Желаю, да процвѣтетъ славное имя наше и да пронесется оно изъ края въ край бѣлаго свѣта“.

„Желаю, да овладѣетъ нашимъ умомъ и сердцемъ языкъ моей матери; да познаетъ братъ мой своихъ и оставитъ чужіе дворы“.

„Желаю, да процвѣтетъ жизнь народная и воротитъ братское согласіе то, что отнялъ у насъ чужеземецъ“.

„Желаю, да украситъ голову моихъ братій красная

шапка; желаю, да вѣнчаетъ голову дѣвушки вѣнецъ изъ цвѣтовъ.“

„Желаю, да поведемъ мы хороводъ мѣрно, согласно, въ одинъ ладъ; да возлюбимъ другъ друга мы братья отъ одной и *троединой* матери“.

„Желаю правды, Божіей славы, да исполнится святое его царство, да минуетъ проклятое рабство пустую славянскую голову“.

„Могутъ ли человѣческія очи глядѣть еще на бѣдствія братій? можетъ ли не скорбѣть сердце при видѣ этихъ смрадныхъ турецкихъ мерзостей?“ и т. д.

Рядомъ съ этимъ благороднымъ, патріотическимъ направлѣніемъ, замѣчаемъ въ „Орличѣ“ другое, далеко не похвальное: это—придворная лесть. Образцы ея мы видимъ уже въ „Кровавой рубахѣ“, изданной Сундечичемъ еще до переселенія его въ Черногорію, и въ предисловіи къ первой книжкѣ „Орлича“; затѣмъ онъ воспѣваетъ на всевозможные лады князей Николая и Данила, княгиню Дариньку, княженъ Зорку и Милицу и наконецъ Мирка Петровича. Ему вторятъ какой-то личанинъ *Турчи* въ стихахъ и архимандритъ *Дучич* въ витіеватой прозѣ. Этими придворными поэтами и панегиристами щедро раздаются эпитеты „безсмертныхъ“, „героевъ“, „отцовъ“ и „матерей“ Черногоріи.

Панегирическій тонъ и витіеватость много вредятъ дѣльнымъ и любопытнымъ статьямъ *Никифора Дучича*. Эти статьи знакомятъ насъ съ настоящимъ и прошлымъ Черногоріи, а потому я считаю не бесполезнымъ изложить вкратцѣ ихъ содержаніе.

Въ „Орличѣ“ за нынѣшній годъ (стр. 32—56) напечатано начало „*Путевыхъ очерковъ*“ архимандрита Дучича.

26 сентября 1865 года князь Николай, въ сопровожденіи отца своего Мирка Петровича, вице-президента сената Николая (Крцо) Петровича, брата княгини Дариньки Николая Квекича, воеводъ—васоевичьскаго Милана Вуковича и цекличьскаго Юрія Матановича и архи-

манрита Никифора Дучича, отправился изъ Цетинья въ отдаленнѣйшія нахія Черногоріи, присоединенныя къ ней отъ Герцеговины въ 1858 году. Особу его свѣтлости охраняли избранные перяники и гвардейцы.

Отправившись изъ княжескаго дворца, они прошли черезъ все Цетинье (60 домовъ) и вышли на цетинское поле къ новой прекрасной гостинницѣ, а черезъ часъ были уже на горѣ, называемой „Граница“, отдѣляющей катунскую отъ рѣчьской нахія.

Съ вершины „Границы“ въ хорошую погоду видна вся плодородная Зета съ городомъ Жаблякомъ, бывшимъ нѣкогда столицею Черноевичей, а съ XV вѣка находящимся въ рукахъ у турокъ; видно также скутарское озеро съ различной величины островами; виденъ и самый славный Скадарь (Скутари) повыше Бояны; виденъ островокъ Вранина съ разрушеннымъ монастыремъ св. Николая, резиденціею зетскихъ митрополитовъ по завоеваніи Жабляка турками; видны хотскія и кастратскія, вѣчно покрытыя снѣгомъ, „Проклятыя“ горы.

Съ вершины „Границы“ до Добрскаго села болѣе получаса пути. Съ правой стороны Добрскаго села возвышается гора Вртѣлка, на которой погибъ прославленный народными пѣснями герой Байо Пивлянинъ съ дружиною изъ 30 человекъ, защищая дорогу въ Цетинье отъ Сулеймана, паши скадарскаго, въ 1690 году; съ лѣвой же стороны находится гора—еще выше Вртѣлки—Добрштакъ, съ которой видны вся рѣчьская и лѣшанская нахія, часть катунской и вся низменная Зета.

Положеніе Добрскаго села живописно и выгодно. Тутъ растутъ различныя южныя деревья, какъ-то: виноградъ, смоквы, гранаты, айва, яблоки, груши, черемши, вишни и шелковица. Дома, крытые черепицею, отличаются прочностью постройки. Посреди села бѣлѣтся храмъ св. Петки. Кромѣ сельской церкви, здѣсь есть еще монастырь съ небольшимъ храмомъ Успѣнія Богородицы. Этотъ монастырь, называемый „Добрская келія“, былъ всегда филиаломъ цетинскаго монастыря, который посы-

лалъ сюда на житье по одному или по два монаха.

Этотъ монастырь до временъ владыки Даниіла Петровича былъ зимнею резиденціею цетинскихъ митрополитовъ. Нынѣ этотъ монастырь закрытъ по недостатку въ Черногоріи монаховъ. Передъ церковными воротами „Добрской келіи“ погребень черногорскій владыка Савва Очиничъ (1692—1695 г.).

„Миновавъ Добрское село, мы пришли скорѣе чѣмъ черезъ полчаса въ село Стругаре. Но здѣсь слѣдуетъ мнѣ сказать, что, чрезъ какое бы село ни проходилъ князь, всюду выходилъ къ нему на встрѣчу народъ — взглянуть на него и поклониться ему, и каждый домъ выносилъ на дорогу полныя бутылки вина и крѣпкой виноградной водки, и всякій изъ княжевой свиты пилъ, что хотѣлъ. Этотъ древне-сербскій обычай называется „зравица“.

Немного далѣе по правую сторону виднѣется лучшее и самое богатое во всей Черногоріи село, Цеклинье, съ своею достаточно большою церковью св. великомученика Георгія, при которой находится высокая изъ прекраснаго тесаннаго камня колокольня съ тремя новыми колоколами. Почти всѣ жители этого села занимаются торговлею на Рѣкѣ Черноевича, преимущественно хлѣбомъ и рыбою. Отсюда происходятъ два старыхъ и извѣстныхъ въ Черногоріи рода Джюрашковичей и Пеіовичей.

Съ Кошчеловъ (*), подъ вѣтвистыми деревьями котораго обыкновенно отдыхаютъ всѣ путешественники, видна Рѣка Черноевича. По лѣвую сторону дороги на самой вершинѣ горы находится старая небольшая церковь Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя, въ которой совершается служба только разъ въ годъ въ храмовой

(*) *Кошчелами* называется эта мѣстность по особому роду деревьевъ, плоды которыхъ, продолговатой формы, темнозеленаго цвѣта, сладки на вкусъ. Они водятся въ Герцеговинѣ и Далмаціи; въ Сербіи ихъ нѣтъ; есть ли они у насъ и какъ мы ихъ называемъ, не знаю.

праздникъ 29 августа, когда собирается здѣсь народъ съ всего Цеклинья.

Съ Кошчеловъ нужно цѣлые полчаса спускаться по грудѣ камней до самой Рѣки Черноевича, вытекающей нѣсколько выше изъ одной необыкновенно высокой и большой пещеры. До переселенія сюда изъ Жабляка Ивана Черноевича, эта рѣка со всею ея окрестностью называлась *Ободъ*.

У самой рѣки находятся два дома — одинъ старый, построенный владыкою Петромъ II для изготовленія пороха, а другой новый — значительной величины — построенный въ 1865 году княземъ Николаемъ: въ немъ помѣщается оружейный заводъ, въ которомъ передѣлываютъ старыя ружья по новѣйшей системѣ. На этомъ заводѣ, подъ руководствомъ выписаннаго изъ Сербіи фабриканта, Владиміра Илича, работаютъ 15 молодыхъ черногорцевъ.

Извѣстно, что князь Николай, убѣдившись на опытѣ въ послѣднюю войну съ турками, что черногорскія ружья нынѣ ни къ чему не пригодны, выписалъ изъ Австріи штуцера (*) и пригласилъ (въ 1866 году) въ Черногорію изъ Сербіи артиллерійскаго капитана Іовановича, а также мастера для литія пушекъ, Панта Пеіовича, и офицера Алексу Джорджевича для обученія черногорцевъ военному дѣлу.

На пути отъ оружейнаго завода къ селенію Рѣка Черноевича находится мельница, построенная года три тому назадъ Миркомъ Петровичемъ.

Рѣка Черноевича расположена на лѣвомъ берегу рѣки подъ высокою горою Костадиномъ, на вершинѣ которой видны развалины укрѣпленія, сооруженнаго турками въ послѣднюю войну 1862 года.

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Цетинья, черногорцы имѣють уже 20.000 штуцеровъ. Недавно князь заказалъ еще 6.000 штукъ.

Въ Рѣкѣ отъ 40 до 50 прекрасныхъ, правильно построенныхъ домовъ, съ 500 душъ. Это селеніе въ послѣднюю войну было сожжено, но теперь вновь застроилось лучше прежняго. Въ ней открыта въ 1865 году двух-классная школа.

На первой сторонѣ рѣки супротивъ селенія видны развалины старой крѣпости Иван-бега Черноевича, известной въ исторіи подъ именемъ Обода, а нынѣ именуемой „Рѣчкій“ или „Черноевичь-градъ.“ Эта крѣпость была построена въ половинѣ XV вѣка Иваномъ Черноевичемъ для защиты отъ турокъ черногорскихъ купцовъ, имѣвшихъ здѣсь уже въ то время свои лавки. Тогда же была основана здѣсь и первая черногорская и въ то же время юго-славянская типографія. Когда умножились въ Черногоріи въ XVI вѣкѣ потурченцы, Ободъ перешелъ въ ихъ руки. Въ началѣ XVII столѣтія владыка Даніиль Петровичъ истребилъ потурченцовъ въ Черногоріи и снова овладѣлъ Ободомъ.

На развалинахъ старой крѣпости построено въ новое время нѣсколько домовъ надъ самую рѣкою. Посреди крѣпости находится небольшой монастырь съ церковью св. Николая, построенною изъ тесаннаго камня, съ колокольнею надъ ея вратами. Этотъ монастырь, въ которомъ нѣтъ теперь ни одного монаха, а церковную службу отправляютъ два рѣчскихъ священника, былъ нѣкогда, если вѣрить народному преданію, филиаломъ вранинской митрополіи.

Изъ села въ крѣпость ведетъ каменный черезъ рѣку мостъ, сооруженный покойнымъ княземъ Даніиломъ въ память его отцу, воеводѣ Станку Степову Петровичу, котораго не разъ посылалъ владыка Петръ I въ Герцеговину для возбужденія тамошнихъ христіанъ противъ турокъ во время нашей войны съ Портою въ началѣ царствованія Императора Николая I-го.

По лѣвую сторону моста находится красивый одноэтажный домъ, построенный княземъ Даніиломъ I на случай пріѣзда въ Рѣку.

Въ рѣчьскомъ селеніи бываетъ два раза въ недѣлю базаръ, на который приходятъ съ товарами не только изъ рѣчьской, катунской, црничьской и лѣшанской нахій, но даже изъ Бѣлопавличей, Зеты и Скадра.

Главные предметы торговли: хлѣбъ, соль и рыба. Цеклинскіе рыболовы доставляютъ сюда въ изобиліи рыбу, называемую по-черногорски уклѣвами, а по-итальянски scoranzi: въ хорошій годъ (болѣе всего ловятъ въ октябрь и до марта) налавливаютъ этой рыбы до тысячи миліаровъ (1 миліаръ=1.000 литръ=333 оки и 1 литра); а какъ всякій миліаръ продается за 12 червонцевъ, а червонецъ стоитъ въ Черногоріи 4 гульдена, то продажа уклѣвовъ можетъ доставить Черногоріи до 50.000 гульденовъ серебромъ. Эту рыбу сбываютъ по преимуществу въ Которъ, откуда ее отправляютъ въ Италію.

Въ Скадарскомъ озерѣ ловятъ во всякое время года и другую различную рыбу (*).

Остатокъ дня князь и его свита провели на Рѣкѣ. Вечеромъ, когда все селеніе было иллюминировано, собрались къ князю бывшіе тутъ налицо главари; нашелся и гуслирѣ, пропѣвшій одну пѣсню о послѣдней черногорско-турецкой войнѣ. „И самъ князь,“ прибавляетъ Дучичъ, „на такихъ посидѣлкахъ (сѣдницима) часто возьметъ гусли и пропоетъ какую-либо избранную юнацкую пѣсню. Гусли испоконъ вѣка любимая вечерняя забава всѣхъ сербовъ, а особенно черногорцевъ и герцеговинцевъ: они оставляютъ всякую другую забаву и съ величайшимъ вниманіемъ стануть слушать хорошаго гуслира. „За всѣ забавы безъ гуслей, говоритъ владыка Петръ II въ своемъ „Горскомъ вѣнцѣ,“—я бы не далъ и турецкой пары (мелкая монета): гдѣ не слышно гуслей, тамъ и домъ и люди мертвы.“

(*). Особенно замѣчательна по своей величинѣ и вкусу форель (по-черногорски *пастреа*): ее солятъ и коптятъ.

На слѣдующій день въ 7 часовъ утра князь со свитою пустился въ дальнѣйшій путь.

Миновавъ село Лѣшковецъ, они поднялись на гору, что надъ рѣкою, и черезъ $\frac{1}{4}$ часа были въ деревнѣ Шинджонѣ. До этого мѣста доходили въ 1862 году турецкіе пароходы, подвозили подкрѣпленія и отвозили мертвыхъ и раненныхъ въ Скадарь.

Отъ Шинджона до Метеризовъ часть пути. По горамъ виднѣются черногорскіе и турецкіе шанцы (метеризи) 1862 года. Здѣсь всякій камешекъ окропленъ человѣческою кровью. Здѣсь погибъ, близъ Граба, црничьскій сенаторъ сердарь Туро-Пламенацъ.

Въ разстояніи часа отъ Метеризовъ, находится знаменитый въ черногорской исторіи *Царев-лазъ*, горный проходъ, въ которомъ погибло въ 1712 году 15.000 турокъ.

За Царевымъ-лазомъ, по правую сторону села Градца, находится зетская долина съ селомъ Крусы и горою Бусовникомъ, гдѣ погибъ въ 1796 году Махмудъ-визирь Бушатлія и съ нимъ 3.000 турокъ.

Съ лѣвой стороны возвышается надъ Градцемъ голая скала „Велья-гора,“ на вершинѣ которой бѣлѣется небольшая церковь пророка Іліи, построенная по обѣту, какъ гласитъ народное преданіе, воеводою ровачьскимъ Вуксаномъ, когда ему удалось бѣжать изъ скадарской темницы.

Лучшее во всей лѣшанской нахіи село Градацъ лежитъ по правую сторону дороги, ведущей въ Бѣлопавличи. Въ немъ въ 1863 г. открыта двух-классная школа.

„Путевые очерки“ архимандрита Дучича такъ живо рисуютъ передъ нами настоящее и прошлое Черногоріи, что я счелъ долгомъ своимъ поближе ознакомить моихъ благосклонныхъ читателей съ ихъ содержаніемъ.

Любопытныя свѣдѣнія о *Васоевичахъ* и крещеніи *васоевичьскихъ потурченцовъ* отъ 1825 до 1857 года сообщаетъ почтенный нашъ архимандритъ въ статьѣ, напечатанной въ прошлогоднемъ „Орличѣ“ (стр. 21—28).

Васоевичи лежатъ къ востоку отъ бердскихъ племень до Бихора. Наибольшая ихъ длина 16, а ширина 8 часовъ. Границы составляютъ съ З. Братоножичи и Кучи, съ В. Бихоръ и Сѣница, съ С. Колашинъ и Герцеговина, съ Ю. Албанія. Васоевичи иначе называются „Нахією“. Въ этой нахіи много прекрасныхъ полей и равнинъ, орошенныхъ несчетнымъ числомъ источниковъ и потоковъ. Горы, всѣ одинаковой высоты, покрыты сосновыми, еловыми и дубовыми деревьями. Высокая гора Комъ раздѣляетъ Васоевичи на Верхнихъ и Нижнихъ. Въ 1858 году Верхніе Васоевичи были присоединены къ Черногоріи, а Нижніе остались за турками. Во всей нахіи, т. е. въ обоихъ Васоевичахъ, насчитываютъ 1.800 домовъ чистой сербской крови. Въ Верхнихъ Васоевичахъ 7.400 душъ об. пола.

Родоначальникомъ Васоевичей былъ Васо. По черногорскому преданію, три брата, Оздро, Васо и Хото выселились въ Черногорію изъ Далмаціи, избѣгая турецкой неволи. Оздро поселился на Чевѣ въ катунской нахіи: отъ него произошли нынѣшніе Оздриничи, къ которымъ принадлежитъ и родъ Вукотичей, вроднишійся нынѣ съ Петровичами (нынѣшняя черногорская княгиня Милена—дочь воеводы Петра Стефанова Вукотича). Васо поселился въ селѣ Ножицахъ подъ горою Комомъ: отъ него прозвались Васоевичи. Потомки Хоты, поселившись выше Хумскаго озера въ Албаніи между племенами Клименти и Кастрати, называются донинѣ Хоты: одни изъ нихъ потурчились, а другіе полатынились. Память объ этомъ первоначальномъ родствѣ живо сохраняется донинѣ у всѣхъ трехъ племень.

Васоевичи, какъ Верхніе, такъ и Нижніе, жили всегда въ согласіи и единеніи между собою и вмѣстѣ воевали съ турками. Въ 1852 году они перестали, по совѣту покойнаго князя Данила, платить туркамъ дань и присоединились къ Черногоріи; но международная коммиссія, опредѣлявшая въ 1858 и 1859 г.г. границы

черногорскаго княжества, отдѣлила, какъ было уже, выше замѣчено, Нижнихъ отъ Верхнихъ Васоевичей.

Въ 1710 году одна бѣдная вдова, по имени Стоя изъ рода Міомановичей изъ села Дули-поля въ Васоевичахъ, соблазненная обѣщаніями турокъ, приняла съ тремя сыновьями исламъ. Ее переименовали въ Фату, и по этому имени и сыновья ея прозвались Фатичами. Потомки ихъ въ продолженіи 150 лѣтъ значительно размножились; но, исповѣдуя исламъ, они не забывали о томъ, что ихъ предки были христіане, и всегда жили въ дружбѣ и согласіи съ остальными христіанскими родами. Случалось, что подъ одною и тою же кровлею жили мирно и дружно два брата, одинъ христіанинъ, а другой мусульманинъ: отсюда родилась черногорская пословица: „отецъ кланя, мати крсти, а я се теке чудимъ, што се ради“ (отецъ кланяется, мать крестится, а я дивлюсь только, какъ дѣло дѣлается).

Въ 1825 году крестился Зула Фатичъ; его примѣръ былъ обаятеленъ: мало-по-малу обратились въ христіанство всѣ Фатичи, исключая одного старика, по имени Спаха, а въ 1857 году крестились и всѣ остальные васоевичьскіе потурченцы, около 400 душъ.

Любопытна также, какъ единственная въ своемъ родѣ, статья архимандрита Дучича *о граховской побѣдѣ 1 мая 1858 года*. (Орличъ 1865 г., стр. 28—51), составляющая отрывокъ изъ его герцеговинской лѣтописи 1857—1865 г. Хотя и нельзя ожидать отъ Дучича, герцеговинца, принимавшаго участіе въ возстаніи, а потомъ перешедшаго на службу въ Черногорію, безпристрастнаго и вполне достовѣрнаго разсказа о дѣлахъ герцеговинскихъ и черногорскихъ, тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобъ онъ поскорѣе издалъ свою лѣтопись, такъ-какъ доселѣ мы не имѣемъ еще ни одного сочиненія по исторіи Герцеговины новѣйшаго времени; мы бы посовѣтовали только почтенному автору быть осторожнѣе въ сравненіяхъ (такъ онъ величаетъ Граховецъ Мараѳономъ, а князя Данила I Душаномъ), воздержива-

ваться отъ лести и не обременять читателя риторическими фигурами, которыя, можетъ быть, и умѣстныя въ проповѣдяхъ, вредятъ живости историческаго разсказа. Граховскій округъ (длинною въ одинъ и шириною въ два часа) принадлежалъ Черногоріи *de facto* со временъ владыки Петра II; европейскія державы не хотѣли признать за Черногоріею право владѣнія этимъ округомъ, а Турція рѣшилась отнять его отъ черногорцевъ силою и съ этою цѣлію послала 15.000 отборнаго войска подъ начальствомъ Хусейнъ-паши, губернатора Герцеговины. Мирко Петровичъ съ 5.000 черногорцевъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ имъ сообщеніе съ Клобукомъ, откуда они получали съѣстные припасы. Хусейнъ-паша, видя опасность своего положенія, рѣшился отступить къ Клобуку; но былъ настигнутъ и разбитъ на голову черногорцами 1 мая 1858 года: если вѣрить показаніямъ Дучича, погибло въ этомъ дѣлѣ 8.000 турокъ, и черногорцамъ достались въ добычу въ 8 пушекъ, 6.000 ружей, 2.000 коней, столько же палатокъ, 10.000 оръжій амуниціи (муницие) и множество мелкаго оружія. Въ числѣ убитыхъ былъ Кадри-паша.

Вслѣдствіе этой побѣды, граховскій округъ былъ присоединенъ навсегда къ Черногоріи.

Мы уже упомянули нѣсколько выше объ одномъ весьма полезномъ трудѣ архимандрита Дучича—о его *Степенникъ*, т. е. степеняхъ родства, при коихъ дозволенъ или запрещенъ бракъ по церковнымъ правиламъ. Въ предисловіи составитель этой книги сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи православнаго духовенства въ Герцеговинѣ, Босніи и Черногоріи. Онъ говоритъ, что изъ 700 священниковъ въ этихъ краяхъ весьма немногіе учились богословскимъ наукамъ и знаютъ, на какихъ степеняхъ родства дозволенъ бракъ: слѣдствіемъ ихъ невѣдѣнія бываютъ многочисленныя семейныя не только неудовольствія, но и несчастія (случаются даже убійства!), для предотвращенія которыхъ на будущее время Дучичъ и рѣшился издать свою книгу. Дѣло на-

роднаго просвѣщенія, по его словамъ, быстро подвигается впередъ какъ въ Черногоріи, такъ и въ Герцеговинѣ и Босніи. Кромѣ начальныхъ школъ, открывается въ монастырѣ Житомысличахъ православная семинарія для герцеговинцевъ и босняковъ, а въ Сараевѣ уже существуетъ полу-гимназія... Нельзя не порадоваться такому успѣху!

Нельзя пройти молчаніемъ еще двухъ статей по исторіи Черногоріи—*Павлиновича*. Одна изъ нихъ (*Орличъ* 1866 г. стр. 29—36) описываетъ вѣче, бывшее въ 1444 году въ албанскомъ городѣ Лешѣ, на которомъ Юрій Кастріотичъ (Скендербегъ) и Стефанъ Черноевичъ заключили союзъ противъ турокъ. Эта статья любопытна еще потому, что доказываетъ, какъ было сильно вліяніе славянское на скипетаровъ: на три слова въ ихъ языкѣ, по замѣчанію автора, приходится одно чисто славянское; народныя преданія, повѣрья и обычаи весьма сходны, а иногда и тождественны, у обоихъ народовъ.

Другая статья Павлиновича замѣчательна не столько по своему содержанію, сколько по своей формѣ: онъ излагаетъ исторію Черногоріи въ библейской формѣ (напечатано только начало: 1159—1490 г.—*Орличъ* 1867 г., стр. 62—74). Ничего подобнаго я не знаю въ исторической литературѣ, а самое изложеніе мнѣ кажется до такой степени оригинальнымъ, что я рѣшаюсь перевести нѣсколько строкъ:

„Въ то время, когда Стефанъ Черноевичъ приспѣлъ въ Зету, поклонилась ему Зета, четыре нахи, и четыре Берда, и Подгорица, и Спужъ, и Жаблягъ.“

„И поклонились Черноевичу скадарскіе острова, Подбарье и Приморье; Паштровичи, Браичи, Майны, Побори, Грбаль.“

„На Вранину пришли млетчичи (венеціанцы) къ св. Николаю; и заключили миръ и уговоръ съ Стефаномъ Черноевичемъ и съ главарями.“

Зетчане млетчичамъ обѣщали, что они будутъ имъ

поборниками противъ турокъ до Задрима и Лѣша; а Млетчичи, что будутъ давать имъ желтыхъ дукатовъ.“

„Стефанъ Черноевичъ съ Божіею помощію воевалъ съ турками почти 24 года, помогая Албаніи и своему шурина Юрію Скендербегу.“

„При жизни Стефановой турки не беспокоили Зету, но беспокоили сосѣди млетчичи,“ и т. д.

Послѣднія три страницы послѣдней книжки „Орлича“ заняты пѣснею *Мирка Петровича о граховской битвѣ* 1858 года: это чисто народная пѣсня и по складу, и по содержанію. Предсѣдатель сената, великій воевода, Мирко Петровичъ не умѣетъ ни читать, ни писать; пѣсни свои онъ поетъ подь звуки гуслей въ длинные зимніе вечера, когда соберутся около княжескаго очага воеводы и сенаторы съ трубками въ рукахъ. Онъ пропѣлъ уже много такихъ пѣсней о послѣднихъ бояхъ съ турками: онѣ были записаны и изданы архим. Дучичемъ подь заглавіемъ „Црногорски споменикъ.“ Въ этихъ безискусственныхъ пѣсняхъ изложена исторія герцеговинско-черногорской войны; но будущій историкъ Черногоріи долженъ пользоваться ими съ осторожностію.

Зная, какую библиографическую рѣдкость составляютъ у насъ цетинскія изданія, я позволилъ себѣ поближе ознакомить читателя не только съ направленіемъ недавно пробудившейся въ Черногоріи литаратурной дѣятельности, но и съ содержаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ.

Всякій, кому хоть сколько нибудь извѣстно положеніе Черногоріи, съумѣетъ оцѣнить только-что начавшуюся въ ней литературную дѣятельность: черногорскій мечъ страшень туркамъ; черногорское перо еще страшнѣе — и не однимъ туркамъ!... Съ вершинъ черногорскихъ скалъ раздается голосъ, призывающій братьевъ къ любви и единенію, — голосъ, будящій спящихъ братьевъ, напоминающій имъ о славномъ прошломъ и ненавистномъ настоящемъ... Голосъ этотъ взываетъ не къ тѣмъ

только изъ братьевъ, которые стонуть въ турецкой неволѣ, но ко всѣмъ, на которыхъ иноплеменникъ наложилъ свою тяжелую руку...

„Славяне! славяне! Вы слуги народовъ! вы защитники царствъ, а друзья горя!“

„Вы чужіе рабы! вы чужіе войны! Гдѣ *ваши* поля? гдѣ *ваши* знамена!“

„Нигдѣ нѣтъ ничего своего, ни отъ кого любви: всѣ народы васъ презираютъ, всякій васъ попираетъ!“

„Подымитесь на ноги! Возьмите мечъ въ руки! Да падетъ чужеземство, да господствуетъ славянство!“ (*)

ДАЛМАТИНЦЫ.

Въ февралѣ 1862 года я отправился изъ Триеста въ Далмацію. Надъ нами разстилалось безоблачное ярко-лазоревое небо, которому мы привыкли давать эпитетъ *итальянскаго*. Солнце такъ сильно грѣло, что я нашель возможнымъ гулять по палубѣ парохода въ одномъ дорожномъ пиджакѣ. Съ гладкаго, какъ зеркало, моря вѣяло свѣжестью...

Какой благословенный край! какъ должны быть счастливы люди, живущіе подъ такимъ небомъ, на берегу такого моря! думаль я про себя. Но мой восторгъ прошелъ, лишь только я поставилъ ногу на берегъ далматинскій: картина быстро смѣнилась, душа заговорила иначе. Начиная съ столичнаго города *Загра* (Zaга) и оканчивая которскою бухтою, по всему далматинскому

*) Slavjanke od X-a. U Zagrebu. 1848.

берегу, изрѣзанному превосходными гаванями, тянется рядъ большею частію голыхъ, бесплодныхъ скалъ сѣрватаго цвѣта; по всему этому берегу васъ поражаетъ бѣдность жителей, доходящая въ Шибеникѣ (Sibenico) до ужаснаго нищенства; забитый народъ не смѣетъ и говорить съ вами на своемъ родномъ языкѣ, а эти мрачные, грязные города съ своими высокими стѣнами и узкими улицами походятъ на обширныя темницы, въ которыхъ томятся бѣдные далматинцы.... Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на меня Далмаціею. Я прожилъ въ ней около четырехъ лѣтъ, и чѣмъ болѣе знакомился съ ея настоящимъ и прошлымъ, тѣмъ болѣе проникался скорбью о судьбѣ этого бѣднаго, загнаннаго, запуганнаго народа, тѣмъ сильнѣе я ненавидѣлъ его притѣснителей.... Я понялъ, сколько горькой правды въ пѣснѣ извѣстнаго хорватскаго патріота, *И. Кукулевича-Сакцинскаго*:

„О, море иллирское (адриатическое)! Благо далматинца, прежде чѣмъ онъ сталъ рабомъ нѣмца и латынянина!“

„Ты чудное ложе, которое прельщаетъ весь свѣтъ и на которомъ дѣлились царства и міры!“

„Ты всѣхъ надѣляешь благомъ, кто тебѣ помолится: однихъ далматинцевъ вѣкъ оставляешь голыми.“

„Смилуйся надъ твоими сынами, пошли имъ малый даръ, то, что иноземцы украли у нихъ.“ *)

Далмація, римская область въ первые вѣка нашей эры, подвергалась отъ V до VIII вѣка непрерывнымъ нападеніямъ готовъ, свевовъ, гунновъ и аварь, разорившихъ въ конецъ эту нѣкогда столь богатую страну и уничтожившихъ въ ней почти всѣ слѣды классической образованности. Въ VII вѣкѣ славяне, частію съ согласія византійскихъ императоровъ, частію вооруженною

*) Slavjanke od. X-a (IKS: Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій). U Zagrebu 1848, tiskom Franje Zupana, in 16. 88 str. (34 стих., 35—88 истор. примѣч.).

рукою, занимають Далмацію, и остатки римскихъ колонистовъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома варваровъ, сливаются мало-по-малу съ пришельцами въ одинъ народъ. Въ концѣ XI вѣка являются въ Далмацію угры; въ первой половинѣ XII вѣка они уступаютъ свое мѣсто венеціанцамъ, но не надолго: войны угровъ съ Венеціею и Византіею за обладаніе Далмаціею оканчиваются въ исходѣ XII вѣка, по смерти Эммануила Комнена, ихъ побѣдою. Въ началѣ XIV вѣка снова овладѣваютъ Далмаціею венеціанцы и, послѣ упорныхъ войнъ съ уграми, генуэзцами и неаполитанцами, въ 1409 году окончательно утверждаются въ этой странѣ, ставшей съ тѣхъ поръ венеціанскою областью и вполне подчинившейся иноземному вліянію и законамъ себялюбивой венеціанской республики. Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда пала Венеція, Далмація временно досталась австрійцамъ, уступившимъ ее по пресбургскому миру 1806 года французамъ, во власти которыхъ она находилась до 1815 года, когда вѣнскій конгрессъ снова присудилъ ее Австріи *).

Кратковременное господство угровъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ Далмаціи; о времени же французскаго владычества вспоминають далматинцы съ признательностію: французы не только не угнетали славянъ, но даже всячески старались расположить ихъ въ свою пользу, и съ этою цѣлію предоставили православнымъ свободу вѣроисповѣданія, учредили высшія школы въ Задрѣ и Дубровникѣ и заботились объ улучшеніи путей сообщенія. Иначе поступали венеціанцы: тяжкимъ гне-

*) Самая подробная, хотя не всегда правдивая, исторія Далмаціи написана *Каталиничемъ* (Catalinich, Storia della Dalmazia. 4 vol. Zara 1834—35). Самое новое, сколько мнѣ извѣстно, сочиненіе по исторіи Далмаціи приписывается архіепископу задарскому, *Маунасу*: Prospetto cronologico della storia della Dalmazia con riguardo alle Provincie Slave contermini. Zara 1863. Изъ старыхъ сочиненій упомяну только *Этеля*, Geschichte von Dalmatien und Kroatien. Halle, 1798.

томъ иноземной образованности они налегли на далматинцевъ, всячески стараясь италіанизировать ихъ. Они ввели въ Далмацію свои законы, свою администрацію и свой языкъ; вслѣдъ за войскомъ и чиновниками явились купцы-спекуляторы съ своими обычаями и своимъ нарѣчіемъ, доселѣ удержавшимся во всей Далмаціи, исключая Дубровника, который одинъ во время венеціанскаго господства на далматинскомъ поморьи сохранилъ независимость и народность, хотя и въ немъ замѣтно итальянское вліяніе на высшемъ и торговомъ классѣ. Извѣстно, какое вліяніе имѣетъ женщина на общество; а дубровничанкамъ, по свидѣтельству *Григорія Лето* *), было воспрещено знаніе италіянскаго языка (*non meno gli è permesso di saperla*): развиваясь подъ вліяніемъ матерей, не знавшихъ другаго языка, кромѣ роднаго, дубровничане умѣли дорожить имъ и охотно посвящали часы досуга усовершенствованію его. Этому обстоятельству должно приписать процвѣтаніе сербской литературы въ Дубровникѣ.

Австрія, пріобрѣвъ на вѣнскомъ конгрессѣ Далмацію, немедленно приняла сторону малочисленныхъ италіянцевъ-пришельцевъ противъ сильнаго числомъ кореннаго славянскаго народа; признавъ италіянскій языкъ офиціальнымъ въ Далмаціи, она старалась италіанизировать далматинцевъ, не будучи въ состояніи онѣмечить ихъ. Какъ будто по какому-то тайному предчувствію, что ея господство не прочно на берегахъ Адріатики, Австрія думала только о томъ, чтобъ укрѣпить важнѣйшіе стратегическіе пункты и обобрать народъ: богатые славянскіе роды систематически разорялись ею; сѣялись раздоры между поселянами и помѣщиками; подати и налоги съ каждымъ годомъ возвышались, а между тѣмъ благодѣтельное правительство ничего не дѣлало для страны: промышленность, торговля и мореходство—почти един-

*) Gregorio Leto, Italia Regnante 1676. P. III.

ственные источники существованія большею частію бесплодной Далмаціи—все болѣе и болѣе падали; пути сообщенія проводились только между ближайшими укрѣпленіями; народное просвѣщеніе было ввѣрено итальянскимъ іезуитамъ, развращавшимъ юношество своими безнравственными правилами....

Такъ было до 1848 года. Въ этотъ многознаменательный годъ, вслѣдъ за своими соплеменниками въ Австріи, возвысили голосъ и далматинцы: Дубровникъ снова сдѣлался центромъ литературной дѣятельности въ Далмаціи. *Бизаро* своимъ *Incerto* и *Казначичъ* своимъ *Avenirе* стараются пробудить чувство народности въ италиянизированныхъ своихъ согражданахъ, а *Матевъ Банъ* и *графъ Медо Пуцичъ* изданіемъ памятниковъ старо-дубровницкой образованности и рядомъ статей о дубровницкой республикѣ пытаются вдохновить своихъ согражданъ чувствами ихъ отцовъ и дѣдовъ.

Но надежды далматинцевъ, какъ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ въ Австріи, не исполнились: славянскій конгрессъ въ Прагѣ былъ разогнанъ силою; кровь славянъ бесплодно для нихъ проливалась на поляхъ угорскихъ; лучшіе народные дѣятели погибли... Началась реакція, и Далмація жестоко поплатилась за свою минутную вспышку: сильнѣе прежняго налегъ на бѣдныхъ далматинцевъ гнетъ иноземцевъ, и далматинскіе патріоты, униженные и запуганные, безмолвно ждали переменъ обстоятельствъ. Прошли цѣлые годы въ терпѣливомъ выжиданіи, пока наконецъ снова не заблестала для нихъ лучъ надежды: Австрія получила конституцію, основанную на народной равноправности. Лучшаго случая нельзя было и ожидать, и далматинскіе патріоты успѣшили протестовать противъ порабощенія болѣе 400.000 кореннаго славянскаго народонаселенія 20.000-ми итальянцевъ-пришельцевъ *).

*) Считаю не бесполезнымъ сообщить болѣе обстоятельныя статистическія свѣдѣнія о Далмаціи на основаніи изданной въ 1863 году дал-

Прежде всего далматинскіе патриоты стали домогаться равноправности сербскаго языка съ итальянскимъ: они поставили на видъ правительству, что простой народъ въ Далмаціи, особенно въ мѣстахъ, болѣе удаленныхъ отъ административныхъ центровъ, не знаетъ итальянскаго языка, на которомъ производится судъ, и что слѣдствіемъ этого обстоятельства были повсемѣстные злоупотребленія чиновниковъ, единственное средство для прекращенія коихъ состоитъ въ введеніи сербскаго языка въ мѣстные суды; также настойчиво доказывали правительству далматинскіе патриоты необходимость замѣнить въ нормальныхъ школахъ итальянскій языкъ сербскимъ. Удовлетвореніе этихъ законныхъ требованій на-

матинскимъ сеймомъ книги: „Statistica generale della Dalmazia, edita dalla Giunta Provinciale.“

Населеніе Далмаціи (232 кв. м.) состояло въ 1860 году изъ 427.600 душъ, изъ числа которыхъ было 20.000 итальянцевъ, 1.000 скипетаровъ (подъ Задромъ), около 400 жидовъ и сербовъ 406.200. Масса народонаселенія принадлежитъ къ католической церкви (333.800 чел. въ 1857 г.); православныхъ 77.144 челов., уніатовъ 341, моисеева закона 318, лютеранъ 17 и реформатовъ 8. Далмація раздѣлена на 4 округа съ главными городами Задромъ, Сплѣтомъ, Дубровникомъ и Которомъ. Въ задарскомъ округѣ было 30.038 домовъ, 104.235 католиковъ, 45.418 православныхъ, 233 уніата, 10 протест., 11 жидовъ, 146.225 туземцевъ и 2.301 иностранецъ. Въ сплѣтскомъ округѣ было 37.071 домъ, 170.215 катол., 7.200 правосл., 7½ уніата, 2 протест., 174 жида, 171.501 тузем. и 1609 иностр. Въ дубровницкомъ округѣ 9.913 домовъ, 54.503 катол., 189 правосл., 5 уніат., 4 протест., 121 жидъ, 50.848 туземц. и 1263 иностр. Въ которскомъ округѣ 7.919 домовъ, 24.257 правосл., 9.421 католикъ, 10 протест., 12 жидовъ, 29.345 тузем. и 1880 иностр. Населеніе главныхъ городовъ: Задаръ (Zara) 7580, Шибеникъ (Sibenico) 3037, Сплѣтъ (Spalatro) 3661, Корчула (Curzola) 1905, Дубровникъ 4089 и Которъ 2078 душъ.

По „Шематизму православне восточне епархіе цркле Далмаціе и Истріе за годичу 1862“ число православныхъ жителей Далмаціи простиралось до 84.464 человекъ, подвѣдомственныхъ восьми протопресвитерствамъ: 1) задарскому (15 приходовъ, 12.449 челов.), 2) скрадинскому (10 прих., 11 927 чел.), 3) книнскому (15 прих., 19.172 чел.), 4) шибеницкому (17 прих., 5.765 д.) 5) имоскому, къ которому приписанъ Дубровникъ 353 д. (9 прих., 8155 д.), 6) кастельновскому (19 прих., 12.897 д.), 7) которскому (14 прих., 7.861 д.) и 8) будвинскому (11 прих., 5.207 душъ).

неслобы рѣшительный ударъ существовавшей дотолѣ системѣ управленія, а потому неудивительно, что мѣстныя власти не замедлили заявить, что далматинскій языкъ (такъ онѣ съ умысломъ называютъ сербское нарѣчіе, на которомъ говоритъ народъ въ Далмаціи и которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ языка сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ и босняковъ) далеко еще не достигъ той степени развитія, на которой возможно введеніе его въ администрацію и школы, — что этотъ языкъ, о предоставленіи которому правъ гражданства такъ усердно хлопочуть славянскіе патриоты, служить имъ только средствомъ для достиженія иныхъ цѣлей, — и вотъ передъ правительствомъ снова предсталъ призракъ панславизма! Все это говорилось отъ имени бывшаго далматинскаго намѣстника, барона Мамулы, серба по происхожденію и православнаго по вѣроисповѣданію; но престарѣлый и слабохарактерный Мамула, постоянно боявшійся лишиться милости при дворѣ, былъ намѣстникомъ Далмаціи только по имени, вся же власть сосредоточивалась въ рукахъ его помощника, барона Рознера, человѣка не далекаго ума и не высокаго образованія, но искуснаго интригана. Происхожденіе его весьма сомнительно, и онъ мало дорожитъ имъ: славянину онъ доказываетъ свое славянское происхожденіе и заявляетъ о своей преданности славянскому дѣлу; передъ мадяриномъ или нѣмцемъ онъ распинается въ своей ненависти къ славянамъ и хвастаетъ своимъ чисто-мадярскимъ или чисто-нѣмецкимъ происхожденіемъ.... Это человѣкъ безъ убѣжденій и безъ чести, заклятый врагъ нововведеній, могущихъ повредить его карьерѣ. Вся Далмація его ненавидѣла и проклинала: одни только его кліенты превозносили его, какъ человѣка умнаго, дѣятельнаго и пекущагося о благѣ ввѣренной его управленію страны.

Когда наступило время выборовъ депутатовъ на далматинскій сеймъ, Рознеръ разослалъ по всей области своихъ кліентовъ и агентовъ, поручивъ имъ всячески

стараться о предоставленіи перевѣса итальянской партіи—консервативной надъ славянскою, требовавшею реформъ. Интрига Рознера несовсѣмъ удалась: хотя большинство голосовъ на сеймѣ (1863 г.) было за итальянцами, но зато славяне далеко превосходили ихъ и образованностью, и знаніемъ края, и ораторскимъ искусствомъ, и наконецъ самоотверженіемъ, а потому они успѣли добиться нѣкоторыхъ необходимыхъ преобразованій, какъ-то: уничтоженія майоратовъ, отмѣны ненавистнаго закона о бракосочетаніи католиковъ съ православными *) и введенія сербскаго языка въ нормальныя школы. Далматинскіе патриоты дѣйствовали съ такимъ же знаніемъ дѣла, съ какимъ самоотверженіемъ: они осмѣлились даже потребовать отъ намѣстничества отчета въ его дѣйствіяхъ.... Такого удара не могъ перенести правительственный комиссаръ на сеймѣ, Рознеръ, и онъ поспѣшилъ телеграфировать въ Вѣну, что продолженіе сеймовыхъ засѣданій угрожаетъ спокойствію государства.... На другой день депутаты получили повѣстки о закрытіи сейма на неопредѣленное время. Затѣмъ началось преслѣдованіе наиболѣе ревностныхъ защитниковъ народнаго дѣла: д-ръ Михайль Клаичъ и попъ Иванъ Даниловъ были отставлены отъ должностей, которыя они занимали въ задарской гимназіи, а директоръ этой гимназіи д-ръ Юрій Пуличъ былъ переведенъ въ Тироль; наконецъ поэтъ Сундечичъ, лишился, безъ всякаго вознагражденія, каѳедры въ православной семинаріи, которую онъ занималъ десять лѣтъ.

Приступили къ новымъ выборамъ депутатовъ на далматинскій сеймъ. Мамула и Рознеръ, епископы и окружные начальники предприняли объѣздъ подвѣдомственныхъ имъ провинцій, епархій и округовъ, и угрозами и обѣщаніями вербовали сторонниковъ правительства

*) Бракосочетаніе католиковъ съ православными признавалось законнымъ только тогда, когда было утверждено папою.

на предстоявшій сеймъ. Вопреки закону, въ число избирателей были допущены лица, находившіяся подъ судомъ, банкроты и умалишенные; за патриотами полиціи имѣла строжайшій надзоръ, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ день выборовъ были приставлены жандармы къ ихъ жилищамъ; свобода выборовъ была стѣснена еще тѣмъ, что голосованіе было произведено устно и письменно въ присутствіи мѣстныхъ властей; однимъ словомъ, были приняты всѣ возможные мѣры для предоставленія побѣды правительству. Въ концѣ августа новаго стила 1864 г. окончились повсюду выборы депутатовъ на далматинскій сеймъ, и за исключеніемъ трехъ или четырехъ (въ томъ числѣ Баямонти въ Сплѣтѣ и Клаича на Корчулѣ и Пелешцѣ) были избраны повсюду сторонники правительства.

Тѣмъ не менѣе народная партія не унывала: она видѣла свою побѣду въ удаленіи Рознера и Мамулы и въ назначеніи намѣстникомъ дубровницкаго бригаднаго генерала Филипповича, серба-католика, пользовавшагося большою милостію при дворѣ и имѣвшаго большія связи: она рассчитывала, что онъ, какъ человѣкъ еще не старый и честолюбивый и заявившій уже о своемъ намѣреніи примирить враждующія между собою партіи, будетъ дѣйствовать осмотрительнѣе стараго Мамулы и не попуститъ, чтобы кліентъ Рознера, Лапенна, назначенный правительственнымъ комиссаромъ на сеймѣ, поступалъ самоуправно и безъ его согласія. Кромѣ того, народная партія, пользуясь неблагоприятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на всю страну внезапнымъ и противузаконнымъ закрытіемъ сейма, успѣла произвести расколъ во враждебной ей партіи итальянской и достигнуть нѣкотораго съ нею соглашенія. Наконецъ автономисты (требовавшіе самоуправленія для Далмаціи) согласились съ анексіонистами (хлопотавшими о присоединеніи Далмаціи къ Хорватіи) дѣйствовать единодушно въ вопросахъ внутренней политики. Нельзя также не сознаться, что послѣдняя война Австріи съ Пруссіею и

Италию также немало способствовала уступчивости правительства въ пользу далматинцевъ. Объ успѣхахъ славянской партіи въ Далмаціи меня такъ извѣщаетъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ далматинскихъ патріотовъ, въ письмѣ отъ 18 февраля нын. года: „Въ Далмаціи мы сдѣлали шагъ впередъ введеніемъ славянскаго языка въ преподаваніе. Законъ Божій, географія, исторія и филологія *обязательно* должны будутъ впредь преподаваться въ средне-учебныхъ заведеніяхъ на славянскомъ языкѣ (In Dalmazia abbiamo fatto un passo avanti coll' introduzione della lingua slava nell' istruzione. La relegione, la geografia, la storia e la filologia obbligatoriamente dovranno trattarsi da ora innanzi nelle scuole medie in lingua slava).“

Несмотря на все противодѣйствіе мѣстныхъ властей, несмотря на всѣ козни нѣмцевъ и итальянцевъ, кое-что уже сдѣлано въ Далмаціи для народнаго возрожденія: основана, по примѣру другихъ славянскихъ странъ, *матуца* (въ 1862 году)—общество для поощренія народной словесности, заведены во всѣхъ окружныхъ и нѣкоторыхъ преторіальныхъ городахъ сербскія *читальни* (читаонице, штіонице), въ которыхъ получаютъ славянскіе и иностранные журналы и газеты и даются зимою балы и концерты; преподаваніе наукъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже начато или восполняется вскорѣ на сербскомъ языкѣ... Конечно, многого еще остается желать, и прежде всего введенія сербскаго языка въ суды, учрежденія сельскихъ народныхъ училищъ и изданія книгъ для народа, а затѣмъ поощренія мѣстныхъ промышленности, торговли и мореходства и проведенія хорошихъ дорогъ. Только при такихъ условіяхъ улучшится бытъ народа и разовьется народное самосознаніе.

Далматинецъ, дубровничанинъ и божезъ не имѣютъ доселѣ никакого понятія о своей народности. Языкъ, на которомъ они говорятъ, они называютъ *нашкимъ*, и, если вы спросите, что это за языкъ, отвѣтятъ вамъ: дал-

матинскій, дубровницкій и т. д. Напрасно вы будете толковать ему, что это языкъ сербскій или хорватскій, какъ утверждаютъ загребскіе патріоты *): онъ васъ не пойметъ и останется при своемъ мнѣніи, что онъ не знаетъ другаго языка, кромѣ далматинскаго или дубровницкаго. Только учрежденіемъ сельскихъ школъ и распространеніемъ грамотности въ народѣ можно пробудить въ немъ чувство народности.

Нѣкоторые писатели увѣряютъ, что итальянщина заразила весь далматинскій народъ и исказила его бытъ и нравы; но такое мнѣніе неосновательно. Села, находящіяся вблизи городовъ, дѣйствительно приняли и много словъ и много обычаевъ итальянскихъ, но чѣмъ дальше въ глубь страны, къ турецкой границѣ, тѣмъ чище сохранилась славяно-сербская народность. Между далматинцемъ, живущимъ не на берегу моря, а въ горахъ, и сосѣднимъ герцеговинцемъ нѣтъ никакой разницы: тотъ же языкъ, почти та же одежда, тѣ же нравы и обычаи, тѣ же пѣсни. Это подмѣтилъ и нашъ извѣстный путешественникъ, писатель и дипломатъ, *Е. П. Ковалевскій*: не можемъ лишить себя удовольствія напомнить читателямъ искусно начерченный имъ образъ такъ называемаго *морлака* **).

„Есть, однако, въ Далмаціи типъ, на которомъ нельзя не остановиться, типъ, который вы часто встрѣтите въ городахъ, который господствуетъ внутри края. Это типъ человѣка высокаго, стройнаго, съ блестящими глазами—карими или черными, съ бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами, съ темно-каштановыми, иногда черными волосами, прядями висящими назадъ изъ-подъ маленькой круглой шапочки,—человѣка худаго, загорѣлаго, задум-

*) Хорватскіе патріоты утверждаютъ, что нѣтъ сербовъ, что въ Далмаціи, Герцеговинѣ, Босніи и даже въ Сербіи и въ Черногоріи живутъ хорваты! Забавное увлеченіе!

***) Путевыя записки о славянскихъ земляхъ, гл. III. (*Русская Бесѣда* 1858, т. I. Смѣсь, стр. 24—26).

чиваго и нерѣшительнымъ шагомъ бродящаго въ толпѣ, въ грязной изорванной рубахѣ съ широкими рукавами, съ открытой грудью, мощной, покрытой густыми волосами, въ верхней одеждѣ, въ родѣ жилета, большею частію краснаго цвѣта, съ рядомъ блестящихъ пуговиць, подпоясаннаго широкимъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, нѣсколько разъ обвивающимъ станъ, въ опанкахъ, подобныхъ черногорскимъ, вмѣсто всякой обуви,—и эти опанки онъ еще снимаетъ во время дождя, чтобы ихъ не скоробило. Спросите самаго нищаго горожанина, что это за человѣкъ?—и онъ съ презрѣніемъ отвѣтитъ вамъ: это, это морлакъ! Рядомъ съ нимъ вы увидите женщину, также бѣдно одѣтую, съ огромною ношею дровъ на спинѣ, изъ-подъ которой не видно ея сгорбленнаго стана, ни лица, изнуреннаго работой: это морлачка, издалека принесшая на себѣ беремя дровъ, чтобы выручить за нихъ какихъ-нибудь десятокъ крейцеровъ и купить соли, которая составляетъ уже предметъ лакомства въ морлацкомъ хозяйствѣ.“

„Отчего съ такимъ презрѣніемъ отзываются въ Далмаціи о морлакахъ? отчего самое это слово составляетъ какъ-бы бранное слово на побережьи? оттого, что морлаки живутъ почти какъ звѣри въ горахъ! Но ихъ ли эта вина? Вы видѣли морлака, его прекрасную внѣшность: при самыхъ грубыхъ нравахъ, при совершенной необразованности или, правильнѣй, дикости, онъ все еще сохранилъ правоту души, которая низачто не унижится до неправды и которая служитъ основою великихъ добродѣтелей.“

„Вмѣсто того чтобы безусловно презирать морлаковъ, ими слѣдовало бы заняться: они вполне заслуживаютъ этого. Число морлаковъ простирается до 150.000 душъ, что составляетъ болѣе трети населенія всей Далмаціи: изъ нихъ въ настоящее время только одна треть осталась православными,—остальные католическаго исповѣданія. Невѣжество ихъ священниковъ выше всякаго описанія: есть такіе, которые не умѣютъ писать; мѣсто,

гдѣ совершается богослуженіе—и то очень рѣдко—не имѣетъ и малѣйшаго подобія церкви или даже часовни. Суевѣріе, можно сказать, замѣняетъ всякую вѣру у морлаковъ. Живутъ они въ лачугахъ, кое-какъ сложенныхъ изъ окрестныхъ камней, безъ печи и оконъ: небольшое отверстіе вверху и открытая дверь служатъ для выхода дыму; лавки и столы составляютъ всю мебель; семья помѣщается и спитъ на полу, гдѣ кромѣ ея нѣсколько овецъ и телятъ, если семья позажиточнѣй. Можно себѣ вообразить, каково здѣсь зимой, которая въ горахъ довольно сурова!!...“

Слабость развитія въ далматинцахъ народнаго самосознанія должно приписать двумъ обстоятельствамъ: 1) Далмація въ средніе вѣка дѣлилась на множество независимыхъ и часто враждовавшихъ между собою общинъ: отсюда проистекла та мелочная особность, которая такъ бросается въ глаза путешественнику на всемъ далматскомъ поморьи, и 2) итальянское духовенство, такъ усердно искоренявшее православіе въ Далмаціи, относилось всегда непріязненно къ народу и его языку и всячески старалось подавить народное самосознаніе, которое живо сохранилось только тамъ, куда не заходили католическіе патеры и фратры. Католицизмъ извращаетъ природу славянина, который теряетъ много прекрасныхъ своихъ качествъ, забываетъ свои обычаи и преданія, дѣлается равнодушнымъ ко всему, что такъ дорого каждому народу, и пріучается ненавидѣть своего единокровнаго брата изъ-за различія вѣроисповѣданій. Сравните, на примѣръ, православнаго новлянина (жителя Кастель-Ново) съ католикомъ дубровничаниномъ. и вы увидите, какая между ними разница: первый васъ встрѣтитъ съ свойственнымъ славянину радушіемъ и гостепріимствомъ, съ сочувствіемъ будетъ говорить вамъ о сосѣднихъ герцеговинцахъ и черногорцахъ и не преминетъ назвать Русскаго Царя *своимъ* Царемъ; второй же съ презрѣніемъ, а иногда и злобою, заговоритъ о единоплеменныхъ братьяхъ своихъ, отъ которыхъ онъ отдѣленъ только

горами, выскажется недоброжелательно о Россіи (если онъ не знаетъ, что вы русскій) встрѣтитъ и проводить васъ холодно, если не рассчитываетъ на вашъ карманъ.... Дѣло католическихъ фратровъ и патеровъ приходится нынѣ передѣлывать далматинскимъ патриотамъ: *Казали*., *Пуцичъ* и *Сундечичъ* проповѣдуютъ вѣротерпимость и союзъ православныхъ съ католиками для защиты общей имъ народности, поправной иноземцами! *)

*) Желающимъ познакомиться поближе съ Далмаціею рекомендую сочиненіе *Петтера* Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen (Gotta 1857): недостатокъ этого сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ нѣмецъ, и смотритъ на далматинцевъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. Новыя путешествія иностранцевъ представляютъ вообще мало важныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній; изъ старыхъ же укажу на два: *Abbate Fortis*, *Viaggio in Dalmazia* 2 vol. Venezia 1774 и *Voyage en Moree, à Constantinople, en Albanie et dans plusieurs autres parties de l'empire Ottoman, pendant les années 1798—1801*, par F. C. H. L. Poqueville. Paris 1805. Изъ русскихъ сочиненій стоитъ упоминанія только *Е. П. Ковалевскаго*, Путевыя записки по славянскимъ землямъ (Рус. Бес. 1858 г. т. I). Что же касается до „Замѣтокъ о Далмаціи“ г. *Троякскаго* (Русск. Вѣстн. 1863 г. №№ 11 и 12), то въ нихъ нѣтъ вѣрной характеристики страны и народа, а множество грубыхъ ошибокъ вводитъ читателя ежминутно въ заблужденіе.

ОЧЕРКИ ДУБРОВНИКА.

I

Положеніе Дубровника. Основаніе его епидавро-салонитанскими выходцами. Отношеніе славянской стихіи къ романской. Государственное устройство дубровницкой республики. Очеркъ исторіи торговли и мореплаванія дубровичанъ. Промыслы. Состояніе наукъ и искусствъ. Политика Дубровника. Описаніе дубровника въ концѣ XVI вѣка Сер. Рацци. Причины паденія Дубровника: внѣшнія и врутреннія. Очеркъ исторіи сношеній Дубровника съ Россією. Присоединеніе Дубровника къ Австріи.

Узкою полосою отъ неретвинскаго канала (Canale di Narenta) до которской бухты (Bocche di Cattaro) по берегу ддріатическаго моря тянется округъ Дубровника (Ragusa, около 397 ит. миль), существовавшего около 1.500 лѣтъ въ видѣ независимой республики: длина его 150, наибольшая ширина 15 миль. Дубровникъ, составляя нынѣ одинъ изъ округовъ Далмаціи, отдѣленъ отъ нея двумя узкими полосками турецкой земли—Клекомъ на С. (5 миль) и Суториною на Ю. (4 мили); такимъ образомъ Дубровникъ—родъ оазиса въ Далмаціи, къ которой онъ причисленъ впервые французами въ 1808 г. Дубровникъ не принадлежалъ къ Далмаціи ни при венгерскомъ, ни при венеціанскомъ владычествѣ, и доселѣ дубровничанинъ считаетъ для себя унизительнымъ называться далматинцемъ. Когда венеціанцы передъ заключеніемъ пожаревацкаго мира (1718 г.) овладѣли смежными съ Дубровникомъ турецкими землями, дубровничане умолили австрійскаго и турецкаго пословъ спасти ихъ отъ такого опаснаго сосѣдства, угрожающаго имъ конечною гибелью; ибо, говорили они, Дубровникъ

составлялъ для венеціанцевъ ab immemorabili лако-
мую добычу. Ихъ мольба была услышана, и Дубров-
никъ остался отдѣленнымъ отъ венеціанскихъ владѣній
двумя вышеупомянутыми узкими полосами турецкой
земли *).

Во всю длину дубровницкаго округа, по турецкой
границѣ тянется цѣпь горъ, не достигающихъ нигдѣ
1500 высоты: онѣ защищаютъ Дубровникъ отъ герце-
говинскихъ морозовъ, съ наступленіемъ которыхъ тыся-
чи птицъ прилетаютъ изъ-за нихъ къ морю, погибая
здѣсь во множествѣ отъ дубровницкихъ охотниковъ. За-
щищенный горами отъ холодныхъ вѣтровъ, открытый
для южныхъ, Дубровникъ пользуется такимъ богат-
нымъ климатомъ, которому могутъ позавидовать многія
даже южнѣ расположенныя страны: здѣсь растутъ на
открытомъ воздухѣ апельсины, лимоны, абрикосы, пер-
сики, даже пальмы, не говоря уже о виноградѣ, мас-
линахъ и тутовыхъ деревьяхъ; въ январѣ мѣсяцѣ цвѣ-
туть въ садахъ розы, олеандры и миндальныя деревья.
Но періодическіе дожди зимою и невыносимые жары лѣ-
томъ не понутру русскому человѣку. Для жителя юж-
ныхъ странъ — иное дѣло: „L'aria e le stagioni, гово-
ритъ венеціанецъ *Лука Линда* **), *corrano molto tempe-
rate, onde produce homini di sangue dolce e d'ottimi
ingegni da riuscire segnalati in ogni scienza et arte, in
cui s'applicarono* ***). Извѣстный нашъ д-ръ Мандтъ,
прожившій нѣкоторое время въ Дубровникѣ, находилъ
его климатъ особенно полезнымъ для чахоточныхъ и
изнуренныхъ продолжительными болѣзнями. Я бы могъ
назвать по именамъ двухъ моихъ соотечественниковъ и

*) Memorie storiche di Ragusa di Matteo Bassich. Libro IX, § 37. (Пу-
коп. франц. библ. въ Д-кѣ, № 891).

**) Le relationi et descriptions universali et particolari del Mondo. Ve-
netia. 1664. p. 640

***) Благорастворенный климатъ Дубровника производитъ людей мяг-
каго характера и способныхъ ко вѣснмъ наукамъ.

и товарищей по службѣ, страдавшихъ чахоткою и въ короткое время оправившихся въ Дубровникѣ.

Къ дубровницкому округу принадлежитъ еще нѣсколько острововъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Городъ Дубровникъ расположенъ на двухъ скалахъ, соединенныхъ уже въ 1100 г. Первоначально была заселена скала, обращенная къ морю: съ половины третьяго вѣка сюда стекаются бѣжавшіе отъ преслѣдованія варваровъ жители Епидавра (нынѣ Цавтатъ, Ragusa Vecchia, около 3 часовъ разстоянія отъ Дубровника); до половины VII вѣка сюда прибыло четыре колоніи епидавританъ; одновременно съ послѣднею приходятъ сюда салонитяне, по разрушеніи ихъ города славянами. Эти новые поселенцы вмѣстѣ съ прежними построили правильный городъ 4-хъ стадій въ окружности и укрѣпили его со стороны моря. *) Городъ былъ названъ по скалѣ *Lausa*, — названіе, измѣненное впослѣдствіи въ *Rausa*—*Rachus*—*Ragusa*. Основатели Дубровника были *романскаго* происхожденія: они принесли съ собою уже готовую образованность и христіанскую вѣру, въ которой были просвѣщены, вѣроятно, ап. Павломъ **) и окончательно утверждены, по народному преданію, записанному въ лѣтописяхъ, св. Иларіономъ (365 г.). Къ концу VII вѣка лѣтописи относятъ первыя поселенія въ Дубровникѣ *славянъ*. Съ тѣхъ поръ приливъ новыхъ поселенцевъ изъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ продолжается непрерывно нѣсколько вѣковъ. Славянскій элементъ въ Дубровникѣ постоянно усиливается еще другимъ путемъ — путемъ приобрѣтенія новыхъ земель, заселенныхъ славянами: въ 1050 году король Хорватіи и Далмаціи, Степанъ Крешимировичъ, даритъ ду-

*) Ser. Cervae, In Sacram Metropolim Ragusinam Prolegomena. Cap. I, pp. 11—15 рукоп. французск. библ., № 228.

**) Ign. Giogi, Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo. Venezia. 1730.

бровничанамъ Жупу (Breno), Грузь (Gravosa), Рѣку (Ombla) и Затонъ (Malfi); въ 1080 году далматинскій король Сильвестръ уступаетъ имъ острова Колочепъ (Calamota), Лопудъ (Mezzo) и Шипанъ (Giurana); въ 1100 году король Бодинъ отказалъ по завѣщанію бенедиктинцамъ Кромы (островъ супротивъ Дубровника), долину Шуметь (Gionchetto); въ 1151 г. приобрѣтенъ островъ Млѣтъ (Meleda); въ 1310 г. жители острова Ластова (Lagosta) добровольно подчинились Дубровнику; въ 1333 г. куплены отъ Босніи Пелешаць (Sabioncello) и Стонъ (Stagno); въ 1399 г. Остоя Христичъ даритъ дубровничанамъ Приморье; въ 1410 году они приобрѣтають о-ва Корчулу (Curzola), Хваръ (Lesina) и Брачь (Brazza); въ 1419 — 1429 г. они покупають Конавле отъ Сандала Гранича и Радослава Павловича. Такимъ образомъ область Дубровника, заключавшая въ себѣ первоначально 16 стадій въ длину и 4 въ ширину, увеличилась къ началу XV вѣка до тѣхъ размѣровъ, какіе имѣетъ нынѣ.

Все населеніе Дубровника за первоначальными его предѣлами было—*славянское*; въ самомъ же городѣ славянскій элементъ былъ весьма слабъ, и долженъ былъ подчиниться болѣе многочисленному и болѣе развитому элементу греко-романскому, который постоянно усиливался новыми пришельцами изъ Италіи и Греціи. Славянская народность для достиженія преобладанія въ Дубровникѣ должна была преодолѣть много затрудненій: вновь присоединяемымъ областямъ предоставлялось право самоуправленія, но правителями назначались дубровницкіе чиновники романскаго происхожденія, которые могли представлять сенату о необходимости тѣхъ или другихъ измѣненій въ мѣстныхъ законахъ, сообразно государственнымъ потребностямъ республики: такимъ образомъ проникалъ сюда чужой элементъ; тогда какъ напротивъ жителямъ этихъ присоединенныхъ славянскихъ областей позволено было заниматься только мѣстными, и то второстепенными, дѣлами,—къ участию же въ общемъ го-

сударственномъ управленіи они не допускались. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ славянскій элементъ въ Дубровникѣ получаетъ преобладаніе не ранѣе конца XIV вѣка; слѣдующіе вѣка представляютъ Дубровникъ уже ославянившимся: законы республики измѣняются въ славянскомъ духѣ, дѣлается попытка ввести сербскій языкъ въ управленіе, наконецъ появляется сербская литература... Здѣсь было бы неумѣстно доказывать несостоятельность общепринятаго мнѣнія о томъ, что Дубровникъ ославянился будто бы уже въ X вѣкѣ: разборъ этого мнѣнія представленъ мною въ особомъ изслѣдованіи. Но и ославянившись Дубровникъ остался романскимъ по образованности: всѣ памятники искусства принадлежатъ итальянской школѣ; юношество воспитывается итальянскими профессорами; языкъ науки, образованнаго общества и правительства—латинскій и итальянскій; для сербскаго же языка оставлены только домашній очагъ и поэзія.

Государственное устройство Дубровника было заимствовано, какъ извѣстно, у Венеціи, подъ вліяніемъ которой былъ составленъ Статутъ 1272 года.

Дубровницкіе законы различаютъ три *сословія*: *властели* (patritii, nobili), *горожане* (cives seu populares, cittadini) и *поселяне* (artifices, villani, districtuales). Последніе не принимали никакого участія въ государственномъ управленіи; горожане могли быть избираемы только въ должности письмоводителей (scribae); вся власть была въ рукахъ властелей. Всякій властелинъ, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, вступалъ въ *Большой Совѣтъ* (Majus s. Generale Consilium, Consiglio Maggiore): здѣсь избирались чиновники (разъ въ годъ, 15 декабря, — ректоръ ежемѣсячно 25 числа), утверждались законы и рѣшались уголовныя дѣла. 20 членовъ Большаго Совѣта составляли *Сенатъ* (Consilium Rogatorium, Consiglio dei Pregati). Сначала 11, а потомъ (съ 1667 г.) 7 сенаторовъ образовали *Малый Совѣтъ* (Consilium Minus, Consiglio Minore)—нѣчто въ родѣ ве-

неціанскаго Cons. decemvirum. Главою Республики былъ *Ректоръ* (съ 1308 г., первоначально титуловался Prior, а потомъ Comes), не имѣвшій никакой власти, но отличавшійся отъ другихъ сенаторовъ одеждою и особыми почестями. Онъ избирался первоначально на годъ, потомъ на 6 мѣсяцевъ и наконецъ на 1 только мѣсяць. Остроумный французскій путешественникъ *Пуквилъ* *) справедливо замѣчаетъ, что „le gouvernement de Raguse ressemble en quelque sorte à celui de l'ancienne Venise, avec cette différence qu'il offre la caricature des nobili, qui regnaient dans les Lagunes (p. 293)“.

Государственное устройство Дубровника, изложенное въ статутѣ 1272 года, не потерпѣло никакихъ измѣненій въ послѣдующіе вѣка, тогда какъ остальные части дубровницкаго законодательства подверглись многозначительнымъ перемѣнамъ сообразно славянскому духу: введены *очная ставка* или *састанакъ* (мірская сходка), *судъ по поротъ*, допущены *народныя собранія* въ славянскихъ областяхъ, уничтожено наконецъ *рабство* и *торгъ рабами* (въ 1416 и 1466 г.).

Недостатокъ земли и бесплодіе почвы уже рано заставили дубровничанъ подумать о необходимости снискивать пропитаніе внѣ родины: моремъ они были отдѣлены отъ богатой Италіи, горами отъ хлѣбородныхъ славянскихъ областей. Торговля сношенія съ этими странами начались вѣроятно вскорѣ по устроеніи Дубровника. Если лѣтописи сообщаютъ намъ о существованіи у дубровничанъ уже въ VIII вѣкѣ военнаго флота, который въ IX в. былъ уже столь значителенъ, по словамъ Константина Порфиророднаго, что на немъ можно было перевести въ Апулію войско хорватовъ и далматинцевъ, союзниковъ Византіи, то нельзя предположить, чтобы прежде того у нихъ не было вовсе кораблей, которые

*) Voyage en Morée, à Constantinople, en Albınie et dans plusieurs autres parties de l'empire Ottoman, pendant les années 1798 — 1801, par F. C. N. L. Pouqueville. P. 1805

могли бы перевозить ихъ въ Италію. Съ другой стороны, изъ лѣтописей видно, что, по договору, заключенному въ 831 г. съ Светиміромъ, жупаномъ боснійскимъ, дубровничане получили права гражданства въ Босніи (*li Ragusei dover esser trattati in Bossina, come se fossero nativi di quel paese*): нельзя допустить, чтобы дубровничане, при первомъ же столкновеніи съ босняками, стали домогаться такого важнаго права, а босняки предоставлять имъ таковое; необходимо предположить давнее ихъ знакомство: по лѣтописямъ и ученымъ изслѣдованіямъ, начало сношеній Дубровника съ Босніею относится къ 690 г., когда нѣкоторые изъ спутниковъ Павлиміра поселились на скалѣ, занятой епидавро-салонитанскими выходцами.

Съ самаго основанія до паденія, главною заботою Дубровника было развитіе торговли и мореплаванія: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, и, когда нужно было, не щадилъ издержекъ для расширенія своихъ торговыхъ сношеній и для пріобрѣтенія новыхъ привилегій; онъ старался обезпечить свою торговлю договорами, которые заботливо возобновлялъ при истеченіи срока; въ договорахъ онъ старался поставить своихъ купцовъ въ исключительное положеніе въ странѣ, въ ущербъ даже мѣстнымъ жителямъ (въ славянскихъ краяхъ), а гдѣ того нельзя было достигъ, по крайности сравнять ихъ въ правахъ съ туземцами (въ Византіи, Венеціи, Анконѣ, Мессинѣ, Сиракузахъ и Генуѣ); въ договорѣ, заключенномъ въ Бруссѣ съ султаномъ Орханомъ II въ 1365 г., дубровничане выговариваютъ себѣ право свободной торговли не только во всѣхъ земляхъ, которыми въ то время владѣли турки, но даже и въ тѣхъ, которыми они могли завладѣть впоследствии. Было бы утомительно перечислять всѣ торговые договоры Дубровника—упомяну только о важнѣйшихъ: послѣ договора съ Босніею 831 г., первый по времени — съ Апуліею и Сициліею 871 г.; въ 980 году дубровничане, вступивъ подъ покровительство византійскаго императора, полу-

чили подтвержденіе *прежнихъ* привиллегій, и 80 дубровницкихъ моряковъ и 3 патриція поступили на службу Византіи; около 1000 года дубровничане получили право безошлинной торговли въ Болгаріи, а въ 1078 г. въ Венгріи; въ 1114 г. жупанъ боснійскій, Грубиша, дозволилъ дубровничанамъ построить близъ нынѣшняго Сараева крѣпость Дубровникъ для защиты купцовъ, занимавшихся разработкою золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ (эта промышленность доставляла имъ 250⁰/₀); въ 1170 г. императоръ Эммануиль Комнень даровалъ дубровничанамъ право гражданства въ Византіи и приказалъ принимать на казенный счетъ ихъ дѣтей въ тамошнія школы; въ 1186 г. заключенъ торговый договоръ съ великимъ жупаномъ Россіи, Неманею; въ 1192 г. Исаакъ-Ангель дозволилъ дубровничанамъ торговать безошлинно въ Романьи и Болгаріи; къ этому же году относится начало сношеній съ Англіею; въ 1220 г. заключенъ договоръ съ египетскими мамелюками; въ 1283 г. дубровничане получили право гражданства въ Мессинѣ и Сиракузахъ; въ 1332 г. учреждены дубровницкія консульства въ Босніи, Сербіи и Россіи; въ 1358 г. дубровничане получаютъ право гражданства въ Венеціи; въ 1378 г. заключенъ торговый договоръ съ Генуею, въ 1385 г. съ Франціею, (а въ 1423 г. съ Черногоріею; въ 1441 г. деспотъ Сербскій Юрій отдалъ дубровничанамъ на откупъ золотые и серебряные рудники Янова, Кратова и Новаго Берда; въ 1442 г. султанъ Амуратъ подтвердилъ извѣстный договоръ съ Орханомъ II 1365 г.; въ 1494 г. Фердинандъ I даровалъ дубровничанамъ обширныя торговыя привиллегіи въ испанскихъ владѣніяхъ (подтверждены Карломъ V въ 1535 г.); во второй половинѣ XV вѣка учреждены дубровницкія консульства въ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря; въ 1510 г. Абунасаръ, султанъ мамелюковъ, дозволилъ дубровничанамъ свободно торговать въ Египтѣ и Сиріи... Такимъ образомъ въ началѣ XVI вѣка дубровничане скрѣпили договорами торговыя связи

почти со всею Европою, съ частью Азіи и Африки; они заходили также и въ испанскія владѣнія въ Америкѣ. Палладій Фуско, падуанецъ, учитель извѣстнаго дубровницкаго поэта Элія Лампридія Червы, говоритъ, что *нѣтъ въ Европѣ столь сокровенной и столь непріязненной къ иностранцамъ страны, въ которой нельзя бы было найти дубровницкихъ купцовъ* *). Павелъ-Ангель, архіепископъ диррахійскій, современникъ Скендербега, восклицаетъ: *По какимъ морямъ дубровницкіе купцы не плаваютъ, по какимъ землямъ они не путешествуютъ, въ какія мѣста, наиболее сокровенныя и удаленныя, они не проникаютъ* **)? Упомянутый уже нами однажды Лука Линда, говоря о важности и обширности дубровницкой торговли съ Востокомъ, называетъ Дубровникъ *Porta dell' Oriente* (р. 643), а Пуквиль даетъ ему прозвище *Venecii и Голландіи въ миниатюрѣ* (*une Venise et une Hollande en miniature*, р. 301) — во времена паденія Республики. Во всѣхъ странахъ, съ которыми торговали дубровничане, они старались получить осѣдлость, и съ этою цѣлью избирали особо важные пункты, строили въ нихъ факторіи, а при нихъ храмы и консульства. Такія факторіи были разсѣяны повсюду; но важнѣйшія изъ нихъ были: Софія для балканскаго полуострова, Брусса для Малой Азіи, Александрія для Африки, Венеція (гдѣ доселѣ существуетъ *Riva dei Schiavoni*—на мѣстѣ дубровницкой факторіи, процвѣтавшей преимущественно въ XV вѣкѣ) для сѣверной Италіи и Венгріи, Флоренція (съ начала XV ст., неподалеку отъ города *Strada dei Ragusei*) для средней, а Мессина и Сиракузы для южной Италіи. Въ Палермо, по сказанію арабскаго географа

*) *Nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta, ut in ea Ragusinos non invenias negotiantes. De situ orae Illyrici. Apud Lucium, р. 454 по амстерд. изд.*

***) *Quae maria Ragusini mercatores non navigant, quas terras ii non permeant, quae loca tam abdita et remotissima, ad quae non accedunt et penetrant? Apud Cervam Prolegom. Ms. № 228. р. 167.*

Якута (+1229), былъ особый *славянскій* (т. е. дубровницкій) кварталъ, а на островѣ Сициліи доселѣ существуетъ городъ *Рагуза*. Генуа съ 1378 г. стала главною факторіею дубровничанъ въ Средиземномъ морѣ. Центрами ихъ торговли въ Испаніи были Барселлона и Валенція, а во Франціи—Марсель.

Скажу два слова о предметахъ торговли. Въ Дубровникъ привозили: а) Сухимъ путемъ: лошадей и домашній скотъ, медь, воскъ, рыбу, строительный лѣсъ, уголь, мѣха, золото, серебро, олово и нѣк. др.; б) моремъ: хлѣбъ, оливки, плоды, соленое мясо и рыбу, кофе, сахаръ, ароматическія и медицинскія растенія, мануфактурныя издѣлія, посуду, желѣзо, драгоценныя каменья и корабельный лѣсъ. Изъ Дубровника отпускали: а) сухимъ путемъ: соль (одна изъ главныхъ статей), мануфактурныя издѣлія, вещи изъ драгоценныхъ металловъ, посуду и пр., и б) моремъ: золото, серебро, олово, воскъ, мѣха, кораллы, доски и нѣк. др.

Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы опредѣлить цифру торговыхъ оборотовъ Дубровника: она должна быть громадна, если вѣрить преданію, что купцы, жившіе въ одномъ только кварталѣ Прѣки, имѣли капиталъ въ 20 милліоновъ дукатовъ.

Одновременно съ расширеніемъ торговли Дубровника развивалось его *мореходство*. Мы уже видѣли, что въ IX в. дубровничане перевозятъ на своихъ корабляхъ союзниковъ Византіи, хорватовъ и далматинцевъ, а въ X вѣкѣ византійскій императоръ проситъ у дубровничанъ 80 моряковъ для своего флота; гораздо позже французскій король Карлъ IX выписываетъ изъ Дубровника кораблестроителей... Дубровницкіе корабли отличались громадными размѣрами и совершали отдаленныя плаванія: извѣстно, что дубровничане помогали испанцамъ въ завоеваніи Америки, и Охмучевичи-Гргуревичи, Долисти-Тасовичи и Машибрадици за военные подвиги въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ были возведены въ достоинство грандовъ Испаніи. На службѣ у Карла V

состояло болѣе 300 дубровницкихъ кораблей. Петръ Великій также обратилъ вниманіе на искусство дубровницкихъ мореходцевъ, и въ нашемъ флотѣ служило немало дубровничанъ, изъ которыхъ Петръ Стулли дослужился до адмиральскаго чина. Мореходство и кораблестроеніе обогащали всѣ сословія Дубровника: гордый властелинъ отдавалъ свой излишекъ на построеніе корабля, бралъ акціи и получалъ хорошіе проценты; горожанинъ строилъ корабль и былъ его шкиперомъ, а поселянинъ шелъ съ малолѣтства въ матросы и во время своей многотрудной жизни сколачивалъ копѣйку, на которую бралъ пай въ построеніи кораблей,—а тамъ и самъ дѣлался судохозяиномъ. Мореходство и торговля соединяли между собою всѣ сословія и способствовали общему благосостоянію.

Уже въ началѣ XII вѣка дубровничане занимались разработкою золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Босніи, и съ тѣхъ поръ завелись въ Дубровникѣ *ювелиры*, которые, по прибыльности ремесла, стали столь быстро распространяться, что около 1400 г. ихъ находимъ во всѣхъ людныхъ селеніяхъ дубровницкой республики. Съ 1254 года дубровничане начали заниматься *варкою соли* на Неретвѣ, и этотъ промыселъ былъ столь прибыточенъ, что венеціанцы вздумали въ концѣ XVII вѣка оспаривать у нихъ право владѣнія этими солеварнями. Вызовъ во Францію при Карлѣ IX изъ Дубровника *фабрикантовъ суконъ* показываетъ, на какой степени совершенства находилась здѣсь эта промышленность, введенная въ 1490 г. флорентійцемъ Петромъ Пантеллою. Въ 1530 г. Николай Луккаричъ завелъ первыя въ Дубровникѣ *фабрики шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій*. Кромѣ того, дубровничане извлекали большія выгоды отъ ловли коралловъ въ Адриатикѣ и Архипелагѣ, отъ выдѣлки оливковаго масла, чеканки монетъ, литья пушекъ, приготовленія пороха, выдѣлки свѣчей (болѣе 20 заводовъ), приготовленія стеколъ, постройки кораблей, обра-

ботки желѣза и и зготовленія папучь (родъ лаптей) для сосѣднихъ славянскихъ областей.

Подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ-то: общаго довольства и мирной жизни, свободно и широко развились въ Дубровникѣ науки и искусства. У дубровничанъ была своя Академія (Accademia degli Oziozi), процвѣтавшая особенно въ XVI вѣкѣ и считавшая между своими членами знатнѣйшихъ гражданъ. Она имѣла огромное вліяніе на науку и литературу. Многіе изъ дубровницкихъ ученыхъ приобрѣли громкую европейскую извѣстность; упомянемъ, ради краткости, только о нѣсколькихъ, наиболѣе замѣчательныхъ. *Иванъ Стойковичъ* (I. Stoicus) прославился защитою католицизма противъ гуситскаго ученія на базельскомъ соборѣ, а его же соотечественникъ, *Матвій Франковичъ* (Mattheus Flaccus Illyricus, 1520—1575) былъ ревностнѣйшимъ послѣдователемъ Лютера и основателемъ школь антидіафористовъ и субстанціалистовъ. Епископъ Стона (съ 1551 г.) *Петръ Гучетичъ* (Gozze) считался во Франціи, гдѣ провелъ большую часть жизни, чудомъ ума. Энциклопедистъ *Стефанъ Градичъ* (1613—1682), ватиканскій бібліотекаръ при папѣ Александрѣ VII, былъ оракуломъ современнаго ему литературнаго міра. *Игнатій Джіорджичъ* (1675—1737), извѣстный во всемъ славянскомъ мірѣ своими поэтическими произведеніями и учеными изслѣдованіями, считался въ свое время однимъ изъ первыхъ католическихъ богослововъ и въ этомъ качествѣ обезсмертилъ себя сочиненіемъ: Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo. — *P. I. Божковичъ* (1711—1787), членъ Bureau de longitudes при Людовикѣ XIV, былъ творцомъ особой системы натуральной философіи, названной по его имени. Знаменитый дубровницкій математикъ, *Марино Гетальдичъ* (1566—1627), прозванный Павломъ Сарпи „Angelo di costumi e demonio in matematica“, ученикъ Вьеты и другъ Декарта, первый сдѣлалъ примѣненіе алгебры къ геометріи. *Георгій Балливи* (1668—1707), прозванный римскимъ Гиппо-

кратомъ (Ippocrato Romano), произвелъ своими сочиненіями переворотъ въ медицинѣ. Наконецъ, кому неизвѣстно имя *Ансельма Бандури*, комментатора Константина Порфиророднаго, который былъ избранъ, по личному желанію Людовика XIV, въ первые почетные члены (изъ иностранцевъ) французской Академіи наукъ вмѣстѣ съ кардиналомъ Пуалтеріо и Куперомъ?

Дубровницкая *историческая литература* весьма богата, но, къ сожалѣнію, доселѣ мало извѣстна. Лѣтописи существовали въ Дубровникѣ уже въ VIII вѣкѣ; съ XI число лѣтописцевъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку; въ первыхъ годахъ слѣдующаго вѣка лѣтописаніе прекращается: мѣсто его занимаютъ мемуары. Первоначально лѣтописи писались по-латыни; къ началу XIV вѣка, если не ошибаюсь, слѣдуетъ отнести первое переложеніе лѣтописи на итальянскій языкъ, на которомъ сохранились всѣ дошедшіе до насъ списки. Лѣтописцами были то духовные, то свѣтскіе люди. Имена ихъ неизвѣстны. Начало историческимъ запискамъ (мемуарамъ) положилъ *Черварій Туберонъ*, написавшій *Commentaria de temporibus suis 1490—1522*, произведеніе весьма важное для исторіи Турціи, Венгрии и нѣкоторыхъ другихъ странъ, но сообщающее весьма мало любопытнаго о Дубровникѣ. *Фр. Гундуличъ* († 1588) описалъ свои посольства—два въ Римъ и одно въ Неаполь—въ недошедшемъ до насъ сочиненіи *Commentaria rerum a se in tribus Legationibus gestarum*. Для исторіи Дубровника въ концѣ XVII вѣка весьма важны записки *Николая Бунича* (Вона, † 1678) и *Ст. Градича* († 1682). Эпоха паденія Дубровника описана *М. Басичемъ*, а осада его нашими войсками—въ двухъ мемуарахъ, изданныхъ мною въ прошломъ году въ „Матеріалахъ для исторіи сношеній Россіи съ Дубровникомъ“.

Обработка дубровницкой исторіи начата очень рано. Первые попытки, какъ и вездѣ, были, конечно, слабы: сюда относятся труды *Милеція* (послѣ 1272 г.), *Іоанна Равеннискаго* (1347), *Николая Раньины* (1545), *Евсевія*

Каботи († 1594) и *Ив. Гундулица* († 1650). Несравненно выше стоять сочиненія *Рацци* (1587), *М. Орбинича* († 1614), *Луккарича* (1615) и *Растича* (Resti, † 1735). Произведенія *Иин. Джіоржича* († 1737), *Червы* († 1759) и *Себ. Дольчи* (Сладковичъ) заслуживаютъ названія историческихъ изслѣдованій:

Съ дубровницкою *поэзією*, поистинѣ классическою, считаю читателей достаточно знакомыми послѣ труда г. Пыпина. Скажу только, что одного *Гундулица* достаточно было бы для славы и не такой малой страны, какъ Дубровникъ.

Между дубровничанами были также замѣчательные *художники* (напр. Бенедиктъ Стойковичъ = Stay, Петръ Маттеи, Петръ Катушичъ и Григ. Иванелли; скульпторъ Фр. Раделья, архитекторъ Пасквале Михалевъ), *музыканты* (напр. Гавр. Тампарицца † 1575, Бенед. Бабичъ † 1591, Фр. Гучетичъ † 1658 г. и нѣк. др.) и *типографщики* (Bonino de Boninis и Martinus de Ragussa—одни изъ первыхъ по времени).

Своею промышленною и торговою дѣятельностію дубровничане внушали къ себѣ уваженіе въ другихъ народахъ, съ которыми старались жить въ мирѣ и согласіи, не щадя на то никакихъ средствъ. Слабые сами по себѣ, они всегда заискивали покровительства сильныхъ, оказывая имъ разныя мелкія услуги или платя извѣстную сумму денегъ; покровителей они мѣняли сообразно съ обстоятельствами, переходя отъ болѣе слабаго къ болѣе сильному: оттого и прозвали ихъ „*nazione di sette bandiere*“ (народъ, мѣняющій 7 флаговъ въ день). Предусмотрительные дубровничане умѣли обезопасить себя на случай войны и голода устройствомъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и складовъ вина и оливковаго масла. Не менѣе войны боялись дубровничане чумы, которая нерѣдко посѣщала ихъ городъ. Для огражденія себя отъ этого опаснаго врага, они уже въ XIV в. завели *карантины*. Въ Дубровникѣ были приняты мѣры не только противъ общественныхъ, но и

противъ частныхъ бѣдствій: здѣсь существовали уже въ XIV — XV в. *воспитательный домъ* для подкидышей и сиротъ, *больницы*, *богадѣльни*, *инвалидный домъ* и *заемный банкъ* (*monte di pietà*), учрежденія, дѣлающія честь дубровничанамъ.

Любопытно описаніе Дубровника въ концѣ XVI вѣка, составленное *Серафимомъ Рауци* въ его „*Storia di Raugia*“ (Лисса 1595. Libro III): „Въ Дубровникѣ, какъ сказываютъ, около 10.000 огнищъ: отсюда, по обыкновенію на каждое огнище покрайней-мѣрѣ 3 души, будемъ имѣть около 30.000 душъ народонаселенія. Ворота постоянно охраняются венгерскими солдатами, а ночью національная гвардія изъ горожанъ и поселянъ ходитъ дезоромъ кругомъ стѣнъ города, стражу же на площади содержать отрядъ вышепомянутыхъ венгерцевъ. Сенатъ къ нимъ весьма снисходителенъ за ихъ вѣрность и выдаетъ имъ въ половинѣ мѣсяца полное жалованье. Почти всѣ зданія построены изъ квадратныхъ камней и отличаются удобствомъ помѣщенія. Всѣ улицы мощены, и, за исключеніемъ двухъ, изъ коихъ одна ведетъ отъ собора къ площади, а другая отъ однихъ воротъ къ другимъ, весьма узки, такъ что, встрѣтившись въ известномъ часу на нѣкоторыхъ изъ нихъ, двѣ барыни (*gentil' donne*), въ своихъ пышныхъ и широкихъ платьяхъ съ обручами около ногъ (*con quei cerchi alle vestimenta da piedi*), съ трудомъ могутъ дать одна другой дорогу. Есть одна улица, по дорогѣ изъ собора въ монастырь св. *Томы*, вся крытая построенными на ней домами съ ихъ крышами и сводами; въ случаѣ погребенія лица, проживающаго на этой улицѣ, называемой въ просторѣчи *Пустьерна*, оставляютъ всѣ кресты на соборной площади, по невозможности пронести ихъ по такой низкой улицѣ. Въ Дубровникѣ весьма мало садовъ внутри города: онъ весь наполненъ зданіями; зато за городомъ на берегу моря—прекрасные сады и дворцы съ фонтанами и апельсиновыми рощами, въ чемъ Дубровникъ соперничаетъ съ *Гелуею* и *Неаполемъ*. Ректорскій дво-

рець очень красивъ и великолѣпенъ: съ площади ве-
 деть въ него грандіозная галлерей; другія галлерей и
 бельведеры выходятъ въ портъ, на море; на обширномъ
 дворѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщаются пріемныя комнаты
 Малаго Совѣта. Зала Большаго Совѣта обширна и убрана
 по-царски. Неподалеку отъ этого дворца, на той же пло-
 щади, построенъ весьма замѣчательный большой фонтанъ
 прѣсной воды, проведенной сюда изъ живописной долины
 Шумета. Другой фонтанъ, но еще большій, находится у
 западныхъ воротъ. И тотъ и другой служатъ большимъ
 украшеніемъ для города и приносятъ огромную пользу
 народу. Въ Дубровникѣ 47 церквей, хотя въ строгомъ
 смыслѣ можно назвать этимъ именемъ 4—6 изъ нихъ,
 остальные же столь малы, хотя и хорошо построены и
 убраны, что заслуживаютъ только названія часовни или
 моельни. Въ Дубровникѣ только два мужскихъ мона-
 стыря: одинъ св. Франциска, у западныхъ воротъ, въ
 которомъ живутъ *padri osservanti zoccolanti*, и другой
 св. Доминика, у восточныхъ, въ которомъ помѣщается
 25—30 монаховъ также *osservanti* (строгихъ). Оба кра-
 сивы и удобны; при нихъ фонтаны, сады или апельси-
 новыя рощи, прекрасныя церкви и богатые алтари. Жен-
 скихъ монастырей въ Дубровникѣ 8: 5 ордена св. Бене-
 дикта, подъ надзоромъ архіепископа, 2 св. Франциска и
 1 св. Доминика, управляемые (*governati*) монахами этихъ
 орденовъ. Въ города, но неподалеку отъ него, нахо-
 дятся два аббатства св. Бенедикта Чернаго: одно на
 островѣ Кромъ занято итальянскими монахами, а
 другое на материкѣ, на берегу моря, св. Якова, —
 славянами. Нѣсколько далѣе отъ города на западъ еще
 два монастыря: францисканскій на скалѣ Даксѣ и до-
 миниканскій въ Гружѣ. Въ Дубровникѣ нѣтъ гостин-
 ниць; не въ обычаѣ также у дубровничанъ давать у
 себя квартиры иностранцамъ, хотя бы они были и друзья;
 но доставляютъ имъ все необходимое въ особо приго-
 товленномъ домѣ. Путешественники, большею частію
 мореходцы, спятъ на своихъ корабляхъ; монахи отпра-

ляются въ тотъ или другой монастырь; турки изъ про-
 стонародія спятъ на открытомъ воздухѣ за городскими
 воротами, при хорошей погодѣ, а въ ненастную въ по-
 строенныхъ для нихъ по распоряженію сената низень-
 кихъ хижинахъ; но почетные турки помѣщаются въ го-
 родѣ въ приличномъ зданіи, близь ректорскаго дворца,
 и получаютъ все содержаніе отъ казны. Для помѣщенія
 посланниковъ христіанскихъ державъ, отправляющихся
 въ Константинополь или другія страны, предназначень
 нижній, не имѣющій сообщенія съ кельями, этажъ до-
 миниканскаго монастыря, и сенатъ также принимаетъ
 на себя издержки по ихъ содержанію... Жители Дуб-
 ровника раздѣляются на три сословія: властелей, горожанъ
 и поселянъ. Властели, въ числѣ 29 домовъ, одни при-
 нимаютъ участіе въ государственномъ управленіи: они
 носятъ длинныя флорентійскіе плащи и круглыя вене-
 ціанскія шапки. Рассказываютъ въ народѣ, что власте-
 ли отправили депутацію во Флоренцію, чтобы перенять
 тамошнія моды; депутаты сняли фасонъ плащей, а о
 шапкахъ вспомнили только на возвратномъ пути, когда
 были уже въ Венеціи; потому чтобы не ѣздить снова во
 Флоренцію, переняли шапки у венеціанцевъ. Сенаторы
 Малаго Совѣта въ торжественныхъ случаяхъ одѣваютъ
 венеціанскія тоги. Ректоръ постоянно носитъ красную
 одежду изъ дорогихъ тканей, подбитую зимою цѣнными
 мѣхами. Онъ не иначе выходитъ изъ дворца, какъ въ
 сопровожденіи двѣнадцати сенаторовъ Малаго Совѣта,
 избираемыхъ ежегодно; ему предшествуютъ нѣсколь-
 ко паръ слугъ въ красныхъ одеждахъ и музыканты.
 Въ случаѣ смерти дворянина или дворянки, ректоръ обя-
 занъ сопровождать въ черной тогѣ покойника до моги-
 лы; если же по старости или какой-либо другой причи-
 нѣ онъ не въ состояніи исполнить самъ этого обряда,
 то посылаетъ вмѣсто себя одного изъ членовъ Малаго
 Совѣта въ ректорской черной тогѣ и со всѣми регалі-
 ями... Нѣтъ въ Дубровникѣ шумныхъ собраній адво-
 катовъ, прокуроровъ и нотаріусовъ, нѣтъ суда присяж-

ныхъ, нѣтъ дворца подесты; но изъ среды самаго сената избирается ежегодно нѣсколько властелей для вѣданія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ... Въ случаѣ возмущенія или народнаго бунта, или же пожара, охраненіе двухъ главныхъ воротъ поручается монахамъ ближайшихъ монастырей св. Франциска и св. Доминика, причемъ они получаютъ отъ сената оружіе и все необходимое; караулы у воротъ, ведущихъ въ портъ, содержатъ въ подобныхъ случаяхъ каноники и духовенство собора. Разставивъ такимъ образомъ духовенство на стражу, властели имѣютъ болѣе досуга дѣлать необходимыя распоряженія для оказанія нуждающимся помощи или для усмиренія мятежа... Въ случаѣ прибытія въ дубровницкій портъ значительнаго иностраннаго лица, сенатъ отправляетъ къ нему депутацію съ подарками, состоящими изъ стеариновыхъ свѣчей, барановъ, вина и т. п., смотря по личности путешественника“...

Паденіе Дубровника обыкновенно приписываютъ однимъ внѣшнимъ причинамъ, каковы: соперничество Венеціи, гоненія на дубровничанъ въ Венгріи и Герцеговинѣ, нападенія ускоковъ, бури, отъ коихъ много пострадалъ дубровницкій флотъ, болѣзни (чума въ 1520 году истребила болѣе 20.000 чел.; возобновлялась съ особою силою въ Стопъ въ 1734 г. и въ Конавлѣ въ 1784 г.), голодъ (1539—1540 г., умерло 4500 чел. съ голоду), пожары (особенно сильные въ 1463 и 1667 г.) и наконецъ частыя землетрясенія, изъ коихъ послѣднее въ 1667 г. разрушило почти весь городъ и въ развалинахъ погребло большую часть жителей.

Изученіе неизданныхъ литературныхъ памятниковъ дубровничанъ убѣждаетъ насъ, что зачатки паденія Дубровника заключались въ немъ самомъ. Своеволіе привилегированнаго властельскаго сословія уже въ концѣ XVI вѣка не знало границъ, какъ видно изъ исторіи Сер. Рацци и сатиры Маріо Кабоги, дубровницкаго властелина († 1582) „Contro la nobiltà di Ragusi.“ Властельское юношество воспитывалось дурно: вмѣсто не-

предложенных истин наукъ, ему внушалось, что оно принадлежит къ привилегированному сословію, которое одно распоряжается судьбою республики, что прочія сословія поставлены въ отношеніи къ нему въ служебное положеніе, что учиться не нужно для того, чтобы занять принадлежащее ему по праву рожденія мѣсто въ Большомъ Совѣтѣ, что тамъ онъ изучитъ всю государственную науку... Серафимъ Рацци съ ужасомъ смотритъ на эту язву Дубровника, вошедшую уже въ поговорку: „Dalle mosche di Zara e dai putti di Raugia cara, salvaci, Signore.“ (Избавь насъ, Боже, отъ мухъ Задра и дѣтей возлюбленнаго Дубровника). По его словамъ, прибить горожанина, присвоить себѣ чужую вещь, издѣваться надъ духовенствомъ и храмами — все было позволено принадлежавшему къ властельскому сословію юношеству. Съ такимъ воспитаніемъ вступалъ 18-ти лѣтній юноша въ Большой Совѣтъ: все его знаніе ограничивалось тѣмъ, что онъ властелинъ, и потому все ему дозволено. И вотъ съ сознаніемъ своей силы и безнаказанности, онъ обижалъ и грабилъ горожанина, тяжкимъ гнетомъ ложился на поселянина, лишая его послѣдняго куска хлѣба, для того чтобы построить себѣ палаццо или сшить модное платье... Страсть къ роскоши и иностраннымъ обычаямъ отъ властельскаго сословія перешла быстро къ болѣе зажиточнымъ горожанамъ; законы, изданные противъ роскоши, оставались безъ исполненія; а между тѣмъ настали для республики времена испытанія; прежнихъ средствъ не было, а потребностей явилось больше, чѣмъ прежде; результатомъ такого положенія дѣль было паденіе нравственности: всякій думалъ о себѣ, а не объ отечествѣ, торговалъ своею совѣстію... Поэты и историки сравниваютъ Дубровникъ съ Римомъ временъ Катилины. Властели интриговали при иностранныхъ дворахъ, а дома соперничали и ссорились между собою, оставляя страну на произволь судьбы посреди безначалія (такъ было въ 1763 году вслѣдствіе соперничества Пуцичей и Градичей). Народъ не всегда безропотно сно-

силъ иго властельское, и возстанія на Ластовѣ (1602—1607) и въ Конавлѣ (1798) могли быть подавлены только при помощи Турціи, не желавшей усиленія Венеціи и Австріи насчетъ Дубровника. Деморализаціи общества содѣйствовали не мало *іезуиты*, утвердившіеся въ Дубровникѣ въ половинѣ XVII вѣка и въ продолженіе цѣлаго столѣтія воспитывавшіе юношество въ духѣ своего ордена. Лучшіе люди бѣжали за границу или запирались въ монастырскихъ кельяхъ; немногіе рѣшались вступать въ борьбу съ внутренними врагами родины; но было поздно...

Вслѣдствіе своекорыстныхъ видовъ властелей, внѣшняя политика Дубровника измѣняется: оставлена прежняя система строгаго невмѣшательства, и дубровничане принимаютъ участіе въ войнахъ великихъ державъ, участіе, стоившее имъ очень дорого: въ испанскихъ войнахъ они теряютъ 300 большихъ кораблей; несоблюденіе вмѣшательства въ войнахъ Россіи съ Турціею и Франціею нанесло послѣдній ударъ отживавшей своей вѣкъ республикѣ... О послѣднемъ скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Начало сношеній нашихъ съ Дубровникомъ относится ко временамъ Петра Великаго. Извѣстный герцеговинецъ Савва Владиславичъ, величавшій себя графомъ Рагузинскимъ, оставляя службу въ Россіи и желая поселиться въ Дубровникѣ близъ своей родины, испросилъ у Петра Великаго письмо къ дубровницкому сенату о дозволеніи ему, Владиславичу, построить въ саду купленнаго имъ въ Дубровникѣ палаццо православную церковь для его семейства. Фанатическій сенатъ, искоренившій православіе въ дубровницкой области, отказалъ Владиславичу въ его просьбѣ. Такое невниманіе къ русскому царю осталось безъ послѣдствій, и дубровничане, по примѣру Флоріо Беневени, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Персіи, продолжали служить въ Россіи и пользоваться почестями (Натали, Водопичъ, Стулли, Альтести). Во время войны Россіи съ Оттоманскою Портою

при Екатеринѣ II, дубровничане продали много своихъ кораблей туркамъ-дульциньотамъ, занимались снабженіемъ турецкаго флота съѣстными припасами, дубровницкіе моряки управляли артиллерією Короны при осадѣ ея нашими войсками, и два корабля подъ дубровничкимъ флагомъ сражались противъ насъ при Наполи-ди-Романія. Графъ А. Орловъ потребовалъ отъ Республики немедленнаго удовлетворенія, а въ іюнѣ 1775 года предписалъ ей слѣдующія условія: 1) соблюдать впредь строгое невмѣшательство, 2) принять русскаго консула и 3) дозволить нашему консулу построить при собственномъ его домѣ православную церковь. Въ 1788 г. прибылъ въ Дубровникъ первый нашъ генеральный консулъ графъ Джика; но дозволенія на построеніе церкви онъ не получилъ. Въ 1798 г. дубровничане нарушили первое условіе конвенціи 1775 года, занимаясь перевозкою съѣстныхъ припасовъ изъ Архипелага на Мальту, занятую французами, и на угрозы нашего двора отвѣчали пустыми обѣщаніями. Третье условіе конвенціи 1775 г. было исполнено только въ 1804 году, вслѣдствіе нашихъ угрозъ и настоятельныхъ требованій генеральнаго консула нашего Фонтана. Не прошло двухъ лѣтъ, и мы имѣли случай снова убѣдиться въ вѣроломствѣ дубровничанъ: вопреки деклараціи начальника нашей эскадры въ которской бухтѣ, обязывавшей дубровничанъ къ строгому нейтралитету, вопреки конвенціи, заключенной съ адмираломъ Сенявинымъ, дубровничане дозволили французскому генералу Лористону занять ихъ городъ 27 мая 1806 года. Вслѣдствіе такого вѣроломнаго поступка дубровничанъ, наши войска въ союзѣ съ черногорцами и бокезами вступили 30 числа того же мѣсяца въ Конавле и обложили Дубровникъ со всѣхъ сторонъ. Двдцатидневная осада (17 іюня—6 іюля) его нашими войсками стоила дубровничанамъ и французамъ 2000 чело-вѣкъ и 8.655.000 франковъ. Убытки, понесенные Дубровникомъ, возрастуть до громадной цифры (полагають 16—18 милліоновъ франковъ), если вспомнимъ, что

французы еще до 1806 г. заняли у него болѣе милліона франковъ, а во время осады ограбили не только государственную казну и общественный банкъ, но и всѣ монастыри и церкви. 2 августа прибылъ въ Дубровникъ генераль Мармонъ, а 31 января 1808 года онъ отдалъ слѣдующій лаконическій приказъ: „Le gouvernement et le Sénat de Raguse sont dissous.“ Мармонъ съ титуломъ герцога Рагузскаго (Duc de Raguse) управлялъ Дубровникомъ нѣсколько лѣтъ. Во время засѣданій вѣнскаго конгресса (1815 г.) генераль Милутиновичъ предложилъ дубровничанамъ *добровольное признаніе* (soumission volontaire) надъ собою власти Габсбурговъ, которые уже съ 1684 года смотрѣли на Дубровникъ, какъ на свою добычу, и, по выраженію инструкцій, данныхъ нашимъ правительствомъ генеральному консулу Палладоклису (1800 г.), *разными происками старались привлечь рагузейцевъ подѣ свое шю*. Съ тѣхъ поръ Дубровникъ благоденствуетъ подѣ крылами габсбургскаго орла.

II.

Статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи Дубровника. — *Католики*: духовенство, монастыри и церкви. — *Православные*: искорененіе православія въ дубровницкой области; современное положеніе православныхъ въ Дубровникѣ. — *Сельское народонаселеніе*: языкъ, бытъ, повѣрья, постройки, одежда; отношенія поселянъ къ помѣщикамъ; занятія. — *Среднее сословіе*. — Остатки аристократіи временъ республики. — Нѣмецко-итальянская бюрократія. — *Политическое управленіе*. — *Консульскій корпусъ*: исторія русскаго консульства; англійскій консулъ (Paton) — писатель. — *Военное управленіе*. — *Школы* во времена республики и нынѣ. — Современные дубровницкіе писатели. — *Общественная жизнь*. Народный праздникъ св. Власія. — Старинныя постройки.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, изданнымъ далматинскимъ сеймомъ (*Statistica generale della Dalmazia, edita dalla Giunta Provinciale*), въ дубровницкомъ округѣ было въ 1863 г. 9.913 домовъ, на которые приходится жителей: 54.503 католика, 189 православныхъ, 5 униатовъ, 4 протестанта, 121 жидъ и 263 иностранцевъ. Въ административномъ отношеніи дубровницкій округъ раздѣленъ на 9 уѣздовъ (*distretti*), управляемыхъ преторами. Число жителей по мѣстопробываніямъ преторовъ раздѣлялось такъ: Супетаръ на Брачѣ (*Brazza*) 1602 чел., Хваръ (*Lesina*) 1764, Вись 2814, Метковичи 1011, Корчула 1905, Оребичъ на полуостровѣ Пѣлещѣ (*Sabioncello*) 491, Стонъ (*Stagno*) 209, Цаптать (*Ragusa Vecchia*) 677 и Дубровникъ (окружной городъ) 4084 чел. Уѣзды подраздѣлены на общины (*comune*) числомъ 21. Въ мѣстопробываніяхъ общинныхъ управленій (кромѣ 9 вышеупомянутыхъ) жителей было: въ Блатѣ 3341 чел., на Ластовѣ (*Lagosta*) 1113, въ Трапани 655, въ Кунѣ 352, въ Янинѣ 572, въ Сланомѣ 466, на Млѣтѣ (*Meleda*) 1318, въ Рѣкѣ

(Ombla) 2237; въ Затонѣ 447, на Лопудѣ (Mezzo) 426, на Шипани (Giurra) 1136 и въ Жупѣ (Vreno) 3763 чел. Сравнивая эти цифры съ сообщенными профессоромъ *Петтеромъ* въ сочиненіи „*Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen* (Gotha 1857)“, мы убѣждаемся въ невѣрности его показаній: такъ напр. общее число жителей дубровницкаго округа у него показано почти то же (54.000 чел.), между тѣмъ какъ распределение ихъ по городамъ и мѣстечкамъ у него значительно больше: дубровникъ 5.500, Корчула 2.210, Стоянь 380, Цап-татъ 860 чел. и т. д. Любопытно также сравненіе новыхъ статистическихъ данныхъ съ свѣдѣніями, обнаруженными въ 1808 г. по приказанію начальника Дубровника и Котора, Д. Гараньина: въ 1807 году число жителей Дубровницкой области простиралось до 31.245 чел., изъ коихъ 14.629 м. п. и 16.616 ж. п.; въ самомъ городѣ было 4175 чел., въ предмѣстьяхъ Пилахъ 1165 и Плочѣ 365; православныхъ считалось 68 ч. м. п. и 40 ж. п., а жидовъ 109 м. п. и 118 ж. п. *). Еще любопытнѣе сравненіе нашихъ цифръ съ показаніемъ Сер. Рацци: въ его время (1587—1589) въ Дубровникѣ (городѣ) было по крайней мѣрѣ 30,000 жителей т. е. въ шесть разъ болѣе, чѣмъ теперь; предполагая, что въ другихъ мѣстахъ дубровницкой области народонаселеніе не было такъ сгущено, мы все-таки получимъ въ общемъ итогъ не менѣе 150.000 чел.; какіе страшные перемены должны были потрясти республику, въ теченіе двухъ столѣтій, чтобы низвести это число до 31.000 въ 1807 г!...

Масса народонаселенія принадлежитъ къ католической церкви. Духовный глава Дубровника носитъ титулъ епископа Дубровника и Мерканы и апостольскаго админи-

*) *Tavola statistica generale della città di Ragusa e tutto il suo antico stato per l'anno 1807, eseguita d'ordine del s. Amministratore Generale di Ragusa e Cattaro, Domenico Garagnin, e compilata sotto li 30 Aprile dell'anno 1808.*

стратора Требинья (въ Герцеговинѣ, Vescovo di Ragusa e di Mercana ed Amministratore Apostolico della diocesi di Trebinje). Во времена республики здѣсь былъ архіепископъ (съ половины VIII вѣка,) которому были подчинены епископы Корчулы, Стона, Мерканы и сосѣднихъ славянскихъ областей. Онъ былъ руководителемъ католической пропаганды на балканскомъ полуостровѣ и зависѣлъ отъ одного папы. Законъ возбранялъ избирать въ архіепископы дубровничанина, а потому все дубровницкіе архіепископы были итальянцы. Хотя архіепископъ не получалъ большаго жалованья, но жилъ пышно, о чемъ свидѣтельствуетъ уцѣлѣвшій донинѣ огромный архіепископскій дворецъ; вѣроятно, онъ пользовался большими доходами, ибо дубровницкое духовенство было богато и владѣло большими капиталами, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ—братства священниковъ св. Петра и св. Маріи (La congregazione dei sacerdoti di S. Pietro in Cattedra e S. Maria Maggiore) въ 170.000 гульд.

Быть каноникомъ считалось у дубровчанъ большею честью, и имъ могъ быть, по законамъ республики, только властелинъ. Церкви и монастыри обогащались богатыми вкладами и владѣли населенными землями. Самый богатый монастырь въ Дубровникѣ былъ бенедиктинскій на островѣ Млѣтъ: онъ пользовался доходами со всего острова, а аббать его игралъ политическую роль. Ему были подчинены монастыри кромскій и св. Якова: первый изъ нихъ, основанный въ XI вѣкѣ, славился собраніемъ первопечатныхъ книгъ; онъ разрушенъ нашими войсками въ 1806 году. Мексиканскій императоръ Максимилианъ, бывши эрц-герцогомъ, купилъ Крому и началъ возобновлять монастырь, обративъ его во дворецъ. Монастырь св. Якова на Вышницѣ, въ четверти часа разстоянія отъ Дубровника, разрушенъ одновременно съ кромскимъ; въ немъ жилъ и трудился знаменитый дубровницкій поэтъ и ученый, аббать Игнатій Джисрджичъ; здѣсь онъ и погребенъ. Отъ его богатой библіотеки и

слѣдовъ не осталось. Доминиканскій монастырь основанъ въ XIII вѣкѣ. Нынѣшнее монастырское зданіе, весьма замѣчательной архитектуры, съ аркадами и галлереями, построено въ XV вѣкѣ дубровничанами фра Степаномъ и Посквалемъ Михалевымъ. Въ церкви св. Доминика сохраняется драгоценная сербская древность — серебряный крестъ, сдѣланный по приказанію сербскаго короля Урша, отца царя Душана, около 1310 года; на немъ вычеканена сербская надпись. Здѣсь же хранится замѣчательное произведеніе искусства — образъ Маріи Магдалины, Тиціана. Въ доминиканскомъ монастырѣ была нѣкогда замѣчательная библіотека; но во время французскаго занятія, помѣщенный въ ней отрядъ солдатъ истребилъ почти все рукописи, и только чудомъ уцѣлѣлъ автографъ сочиненій Червы (†1759): *Metropolis Sacra Ragusina, Vitae illustrium Ragusinorum* и *Monumenta congregationis S. Dominici de Ragusa* O. P. ab. anno 1225 usque 1728, — сочиненій, весьма важныхъ не только для церковной, но и для политической исторіи Дубровника. Особенно чувствительна для науки потеря хранившагося здѣсь автографа хроники Николая Раньины (1545). Францисканскій монастырь, основанный также въ XII вѣкѣ, построенъ въ XV по образцу доминиканскаго. Несмотря на то что во время великаго землетрясенія 1667 г. и слѣдовавшаго за нимъ пожара онъ потерялъ до 7.500 рукописей и книгъ, его библіотека самая богатая въ Дубровникѣ: въ ней болѣе 2000 рукописей, важныхъ для исторіи Дубровника. Кромѣ мужскихъ монастырей были и женскіе; изъ нихъ уцѣлѣлъ только одинъ св. Клары въ предмѣстьи Пилахъ: въ немъ обучаются дѣвушки (*Conservatorio delle ragazze*, съ 1829 г.).

Соборная церковь св. Маріи первоначально построена въ 1050 году хорватско-далматинскимъ королемъ Стефаномъ: съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перестраивалась; въ 1667 году она была разрушена землетрясеніемъ, но въ 1713 году возобновлена архитекторомъ Ангеломъ Бьянки. Она обширна и свѣтла, но архитекту-

ра не выходить изъ ряда обыкновенныхъ. Она славится огромнымъ количествомъ мощей, въ числѣ которыхъ находится рука св. Іоанна Крестителя, привезенная въ XV вѣкѣ изъ Іерусалима боснійскимъ фратромъ Юріемъ Драгишечемъ. Въ соборной ризницѣ хранится замѣчательное произведеніе дубровницкаго золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Прогоновича (половины XV вѣка)—серебряный позолоченный рукомойникъ съ кувшиномъ. Онъ былъ заказанъ дубровницкимъ архіепископомъ Тимоѳеемъ Маффеи для венгерскаго короля Матвѣя Корвина; но не дошелъ по своему назначенію по причинѣ смерти Маффеи. Этотъ рукомойникъ, въ видѣ глубокаго круглаго блюда, замѣчателенъ по своей отдѣлкѣ: на немъ изображены различныя морскія животныя, а подъ ними трава; когда нальютъ въ него воды, животныя кажутся движущимися, какъ живыя. Кувшинъ украшенъ различными мифологическими изображеніями посреди листьевъ и плодовъ. Соборъ украшенъ образами замѣчательной работы итальянскихъ и дубровницкихъ мастеровъ: упомянемъ только объ Успеніи Богородицы—Тиціана, Мадоннѣ della Seggiola—Рафаэля, Торжествѣ Христіанской вѣры—Петра Маттеи, и Маріи съ Іисусомъ—Бенедикта Стойковича (Stay).

Гораздо замѣчательнѣе архитектура храма св. Власія: онъ построенъ въ итальянскомъ вкусѣ венеціанцемъ Мариномъ Гропелло, на мѣстѣ разрушенной землетрясеніемъ 1667 года церкви, сооруженной въ 1348 году. Первоначальную постройку церкви св. Власія лѣтописи относятъ къ 971 году, рассказывая при этомъ слѣдующее:

„Въ 971 году пришелъ подъ дубровникъ венеціанскій флотъ (35 galere, navi 35, barcasi 30, fuste 12). Показывая видъ, будто отправляются на Востокъ для завоеваній и обращаясь весьма дружелюбно съ дубровничанами, венеціанцы высматривали слабыя позиціи съ тѣмъ, чтобы ночью овладѣть городомъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Однажды ночью является священнику церк-

ви св. Стефана, по имени Стойку, мужу добродѣтельной жизни, св. Власій въ образѣ старца-епископа и говорить: „Скажи дубровничанамъ, что я до сихъ поръ охранялъ ихъ отъ козней венеціанцевъ; пусть и впредь остерегаются ихъ“. Правительство, узнавъ объ этомъ, разставило стражу, и однажды ночью многіе изъ венеціанцевъ, пришедшихъ въ городъ по обыкновенію, были убиты, а остальные бѣжали на корабли, которые немедленно отплыли на Востокъ. Съ тѣхъ поръ дубровничане приняли св. Власія за своего покровителя и въ честь его построили на площади церковь, стоившую 13.000 перперовъ (мелкая серебряная монета)“.

Дубровницкое духовенство никогда не играло политической роли и не принимало никакого участія въ государственномъ управленіи: оно служило послушнымъ орудіемъ правительству, которое, изъ видовъ политическихъ, искореняло православіе на своей территоріи и распространяло католицизмъ на Востокъ. Въря въ предсказаніе св. Франциска, посѣтившаго Дубровникъ въ 1219 году, что республика падеть одновременно съ утвержденіемъ въ ней иновѣрческаго исповѣданія, дубровничане ревностно обращали въ католицизмъ православныхъ жителей Жупы, Приморья, Стона и Конавля, и, по ихъ законамъ, право гражданства имѣли только католики: этимъ достигалось также единство между различными стихіями народонаселенія и разрывалась связь съ сосѣдними славянскими племенами, которыя жили болѣе свободно жизнію, и къ которымъ естественно тяготѣли жупляне, приморцы, стонцы и конавляне. Съ другой стороны, обращая въ католицизмъ балканскихъ славянъ, съ которыми находились въ торговыхъ сношеніяхъ, дубровничане пріобрѣтали себѣ друзей въ странѣ имъ чужой и отдаленной, а потому не щадили издержекъ на постройку при своихъ фикторіяхъ церквей и на содержаніе при нихъ священниковъ и проповѣдниковъ. Пользуясь исключительными правами и привилегіями въ Турціи, они покровительствовали совращен-

нымъ въ католицизмъ славянамъ и защищали ихъ отъ угнетеній турецкихъ властей) Почти до самаго паденія Республики (именно до 1804 г.), православное вѣроисповѣданіе не было терпимо въ Дубровникѣ. Французы оказывали православнымъ особое покровительство и предлагали имъ лучшую церковь въ городѣ; но малочисленные и забытые наши единовѣрцы не посмѣли принять ихъ предложеніе. Подъ австрійскимъ владычествомъ они вздохнули свободнѣе; но недостатокъ средствъ и энергіи былъ причиною того, что до послѣдняго времени они должны были довольствоваться молельнею, устроенною еще въ 1790 году за городомъ на горѣ. Только года два тому назадъ православная община купила мѣсто въ городѣ, на которомъ намѣрена построить приличную церковь. Православное духовенство въ Дубровникѣ (всего два священника: парохъ или жупникъ и капелланъ) бѣдно, забито и заподозрѣно въ привязанности къ Россіи, тогда какъ католическое живетъ въ довольствѣ и ведетъ себя неприлично своему сану. Но въ этомъ многочисленномъ католическомъ деховенствѣ господствуетъ вмѣстѣ съ бенравственностью бездарность и невѣжество: тѣмъ сильнѣе оттѣняются здѣсь такія личности, какъ ученый каконикъ Арбанасъ, почтенный старецъ, посвятившій себя воспитанію дѣтей, и приходскій священникъ, Матвѣй Водопичъ, знатокъ народа и даровитый романистъ.

За исключеніемъ итальянскихъ чиновниковъ и нѣмецкаго гарнизона, почти всѣ жители славянскаго происхожденія, *сербскаго* племени. Языкомъ и образомъ жизни они почти вовсе не отличаются отъ сосѣднихъ герцеговинцевъ (говорю о простомъ народѣ); но какъ послѣдніе примѣшиваютъ въ свою рѣчь турецкія слова и даже цѣлыя выраженія, такъ дубровничане, особенно тѣ, которые поближе къ городу, не могутъ обойтись безъ итальянщины: неприятно слышать изъ устъ серба такія слова, какъ „дивертишкатисе“ (divertirsi — веселиться, забавляться), „финестра“ (окно), „бира“ (пиво),

лой рубахи, цвѣтной юбки (большею частію синей) и куртки. Голову покрываютъ платкомъ только замужнія. На шеѣ ожерелье изъ старыхъ монетъ или бусь. Одежда разнообразится по селеніямъ. Красивые и рослые жупляне и жуплянки отличаются щеголеватостью. Мрачные конавляне носятъ одноцвѣтную черную одежду. Женщины на Пелешцѣ отличаются пестротой одежды и высокими шапками, украшенными разноцвѣтными лентами и цвѣтами: въ ихъ нарядѣ проглядываетъ что-то неславянское (не изъ Испаніи ли занесены сюда эта страсть къ пестротѣ и эти высокія шапки? Дѣло возможное: Охмучевичи и Тасовичи были родомъ съ Пелешца).

Дубровницкіе поселяне всегда пользовались полною свободою. Ихъ отношенія къ помѣщикамъ опредѣлены еще въ XIV—XV в. Обыкновенно помѣщикъ, оставляя для собственнаго своего пользованія участки земли, называемый *цариною*, все остальное ея пространство раздроблялъ на участки между поселянами (*coloni*): за одни изъ этихъ участковъ они приносятъ ему условленное количество пшеницы (это называется *увѣтъ*), а за другіе (*stima*) вносятъ $\frac{2}{3}$ поземельной подати; за право пользованія хозяйственными постройками, они отработываютъ 90 дней *барщины*, а за сады, прилежащія къ домамъ, каждая семья приносить въ опредѣленные сроки *поклоиъ*, состоящій изъ козь, куръ и яицъ. Помѣщикъ, недовольный поселяниномъ, можетъ прогнать его съ своей земли, заплативъ ему за всѣ сдѣланныя имъ улучшения (*miglioramenti*); но какъ эти улучшения обыкновенно оцѣниваются выше стоимости земли, то помѣщикъ бываетъ принужденъ сносить всѣ неисправности своихъ поселянъ. Зная, съ какою небрежностью отработывается барщина, помѣщикъ обыкновенно отдаетъ царину на аренду богатому земледѣльцу, обязывая его платить ему $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ дохода или же предоставлять ему всѣ маслины.

Маслины составляютъ самую доходную статью дубров-

ницких помѣстій: въ хорошій годъ весь округъ производитъ 10.000 боченковъ оливковаго масла, изъ числа коихъ $\frac{2}{3}$ потребляются въ странѣ и $\frac{1}{3}$ отпускается въ Триестъ. Лучшія маслины рождаются въ Орашцѣ (Val di-Nose) и Затонѣ (Malfi): добротою онѣ не уступаютъ итальянскимъ. За маслинами по степени доходности слѣдуетъ вино; въ прежнее время дубровницкій округъ производилъ его значительное количество, но съ тѣхъ поръ, какъ появилась критогама (болѣе 15 лѣтъ), дубровничане не только не могутъ отпускать вино за границы своего округа, но даже сами закупаютъ этотъ продуктъ въ далматинскихъ городахъ, особенно Шибеникѣ. Знаменитая дубровницкая мальвазія, продававшаяся 10—30 гульд. за эймеръ (всего производилось 200 эймеровъ), не существуетъ болѣе. Лучшія вина дубровницкаго округа слѣдующія: вугава (темно-желтаго цвѣта, сладковатое, но крѣпкое, на о-вѣ Брачѣ), просекко (свѣтлѣе вугавы, крѣпкое, — на Хварѣ и Пелешцѣ), гркъ (родъ мадеры) и печено (родъ краснаго хереса — оба на Корчулѣ, послѣднее и на Пелешцѣ). Масличными деревьями и виноградниками занято почти все пространство способной къ обработкѣ земли.

Фруктовые сады не производятъ достаточнаго для мѣстнаго потребленія количества плодовъ, а потому приходится прибѣгать къ вывозу ихъ изъ Апуліи. Каменистая почва Дубровника не годна для хлѣбныхъ растений, а потому эта отрасль сельскаго хозяйства совсѣмъ заброшена.

Скотоводство, вслѣдствіе недостатка пастбищъ, никогда не процвѣтало въ Дубровникѣ, а теперь въ совершенномъ упадкѣ: оно ограничивается разведеніемъ козъ, овецъ и свиней, и то въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что ихъ недостаетъ для мѣстнаго потребленія; крупный рогатый скотъ пригоняется изъ Герцеговины.

Приморскія селенія извлекаютъ большія выгоды изъ рыболовства, которое, какъ было во времена республи-

ки, такъ и теперь свободно. Слѣдующія породы рыбъ наиболѣе распространены: зубецъ или dentale (sparus dentex, Zahnbrasser) branzino (lobrux lupus, Wolfsbarsch), cefali (mugil caelphalus, Meerüsche) и barboni mullus barbatus, rothe Meerberbe). Кромѣ того, ловится въ морѣ много омаровъ, а въ Стонѣ устриць огромной величины. Во времена республики отпускалось ежегодно за границу 3.500 бочекъ соленой рыбы (преимущественно сардинокъ), нынѣ же, сколько мнѣ извѣстно, весь уловъ потребляется въ самой странѣ.

Дубровничане всегда славились *мореходствомъ*, и доселѣ значительная часть поморскаго народонаселенія снискиваетъ себѣ пропитаніе на морѣ. Мокошица въ Рѣкѣ считается разсадникомъ дубровницкихъ моряковъ. Кромѣ того, славятся своимъ искусствомъ мореплаванія жители Корчулы и Пелешца. Но въ прежнее время дубровничане плавали на своихъ корабляхъ, а теперь на чужихъ: въ 1806 году они имѣли еще 363 корабля; число это уменьшилось въ 1815 до 61, а въ настоящее время едва ли существуетъ болѣе 30. *Кораблестроеніе* въ упадкѣ вслѣдствіе недостатка средствъ: верфь Гружа стоитъ праздно; только на Корчулѣ строятъ еще изрѣдка корабли долгаго плаванія.

Торговля Дубровника ничтожна, и еслибы не было въ сосѣдствѣ такой страны, какъ Герцеговина, совсѣмъ бы заглохла: можно сказать, Герцеговина кормитъ Дубровникъ. Изъ нея получаютъ предметы первой необходимости для жизни, взаменъ коихъ отпускаются мануфактурные и колониальные товары, выписываемые большею частию изъ Триеста. Привозная торговля дубровницкаго округа не достигаетъ 700.000, а отпускная 800.000 гульд. среднимъ числомъ. Почти вся торговля находится въ рукахъ православныхъ купцовъ, родомъ изъ Герцеговины и Босніи. Между ними есть люди не только зажиточные, но даже богатые; жаль только, что они слишкомъ тщеславны и стараются всячески показать себя передъ ненавидимымъ ими обнищавшимъ дворянствомъ:

лишь только купецъ перемѣнить свои широкія шаровары на узкіе панталоны, какъ тотчасъ же появляется у него страсть къ роскоши, а тамъ, смотришь, какъ изъ земли выросло палаццо, расписанное портретами великихъ людей, между которыми непременно отыщутся родственники разбогатѣвшаго купца. Торговое сословіе не вмѣшивается въ политическія дѣла и заботится только о сохраненіи и увеличеніи своихъ привиллегій.

Другое дѣло—*дворянство*: лишенное своего прежняго положенія въ обществѣ, оно живетъ только воспоминаніемъ о прошломъ и мечтами о будущемъ. Австрійское правительство никакъ не можетъ забыть того, что нѣкогда сильное властельское сословіе оказало ему на первыхъ же порахъ сопротивленіе, а потому систематически разоряетъ и унижаетъ его. Отъ общаго крушенія уцѣлѣли только графы Пуцичи (Pozza) и Кабога и баронъ Гундуличъ; остальные же властели обнищали и, такъ сказать, выродились. Но бѣдность не изгнала изъ нихъ духа тщеславія и гордости: подобно римскимъ гусямъ, они трубятъ повсюду о своемъ происхожденіи, гнушаются общества болѣе здороваго сословія — торговаго, проводятъ цѣлые дни въ кофейныхъ домахъ въ праздности и сплетняхъ, утверждая, что имъ позорно служить Австріи, въ дѣйствительности же это дѣлается просто изъ лѣни, и политическія убѣжденія тутъ не играютъ никакой роли: между этими выродившимися властелями рѣдко найдете человѣка съ душою, человѣка прямого и честнаго, для большей же части изъ нихъ честь и добродѣтель не существуютъ. Изъ всей этой фаланги праздношатающихся, развратныхъ графовъ, маркизовъ, бароновъ и патриціевъ едва можно указать на двухъ-трехъ, сохранившихъ доблести своихъ предковъ: любовь къ родинѣ, стойкость характера и трудолюбіе: это графы Медо и Нико Пуцичи и Мариница Джіорджичъ. Разложеніе этой республиканской аристократіи идетъ быстро, и уже недалеко время окончательнаго ея исчезновенія.

Связывающимъ звѣномъ между аристократіею и среднимъ сословіемъ служитъ *нѣмецко-итальянская бюрократія*. Множество пивныхъ и колбасныхъ свидѣтельствуютъ если не о многочисленности, то о вліяніи австрійскихъ культуртрегеровъ. Получающій какихъ-нибудь 15 рублей въ мѣсяцъ, австрійскій офицеръ требуетъ вездѣ своего національнаго напитка, своихъ сосисекъ съ хрѣномъ, своего супу за обѣдомъ, угрожая въ противномъ случаѣ не посѣщать болѣе не покорившагося его требованіямъ, а такъ какъ всѣ нѣмцы составляютъ въ Дубровникѣ особую корпорацію, и неудовольствіе одного изъ ея членовъ принимается къ сердцу всѣми, то несчастный содержатель гостинницы или кофейнаго дома, хотя-не-хотя, долженъ плясать по ихъ дудкѣ. Нѣтъ ничего пошлѣе австрійскаго нѣмца, обыкновенно весьма сомнительнаго происхожденія, надутаго своимъ всезнайствомъ, хвалящагося тѣмъ, что принадлежитъ къ *великой австрійской націи* и съ презрѣніемъ говорящаго о славянскихъ варварахъ. Но во сто разъ хуже австрійскаго нѣмца славянинъ-чиновникъ, изъ кожи лезущій, чтобы превзойдти нѣмца ненавистью и презрѣніемъ ко всему славянскому и способный на всякую мерзость, чтобы только не заподозрили его въ славянофильствѣ.

Гораздо сноснѣе нѣмецкихъ культуртрегеровъ итальянскіе цивилизаторы, доказывающіе дубровничанамъ и далматинцамъ необходимость удержатъ итальянскій языкъ въ школахъ и администраціи, потому будто бы, что славянскій языкъ еще не обработанъ до такой степени, чтобы могъ служить органомъ науки и правительства, а на самомъ дѣлѣ потому, что въ противномъ случаѣ они не удержатся на своихъ мѣстахъ при незнаніи мѣстнаго языка. Есть между ними и такіе люди, которые сулятъ Дубровнику и Далмаціи золотую будущность подъ итальянскимъ владычествомъ. Какъ бы то ни было, итальянское вліяніе весьма сильно на всемъ австрійскомъ приморьи: 20.000 итальянцевъ господствуютъ надъ

416.000 славянъ. Итальянская стихія въ Далмаціи развилаь во времена венеціанскаго владычества, а въ Дубровникѣ подѣ вліяніемъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ. Знаніе итальянскаго языка считается въ Дубровникѣ признакомъ образованности: многіе изъ дубровничанъ говорятъ по-итальянски лучше, чѣмъ по-сербски, а правильно писать на своемъ родномъ языкѣ мало кто знаетъ: такое знаніе правительство считаетъ излишнимъ, а потому на обученіе сербской грамматикѣ не обращаетъ никакого вниманія. Замѣчательную особенность Дубровника составляетъ то, что здѣсь употребляется тосканское нарѣчіе, тогда какъ во всей Далмаціи — венеціанское.

Жиды постоянно пользовались въ Дубровникѣ особымъ покровительствомъ: они издавна имѣли въ самомъ городѣ свою синагогу, тогда какъ православнымъ почти до самаго паденія республики не было дозволено строить церковь даже въ предмѣстьи. Въ рукахъ жидовъ находятся самыя выгодныя торговыя дѣла, какъ-то: продажа сигаръ и табаку и галантерейныхъ вещей, а также разнаго рода денежныя операціи.

Административная власть сосредоточивается въ рукахъ окружнаго начальника (Capitano Circolare), которому подчинены три комиссара и нѣсколько преторовъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Онъ слѣдитъ также за положеніемъ дѣлъ въ смежныхъ герцеговинскихъ округахъ, свѣдѣнія о коихъ доставляетъ ему консульскій агентъ въ Требиньи и пограничный комиссаръ. Во время послѣдняго возстанія въ Герцеговинѣ, начальникъ дубровницкаго округа, Решетаръ, неоднократно вмѣшивался въ дѣла нашихъ единовѣрцевъ и предлагалъ имъ свое посредничество къ примиренію ихъ съ турецкими властями: расточая имъ щедрыя обѣщанія, онъ подѣ рукою дѣйствовалъ въ пользу турокъ и сѣялъ раздоры и несогласія между главарями, прибѣгая нерѣдко къ силѣ золота. Стараясь объ утвержденіи австрійскаго вліянія въ пограничныхъ округахъ, онъ своимъ двусмысленнымъ

поведеніемъ возбудилъ противъ себя и своего правительства ненависть нашихъ единовѣрцевъ. Во время возстанія черезъ Дубровникъ проходили въ Герцеговину турецкія войска и провозили провіантъ и военные снаряды, а дубровницкіе купцы, подъ руководствомъ турецкаго консула Персича (также дубровницкій купецъ), поставляли хлѣбъ для герцеговинской арміи.

Важность положенія Дубровника въ политическомъ отношеніи была причиною учрежденія здѣсь иностранныхъ консульствъ. По конвенціи графа А. Орлова, было учреждено русское генеральное консульство въ 1775 году съ цѣлю „доставлять сюда (въ Спб.) вѣрныя и точныя свѣдѣнія о всемъ, что токмо можетъ заслуживать здѣсь вниманіе со стороны политическаго состоянія Земскаго Правленія и связей онаго съ сосѣдними областями, особливо же съ Портою Оттоманскою и землями оной, ко владѣніямъ Республики Рагузской прилежащими; а равно вѣрно не упускать изъ виду и происковъ Вѣнскаго Двора, клонящихся къ привлеченію Рагузейцевъ подъ шю Австрійское (инструкціи ст. сов. Палладоклису 1800 г.).“ Въ 1788 году прибылъ въ Дубровникъ первый русскій генеральный консулъ *графъ Джика*; при немъ сношенія наши съ Республикою были весьма натянуты: на его глазахъ дубровничане явно нарушали конвенцію графа Орлова, а онъ не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ по старости лѣтъ и по нежеланію ссориться съ сенаторами. Мѣсто графа Джика занялъ въ 1800 г. ст. сов. *Палладоклисъ*, о дѣйствіяхъ котораго намъ ничего неизвѣстно. Въ январѣ 1803 г. мы находимъ уже въ Дубровникѣ *Фонтона*, который съ самаго вступленія своего въ должность генеральнаго консула потребовалъ отъ Сената строгаго исполненія конвенціи графа Орлова: поддержанный министерствомъ, онъ настоялъ на томъ, что православнымъ было дозволено свободно отправлять ихъ богослуженіе. Также энергически онъ дѣйствовалъ и въ другихъ случаяхъ: онъ заставилъ Республику признать наше покровительство Іоническимъ

островамъ и вознаградить русскаго судохозяина за убытки, понесенные имъ отъ разграбленія конавлянами „Африканки“, претерпѣвшей крушеніе у Молонты. Дубровничане, которымъ не нравился энергическій Фонтонъ, старались черезъ своихъ агентовъ при вѣнскомъ дворѣ (графъ Аяла и Кабога) оклеветать его, но безуспѣшно. Когда Дубровникъ перешелъ подъ власть австрійцевъ, русское консульство было ввѣрено мѣстному уроженцу *Ганчу*: онъ не отличался ни особою энергіей, ни высокимъ образованіемъ, ни дипломатическими способностями, но исправлялъ свою должность ревностно. Его долготѣняя консульская дѣятельность, его общительность и мягкость характера пріобрѣли ему общее расположеніе какъ католиковъ, такъ и православныхъ. Въ 1856 году генеральнымъ консуломъ въ Дубровникъ былъ назначенъ *П. Н. Стремоуховъ* (нынѣ директоръ азіатскаго департамента М. И. Д.). Его кратковременное пребываніе въ Дубровникѣ ознаменовалось разрывомъ съ Черногоріей. Дубровничане вспоминаютъ о немъ, какъ о „*persona distincta*.“ По отъѣздѣ изъ Дубровника П. Н. Стремоухова въ 1857 г., управленіе дѣлами консульства было поручено его секретарю, *Петковичу*, утвержденному впоследствии консуломъ: при немъ совершились послѣднія важныя событія въ Черногоріи (граховская побѣда 1858 г., международная коммиссія разграниченія 1859—1860 г. и герцеговинско-черногорская война 1861—1863 г.). Петковичъ родомъ болгаринъ изъ Велеса (род. въ 1826 г.), воспитывался въ Россіи и въ 1853 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Петковичу, со времени вступленія его въ управленіе консульствомъ, пришлось бороться съ французскимъ вліяніемъ въ Черногоріи, которое, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ усиливается: князь Николай, совершенно поддавшись этому гибельному вліянію, отклонился отъ политики, завѣщанной ему предками.

Со времени пресоединенія Дубровника къ Австріи, существованіе въ немъ иностранныхъ консульствъ объяс-

няется только сосѣдствомъ Герцеговины и близостью Черногоріи, дѣла коихъ собственно и составляютъ предметъ занятій консуловъ. Кромѣ Россіи, имѣютъ здѣсь своихъ агентовъ Англія (со времени послѣдней черногорской войны), Турція, Греція, Мексика и Римъ; прусское консульство переведено годъ тому назадъ въ Скутари (въ Албаніи); консульскій корпусъ будетъ, вѣроятно, увеличенъ учрежденіемъ французскаго и итальянскаго консульствъ. Изъ всѣхъ, пребывающихъ въ Дубровникѣ, консуловъ замѣчательна только оригинальная личность англичанина Петона (Paton): сынъ разорившагося купца, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ и Египту въ качествѣ корреспондента „Таймса“; скитальческая жизнь его кончилась назначеніемъ его консуломъ въ Любекъ, откуда онъ былъ переведенъ въ 1863 году въ Дубровникъ. Съ молодости литература ста ладля него ремесломъ: онъ писалъ по заказу о всемъ, что угодно, какъ-то: о музыкѣ (которой онъ считалъ себя знатокомъ), живописи, литературныхъ произведеніямъ разныхъ народовъ, о мадьярахъ, арабахъ и славянахъ (извѣстное сочиненіе его о Далмаціи: *Highlands and Islands of the Adriatick*, London 1849, наполнено бреднями); онъ писалъ и романы и, несмотря на то, что его книгопродавецъ и издатель замѣтилъ ему, по собственному его признанію, что онъ плохой романистъ, — онъ даже теперь на старости продолжаетъ заниматься беллетристикой. Едва выучивъ два-три сербскія выраженія, онъ уже задумалъ написать исторію образованности сербовъ! Простоудилный чудакъ, онъ всякому рассказываетъ свои похождения, свои литературные успѣхи и неудачи; скряга, онъ задаетъ музыкальные и литературные вечера, посѣтители которыхъ должны питаться духовною пищею, не помышляя о вещественной; онъ успѣлъ уже имѣть скандальныя приключенія въ Дубровникѣ, гдѣ онъ служитъ, какъ самъ онъ признался однажды на официальномъ обѣдѣ, предметомъ сарказмовъ. Это такая оригинальная личность, пройти молчаніемъ

которую невозможно тому, кто желалъ бы представить характеристику Дубровника; къ тому же, онъ—писатель: вотъ почему и я счелъ нужнымъ остановиться на немъ.

Въ военномъ отношеніи дубровницкій округъ соединенъ съ которскимъ подъ начальствомъ бригаднаго генерала, имѣющаго пребываніе въ Дубровникѣ. Года полтора тому назадъ эту должность занималъ генералъ Филипповичъ, нынѣшній губернаторъ Далмаціи, человекъ недалеянго ума и невысокой образованности, щеголяющій свѣтскими манерами, которыя пріобрѣлъ, бывши флигель-адъютантомъ Франца Іосифа. До него бригаднымъ генераломъ былъ баронъ Родичъ (православный), запятнавшій себя разрушеніемъ построенныхъ Вукаловичемъ въ Суторинѣ шанцевъ.

Школами завѣдуетъ духовенство. Хотя до половины XV вѣка не было въ Дубровникѣ общественныхъ школъ, и юношество воспитывалось или дома, или въ Италіи и Греціи, тѣмъ не менѣе уровень образованія дубровничанъ уже въ XIV вѣкѣ былъ относительно сосѣднихъ славянскихъ краевъ столь высокъ, что сербскій царь Стефанъ Душанъ отправилъ въ 1351 г. особое посольство въ Дубровникъ съ просьбою прислать къ его двору 20 благородныхъ юношей, а нѣсколько позже послалъ сюда на воспитаніе наиболѣе способныхъ къ наукамъ дѣтей изъ лучшихъ фамилій и основалъ здѣсь библіотеку, для которой пріобрѣлъ дорогою цѣною множество рукописей латинскихъ и греческихъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Дубровникъ былъ разсадникомъ просвѣщенія для сосѣднихъ славянъ: кромѣ мальчиковъ, здѣсь получали образованіе въ шести бенедиктинскихъ монастыряхъ дѣвушки изъ боярскихъ семействъ. Въ 1434 г. итальянецъ Филиппъ де-Диверсисъ устроилъ первую въ Дубровникѣ общественную школу для обученія юношества „in scientia et urbanis moribus.“ Съ тѣхъ поръ дубровничане постоянно выписывали учителей изъ Италіи до 1625 года, когда распространеніе съ каеедры кальвинскаго ученія вынудило Сенатъ воспретить на буду-

щее время вызовъ иностранныхъ преподавателей. Въ концѣ XVII вѣка воспитаніе юношества было ввѣрено іезуитамъ, мѣсто коихъ, по уничтоженіи ихъ ордена въ 1773 г., заняли піаристы; когда же Дубровникъ былъ присоединенъ къ Австріи, іезуиты были вновь вызваны. Содержимая ими гимназія служить разсадникомъ цезаризма и фанатизма. Дубровницкіе іезуиты, почти исключительно итальянцы, относятся непріязненно ко всему славянскому, и только въ послѣднее время, вслѣдствіе требованій далматинскаго сейма, введено преподаваніе сербскаго языка, которое идетъ однако весьма слабо, по причинѣ неудачнаго выбора преподавателя. Въ доминиканскомъ монастырѣ помѣщаются элементарная и реальная школы, директоромъ которыхъ ученый каноникъ Арбанасъ. Благодаря его познаніямъ и любви къ своему дѣлу, преподаваніе въ обѣихъ школахъ весьма успѣшно. Высшее образованіе получаютъ дубровничане по большей части въ падуанскомъ университетѣ, а нѣкоторые и въ вѣнскомъ; имѣющіе намѣреніе поступить на службу во флотъ обучаются въ морской академіи въ Триестѣ. Сельскихъ школъ мало.

Вслѣдствіе низкаго уровня образованія, а также по недостатку средствъ, нѣтъ любви къ *литературнымъ занятіямъ*, и типографія Мартеккини ограничивается печатаніемъ казенныхъ бланковъ, афишъ и тощенькаго календаря „Eridauritano.“ Въ 1848 году, обѣщавшемъ столь много славянамъ, Дубровникъ временно пробудился изъ летаргическаго сна, въ который былъ погруженъ австрійцами. Бизаро своимъ „Incerto (Неизвѣстное)“ и д-ръ Казначичъ своимъ „Avvenire (Будущность)“ стараются пробудить чувство народности въ обитателямъ своихъ согражданахъ, а Мато Банъ и графъ Медо Пуцичъ изданіемъ памятниковъ стародубровницкой образованности стараются вдохновить павшихъ своихъ соотечественниковъ чувствами предковъ: дѣло трудное, по признанію самихъ издателей. „Найдите мнѣ поэта“, говоритъ графъ Пуцичъ (*Дубровникъ* 1849. I кн., стр. 7),

„очи котораго, при созерцаніи общественной жизни или собственной своей души, не оросились бы слезами, не прервалась бы на гусяхъ веселая пѣсня, не облилось бы сердце желчью, не закипѣло бы оно безнадежностью, проклятіемъ? Братья, мы пали глубоко, особенно же мы, дубровничане, такъ упали, что между нами и отцами нашими болѣе разницы, чѣмъ между ними и людьми древности.“ За этимъ минутнымъ увлеченіемъ послѣдовала прежняя апатія, Дубровникъ заснулъ еще глубже, и едва ли мы дождемся его пробужденія... Дѣятели 1848 года устарѣли и слишкомъ измяты жизнью, чтобъ ожидать отъ нихъ энергіи; въ молодомъ поколѣннн нѣтъ и стремленій къ литературнымъ занятіямъ: быть можетъ, Пуцичъ, Казначичъ, Банъ, Водопичъ и Будмани — послѣдніе дубровницкіе писатели... (*)

Графа Медо Пуцича (Conte Orsatto Pozza di Zagorie), потомка древняго властельскаго рода, переселившася въ Дубровникъ изъ Котора около 800 г., бывшаго воспитателя великаго герцога тосканскаго, слѣдуетъ поставить во главѣ дубровницкихъ писателей нашего времени. Онъ можетъ служить типомъ дубровницкаго властелина временъ республики: въ его поэмѣ „Цвѣта“ (изъ осады Дубровника) оплакивается преимущественно лишеніе властельскаго сословія „прирожденнаго“ ему „господства“, затѣмъ разореніе „господскихъ дворцовъ“, бѣдствія же родины стоятъ на второмъ планѣ; въ его ненависти къ намъ и нашимъ союзникамъ, „ястребамъ, залетѣвшимъ въ голубиное гнѣздо“, „неразумнымъ животнымъ, отъ которыхъ нельзя надѣяться ничего хорошаго“, слышенъ голосъ католика-фанатика. Хорваты (католики) считаютъ Пуцича ревностнымъ патріотомъ и од-

(*) Такъ я думалъ въ прошломъ году, когда была написана эта статья. Въ нынѣшнемъ году снова пробудилась въ Дубровникѣ литературная дѣятельность, свѣдѣнія о которой читатель найдетъ въ послѣдней статьѣ этого сборника.

нимъ изъ лучшихъ своихъ поэтовъ; стихотвореніе „Петербургъ“ какъ бы оправдываетъ это мнѣніе.

«Онѣ барем славски цар столује!

Слава Богу! Славянъ господује!»

(Здѣсь возсѣдасть на престолѣ славянскій Царь! Слава Богу! Славянинъ господствуетъ!)

Стихотвореніе это написано подѣ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ гостепріимства, оказаннаго поэту въ бытность его въ Россіи... Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ выразился, какъ мы видѣли, совершенно иначе о насъ и нашихъ союзникахъ. Лучшія стихотворенія Пуцича — лирическія: его сонеты — образцовы. Онъ переводилъ и съ русскаго (напр. изъ Некрасова), но болѣе съ итальянскаго. Его „Споменици Србски из Архиве Дубровачке (2 т.: Србскіе памятники изъ дубровницкаго архива)“ представляютъ мало важнаго для исторіи Дубровника.

Д-ръ *Иванъ Казначичъ* — сынъ престарѣлаго адвоката Антона Казначича, прославившагося своими колядными пѣснями шутивлаго содержанія, — писалъ въ прежнее время хорошія лирическія пѣсни; но его муза давно уже замолкла; а въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ его назначили директоромъ больницы, онъ совсѣмъ пересталъ писать. Его рецензіи и политическія статьи разбросаны по журналамъ и газетамъ. Въ 1848 году онъ былъ редакторомъ газеты „L'Avvenire“ съ еженедѣльными прибавленіями „La Settimana (Недѣля).“

Матвій Банъ, лекторъ французскаго языка въ Бѣлградскомъ лицѣѣ, издалъ 1849—1852 г. три книжки литературно-ученаго сборника „Дубровникъ“, въ которомъ напечаталъ нѣсколько статей по дубровницкой исторіи.

Матвій Водопичъ, приходскій священникъ въ Гружѣ, занимался беллетристикю. Его романъ „Марія“ изъ быта конавлянъ, по отзыву знатоковъ, единственное въ своемъ родѣ явленіе въ сербской литературѣ: къ сожа-

лѣнію, изданъ доселѣ небольшой отрывокъ, по которому трудно судить о цѣломъ произведеніи.

Наконецъ намъ слѣдуетъ упомянуть о филологѣ *Будмани*, написавшемъ сербскую грамматику для итальянцевъ по послѣднимъ результатамъ современной науки. Трудъ этотъ, можетъ быть, въ настоящее время уже напечатанный, мнѣ еще не извѣстенъ: я знаю о немъ только по слухамъ, а сужу объ его достоинствахъ по извѣстнымъ мнѣ занятіямъ автора.

Дубровничане, по своей бѣдности, ведутъ жизнь замкнутую, обмѣниваясь визитами въ церковные и семейные праздники. Православное купечество справляетъ дни святыхъ покровителей ихъ рода: собираются послѣ обѣди; угощеніе состоитъ изъ чернаго кофе, ликеровъ и сластей (наиболѣе извѣстны: *cotognata* — варенье изъ айвы и *mantala* — миндальные лепешки, извѣстныя у итальянцевъ подъ именемъ *pane schiavone*). О званыхъ обѣдахъ, завтракахъ и ужинахъ не имѣютъ и понятія. Гостепріимства болѣе у православныхъ, чѣмъ у католиковъ. Большая часть горожанъ и чиновниковъ питается зеленью и чернымъ кефе; мясо и домашняя птица, по своей дороговизнѣ, подаются рѣдко. Рыба появляется на столѣ дубровничанина, когда большой ловъ, а дичь во время охоты. Такое воздержаніе происходитъ единственно отъ бѣдности: на 30 гульденовъ въ мѣсяцъ иному приходится содержать огромное семейство, — получающихъ до ста гульденовъ ежемѣсячно можно перечесть по пальцамъ. Дубровничанинъ, а особенно дубровничанка, обращаютъ болѣе вниманія на одежду, чѣмъ на пищу: ихъ желудки, подобно страусовымъ, перевариваютъ все; главная ихъ забота одѣться лучше: къ нимъ вполне примѣнима извѣстная русская поговорка. Удивляешься дамскимъ нарядамъ на гуляньяхъ и балахъ: зная, что мужъ получаетъ какихъ-нибудь 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, не постигаешь, какъ ухищряются ихъ жены, чтобы принарядиться въ шелкъ или бархатъ; но стоитъ только пожить въ Дубровникѣ, чтобы разгадать эту за-

гадку. Чиновничьяго жалованья хватаетъ едва на квартиру и пищу; на взятки гуляетъ и одѣвается глава семейства, а жена промышляетъ сама о себѣ: она въ отсутствіе мужа принимаетъ своихъ доброжелателей, на счетъ которыхъ она одѣвается. Это дѣло столь обычное, что не только не таится, но даже служитъ предметомъ хвастовства. Добрые мужья не обращаютъ вниманія на продѣлки женъ, а иногда даже и сами устраиваютъ свиданія и сводятъ съ людьми, полезными для дома.

Дубровничане страстно любятъ музыку. Высшая почесть, какую можно оказать дубровничанину или дубровничанкѣ, — серенада. Дубровничанинъ, желая почестить заѣзжаго гостя, задаетъ ему серенаду; будь это губернаторъ, или православный епископъ, или же турецкій паша, все равно: серенада неизбѣжна. И лишь только раздастся музыка, и старый и малый спѣшить присоединиться къ шествію, особенно если оно совершается съ факелами. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ весь городъ высыпаетъ на музыку, и можно было бы подумать, что живешь въ большомъ европейскомъ городѣ: то же стеченіе народа, также блестящи наряды; но зато въ будни рѣдкую даму встрѣтишь на улицѣ или на гуляньѣ, а если заглянешь въ домъ, то застанешь ее, особенно лѣтомъ, чуть-ли не въ одеждѣ прародительницы Еввы. Кромѣ музыки, развлекаются дубровничане и театромъ. Благодаря предприимчивости графа Бонды, Дубровникъ имѣетъ порядочный театръ; что касается до труппы, то многого нельзя требовать отъ странствующихъ по бѣдной Далмаціи итальянскихъ артистовъ. Прелесть театра теряется отъ конкуренціи баловъ, даваемыхъ здѣшнимъ клубомъ (*Casino mobile*) и гарнизономъ: на балы входъ бесплатный, по приглашенію, а въ театры нужно платить, а потому предпочитаютъ балы театру. Въ карнаваль, когда даются балы, театры пусты. Карнаваль самое бурное время въ Дубровникѣ: онъ справляется по-итальянски. Въ это время бываетъ даже народный балъ, извѣстный подъ именемъ *ballo brenese*, по-

тому что лучшіе танцоры и танцовщицы происходят изъ Врено или Жупы, сселенія, находящагося въ 2-хъ часахъ отъ города: подь монотонный звукъ гуслей или мѣшницы (мѣхъ) отплясываютъ до упаду свое *коло*, общій сербскій танецъ, изображающій объясненіе въ любви. Коло только разъ въ годъ пляшутъ въ городѣ; зато часто въ деревняхъ, въ приходскіе праздники. Лѣтомъ, когда не бываетъ ни театровъ, ни баловъ, устраиваются болѣе зажиточными людьми прогулки по окрестностямъ и пикники. Любимыя мѣста для такихъ *partite di piacere*: Каноза съ своими пресловутыми платанами, Рѣка съ своимъ каскадомъ и мельницы Жупы. Само собою разумѣется, что такіе пикники устраиваются крайне экономически.

Единственный народный праздникъ въ Дубровникѣ бываетъ 3-го февраля, въ день памяти св. Власія. Наканунѣ вывозятъ изъ города въ предмѣстье Пилы двѣ пушки и помѣщаютъ ихъ на берегу моря. Утромъ собираются въ городъ окрестные поселяне съ хоругвями изъ мѣстныхъ церквей; подходя къ городу, они стрѣляютъ изъ доморощенныхъ длинныхъ ружей; имъ отвѣчаютъ пушечными выстрѣлами; оставивъ оружіе у воротъ города, направляются къ церкви св. Власія, въ которой выслушиваютъ обѣдню, а потомъ идутъ крестнымъ ходомъ по городу; послѣ обѣда—лотерея на главной улицѣ *Stradone*, а вечеромъ—*ballo brenese*. Во времена республики праздникъ св. Власія совершался съ особенною торжественностію. Еще наканунѣ весь городъ приходилъ въ движеніе. Дружины селеній Жупы и Рѣки, трижды обходя кругомъ города, трижды салютуютъ ректору и его совѣтникамъ, сидящимъ подь арками дворца. Пушечными выстрѣлами и барабаннымъ боемъ встрѣчаютъ зарю слѣдующаго дня. Въ 8 часовъ утра 12 поселяногъ исполняютъ въ присутствіи ректора, передъ дворцомъ, танецъ, аллегорически изображающій миръ и изобиліе. Адмиралъ дубровницкаго флота, водружая знамя Республики на Роландовой площади, произноситъ слѣдую-

щее пожеланіе: „Во имя св. Троицы и т. д., во имя славнаго св. Власія, нашего покровителя и. т. д., во имя всѣхъ святыхъ, да здравствуетъ славная наша Республика, да ниспошлетъ ей Господь побѣду, миръ и изобиліе и да сохранить ея на многіе годы на море и на сушѣ! Ура св. Власій!“ Въ это время распорядитель праздника (*il gran-capitano della festa*), которому предшествуетъ пажъ и за которымъ слѣдуютъ 4 знаменосца и множество слугъ въ парадныхъ одеждахъ, при барабанномъ боѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, направляется изъ главной гауптвахты къ ректору, передъ которымъ онъ и вся его свита нѣсколько разъ кланяются по-испански. Остатокъ утра проходитъ въ слушаніи миссы и въ крестномъ ходѣ, участіе въ которомъ принимаютъ Большой Совѣтъ и все духовенство. Послѣ обѣда устраивается турниръ, на которомъ *il gran-capitano* побѣждаетъ своего противника, *il contro-capitano*, послѣ чего возвѣщаетъ ректору: „наши побѣдили, и все обстоятъ благополучно!“ Ректоръ даритъ распорядителя праздника, который задаетъ веселую пирушку друзьямъ и роднымъ.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ упомянуть о *старинныхъ постройкахъ*, уцѣлѣвшихъ отъ землетрясенія 1667 года. Построеніе городскихъ стѣнъ со стороны моря лѣтописи относятъ къ 681 году; *Castello di S. Giovanni* въ Пустьернѣ (*Posterula*, позднѣйшее поселеніе) было построено въ 781 году; стѣны со стороны горы св. Сергія возведены въ 1100 году, по разрушеніи башни короля Бодина, 7 лѣтъ осаждавшаго Дубровникъ; тогда же былъ засыпанъ морской каналъ, бывший на мѣстѣ нынѣшней *Stradone*, и начали застраивать Прѣки; стѣны были перестраиваемы въ 1266 и 1348 годахъ, нынѣшній же ихъ видъ относится къ 1570 году, когда были возведены новыя укрѣпленія инженеромъ Сапорозо Маттеучи, уроженцемъ города Фермо. Стѣны украшены изображеніями св. Власія. Укрѣпленіе Минчетта построено въ 1318, а *Rivelino* или *Fortezza Pia*

(сооружено на деньги, пожертвованныя папою Пиемъ II) въ 1460 году. *Форть св. Лаурентія* (San Lorenzo) на скалѣ въ предмѣстьи Пилахъ построенъ въ 1038 г. и возобновленъ въ 1460 г. *Ректорскій дворець* (нынѣ окружное управление) въ итальянскомъ вкусѣ съ колоннами, украшенными барельефами, построенъ 1435—1464 г. *Таможня* (Dogana Maggiore) въ готическо-арабскомъ вкусѣ сооружена 1516—1520 г. Въ 1540 г. окончена постройка *церкви св. Вознесенія* у Западныхъ воротъ. Въ 1435 г. итальянецъ изъ Луки, Онуфрій Иорданъ, провель въ городъ воду изъ долины Шумета, а въ 1438 г. построилъ два изящныхъ *фонтана*, одинъ близъ дворца, а другой насупротивъ францисканскаго монастыря. О церквахъ и монастыряхъ было говорено выше. Эти старинныя постройки, отличающіяся отъ новыхъ своею грандіозностью, наглядно показываютъ путешественнику разницу между нынѣшнимъ и прежнимъ Дубровникомъ.

О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЗРОЖДЕНІИ ДУБРОВНИКА.

Въ нынѣшнемъ году возобновилась въ Дубровникѣ литературная дѣятельность въ такихъ размѣрахъ, какихъ она еще не достигала со времени паденія республики.

Литературная дѣятельность дубровничанъ въ 1848 году ограничивалась изданіемъ газеты „Будущность (L'Avvenire)“ и небольшого сборника „Дубровникъ.“ Издатели помышляли только о пробужденіи народнаго самосознанія въ обитателяхъ далматинцахъ и о сосредоточеніи, какъ бывало встарину, литературной дѣятельности всей Далмаціи въ ихъ отечествѣ Дубровникѣ. Несмотря на усиленіе австрійскаго гнета послѣ 1848 года, несмотря на противодѣйствіе итальянской партіи и интриги нѣмецкихъ культуртрегеровъ, славянское народное дѣло въ Далмаціи подвигалось съ каждымъ годомъ впередъ: въ главныхъ городахъ были основаны славянскіе клубы подъ названіемъ „читаониць“ или „штіониць“, года четыре тому назадъ учреждено общество для поощренія народнаго просвѣщенія—„Далматинская матица;“ нѣсколько лѣтъ уже издается въ Задрѣ органъ славянской народной партіи — „Il Nazionale“... Въ то же время повсемѣстные успѣхи славянскаго народнаго самосознанія и событія послѣднихъ годовъ въ Италиі, Германіи и на балканскомъ полуостровѣ не могли не отозваться и на дубровничанахъ и не расширить программы ихъ новой литературной дѣятельности: мѣсто узкаго областного патріотизма занялъ патріотизмъ всеславянскій. Съ такимъ характеромъ является изданный дубровницкою народною „штіоницею“

сборникъ „Дубровникъ“ за 1867 годъ (У Сплѣту, брзотискомъ Антуна Заннони 1866 г. in 8° 522 стр.)

Вѣротерпимость, народное самосознаніе и братскій союзъ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдуются далматинскими патриотами. Въ этомъ смыслѣ высказывается и дубровницкій властелинъ, *графъ Медо Пуцичъ*, въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи „Пома (Пальма)“, напечатанномъ въ сборникѣ „Дубровникъ“ (стр. 3—5). Сравнивая пальму сахарскихъ оазисовъ съ пальмою адриатическаго приморья, поэтъ говорить:

„Стройная пальма! благочестивая рука пересадила тебя и въ сербское приморье, и, хотя сѣверный вѣтеръ часто охлаждаетъ тѣсенины, ты растешь у насъ по склонамъ скаль; но твой ростъ не величественъ, но твой плодъ не можетъ дозрѣть, но пользы отъ тебя нѣтъ никому... Простое украшеніе суроваго края!“

„Много такого заморскаго зелья легло въ тебя, родная земля: оно высосетъ твои соки, оно вытянетъ твои жилы... Какая польза отъ того, что въ вербную недѣлю оно украшаетъ алтарь и ложе? Какая польза тебѣ, у которой нѣтъ куска хлѣба, отъ того, что цвѣты твои издають аромать?“

„О, оставь ненавистное чужеземство! Всякой землѣ Богъ даровалъ способъ, размѣряя влагу и жаръ, питать свой народъ своею пищею. Свое зерно желудка не портить, домашнее платье никогда не старѣется, а кто гонится за соколомъ, тотъ не цѣнитъ изысканную кухню и бархатъ.“

„Всевышній надѣлилъ тебя умомъ, красою, силою, звучною рѣчью, чтобъ ты была намъ, сербская земля, нашею гордостью, но только смотри за собою; не ищи ты египетскихъ оазисовъ, итальянскихъ дивъ, нѣмецкихъ хитросплетеній, но принеси плодъ своего лона, покажи свѣту свой юнацкій родъ!“

„Безумцы посѣяли раздоръ, издѣвались надъ совѣстью, грекъ и латинянинъ попрали вѣру, французъ и нѣмецъ честь и науку; но у тебя божья вѣра чиста, душа твоя

блестить, какъ золото, внемли только голосу своего сердца, и Богъ, всеобщій судья, не оставитъ тебя!“

Въ посланіи *Матвѣя Певичевича* къ извѣстному далматинскому поэту Ивану Сундечичу (тамъ же, стр. 299—302), проникнутомъ духомъ вѣротерпимости и братской любви, высказывается надежда на переменѣну въ судьбѣ южныхъ славянъ въ близкомъ будущемъ, „когда братья, не обращая вниманія на то, какъ кто крестится, станутъ пить изъ одной чаши, будутъ одушевлены однимъ духомъ, встанутъ на ноги, пойдутъ въ сваты къ бѣдной райи и счастливо дойдутъ до ея двора вмѣстѣ съ милымъ, Богомъ суженымъ, роднымъ, желаннымъ. Бѣдная райя силою насилуется, тяжело стонетъ подъ рукой немилою, плачетъ, стонетъ въ одиночествѣ“...

Но бѣдная райя, страждущая подъ тяжелымъ игомъ турка (поэтъ исчисляетъ всѣ ея страданія), „живетъ надеждою, что ея милый прійдетъ со сватами, разовѣетъ знамя на ея дворѣ, приведетъ коней на ея дворъ, побьетъ волковъ и медвѣдей, острижетъ и обрѣетъ *аиг* (турецкихъ помѣщиковъ), острижетъ и укоротитъ имъ ногти, уплатитъ долги, разрушитъ *кулы* (зѣмки) и минареты, солью посолить имъ землю, чтобъ не процвѣтало то, что дышетъ проклятіемъ, чтобъ не дышало то, что не крестомъ пахнетъ.“

„Милый райю, единственную дочь у матери, обнимаетъ, цѣлуетъ и, какъ слѣдуетъ, нѣжитъ,—милому райя угождаетъ и съ нимъ ладитъ, орловъ кормитъ — соколовъ питаетъ, рождаетъ дѣтей—молокомъ ихъ питаетъ, молокомъ питаетъ — духомъ воодушевляетъ, молокомъ укрѣпляетъ ихъ перси—духомъ ихъ оживляетъ, за персями мышцы крѣпнютъ, духъ освѣщаетъ совѣсть, по совѣсти дѣло дѣлается, а по дѣламъ и награда принимается“...

Поэтъ заключаетъ пожеланіемъ, „чтобы все ѣли и пили въ согласіи, чтобъ не возобновились грѣхи дѣдовъ, чтобъ не застигла ихъ буря, чтобы буря не покрыла

ихъ развалинами домовъ и чтобы съ ними не погибло и самое ихъ имя“...

„Грѣхи дѣдовъ,“ отъ которыхъ предостерегаетъ сербовъ Ивичевичъ въ посланіи къ Сундечичу, изображены въ трагедіи *Матвья Бана „Царь Лазарь.“*

Дубровничанинъ *Матвья Банъ* (р. 1818 г.), поселившійся съ 1844 года въ Бѣлградѣ, принадлежитъ безспорно къ плодovitѣйшимъ сербскимъ писателямъ: онъ издалъ книгу „о женскомъ воспитаніи“ (1847), составилъ руководство къ военной наукѣ (1848), занимался исторіею Дубровника (1849—1851), наконецъ писалъ стихотворенія (ихъ собраніе издано въ 1855 г.). Въ послѣднее время онъ посвятилъ себя преимуществу драмѣ, и имѣлъ большой успѣхъ: его трагедіи „Мейрима“, „Урошь V“ и „Царь Лазарь“ — суть лучшія драматическія произведенія сербовъ.

Предметъ напечатанной въ „Дубровникѣ“ (стр. 25—144) его новой трагедіи „Царь Лазарь“ — паденіе сербскаго царства вслѣдствіе раздоровъ властелей. Позволимъ себѣ поближе ознакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, которое заслуживаетъ быть не только переведеннымъ на русскій языкъ, но и передѣланнымъ для нашей сцены: въ Прагѣ даются оперы Глинки, а постановка оперы стоитъ несравненно больше, чѣмъ драматическаго произведенія; мы же, располагая громадными въ сравненіи съ чехами средствами, не поставили доселѣ на нашу сцену, вообще бѣдную хорошими драматическими произведеніями, ничего славянскаго, а между тѣмъ такія трагедіи, какъ напр. „Самозванецъ Степанъ Малый (выдававшій себя въ Черногоріи за императора Петра III)“ владыки Петра II или „Царь Лазарь“ Бана могли бы оживить нашу сцену. Передъ нашимъ обществомъ раскрылся бы новый, неизвѣстный міръ, съ которымъ однако мы состоимъ въ кровномъ родствѣ, судьба котораго тѣсно связана съ нашею судьбою. Постановка славянскихъ пьесъ на нашей сценѣ и изданіе переводовъ лучшихъ произведеній

литературь чешской, сербской и т. д. способствовали бы развитію у насъ „русскаго народнаго самосознанія“ гораздо болѣе, чѣмъ самыя блестящія разсужденія.

„Грозныя вѣсти дошли до насъ, братья: Силистрія пала, палъ Шишманъ; онъ предался туркамъ и сгубилъ голову, а сынъ его защитилъ свою алкораномъ... Старый дворець терновскій, столица болгарскихъ королей, сожженъ. Древняя арнадова держава стерта на вѣки съ лица земли... Теперь турки опоясываютъ насъ съ юга и востока. Все болѣе обвивается около насъ лютая змѣя.“ Такъ начинается трагедія.

Сербскіе власти сообщаются во дворець царя Лазаря въ Призренѣ о защитѣ родины. Входитъ Лазарь съ тѣми же вѣстями:

„Король несчастный и несчастный народъ! Итакъ Богъ во гнѣвѣ отвратилъ свое лице отъ грѣшныхъ христіанъ и даровалъ невѣрному силу казнить ихъ за ихъ злочинства. О чемъ снилось только Душану, то исполняетъ Муратъ, и исполнить! Вѣнецъ славы, предназначенный сербамъ, украсить голову османлія.“

„Врагъ сталъ на порогъ нашего царства!“ Этихъ словъ было достаточно для убѣжденія властелей въ необходимости войны: одинъ только Вукъ Бранковичъ, зять Лазаря и будущій измѣнникъ, предлагаетъ войти въ сношенія съ турками и признать себя вассаломъ султана... Дубровничанинъ Пуичъ подаетъ царю два письма: въ одномъ говорится, что, кромѣ Силистріи, еще держатся всѣ дунайскія крѣпости, что Шишманъ, повѣривъ ложнымъ слухамъ о завоеваніи всего его царства турками, предался имъ въ надеждѣ сохранить жизнь и вѣнецъ.

„И потерялъ и вѣнецъ и жизнь! (восклицаетъ Лазарь). Весьма сожалѣю его, но и оуждаю; ибо, когда дойдетъ до того, что все гибнетъ, король долженъ пасть послѣднимъ въ своей землѣ: онъ никогда не отдаетъ своей короны, но вмѣстѣ съ нею падаетъ на могилѣ своихъ ви-

тязей. Такъ, а не иначе, я погибну, если Богомъ суждено!“

Второе письмо гласить, что король боснійскій, Твртко, убѣжденный своимъ секретаремъ Пуцичемъ, согласился послать 20.000 войска на помощь Лазарю.

Царь и властели уходятъ въ церковь св. Михаила; на площади передъ нею появляются два турецкихъ лазутчика въ одеждѣ монаховъ (паши Евренось и Аджибегъ). Они уже успѣли подкупить одного изъ властелей, Драшко, и вручили ему подложное письмо королевича Марка (передавашагося уже туркамъ) къ Вуку Бранковичу. Мало-по-малу собираются властели на площадь, на которой стоятъ два престола, одинъ для царя, другой для патріарха. Лазарь открываетъ *скупишину* слѣдующею рѣчью:

„Витязи! поклонъ вамъ отъ меня. Я хотѣлъ собрать васъ сегодня именно *здѣсь*, предъ гробницею Дупана, чтобы посовѣтоваться о важномъ дѣлѣ и принять такое рѣшеніе, какое достойно сербамъ надъ ковчегомъ великаго царя, и какъ онъ однажды съ этого самаго мѣста спросилъ собранныхъ бояръ, куда они хотятъ обратить оружіе, на нѣмецкую или на греческую страну, такъ и я, о славные вельможи, воеводы и жупаны мои, спрашиваю васъ теперь, готовы ли вы явиться съ оружіемъ въ рукахъ по моему царскому призыву?“

Царю отвѣчаетъ старецъ *Богданъ-Юга*:

„О царь мой, увы, какія времена ты вспомнилъ! Я уже не вижу здѣсь ни одного изъ тогдашнихъ героевъ! Всѣ почіють въ славныхъ могилахъ! Я одинъ остался, чтобъ повѣдать сыновьямъ, какъ тогда отцы ихъ отозвались на зовъ царя-героя. Всѣ мы тогда единодушно воскликнули: веди насъ, куда хочешь.“

„Государь (говоритъ воевода *Радичъ*), ча запрось, какой ты предложилъ, сербское дворянство всегда одинаково отвѣчало своимъ царямъ, и возможно ли дать другой отвѣтъ тебѣ? невзгоды не сломили нашей старой храбрости.“

„И не унижать себя дѣти (подхватываетъ *Топлица*) на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ отцы показали себя столь великими; ибо тогда сильный Душань, —я полагаю, —всталъ бы изъ гроба и, разгоняя насъ, воскликнулъ бы: Прочь, бѣгите, малодушные, не оскверняйте моего праха!“

„О, Топлица,“ отвѣчаетъ ему Лазарь, „мнѣ видится будто на яву тѣнь Душана, грозно смотрящая на насъ и громовымъ голосомъ зывающая къ намъ: Гдѣ мое столь великое царство? что вы съ нимъ сдѣлали? куда отошла отъ васъ прекрасная Романія, куда Фессалія и Македонія, Албанія, Эпиръ и Болгарія? куда дѣлись греческія и боснійскія земли? Я вамъ оставилъ огромное наслѣдство, и его вырвали у васъ изъ рукъ; я оставилъ свой царскій скипетръ, высоко поднятый на востокѣ, сломили его у васъ, какъ у дѣтей, и въ рукѣ у вашего царя я вижу только обломокъ отъ него, да и тотъ чтобъ удержать, онъ долженъ подкупать начальниковъ дикой орды, которую я столько разъ гналъ передъ собою. Все, что я приобрѣлъ дорогою сербскою кровью, вы или потеряли или держите силою золота. Будьте прокляты!“.. Бояре приносятъ въ жертву царю свою жизнь и свое имущество, и онъ такъ продолжаетъ:

„До сихъ поръ голова моя была согнута подъ этою короною, отягченною не столько золотомъ, сколько стыдомъ; но теперь я могу поднять ее и гордо взглянуть на свой народъ. Да будетъ вамъ отъ меня хвала, а отъ свѣта вѣчная слава, сербскіе владетели, вѣчно храбрые, вѣчно разумные, вѣчно великодушные! Когда вы меня посадили на престолъ, я нашелъ отечество наше подѣленнымъ между тѣми, которые должны были охранять его цѣлость; единодержавнаго царя не было, Боснія сама избрала себѣ государя, Болгарія отпала, а вельможи въ другихъ областяхъ всѣ стали совершенно независимы, и я смотрѣлъ съ моего опустѣлаго престола, осталось ли надъ чѣмъ царствовать. Но съ божьею помощію и вашею я сталъ мало-по-малу собирать камень за камнемъ отъ разрушеннаго Душанова зданія. Я укротилъ строп-

тивность многихъ отщепенцевъ, сломилъ силу злаго Альтомана, разорилъ гнѣздо Мрнявчевичей, власть угорскую отодвинулъ къ сѣверу, и третью часть царстваворотилъ. Я далъ отдыхъ народу, чтобы потомъ, собравшись съ силами, идти далѣе; но какъ тутъ, посреди нашего пути, мы встрѣтились съ азіатцемъ. Скрестились мечи, нашъ былъ сломленъ, его цѣль остался. Нужно было или возобновить опасную борьбу, или поклониться ему. Молодые силы были уморены, держава еще не окрѣпла, и я избралъ послѣднее. Я платилъ дань, выжидая, когда буду мочь послать ему острую саблю вмѣсто дани. Теперь снова пришелъ ко мнѣ его посоль за этою постыдною искупительною данью, но, клянусь вамъ Пресвятою Троицею, не дамъ ему ни гроша.“

При этихъ словахъ Лазарь встаетъ патриархъ и говорить:

„Вѣчная глава сербства, я намѣстникъ Божій между вами принимаю твою клятву и поправное это знамя человѣческаго искупленія поднимаю къ небу. Да будетъ проклятъ всякій, кто не собрался бы около него и попустилъ бы невѣрной рукѣ низвергнуть его опять въ прахъ!“

Выслушавъ мнѣнія различныхъ воеводъ, Лазарь говоритъ:

„Возвѣщаю вамъ, что уже заключенъ союзъ угнетенныхъ народовъ. Какъ только падишахъ ударитъ на Сербію, возстанетъ вся Караманія, съ тылу нападутъ на него греки, а съ боковъ болгаре и албанцы, а подъ моимъ знаменемъ пойдутъ ему навстрѣчу боснякъ и сербъ. Сто тысячъ храбрѣйшаго войска я выведу на Косово поле.“

Ему возражаетъ сръмскій банъ:

„Въ этотъ союзъ я не имѣю никакой вѣры. Грекъ не посмѣетъ поднять и головы, а караманъ, только что покоренный, безсиленъ, о другихъ и говорить не хочу. Но, царь, если ты поведешь войско на Косово, то и я прииду туда; но оттуда мы больше не вернемся.“

Лазарь объявляетъ войну туркамъ:

„Итакъ, съ согласія всего дворянства, я, царь сербскій Лазарь, отказываю падишаху въ дани и объявляю ему вѣчную рать.“

Патріархъ провозглашаетъ войну священной и призываетъ благословеніе небесъ на оружіе сербовъ.

Отъ этихъ словъ Лазаря, сръмскаго бана и патріарха вѣдетъ современность. И въ настоящее время готовится въ Турціи священная война, и въ настоящее время пылкіе сербы возлагаютъ большія надежды на союзы съ Греціею и Румыніею; но не дай Богъ, чтобы во второй разъ исполнилось грозное предсказаніе сръмскаго бана и чтобы повторилось для сербовъ Косово.

Второе дѣйствіе начинается интригами Драшка и турецкихъ лазутчиковъ. Бранковичъ ссорится съ Милошемъ и Лазаремъ, и въ то же время получаетъ письмо отъ Марка королевича, сына Вукашина, изгнаннаго изъ царства Лазаремъ. Марко пишетъ ему, что султанъ рѣшился низложить съ престола Лазаря и предложить корону ему. Бранковичу, съ тѣмъ чтобы онъ призналъ себя турецкимъ васаломъ; самъ же Марко отказывается отъ престола, опасаясь будто бы мести бояръ изъ-за отца его Вукашина, и довольствуется спокойною жизнію въ Прилипѣ. Бранковичъ колеблется:

„Гробъ иль престолъ!... одно изъ двухъ. Но на гробѣ сіяетъ благословенный вѣнецъ мученика, а на престолѣ чернѣется корона измѣнника, навѣки осрамленная проклятіемъ. Правда, я нѣкогда помышлялъ о царской багряницѣ, и сильно помышлялъ; но чтобы до нея дойти такимъ путемъ?!.. Нѣтъ, не хочу... Не хочу? Но кому и изъ-за кого я останусь вѣренъ? Слабому тестю изъ-за полуумнаго дѣверя!“ и т. д.

Въ то время, когда онъ колеблется между престоломъ и вѣрностью подданнаго, входятъ Евренось и Аджибегъ, переодѣтые монахами, и открываютъ ему тайну: врагъ его, Милошъ Кобиличъ, измѣнилъ Лазарю и продалъ себя туркамъ. Бранковичъ поселяетъ въ Лазарѣ

недовѣріе къ Милошу и наконецъ повѣряетъ ему признанную отъ лже-монаховъ тайну. Лазарь не поддается обману; но подложное письмо отъ пловдивскаго жупана, Райка, увѣряетъ его въ измѣнѣ Милоша... Драшко разсѣваетъ и послѣднюю тѣнь сомнѣнія.

Третье дѣйствіе начинается открытіемъ турецкихъ лазутчиковъ. Лазарь приказываетъ казнить ихъ, но ихъ спасаетъ Бранковичъ и Милошъ. На допросѣ они продолжаютъ увѣрять въ измѣнѣ Милоша; еще одно письмо изъ Пловдива удостовѣряетъ въ томъ же. Лазарь уже не сомнѣвается болѣе, что Милошъ дѣйствительно измѣнникъ, и рѣшается отослать его изъ войска въ Крушевацъ къ царицѣ и дѣтямъ. Милошъ сопротивляется приказанію Лазаря, но тотъ напоминаетъ ему, что уже многимъ строптивымъ боярамъ онъ согнулъ гордую выю...

При поднятіи занавѣса въ четвертомъ дѣйствіи сербскіе бояре ужинаютъ. Озабоченный Лазарь ни ѣсть, ни пьетъ; еще не всѣ восводы собрались; но онъ не откладываетъ боя:

„Мы уже рѣшили быть бою завтра, и будетъ! Поджиданіе мало принесло бы намъ пользы, а невзгоды возрасли бы. Видовъ (св. Вита) день пусть рѣшитъ судьбу и останется вѣчно памятнымъ или по окончательному пораженію сербовъ, иль по побѣдѣ, какихъ было мало. Наканунѣ этого суженаго дня, не удивительно, что я озабоченъ. Сегодня вечеромъ вижу я около себя блестящій кругъ славныхъ витязей; но увижу ли я и сколько изъ нихъ завтра вечеромъ? Еще сегодня вечеромъ сербы тысячами спокойно спятъ на этомъ полѣ, а сколько ихъ завтра будетъ спать непробуднымъ сномъ?“ На это замѣчаетъ ему *Милошъ*:

„Мы родились, чтобъ жить и умереть за народъ. Благо всякому, кто честно исполнитъ свой долгъ. Царь Лазарь, о такихъ ненужно сожалѣть.“

Лазарь перебиваетъ его:

„Я то же говорю: благо такому! Но тяжело грѣшной ду-

шѣ того, изъ-за кого жены и дѣти тысячами одѣнуть трауръ, изъ-за кого скованная цѣпями горько засто-нетъ вся родина, на кого цѣлые вѣка будутъ сыпаться проклятія поколѣній!“

Властели требуютъ у царя объясненія его загадоч-ныхъ словъ, и онъ обвиняетъ Милоша въ измѣнѣ. Ми-лошъ встаетъ, беретъ поднесенный ему, какъ измѣнни-ку, кубокъ и говоритъ:

„О, несчастный, обманутый царь! Хотя и щемитъ мнѣ сердце, но я беру твердою рукою предназначенную измѣн-нику чашу и пью ее передъ народомъ сербскимъ и всевидя-щимъ и праведнымъ Богомъ, тебѣ во здравіе, а себѣ во причащеніе... Удерживаю эту злосчастную чашу. Ты всю ее налилъ мнѣ ядомъ, ворочу ее тебѣ завтра наполненною моею праведною кровью. Пусть ухнетъ ею мой кле-ветникъ. Прощай, царь! Завтра Видовъ день, и ты уви-дишь, кто тебѣ вѣренъ и кто измѣнникъ.“

Милошъ, чтобъ оправдать себя, задумалъ опасный подвигъ—собственноручно убить султана въ его шат-рѣ. Онъ пишетъ прощальное письмо женѣ Вукосавѣ и дѣтямъ и плачетъ, какъ дитя, онъ, закаленный въ бояхъ воинъ. Вѣрные друзья его, Топлица и Косанчичъ, рѣ-шаются погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, и всѣ трое на зарѣ отправляются въ турецкій лагерь.

Въ началѣ пятаго дѣйствія Милошъ является къ сул-тану Мурату и жалуется ему на своего тестя и предла-гаетъ свои услуги. Султанъ обѣщаетъ ему большія по-чести и даетъ поцѣловать свою руку, а Милошъ въ это время поражаетъ его кинжаломъ. Въ страшной бит-вѣ съ турками гибнутъ три побратима.

Побѣда склоняется на сторону сербовъ; но Вукъ Бран-ковичъ съ своею конницею измѣняетъ и гибнетъ царь, а съ нимъ и всѣ его воеводы. Радичъ, запоздавшій къ битвѣ, прокалываетъ себя саблею и умираетъ со слова-ми: „Прощайте! Легъ я рядомъ съ братьями на разва-линахъ Лазарева царства, на могилѣ сербской свободы!“

Такъ оканчивается эта замѣчательная и по мысли и

по языку (она писана стихами) трагедія Матвѣя Бана. Единственный, по нашему мнѣнію, недостатокъ этой трагедіи—слишкомъ большое число дѣйствующихъ лицъ (25 сербовъ и болѣе 10 турокъ), между которыми, нужно замѣтить, нѣтъ ни одной женщины.

Страданія христіанъ въ Герцеговинѣ подъ турецкимъ управленіемъ изображены въ исторической повѣсти П. Франасовича, „Ази-бегъ,“ (Дубровникъ стр. 6—24). Имя Петра Франасовича, католическаго священника на островѣ Корчулѣ, не ново въ сербской литературѣ: во II-ой книгѣ „Дубровника (1850 г.)“ напечатана любопытная статья его о народныхъ обычаяхъ въ Дубровникѣ, а въ „Народномъ календарѣ“ далматинской Матицы за 1864 годъ изданъ отрывокъ изъ его корчуланской исторіи. Повѣсть Франасовича переведена въ „Литературной Библіотекѣ“ 1867 г. № 6.

Съ герцеговинцами знакомить насъ и австрійскій консульскій агентъ въ Требиньи, *Вукъ Врчевичъ*. Онъ напечаталъ въ „Дубровникѣ (стр. 145—156)“ нѣсколько народныхъ герцеговинскихъ *приповѣдокъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ столь характеристичны, что мы рѣшаемся познакомить съ ними читателей.

„Отчего райя всегда горюетъ?“

„Когда жида распинали Христа, спросилъ Христось апостоловъ: знаете ли, что вѣрные народы теперь думаютъ и дѣлаютъ?—„Знаемъ,“ отвѣчали они ему; „греки мудрствуютъ, какъ бы тебя мудростью избавить.“ Пусть дастъ имъ Господь всегда мудрости! — „Рускіе собираютъ сильное войско, чтобъ отнять тебя силою.“ — И пусть всегда его имѣютъ.—„Латыняне собираютъ деньги, чтобъ тебя выкупить.“ — И пусть всегда ихъ имѣютъ!—А что дѣлаютъ христіане (райя)? спросилъ онъ.— „Все горюютъ и плачутся о тебѣ: *горе намъ нынѣ и до вѣка*.“ —И пусть Богъ дастъ, чтобъ они всегда горевали и плакались!—Такъ это и понынѣ.“

„*Побратимство турка и христіанина.*“

„Въ одной корчмѣ сидѣли рядомъ турокъ и христіанинъ, и каждый пилъ свое. Когда они напились, насидѣлись и наговорились вдоволь, турокъ сказалъ: „Давай, влахъ, *), побратимимся на зло нашему врагу, который говорить:

«О, турокъ, кумъ по неволѣ!

О влахъ, силою побратимъ.»

Христіанинъ не могъ отказаться, и они побратимились. Взялъ турокъ стаканъ и выпилъ на здоровье христіанину, приговаривая: „Дай Богъ тебѣ здравствовать, побратимъ! сколько жертвъ заколото на байрамѣ, столько бы погибло влаховъ, нашихъ враговъ.“ Тогда взялъ стаканъ христіанинъ и выпилъ на здоровье турку, приговаривая: „Будь здоровъ, побратимъ! да Богъ дастъ, чтобы сколько въ пасху сломилось крашенныхъ и бѣлыхъ яицъ, столько бы погибло турокъ!“ „Что, ты уже и разсердился!“ закричалъ турокъ, „черезъ годъ не было бы ни одного турка въ этихъ краяхъ; ты въ самомъ дѣлѣ заклинаешь, а я только пошутилъ!“

„И я также, побратимъ, изъ любви къ тебѣ сказалъ такое же пожеланіе, какъ и ты,“—отвѣчалъ ему христіанинъ.

„*Французъ и нѣмецъ.*“

„Гуляли однажды два задушевныхъ пріятеля, французъ и нѣмецъ, и видятъ неподалеку отъ дороги свинью съ 8 поросятами, кричащими: вуй, вуй, вуй; —и говорить въ шутку нѣмецъ французу: „посмотри, какіе французята!“ А французъ отвѣчаетъ: „правда твоя, что они французы, пока малы, но, состарѣвшись, разжирѣвъ и излѣнившись, они обращаются въ нѣмцевъ, такъ-какъ тогда они не пищатъ: вуй, вуй, вуй, а басятъ: я, я, я!“

Любопытна, особенно для специалистовъ, статья цетинскаго архимандрита *Никифора Дучича* о празднованіи *Божича* (Рождества Христова) въ Черногоріи (стр. 161—172).

Божичь,—главный, самый торжественный праздникъ у

*) Т. е. христіанинъ.

сербовъ. Обстановка этого празднества чисто языческая: христіанство только освятило разные языческіе обряды, совершаемые народомъ понынѣ, но уже безсознательно. Народные праздники всѣхъ вообще славянскихъ племенъ представляютъ богатый матеріаль для нашихъ археологовъ, — но особенно тѣхъ изъ племенъ, которыхъ менѣе коснулась образованность. У задунайскихъ славянъ, и попремушеству у черногорцевъ, народный бытъ сохранился въ гораздо большей чистотѣ и неприкосновенности, чѣмъ у другихъ родственныхъ имъ племенъ, а потому слѣдуетъ желать побольше такихъ обстоятельныхъ описаній народныхъ празднествъ и обычаевъ, каково напечатанное Дучичемъ въ „Дубровникѣ“: каждое изъ нихъ составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ науку, и чѣмъ оно безхитростнѣе, тѣмъ полезнѣе. При современномъ состояніи славянской археологіи, собираніе матерьяловъ представляется насущною потребностью: время окончательныхъ выводовъ еще не настало. Имѣя въ виду съ одной стороны относительную скудость собранныхъ уже и обнародованныхъ матерьяловъ по славянской археологіи, а съ другой чрезвычайную рѣдкость у насъ такихъ изданій, какъ „Дубровникъ“, считаю небезполезнымъ передать вкратцѣ содержаніе статьи Дучича.

На праздникъ Божича играютъ главную роль *баднякъ* и *пециво*. Въ Черногоріи кладется только одинъ главный и большой баднякъ (въ Герцеговинѣ же три), а маленькихъ — баднячичей — столько, сколько въ домѣ мужчинъ.

Баднячичи начинаютъ рубить и носить домой за нѣсколько дней до Божича, большой же баднякъ рубятъ не ранѣе, какъ въ сочельникъ утромъ, почему и этотъ день называется *баднимъ* (бадни банъ) не только въ Черногоріи, но у всѣхъ сербовъ. Большой баднякъ рубить и нести домой глава семейства. При рубкѣ бадняка наблюдаются слѣдующіе обряды: дойдя до бадняка, заранѣе намѣченнаго, *домачинъ* (хозяинъ дома, глава семьи) скидаетъ шапку, поворачивается на востокъ, крестится и Богу молится; затѣмъ начинаетъ рубить бад-

някъ съ одной стороны, приговаривая: „помози ми Боже и Божичу!“ Дорубивъ до половины съ одной стороны, начинаетъ рубить съ другой, но нѣсколько выше, приговаривая то же самое, что и прежде; съ этой стороны баднякъ не рубится такъ глубоко, какъ съ первой, затѣмъ чтобы онъ не упалъ на землю. Надрубивъ немного, домашинъ бросаетъ топоръ и валить баднякъ собственноручно съ той стороны, съ которой началъ его рубить. Когда баднякъ уже свалился на землю, хозяинъ съ молитвою на устахъ осматриваетъ, какъ переломился баднякъ, и по этому угадываетъ о наступающемъ годѣ: если переломъ ровень, то годъ будетъ счастливъ, и наоборотъ. Въ противномъ случаѣ продолжаютъ рубить баднякъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сломится ровно.

Перекрестившись и помолившись еще разъ Богу, *домачинъ* взваливаетъ баднякъ на плечи и несетъ домой—корнемъ внизъ. Прислонивъ его къ стѣнѣ, домашинъ входитъ въ горницу, на порогѣ которой встрѣчаетъ его *домачица* съ пшеничнымъ *колачемъ* въ одной рукѣ и съ чашею вина въ другой. Домачинъ привѣтствуетъ ее пожеланіемъ „добраго утра и хорошаго бадняго дня“, а домачица ему отвѣчаетъ: „добра ти (тебѣ) среча (счастье)!—и съ тобомъ заедно и ови и сваки други!“ Домачинъ беретъ колачъ въ руки и съ трехъ сторонъ откусить по кусочку, съѣсть откушенное и выпьетъ вина изъ чаши.

Въ сочельникъ до вечера ѣдятъ мало. Весь день проходитъ въ приготовленіяхъ къ наступающему празднику. На *пециво* (печеное) домашинъ закалываетъ наилучшаго ягненка, а въ иныхъ мѣстахъ поросенка, нарочно откармливаемаго для Божича и называемаго *божура*. Баднякъ и двери дома украшаютъ зеленью и, гдѣ могутъ, масличными и лавровыми вѣтвями.

Пастухи на бадній день пригоняютъ овецъ позже обыкновеннаго, въ сумерки. При приближеніи овецъ къ дому, выходитъ домашинъ съ двумя восковыми свѣчами

и двумя гребнями, поставляемыми имъ по обѣимъ сторонамъ воротъ: между ними должны пройти всѣ овцы. Пастухъ становится съ одной стороны воротъ и считаетъ овецъ новымъ прутомъ, а домашинъ—съ другой и молится. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ другой: домашинъ беретъ огниво и подаетъ его пастуху; пастухъ, стискивая его зубами, приговариваетъ: „сколько ущерба нанесъ я этому огниву, столько бы злодѣй нашему дому и волкъ овцамъ.“ Потомъ входятъ въ домъ, и домашица даритъ пастуха пшеничнымъ колачемъ и печеньями.

Разводятъ огонь, заготовляютъ соломы и жита и начинаютъ вносить бадняки. Домачинъ встаетъ, скидаетъ шапку, зажигаетъ свѣчи, которыя держать два человѣка у дверей дома, когда вносятъ бадняки, молится Богу, выходитъ изъ дому съ сыновьями и братьями, беретъ большой баднякъ, а остальные мужчины баднячичи, и затѣмъ всѣ возвращаются въ горницу, приговаривая: „добрый вечеръ! поздравляемъ васъ съ баднимъ вечеромъ!“ На порогъ дома встрѣчаетъ ихъ домашица и посыпаетъ всѣхъ житомъ, приговаривая всякому: „будь счастливъ! а съ тобою и бадній вечеръ, и Божичъ, и всякій праздникъ!“ Другая женщина, самая старая въ домѣ, становится насупротивъ домашицы и держитъ пшеничный колачъ, а на немъ чашувина. Домачинъ кладетъ на огонь баднякъ и баднячичи крестообразно, дѣлаетъ на немъ зарубку ножомъ, куда кладетъ кусокъ колача и поливаетъ виномъ, причитая: „да здравствуетъ баднякъ-веселякъ! мы тебѣ вина и хлѣба (погаче), а ты намъ здоровья, мира, сыновей, рода, плода и всякаго добраго счастья!“ Тогда всѣ по старшинству отпиваютъ по глотку вина изъ чаши. Вслѣдъ за этимъ стрѣляютъ изъ ружей передъ домомъ или изъ оконъ дома.

По окончаніи этихъ обрядовъ приступаютъ къ ужину. Ужинаютъ не на обычномъ мѣстѣ, а вокругъ огня, на которомъ горитъ баднякъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ вся семья проходитъ между двумя огнями, приговаривая: „я прошелъ между двумя огнями, а третьяго не боюсь.“

Прошедшій между двумя огнями, по народному повѣрью, не боится лихорадки. Въ другихъ домахъ мальчики прыгаютъ черезъ огонь, чтобы родились и плодились мужское колѣно и домашнїй скоть.

На огонь, на которомъ горитъ баднякъ, домашинъ печетъ на вертелѣ *пециво*. Игры, пѣсни и веселье не умолкаютъ до тѣхъ поръ, пока не испечется ягненокъ или поросенокъ.

На другой день прежде всѣхъ встаетъ домашица, мѣситъ тѣсто и въ него кладетъ серебряную монету. Кому достанется кусокъ съ этою монетою, тотъ будетъ счастливъ весь годъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ замѣшиваютъ вмѣстѣ съ монетою соль, которую даютъ овцамъ, чтобы онѣ росли и множились. Хлѣбъ (*чесница*), приготовленный изъ этого тѣста, въ однихъ домахъ ѣдятъ въ Рождество, а въ другихъ (не только въ Черногорїи, но и въ Герцеговинѣ) на новый годъ, называемый „Малымъ Божицемъ“.

Литургїя отходитъ до зари. Во время литургїи всѣ присутствующіе въ церкви „мирбожатся“, т. е. цѣлуются, при чемъ одинъ говоритъ: „миръ Божїй, Христось родился!“ а другой отвѣчаетъ: „воистину родился! поклонимся Христу и Христову Рождеству!“

При возвращенїи изъ церкви домой возобновляются тѣ же пожеланїя, какъ и въ баднїй вечеръ. Домачинъ подходитъ къ огню, беретъ головню отъ бадняка и высѣкаетъ изъ него искры, причитая: „о, баднякъ-веселякъ! въ добрый часъ да Богъ дастъ! столько намъ (т. е. сколько искръ) здоровья, мира, рода, плода, веселья, мужскихъ дѣтей и всякаго благополучїя!“ Потомъ мирбожится со всѣмъ домою.

Затѣмъ садятся обѣдать. Въ *чесницу* или въ сосудъ съ житомъ втыкаютъ свѣчу (а въ Герцеговинѣ столько свѣчь, сколько людей въ домѣ). Въ половинѣ обѣда встаетъ домашинъ и поетъ: „Во славу святаго Рождества Христова, которое мы встрѣчаемъ такъ дивно и весело! Дай Богъ, чтобы много лѣтъ мы встрѣчали его здраво

и весело! Да подасть онъ помощь намъ и всякому брату христіанину!“ Чаша съ виномъ переходитъ отъ него ко всѣмъ обѣдающимъ.

Послѣ обѣда приходитъ *гость (полазникъ)*. Повторяются тѣ же пожеланія и обряды, какъ при возвращеніи домашина изъ церкви. Полазника угощаютъ на славу.

Въ общеславянскомъ отдѣлѣ „Дубровника“ перепечатана изъ моихъ „Матеріаловъ для дипломатическихъ сношеній Россіи съ рагузскою (дубровницкою) республикою (стр. 74—89)“ превосходная ода іезуита *Игнатія Градича* въ честь Петра Великаго, подъ заглавіемъ „Пламя сѣверскій“ (1710 года), найденная мною въ рукописи францисканской бібліотеки въ Дубровникѣ № 15. Игнатій Градичъ уподобляетъ въ этой одѣ Петра Великаго всеокрушающему пламени, не встрѣчающему на пути своемъ никакихъ препонъ, и высказываетъ надежду, что русскій царь освободитъ страждущихъ подъ турецкимъ игомъ славянъ (подробнѣе см. у меня стр. 15—16). Вмѣстѣ съ этою одою были изданы мною тогда же еще двѣ другія подобныя же Степана Ружича и неизвѣстнаго автора. Какъ эти оды, такъ и многія другія историческія стихотворенія дубровничанъ, на которыя я указываю въ „Ислѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 239—280)“, имѣющихъ въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ, доказываютъ, „какъ давно и какъ глубоко въ славянахъ сознаніе общаго ихъ происхожденія и какъ тверда въ нихъ вѣра въ общую ихъ будущность.“

Значительное количество найденныхъ мною въ одномъ католическомъ Дубровникѣ стихотвореній съ панславистическимъ направленіемъ убѣждаетъ насъ, какъ нельзя лучше, въ неосновательности ученія г. Пыпина, отрицающаго, „что мысль о славянскомъ единствѣ была сильна во многихъ сильныхъ умахъ, которые еще въ старину сознавали солидарность племень, составляющую предметъ стремленій новѣйшаго панславизма (*Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ*, стр. 26)“. Редакторъ

сборника, указавшій по своей добросовѣстности источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ оду Градича, сознавался мнѣ, что при переводѣ стараго правописанія на новое онъ не могъ прочесть нѣкоторыхъ стиховъ. Въ то же время онъ писалъ мнѣ слѣдующія, вылившіяся изъ его патріотической души, строки: „Какъ увидите, я упомянулъ объ источникѣ, изъ котораго мною заимствована ода, съ цѣлю показать моимъ соотечественникамъ, что *иностраницы* (i foresti) *знаютъ наши произведенія лучше насъ самихъ*“.

Чтобъ покончить съ этимъ первымъ-общеславянскимъ или, какъ онъ названъ редакторомъ, народнымъ-отдѣломъ, слѣдуетъ упомянуть еще о стихотвореніи *И. Сундечича* „Султанъ Мехмедъ и Скендербегова сабля“, сюжетъ котораго заимствованъ изъ народной легенды: султанъ, услышавъ, что у Скендербега есть чудная сабля, разсѣкающая однимъ махомъ коня и всадника и еще на цѣлый локоть проникающая въ землю, пишетъ къ нему письмо съ просьбою прислать ему эту саблю; Скендербегъ исполняетъ просьбу Мехмеда, но, къ удивленію, чудная сабля въ рукахъ султана не производитъ чудесъ; раздраженный Мехмедъ пишетъ гнѣвное письмо къ Скендербегу и проклинаетъ его за обманъ; Скендербегъ отвѣчаетъ ему, что онъ самъ виноватъ въ неудачѣ произведеннаго имъ опыта и что сабля ни къ чему не послужитъ, когда мышцы слабы.

II и IV отдѣлы сборника посвящены Дубровнику: въ нихъ есть много любопытнаго для специалистовъ и важнаго для науки.

Записка *Бетеры* о политическомъ и гражданскомъ устройствѣ бывшей дубровницкой республики, написанная по порученію австрійскаго генерала Милутиновича и переведенная съ французскаго Николаемъ Путицею, не представляетъ ничего новаго послѣ статей М. *Бана* въ „Дубровникѣ“ 1849—1852 гг. и первой главы I части диссертациі А. *Майкова*, *Исторія сербскаго языка въ связи съ исторією народа* (М. 1855), дополненіемъ къ

которымъ можетъ служить I-я глава моихъ „Исслѣдованій объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“.

Баро Бетера (1770—1852) принадлежалъ къ старому дубровницкому роду. Учился у пiаристовъ на родинѣ. Въ 1770 году отправился въ качествѣ переводчика къ отцу своему, бывшему консуломъ въ Смирнѣ. Въ 1803 году ѣздилъ по дѣламъ республики въ Вѣну. 1811—1819 г. былъ секретаремъ муниципии и degli istituti di beneficenza e degli ospici. 1820—1842 былъ политическимъ преторомъ въ Дубровникѣ. Онъ хорошо зналъ латинскій и итальянскій языки, занимался политико-экономическими науками и писалъ стихотворенія на латинскомъ и сербскомъ языкахъ. Его литературные труды никогда не были изданы.

Профессоръ богословія въ дубровницкой іезуитской коллегіи, *Лаврентій Кукулица*, представилъ первый опытъ сербской народной эпиграфики (стр. 214—225) и написалъ любопытную статью о дубровничанинѣ *Ивань Стойковичь*, извѣстномъ въ исторіи католической церкви подъ именемъ *Joannes Stoicus* или *Joannes a Ragusio* (стр. 280—298).

Иванъ Стойковичъ родился въ Дубровникѣ въ концѣ XIV вѣка. Первоначальное воспитаніе получилъ на родинѣ въ доминиканскомъ монастырѣ. Въ 1424 году находимъ его въ Парижѣ въ Сорбоннѣ, гдѣ онъ ознакомился съ ученіемъ Жерсона. Прибывъ въ 1426 году въ Римъ, онъ былъ назначенъ прокураторомъ доминиканскаго ордена (*Procurator generalis totius ordinis praedicatorum*). Въ 1431 году въ качествѣ намѣстника кардинала Цезарини онъ открываетъ базельскій соборъ, на которомъ защищаетъ Жерсонову теорію, ставившую соборную власть выше папской. На базельскій соборъ, какъ извѣстно, были приглашены чешскіе калишники и табориты. Представитель первыхъ, Иванъ Рокицанскій, защищалъ въ продолженіе трехъ дней ученіе о причащеніи подъ обоими видами (*sub utraque specie*). Ему возра-

жалъ въ теченіе 8 дней Иванъ Стойковичъ. Его рѣчь, находящаяся между соборными писаніями, поразительно сходна съ рѣчью на тотъ же предметъ знаменитаго Босюета: Кукулица полагаетъ, что это сходство не случайно, и что Босюеть заимствовалъ содержаніе своей рѣчи у Стойковича. Стойковичъ позволялъ себѣ выражаться очень рѣзко о калишникахъ (онъ называлъ ихъ еретиками), на что жаловался вождь таборитовъ Прокопій: „*conterraneus iste noster injuria nos afficit, haeticos subinde nos vocans (этомъ землякъ нашъ оскорбляетъ насъ, называя насъ еретиками)*“. Стойковичъ отвѣчалъ ему: *quia conterraneus vester sum lingua et natione, propterea tam avide cupio vos ad matrem Ecclesiam redire (будучи родственнъ вамъ по языку и народности, я тѣмъ сильнѣе желаю вашего возвращенія на лоно матери церкви *)*.

На базельскомъ соборѣ было рѣшено домогаться соединенія церквей греческой и латинской. Стойковичъ предложилъ совратить сначала въ католицизмъ южныхъ славянъ, православныхъ и богумиловъ. Его предложеніе было принято соборомъ, по порученію котораго онъ обратился къ дубровницкому правительству съ просьбою оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Дубровничане отправили пословъ къ боснійскому королю Степану Твртковичу, къ герцеговинскимъ вельможамъ Сандалу Храничу и Радославу Павловичу и къ деспоту сербскому, Юрію Бранковичу, но безуспѣшно. Дубровницкая республика черезъ своихъ пословъ, Мартола Джорджича и Лавра Сѣрковича, извѣстила соборъ о неудавшихся ея стараніяхъ склонить юго-славянскихъ владѣтелей къ соединенію съ Римомъ и въ то же время ходатайствовала о дозволеніи дубровничанамъ торговать съ невѣрными. Соборъ, по настоянію Стойковича (*ferventi sollecitudine*), исполнилъ просьбу дубровничанъ особою буллою отъ

*) Что скажетъ г. Пыпинъ противъ этого заявленія Прокопія и Стойковича, сохраненнаго намъ *Энеемъ Сильвиемъ* (Historia Bohem. с. 3), котораго нельзя заподозрить въ славянофильствѣ?

12 декабря 1433 года. Благодарная республика предлагала Стойковичу сначала аббатство кромское (1431), а потомъ (1436) епископство требинское; но онъ отказался отъ этой чести.

Въ 1435 году Иванъ Стойковичъ былъ отправленъ соборомъ въ Царьградъ склонить императора Иоанна Палеолога къ соединенію съ римскою церковью. Изворотливый Стойковичъ, владѣя греческимъ языкомъ, вкрался въ довѣріе многихъ знатныхъ людей, и особенно патріарха Іосифа II, родомъ болгарина, знавшаго хорошо сербскій языкъ. Быть можетъ, Стойковичъ успѣлъ бы въ стараніяхъ къ соединенію церквей, еслибы ему не помѣшали послы папы Евгенія IV, враждовавшаго съ базельскимъ соборомъ (они подсылали даже убійцъ къ Стойковичу). Усердію своего соотечественника дубровничане обязаны торговымъ договоромъ съ Византією 1437 г. По возвращеніи изъ Царьграда Стойковичъ былъ возведенъ сначала въ санъ епископа страсбургскаго (1439 г.), а потомъ (1440 г.) пожалованъ въ кардиналы. Умеръ въ Базелѣ въ 1442 году. Нѣкоторыя сочиненія богословскія и политическія Стойковича находятся въ собраніи писаній базельскаго собора (Labbeus), многія другія въ рукописи.

Не менѣе любопытна статья *Бошшича* о другомъ знаменитомъ дубровничанинѣ, *Стефанъ Градичъ* и его перепискѣ съ дубровницкою республикою (стр. 303—321). Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Ст. Градича читатель найдетъ въ моихъ „Исслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 224—231, 253—255)“.

Въ дубровницкомъ архивѣ хранится 436 писемъ Ст. Градича 1642—1683 г. Онѣ важны и для біографіи Градича и для исторіи Дубровника. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Градичъ прожилъ на родинѣ съ декабря 1643 до ноября 1648 г., что съ этого времени пять лѣтъ онъ провель, вѣроятно, въ Задрѣ въ своемъ аббатствѣ св. Кузьмы и Даміана и что съ 1653 года до своей смерти онъ

покидалъ Римъ только дважды, и то не надолго, а именно въ 1664 и 1679 годахъ, когда онъ ѣздилъ къ Лудовику XIV—въ первый разъ по порученію папы, а во второй въ качествѣ посланника дубровницкой республики. О второмъ путешествіи въ письмахъ Градича сохранились любопытныя свѣдѣнія: цѣлью ея посольства было испросить помощь Лудовика XIV противъ турокъ; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ представиться королю, церемоніймейстеръ французскаго двора, Girault, предъявилъ ему приказъ о немедленномъ удаленіи его изъ Франціи. Какая была тому причина, самъ Градичъ не зналъ и въ письмахъ своихъ передаетъ только дошедшіе до него слухи о томъ, что іезуиты обвинили его передъ королемъ въ янсенизмъ. Такой слухъ заслуживаетъ вѣроятія, ибо Градичъ не задолго передъ тѣмъ имѣлъ въ Римѣ литературный споръ съ іезуитомъ Гоноріемъ Фабри (*De opinione probabili* 1678).

Письма Градича весьма важны для исторіи дипломатическихъ сношеній Дубровника. Въ папѣ дубровничане видѣли перваго своего защитника и благодѣтеля; но, угождая ему, они умѣли отстаивать свои интересы. Стараясь жить въ мирѣ съ венеціанцами, дубровничане не довѣряли имъ и зорко слѣдили за всѣми ихъ дѣйствіями: опасаясь ихъ интригъ, дубровницкій сенатъ строго воспретилъ всѣмъ, кто имѣлъ малѣйшее вліяніе на народъ, имѣть какія бы то ни было сношенія съ венеціанскимъ правительствомъ; въ то же время дубровничане ревниво охраняли свою независимость и свободу, отказываясь салютовать венеціанскому адмиралу и отстаивая свои права на неретвинскія солеварни. Изъ торговыхъ интересовъ дубровничане поддерживали хорошія сношенія съ турками, умѣя въ то же время ладить со всѣми христіанскими державами. Въ письмахъ Градича есть также любопытныя свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ Дубровника.

Подъ псевдонимомъ *Никши Пресличча* издалъ редакторъ сборника, *Маркизъ Іосифъ Буничъ* (Вона), нѣсколько

пѣсенъ отца своего, *Маркиза Перка Бунича*, извѣстнаго въ свое время поэта и патріота, о которомъ доселѣ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Читатели, а особенно спеціалисты, надѣюсь, не посѣтуютъ на меня за ознакомленіе ихъ съ этою замѣчательною личностію на основаніи краткой ея біографіи, напечатанной въ „Дубровникѣ“ (стр. 258—262).

Перко родился въ концѣ прошлаго столѣтія. Во время возстанія противъ французовъ (1813—1814 г.) онъ съ небольшою дружиною очистилъ отъ непріятели Гружь и Пилы, но въ одной схваткѣ съ французами былъ раненъ въ грудь. Когда рана, послѣ продолжительной болѣзни, зажила, Перко не хотѣлъ оставаться долѣе на опостылѣвшей ему подъ чужеземнымъ игомъ родинѣ и отправился на Востокъ. Изъ Каира онъ намѣревался ѣхать въ Америку; но судьба рѣшила иначе: на пути онъ женился и возвратился съ молодою женою на родину. Несмотря на свою бѣдность, онъ отказывался отъ даровъ и почестей, на которые были такъ щедры австрійцы въ началѣ своего господства въ Дубровникѣ. Единственною его утѣхою была поэзія, и отъ него осталось въ рукописи множество пѣсенъ, календъ, маскарадныхъ стихотвореній, комедій и драмъ: отличаясь чистотою языка, онѣ свидѣтельствуютъ въ то же время объ его поэтическомъ, а особенно комическомъ, талантѣ, и непорочности души его.

Въ то время, когда его соотечественники пресмыкались предъ чужеземною властью и заискивали ея благорасположенія непристойными хвалами, Перко написалъ одну только оду, и то не докончилъ ея и не послалъ по назначенію, въ честь Михаила Обреновича, учредившаго Общество сербской словесности. „Вѣсть о такомъ благородномъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „разнеслась далеко. Всякое сердце тебѣ благодарно, ты снискалъ всеобщую любовь... Подъ пепломъ тлѣется искра; чужеземецъ не погаситъ ея, пока намъ жива Сербія и съ нею Михаилъ“.

Намѣреваясь образовать хорошую труппу сербскихъ

актеровъ для Сербіи и Хорватіи, онъ написалъ тридцать пьесъ на родномъ языкѣ; но смерть (въ 1846 г.) помѣшала ему привести въ исполненіе его намѣреніе.

Перко былъ красавецъ собою; зналъ хорошо музыку и пѣніе; славился своимъ пѣснями, а еще болѣе чистотою своей души.

Сынъ его издалъ нынѣ 12 его лирическихъ стихотвореній и идиллію „Разговоръ рыбаковъ (1841)“, содержащую въ себѣ протестъ противъ австрійскаго гнета (стр. 263—279).

Душа Перка Бунича переселилась въ сына его, маркиза Іосифа. Къ нему могутъ быть примѣнены сказанныя имъ объ отцѣ его слова: „Человѣкъ благородной души, непоколебимаго характера, пламенный патріотъ, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на ордена и придворные титулы — ничтожное вознагражденіе, постыдную славу для людей, утратившихъ родину, свободу и власть.“ Въ біографической замѣткѣ о своемъ отцѣ онъ весь высказался: рядомъ съ протестомъ противъ иноземнаго гнета вы встрѣтите укоръ его землякамъ за ихъ равнодушіе къ народному дѣлу, за ихъ продажность. Не на однихъ словахъ онъ высказалъ свой патріотизмъ, но на дѣлѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ отца разстроенное и заложенное имѣніе, онъ не заискивалъ, подобно нѣкоторымъ своимъ соотечественникамъ, милостей у австрійскаго правительства, но своими литературными трудами старался поправить свое разстроенное состояніе. Нынѣ онъ профессоръ сербской словесности въ сплѣтскомъ политехническомъ институтѣ и своею скромною дѣятельностью принесъ уже не малую пользу юношеству. Дѣло свое онъ дѣлаетъ тихо, слѣдуя правилу, высказанному знаменитымъ чехомъ, Яномъ Колларомъ въ его поэмѣ „Дочь Славы:“

«Часто тиха́ пастухова хижка

Вице про власть муже дѣлати,
Нежли тѣборъ, зъ негожь валчилъ Жижка *).

Напечатанныя на стр. 322—325 Дубровника народныя пѣсни (5), собранныя въ Имотицѣ выше Сланого близъ турецкой границы, подтверждають высказанное мною въ „Исслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 73—75)“ положеніе, что у дубровничанъ нѣтъ эпическихъ пѣсенъ и не могло быть при томъ положеніи, какое занималъ въ Дубровникѣ народъ.

Съ народными обычаями конавлянъ, наименѣе изъ всѣхъ Дубровничанъ подвергшихся итальянскому вліянію, знакомитъ насъ повѣсть *Матвѣя Водопича* „Марія“, два отрывка изъ которой напечатаны въ „Дубровникѣ“ (стр. 226—257).

Матвѣй Водопичъ, католическій священникъ въ Гружѣ, долгое время жилъ въ Конавлѣ и имѣлъ случай близко сойтись съ народомъ, а потому его превосходная повѣсть, первые отрывки изъ которой появились года три тому назадъ въ изданномъ въ Загребѣ сборникѣ „Низъ бисера югославянскога“, любопытна какъ для всякаго читателя, такъ въ особенности для славянскихъ этнографовъ.

Спеціалисты обратятъ особенное вниманіе на изданную въ „Дубровникѣ (стр. 413—522)“ комедію одного изъ замѣчательнѣйшихъ дубровницкихъ поэтовъ стараго времени, *Марина Држича* (1520—1580 г.): „*Дундо Марое*“, къ сожалѣнію, безъ конца.

Комедія „*Дундо Марое*“ написана въ 1550 году: это—сатира на современные автору нравы дубровничанъ. Држичъ осмѣиваетъ господствующую понынѣ у дубровничанъ страсть примѣшивать въ свою сербскую рѣчь итальянскія слова и выраженія и желаніе блеснуть пе-

*) Часто тихая пастушья хижина можетъ больше пользы принести отечеству, чѣмъ лагерь, изъ котораго воевалъ Жижка.

редь иностранцами. Выведенные имъ на сцену дубровничане половины XVI вѣка не напоминаютъ ли намъ еще не выведшихся соотечественниковъ нашихъ, щеголяющихъ французскими фразами и сорящихъ русскими деньгами за границу? Содержаніе комедіи слѣдующее: Марое, зажиточный дубровницкій купецъ, отправляетъ сына своего Мара во Флоренцію для довершенія воспитанія и даетъ ему на расходы пять тысячъ дукатовъ; но молодой человѣкъ соблазняется удовольствіями Рима, поселяется въ немъ, выдаетъ себя за аристократа, связывается съ красавицею Лаурою и тратитъ на нее всѣ свои деньги; узнаетъ объ этомъ отецъ и пріѣзжаетъ въ Римъ; туда же спѣшитъ и невѣста Мара, рѣшившаяся изъ любви къ нему пуститься въ дальній путь въ мужскомъ одѣяніи; поведеніе молодаго человѣка разоблачается... Затѣмъ слѣдуетъ, вѣроятно, примиреніе Мара съ отцомъ и невѣстою; говорю: *вѣроятно*, потому что конца комедіи въ рукописи недостаетъ. Дѣйствіе ведется такъ естественно, сцены полны такого неподдѣльнаго юмора, что комедія читается съ удовольствіемъ отъ начала до конца. Трудно повѣрить, что она писана въ половинѣ XVI вѣка!

Отдѣлъ *общей словесности* (опчя книжевность) въ „Дубровникѣ“ наименѣе для насъ любопытенъ: здѣсь помѣщенъ переводъ съ санскритскаго пяти рассказовъ по Лассеновой „Anthologia Sanscritica“ молодаго дубровницкаго лингвиста-самоучки *Петра Будмани*, переводъ VI пѣсни *Иліады Антонія Казали*, переводъ изъ Данте „Смерть Уголина“ *Любиши*, нѣсколько пѣсенъ—оригинальныхъ и переводныхъ—*Дра Казначича* и нѣк. др.

Вообще составъ сборника „Дубровникъ“ весьма разнообразенъ; статьи занимательны, а нѣкоторыя изъ нихъ и важны для науки. Душевно желаемъ ему успѣшнаго продолженія!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ автора.	1—IV.
Задунайскіе Славяне.	1.
Воспоминаніе о Лукѣ Вукаловичѣ и послѣд- немъ герцеговинскомъ возстаніи.	100.
Поѣздка въ Черногорію въ сентябрѣ 1866 г.	114.
Возрѣніе Черногорцевъ на Россію и русскихъ.	151.
Пробужденіе литературной дѣятельности въ Черногоріи	187.
Далматинцы.	214.
Очерки Дубровника	228.
О литературномъ возрожденіи Дубровника.	276.

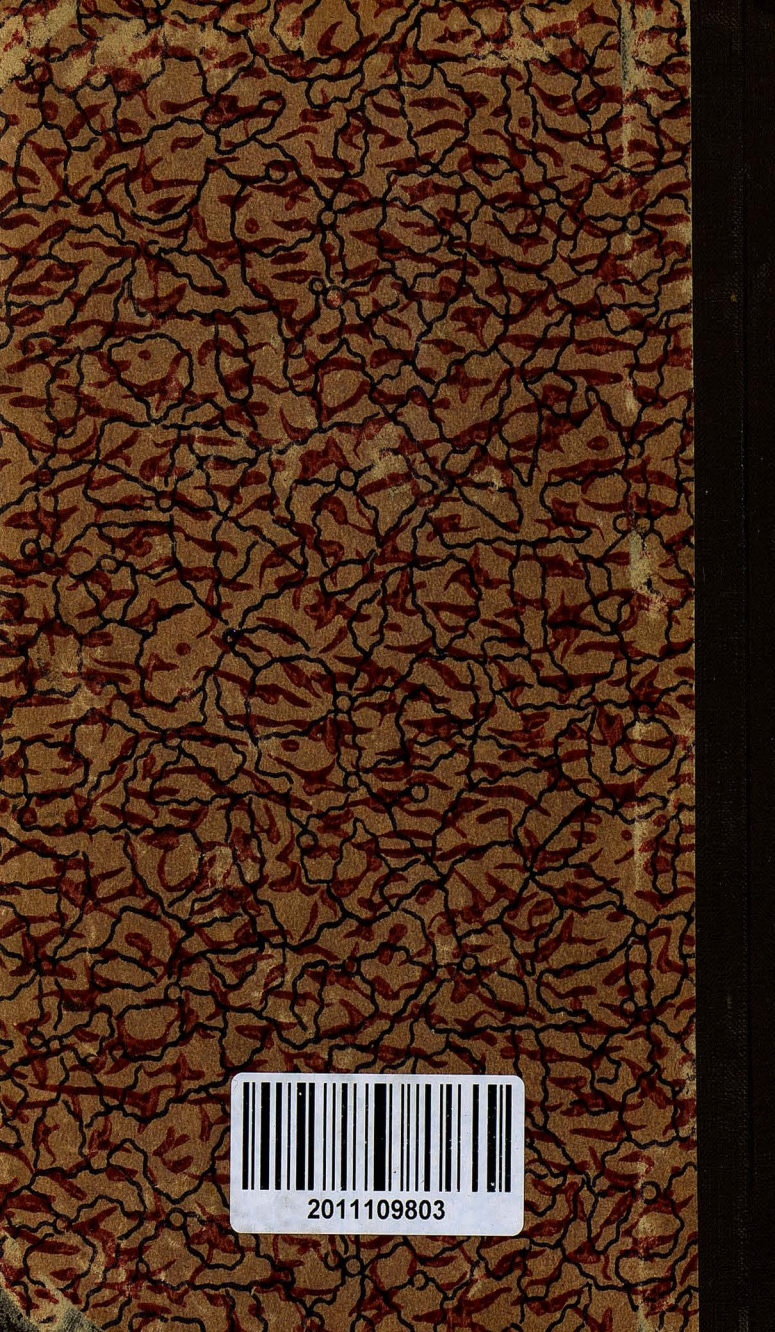
О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	6 сн.	Slavansky	Slovansky
2	10 св.		Послѣ слова <i>спадающая</i> проп. въ <i>Дунай</i> .
8	11 сн.	царь	великій жупанъ
13	6 —	Фильмерайеръ	Фальмерайеръ
15	9 —		послѣ словъ въ <i>Истрии</i> пропу- щено и <i>Далмаціи</i> .
31	17 —	Свиланна	Свилаина
32	13 сн.	ствою	свою
45	7 сн.	Врѣбасомъ	Врѣбасомъ
46	15 —	народившихся	находившихся
49	14 —	ремесла	ремесль
50	7 св.	бо	но
64	6 —	непринимавшая	не принимающая
66	1 —	1856 г.	1865 г.
75	1 св.	Кракуевца	Крагуевца
91	2 —	уничтожалъ	унижалъ
106	15 сн.	вооруженіе	возстаніе
109	— —	Петковита	Петковича
115	2 —	укрѣплелія	укрѣпленія
120	9 св.		Передъ словами <i>быль воскресный</i> <i>день</i> пропущено 5 сентября.
130	15 сн.	нѣгушинскаго	нѣгушкаго
131	12 —	1860	1861
133	4 св.		Послѣ <i>это</i> пропущено <i>назначеніе</i> .
135	6 —	зеведена	заведена
188	10 —	книжки	книжка
—	11 —	поэмы	поэма
203	7 —	черемши	черешна
209	16 —	впороднившійся	породнившійся
211	18 св.	въ 8 пушекъ	8 пушекъ
228	— сн.	ддріатическаго	адриатическаго
229	8 св.	1500	1500'
230	2 сн.	Giogi	Giorgi
232	3 —	Rogatroum	Rogatorum
233	6 —	перевести	перевезти
—	3 —	Albnie	Albanie
267	4 св.	сониненіи	сочиненіи
268	17 св.	congregazioni	congregazione
271	4 сн.	факторіяхъ	факторіяхъ
272	18 сн.	деховенствѣ	духовенствѣ
276	4 св.	caelphalus	caerphalus
287	17 сн.	кефе	кофе
288	6 сн.	возрождаетъ	возражаетъ

Нумерація страницъ 16 и 17-го листовъ обозначена ошибочно: вмѣсто 241, 242 и т. д. до 272 включительно, — поставлено: 257, 258 и т. д. до 288.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Продается въ редакціи «Литературной Библіотеки» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, преимущественно у *Я. Исакова, Базунова, Кожанчикова* и *Овсянникова* въ С. Петербургѣ и *Соловьева* (бывшемъ *Базунова*) въ Москвѣ.

2011109803